Б
4-563

КНГ—ВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ III.

(1890—1891.)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1913.

62292

Пр. 2010

КНГ—ВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

Б
4563

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

62294

Томъ III.

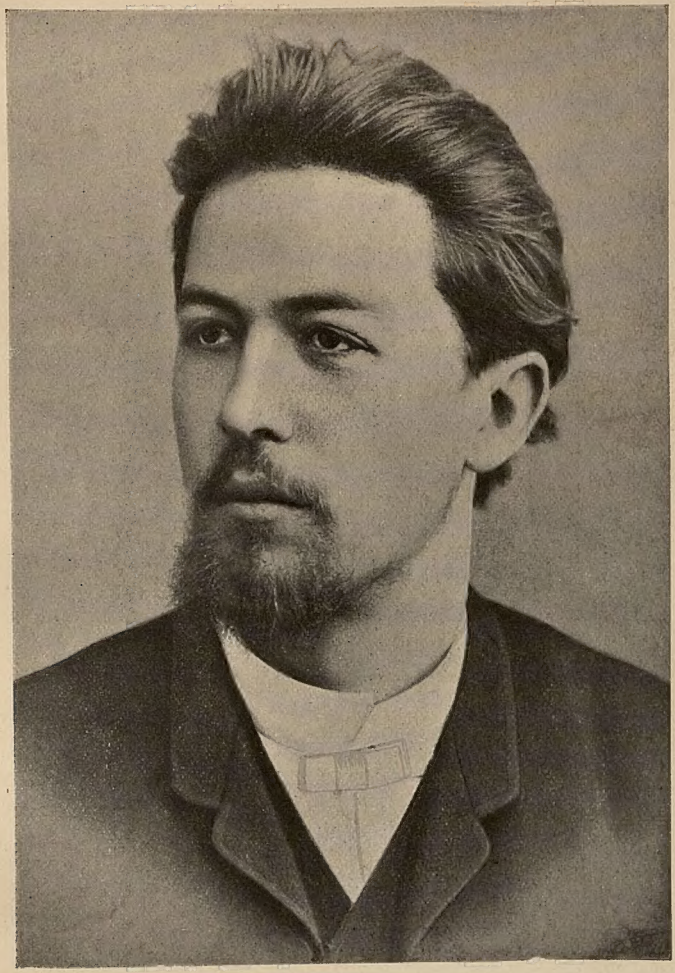
(1890—1891.)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Уральский Госуниверситет
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1913.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, соб. домъ.
1913.



А. П. Чеховъ передъ поѣздкой на о. Сахалинъ.

Уральский Госуниверситет
НАУЧНА
БИБЛИОТЕ
г. Свердловск

Біографическій очеркъ.

(1890—1891).

III.

Въ 1890 г. А. П. предпринялъ поѣздку на островъ Сахалинъ. Поѣздка эта была задумана совершенно случайно. Собрался Антонъ П—чъ на Дальній Востокъ какъ-то вдругъ, неожиданно, такъ что въ первое время трудно было понять, серьезно ли онъ говоритъ объ этомъ, или шутитъ. Въ то время его младшій братъ Михаилъ П—чъ кончалъ курсъ юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ и училъ лекціи по уголовному праву, судопроизводству и тюрьмовѣдѣнію. Эти лекціи заинтересовали писателя, онъ прочиталъ ихъ и вдругъ засуматошился, засбирался. Начались подготовительныя работы къ поѣздкѣ. Ему не хотѣлось ѣхать на Сахалинъ съ пустыми руками, и онъ сталъ собирать матеріалы. Знакомыя барышни дѣлали для него выписки въ Румянцевской библіотекѣ, онъ доставалъ откуда-то рѣдкіе фоліанты о Сахалинѣ. Работа кипѣла. Но его озабочивало то, что его, какъ писателя, послѣ разоблаченій извѣстнаго Кеннана, не пустятъ на каторгу или же покажутъ ему не все, а только то, что можно показать, и онъ отправился въ январѣ 1890 г. въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы ему данъ былъ свободный пропускъ повсюду. Съ другой стороны, его безпокоило то, что его поѣздкѣ могутъ придать официозный хара-

ктеръ. Обращеніе къ стоявшему тогда во главѣ Главнаго Тюремнаго Управленія Н. М. Галкину-Врасскому не принесло никакой пользы, и безъ всякихъ рекомендацій, а только съ корреспондентскимъ бланкомъ въ карманѣ, онъ двинулся, наконецъ, на Дальній Востокъ. Въ апрѣлѣ 1890 года друзья и родные проводили его въ Ярославль. Была поздняя, холодная весна. Онъ долженъ былъ доѣхать до Казани по Волгѣ, затѣмъ по Камѣ добраться до Перми и по желѣзной дорогѣ до Тюмени, а потомъ продолжать весь свой путь черезъ всю Сибирь на тарантасѣ и по рѣкамъ. Великой Сибирской дороги тогда еще не было, и съ неимовѣрными трудностями и лишеніями, застигнутый въ дорогѣ половодьемъ и распутицей, Антонъ П—чъ добрался, наконецъ, 11-го іюля до Сахалина, прожилъ на немъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, прошелъ его весь съ сѣвера на югъ, первый изъ частныхъ лицъ сдѣлалъ тамъ всеобщую перепись населенія, разговаривалъ съ каждымъ изъ десяти тысячъ каторжанъ и изучилъ каторгу до мельчайшихъ подробностей. Проѣхалъ онъ на лошадяхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ цѣлыхъ два мѣсяца, совершивъ переѣздъ на колесахъ свыше 4000 в.

Какъ ни было неожиданно рѣшеніе Антона П—ча ѣхать на Сахалинъ, но оно было твердо и крѣпко и основывалось на глубокомъ убѣжденіи его, что онъ долженъ былъ ѣхать туда во что бы то ни стало. Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что эта его поѣздка дастъ какой-либо цѣнный вкладъ въ науку или литературу, но разсчитывалъ, что за всю эту поѣздку для него выпадутъ 2—3 дня, о которыхъ онъ будетъ потомъ съ горечью или съ восторгомъ вспоминать всю свою жизнь. Но, повидимому, главной причиной его поѣздки на Сахалинъ было сознаніе того, что, какъ онъ писалъ А. С. Суворину, «мы сгноили въ тюрьмахъ *мил-*

ліоны людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы».

Отправляясь въ такой далекій путь, Антонъ П—чъ былъ очень непрактиченъ: многое не было предусмотрѣно, а между тѣмъ его ожидали впереди «страшенный холодище» днемъ и ночью, необыкновенное разлитіе рѣкъ, борьба «не на жизнь, а на смерть» съ препятствіями, полное отсутствіе ѣды по дорогѣ, кромѣ «утячей похлебки», а затѣмъ—глубокая грязь, въ которой онъ «не ѣхалъ, а полоскался», и далѣе — жары, пыль и удушливый дымъ отъ громадныхъ лѣсныхъ пожаровъ. Другой на его мѣстѣ давно бы простудился на смерть и слегъ бы въ какомъ-нибудь попутномъ сибирскомъ городишкѣ, чтобы уже никогда не возвратиться назадъ, но унаслѣдованное имъ отъ дѣда и отъ отца крѣпкое здоровье помогло ему преодолѣть все и достигнуть намѣченной цѣли. Легочный процессъ тогда еще не особенно сильно давалъ себя знать. Привыкшій къ простому образу жизни, умѣвшій удовлетворяться лишь самымъ малымъ и не жаловавшійся ни на что, онъ бодро продолжалъ свой путь.

13-го октября 1890 г. Антонъ П—чъ выѣхалъ на пароходѣ Добровольнаго флота «Петербургъ» изъ Сахалина и, наконецъ, черезъ Индію и Суэцкій каналъ возвратился въ Европу. Ему очень хотѣлось побывать въ Японіи, но развившаяся тогда на Востокѣ холера заставила «Петербургъ» держаться прямого пути и не заходить въ порты. Въ Китайскомъ морѣ Ан-

тонъ П—чъ выдержалъ ужасный штормъ, о которомъ послѣ разсказывалъ, какъ о важномъ событіи своей жизни: кренъ парохода былъ такъ великъ, что Антонъ П—чъ держалъ наготовѣ револьверъ, чтобы въ случаѣ катастрофы покончить съ собою. Въ Индійскомъ океанѣ онъ на всемъ ходу парохода бросался съ палубы въ море съ носа и затѣмъ хватался за веревку, брошенную ему съ кормы. Это было его купаньемъ. Въ одно изъ такихъ купаній онъ видѣлъ невдалекѣ отъ себя акулу и стаю рыбъ-лоцмановъ, которыхъ онъ описалъ потомъ въ своемъ разсказѣ «Гусевъ». Островъ Цейлонъ произвелъ на Антона П—ча особенно сильное впечатлѣніе. Здѣсь, какъ онъ говорилъ, «въ раю», онъ сдѣлалъ болѣе 100 верстъ по желѣзной дорогѣ и, судя по письму къ А. С. Суворину, былъ очень счастливъ. Онъ привезъ оттуда трехъ звѣрковъ-мангусовъ, которые потомъ жили у него болѣе года. Это были презабавные звѣри изъ породы ихневмоновъ, вѣроятно, самою природой предназначенные къ тому, чтобы портить, ломать и разорять все, что плохо лежало. Цѣлые дни эти мангусы ковыряли коготками малѣйшія щелочки въ квартирѣ Чеховыхъ, засовывали свои острые носы во всѣ даже самыя маленькія отверстія, и стоило только притти къ Антону П-чу какому-нибудь гостю и оставить въ прихожей цилиндръ и перчатки, какъ они ужъ всовывали свои носы въ каждый палецъ перчатки и спокойно располагались на ночлегъ въ цилиндрѣ. Это забавляло Антона П—ча, но подъ конецъ наскучило и ему: двухъ мангусовъ онъ пожертвовалъ Московскому зоологическому саду, третій погибъ.

9-го декабря Антонъ П—чъ возвратился черезъ Одессу въ Москву.

Съ громаднымъ матеріаломъ онъ предпринялъ разработку вопроса о непригодности колонизаціи Сахалина,

и результатомъ его работъ появился рядъ статей въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Островъ Сахалинъ». Кромѣ того, это путешествіе дало два разсказа: «Въ ссылкѣ» и «Гусевъ». Самъ Антонъ П—чъ придавалъ своему «Острову Сахалину» очень серьезное значеніе; въ Петербургѣ тоже очень благосклонно взглянули на результаты этой поѣздки и — кто знаетъ?—быть-можетъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы по вопросу о каторгѣ и ссылкѣ произошли не безъ его вліянія. Кромѣ указанныхъ произведеній, въ 1890 году были напечатаны Антономъ П—чемъ еще его «Черти» (Воры) и фельетоны «По Сибири».

Проживъ около мѣсяца въ Москвѣ, Антонъ П—чъ отправился въ Петербургъ повидаться съ А. С. Суворинымъ. «Мнѣ страстно хочется поговорить съ Вами,—писалъ онъ ему.—Душа у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ Васъ, ибо съ Вами только и можно говорить». Но большинство петербургскихъ литературныхъ друзей встрѣтило Антона П—ча завистливо и недоброжелательно. Какъ онъ писалъ оттуда сестрѣ, его окружала тамъ густая атмосфера злого чувства. Его кормили обѣдами и пѣли ему дифирамбы, но въ то же время готовы были его съѣсть. «Еслибы я застрѣлился,—писалъ онъ,—то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей». Эти друзья и почитатели не давали ему покоя и въ Москвѣ. Тотчасъ же по его возвращеніи изъ Сахалина, они навѣщали его буквально съ утра и до вечера и не давали ему времени ни отдохнуть, ни поработать. Его удрученное состояніе отъ нихъ дошло до того, что онъ съ радостью встрѣтилъ предложеніе А. С. Суворина ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за границу. Окончивъ свои хлопоты по снабженію Сахалинскихъ школъ и дѣтей книгами и учебными пособіями, Антонъ П—чъ 19-го марта 1891 г.

утромъ переѣхалъ границу и отправился въ Южную Европу. Вѣна произвела на него громадное впечатлѣніе. «Одни магазины въ ней — это, писалъ онъ, — сплошное головокруженіе, мечта». Но Венеція превзошла всѣ его ожиданія. Видавшій на своемъ вѣку такъ много, побывавшій въ «земномъ раю» на островѣ Цейлонѣ, онъ приходитъ въ дѣтскій восторгъ отъ Венеціи съ ея каналами и зданіями, и сознается, что ничего замѣчательнѣе этого города онъ въ своей жизни не видѣлъ. Здѣсь его увлекаетъ все: и плаваніе въ гондолѣ по улицамъ, и площадь св. Марка, и прекрасные вечера, отъ которыхъ «съ непривычки можно умереть». «Хочется здѣсь навѣки остаться», пишетъ онъ брату Ивану П—чу, «а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество». Но достаточно было перемѣниться погодѣ и полить дождю, какъ настроеніе писателя вдругъ перемѣнилось, упало, прекрасная Венеція перестала быть прекрасной, отъ воды повѣяло унылой скукой, и захотѣлось поскорѣе бѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто. Эта смѣна настроеній замѣчалась въ немъ еще и раньше, во время путешествія черезъ Великій и Индійскій океаны, когда въ интересовавшемъ его Сингапурѣ ему вдругъ безпричинно стало такъ тоскливо, что захотѣлось даже плакать. Флоренція уже не увлекаетъ его: «Италія безъ солнца—это все равно, что лицо подъ маской», пишетъ онъ сестрѣ. Здѣсь ужъ онъ хандритъ. Римъ производитъ на него впечатлѣніе губернскаго города, онъ уже чувствуетъ утомленіе и желаніе поѣсть щей съ гречневой кашей. Послѣ Венеціи Антонъ П—чъ уже не получилъ ни отъ одного итальянскаго города того наслажденія, на которое разсчитывалъ. Настроеніе его портило еще и то, что онъ влѣзъ въ долги и что все предстоящее лѣто будетъ у него безъ денегъ. Поѣздка съ Суворинымъ, не любившимъ

за границей стѣснять себя, втянула Антона П ча въ сверхъ-смѣтные расходы, и онъ задолжалъ ему 1000 рублей. Этотъ долгъ увеличился еще проигрышемъ въ Монте-Карло въ рулетку 900 франковъ. Но этотъ проигрышъ Антонъ П—чъ ставилъ себѣ въ заслугу. Онъ далъ ему новое впечатлѣніе, вѣроятно, подобное тому, какое онъ испытывалъ въ Индійскомъ океанѣ, когда бросался съ парохода въ воду. «Я лично очень доволенъ собой», писалъ онъ по этому поводу брату Михаилу П—чу.

Въ концѣ апрѣля 1891 г., побывавъ въ Парижѣ, Антонъ П—чъ возвратился въ Москву. Вся его поѣздка прошла подъ дождемъ (если не считать Венеціи и Ниццы), и онъ самъ считалъ ее неудавшейся. Съ грустнымъ чувствомъ вернулся онъ на родину и тотчасъ же принялся за работу. Сразу двѣ поѣздки—на Сахалинъ и за границу—потребовали, конечно, отъ него большого напряженія въ средствахъ, но его семья экономила въ Москвѣ, насколько было возможно, онъ самъ работалъ, не покладая рукъ,—и кое-какъ удалось свести концы съ концами. Въ это время его младшій братъ Михаилъ П—чъ былъ уже податнымъ инспекторомъ въ Алексинѣ, и, благодаря этому, лѣто 1891 года Антонъ П—чъ провелъ съ семьею недалеко отъ этого городка, въ усадьбѣ Богимово, Калужской губерніи. Здѣсь Чеховы снимали домъ еще Екатерининскихъ временъ, гдѣ, чтобы перейти черезъ залу, мать писателя, Евгенія Яковлевна, присаживалась на полпути отдохнуть. Такъ велики были комнаты. Антону П—чу здѣсь очень нравилось. Громадный паркъ съ безконечными липовыми аллеями, поэтическая рѣчка, лѣса, рыбная ловля и собираніе грибовъ—все это успокоивало его и давало ему возможность работать. Пріѣзжалъ сюда А. С. Суворинъ, велись бесѣды, какъ и прежде, но уже замѣтно было,

что Антонъ П—чъ былъ не тотъ, какимъ былъ въ Бабкинѣ и на Лукѣ, и что поѣздка на Востокъ состарила его и душевно и тѣлесно. Изъ оконъ дома открывался великолѣпный видъ на усадьбу Даньково, которую Антону П—чу очень хотѣлось купить. Эта усадьба съ домикомъ (но не лица въ ней) описаны въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ». Въ Богимовѣ Антонъ П—чъ продолжалъ писать свою «Дуэль», начатую еще до поѣздки за границу.

Жизнь въ столицахъ тяготитъ его. Съ этого времени онъ начинаетъ настойчиво думать о покупкѣ своего собственнаго имѣнія, но уже не въ Малороссіи, какъ прежде, а въ Центральной Россіи. Петербургъ пересталъ уже привлекать его къ себѣ, онъ извѣрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Вообще Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему праздднымъ, холоднымъ, эгоистичнымъ. Зато Москва уже не представлялась ему, какъ прежде, «кухаркой», и онъ сталъ любить ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ полюбилъ ея климатъ, ея людей, ея звонъ. Къ звону онъ всегда былъ неравнодушенъ. Бывало, онъ и раньше собиралъ цѣлыя компаніи и отправлялся съ ними пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревенѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, всѣ братья Чеховы пѣли хоромъ «Христосъ воскресе», при чемъ Антонъ П—чъ пѣлъ басомъ,—и садились разговляться. Антонъ П—чъ ни одной пасхальной ночи не провелъ въ постели.

При всей любви къ Москвѣ, онъ все же не могъ и не хотѣлъ поселиться въ ней навсегда. Во время по-

ѣздокъ онъ привыкъ къ свободѣ и одиночеству; его тяготятъ слишкомъ многочисленные посѣтители, духота московской квартиры послѣ простора сибирской тундры и океана. Для творчества ему нуженъ былъ покой, а его то всего меньше могла дать ему московская жизнь. А. С. Суворину онъ писалъ: «Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ. Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита — это не жизнь...» Острое желаніе уѣхать во что бы то ни стало изъ Москвы и поселиться въ усадьбѣ побуждало его поскорѣе пріобрѣсти имѣніе. Между тѣмъ слухи о надвигавшемся голодѣ и самый голодъ заставили и его принять это близко къ сердцу и, со свойственной ему отзывчивостью, Антонъ П—чъ сталъ собирать пожертвованія въ пользу голодавшихъ, принялъ участіе въ «Сборникахъ», издававшихся для этой цѣли въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и вступилъ въ переписку съ земскимъ начальникомъ Е. П. Егоровымъ, завѣдывавшимъ одной изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ голода мѣстностей въ Нижегородской губерніи, а подъ конецъ и самъ отправился туда-же на голодъ. Это было уже въ 1892 году. Зимою Антонъ П—чъ пріобрѣлъ свое собственное имѣніе Мелихово въ Московской губерніи. Здѣсь онъ жилъ, какъ настоящій помѣщикъ, принимая дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ, строилъ школы, лѣчилъ больныхъ, завѣдывалъ холерными участками, и ни одно, даже самое маленькое общественное дѣло не проходило мимо его вниманія. Страстный любитель цвѣтоводства, онъ цѣлые часы проводилъ около розовыхъ кустовъ и тюльпа-

новъ, сажалъ кусты, сѣялъ и, какъ маленькій, радовался прилету скворцовъ. На Мелихово приходится самая значительная и по объему, и по содержанію часть произведеній Антона П—ча. Къ этой эпохѣ относятся наиболѣе серьезныя его произведенія и—кто знаетъ, что бы еще написалъ онъ тамъ, еслибы болѣзнь, которая развилась уже настолько, что ее нельзя уже было скрыть ни отъ кого, не заставила его окончательно порвать съ Россіей, бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ.

Мелиховымъ начинается новый періодъ въ литературной дѣятельности Антона Павловича,—онъ и самъ это признавалъ,—а потому необходимо болѣе подробно остановиться на описаніи его мелиховской жизни, что по характеру этого изданія должно быть отнесено къ слѣдующему тому «Писемъ».

Михаилъ Чеховъ.

I.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(*СПБ. 1890 г. 26 янв.*).

Уважаемая Марія Владиміровна, я не уѣхалъ, но быть у Васъ сегодня не могу. Мнѣ принесли «Указатель» статей Морского сборника отъ 62 года по 82-й и просили вернуть его завтра утромъ. Въ настоящую минуту я выписываю статьи, касающіяся Сахалина и К°, бранюсь, какъ мерзавецъ, и чувствую себя ужасно не въ духѣ.

Завтра около 2—3 часовъ дня я буду у Васъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ и Василисѣ Пантелеевнѣ [1]).

Вашъ *Лицемѣръ*.

90—26/1

Мнѣ нужно поговорить съ Вами объ одномъ *очень* важномъ дѣлѣ.

II.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СПБ.).

Миша, какого числа заложенъ мой билетъ? Серія 9145 № 17?

---

[1]) Саша Киселева—дочь адресатки.

Если срокъ 2 или 3 Февраля, то возьми у мамаши деньги и внеси еще за полгода. Такъ какъ квитанція заперта у меня въ столѣ, то попроси Волкова принять деньги безъ квитанціи, а просто такъ, на основаніи справки, какую пусть онъ сдѣлаетъ у себя по книгамъ. Квитанцію я пришлю ему, когда пріѣду.

Пріѣду я, должно быть, не раньше 4 или 5 Февраля. Ужасно соскучился.

Съ Галкинымъ-Враскимъ [1]) почти все уже улажено. Маршрутъ: рѣка Кама, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Амуръ, Сахалинъ, Японія, Китай, Коломбо, Портъ-Сандъ, Константинополь и Одесса. Буду и въ Марсели. Выѣду изъ Москвы въ началѣ Апрѣля.

Поклонъ всѣмъ нашимъ и увѣреніе, что я соскучился. Если тебѣ некогда сходить къ Волкову, то попроси Машу.

Видаюсь съ Маріей Владиміровной и Василисой [2]).

Александръ и его семья здравствуютъ.

Твой *А. Чеховъ*.

III.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СПБ.).

Наконецъ я уѣхалъ, Марія Владиміровна! Хотѣлъ было сегодня повидаться съ вами и прогулять по Петербургу Василису Пантелевну, да не хватило времени—ѣздилъ прощаться. Передайте Валентину Яковлевичу [3]), что благодарить я его буду въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ опишу ему свой визитъ къ Зензинову [4]).

---

[1]) Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія.

[2]) Киселевыми.

[3]) Зять адресатки.

[4]) М. М., представитель извѣстной чайной фирмы и общественный дѣятель. А. П. долженъ былъ сговориться съ нимъ относительно льготнаго билета на пароходѣ Добровольнаго флота для поѣздки на Сахалинъ (фирма братьевъ Зензиновыхъ была агентомъ Добровольнаго флота).

Барина[1]) и идіотика[2]) я увижу вѣроятно раньше Васъ и посему передамъ имъ отъ Васъ поклонъ и скажу, что Вы живы, здравы и что Вы, какъ выразилась графиня, нравственный гигантъ.

Осталась ли довольна моимъ индѣйскимъ подаркомъ моя будущая супруга[3]), отъ которой я бѣгу на Сахалинъ? Если не довольна, то я пришлю ей еще что-нибудь, японскаго болванчика, или въ родѣ этого...

Въ надеждѣ, что Вы и Ваша дочь перестанете меня преслѣдовать (въ противномъ случаѣ я долженъ буду обратиться къ Грессеру[4])), пребываю струсившимъ и убѣгающимъ

А. Чеховымъ.

Душевный привѣтъ Голубевымъ[5]) и Владиміру Петровичу[6]). Владиславлеву[7]) передайте, что въ Томскѣ я буду весною или въ началѣ лѣта.

Если напишете мнѣ въ Москву хоть одну строчку о Вашемъ здоровьи, то я буду Вамъ благодаренъ по гробъ. Не подумайте, что я лицемѣрю.

Забылъ спросить у Васъ, какъ поживаетъ...

(Конецъ затерянъ).

---

[1]) Мужъ адресатки.
[2]) Сынъ адресатки.
[3]) Дочь адресатки, дѣвочка Саша.
[4]) Петербургскій градоначальникъ.
[5]) Родственники Кисслевымъ.
[6]) В. П. Бѣгичевъ—отецъ адресатки.
[7]) Оперный пѣвецъ.

IV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

10 Февраль (1890 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, наконецъ я, пройдя огонь, воду и мѣдныя трубы, водворился въ Москвѣ и спжу тихо и смирно за своимъ столомъ. Помышляю о грѣхахъ, мною содѣянныхъ, о тысячѣ бочекъ вина, мною выпитыхъ, о визитахъ своихъ къ Галкину [1]) и проч., и проч.. Въ одинъ мѣсяцъ, прожитый мною въ Питерѣ, я совершилъ столько великихъ и малыхъ дѣлъ, что меня въ одно и то же время нужно произвести въ генералы и повѣсить.

Готовлюсь къ Сахалину и читаю всякую чепуху, къ нему относящуюся. Я ѣду—это рѣшено безповоротно. Уѣду въ апрѣлѣ, когда вскроется Кама; стало быть, до отъѣзда еще успѣю надоѣсть Вамъ своими письмами.

Прочелъ я своего «Лѣшаго».. Вотъ что рѣшилъ я. Лѣшій будетъ еще разъ прочитанъ, исправленъ и посланъ въ Сѣверный Вѣстникъ. Да будетъ исполнено желаніе Ваше! Пришлю я пьесу около 20-го февраля съ убѣдительной просьбой—если она не понравится, возвратить мнѣ ее назадъ для уничтоженія.

Въ Москвѣ гостятъ Суворинъ и Григоровичъ. Первый пріѣхалъ сюда отдохнуть, а второй получилъ какую-то командировку.

Видѣлъ я Федру. Хорошо, но скучно. Вообще въ Москвѣ скучно.

Мои всѣ шлютъ Вамъ сердечный привѣтъ. Я крѣпко обнимаю Васъ и благодарю за радушіе и гостепріимство.

---

[1]) Галкину—Врасскому.

Благодарность сію раздѣлите со всею вашей семьей, которой я низко кланяюсь. Будьте счастливы и здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

V.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

(Надпись на фотограф. портретѣ) [1]).

(*Москва, 1890 г. Февр.*).

Добрѣйшему созданію, отъ котораго я бѣгу на Сахалинъ и которое оцарапало мнѣ носъ. Прошу ухаживателей и поклонниковъ носить на носу наперстокъ.

А. Чеховъ.

PS. Эта надпись, равно какъ и обмѣнъ карточками ни къ чему меня не обязываетъ.

VI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Февр. (1890 г. Москва).

Отвѣчаю Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, тотчасъ же по полученіи отъ Васъ письма. Вы были именинникомъ? Да, а я забылъ!! Простите, голубчикъ, и пріймите отъ меня запоздалое поздравленіе.

Неужели Вамъ не понравилась Крейцерова соната? Я не скажу, чтобы это была вещь геніальная, вѣчная— тутъ я не судья, но, по моему мнѣнію, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно

[1]) Этотъ портретъ приложенъ въ началѣ книги.

найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія. Не говоря ужъ о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «это нелѣпо!». Правда, у нея есть очень досадные недостатки. Кромѣ всего того, что Вы перечислили, въ ней есть еще одно, чего не хочется простить ея автору, а именно—смѣлость, съ какою Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ, его сужденія о сифилисѣ, воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщинъ къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человѣка невѣжественнаго, непотрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя спеціалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра, въ виду достоинства повѣсти ихъ просто не замѣчаешь, а если замѣтишь, то только подосадуешь, что повѣсть не избѣгла участи всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, которыя всѣ несовершенны и несвободны отъ пятенъ.

На меня сердятся мои петерб. друзья и знакомые? За что? За то, что я мало надоѣдалъ имъ своимъ присутствіемъ, которое мнѣ самому давно уже надоѣло! Успокойте ихъ умы, скажите имъ, что въ Петербургѣ я много обѣдалъ, много ужиналъ, но не плѣнилъ *ни одной* дамы, что я каждый день былъ увѣренъ, что уѣду вечеромъ съ курьерскимъ, что меня удерживали друзья и «Морской сборникъ», который мнѣ нужно было перелистать весь, начиная съ 1852 г. Живя въ Питерѣ, я въ одинъ мѣсяцъ сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлать моимъ молодымъ друзьямъ въ цѣлый годъ. Впрочемъ, пусть сердятся!

О томъ, что я уѣхалъ со Щегловымъ въ Москву на

лошадяхъ, телеграфировалъ нашимъ молодой Суворинъ шутки ради, а наши повѣрили; что же касается 35,000 курьеровъ, которыя скакали ко мнѣ изъ министерствъ, чтобы пригласить меня въ генералъ-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха. Братъ Миша писалъ Линтваревымъ о томъ, что хлопочу попасть на Сахалинъ, а они очевидно не такъ его поняли. Если увидите Галкина-Враскаго, то скажите ему, чтобы онъ не очень заботился о рецензіи для своихъ отчетовъ. Объ его отчетахъ я буду пространно говорить въ своей книгѣ и увѣковѣчу имя его; отчеты не важны: матеріалъ прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумѣли воспользоваться имъ.

Цѣлый день сижу, читаю и дѣлаю выписки. Въ головѣ и на бумагѣ нѣтъ ничего кромѣ Сахалина. Умопомѣшательство. Mania Sachalinosa.

Недавно я обѣдалъ у Ермоловой. Цвѣточекъ дикій, попавъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой, сталъ душистѣе отъ хорошаго сосѣдства. Такъ и я, пообѣдавъ у звѣзды, два дня потомъ чувствовалъ вокругъ головы своей сіяніе.

Читалъ я «Симфонію» М. Чайковскаго. Мнѣ понравилась. Получается по прочтеніи впечатлѣніе очень опредѣленное. Пьеса должна имѣть успѣхъ.

Прощайте, голубчикъ мой, пріѣзжайте. Привѣтъ Вашимъ. Сестра и мать кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

VII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17-го Февр. (1890 г. Москва).

Будучи дѣловымъ человѣкомъ, начну съ дѣлъ:

1) Куренинъ получилъ тюремную книгу въ синей

обложкѣ и сказалъ, что онъ займется ею не безъ удовольствія.

2) Былъ орелъ Филипповъ и просилъ написать Вамъ, чтобы Вы прислали ему назадъ его днѣпровскую повѣсть; онъ почиститъ ее, исправитъ, попюхаетъ и пришлетъ Вамъ весною. Вы сказали ему, что весною напечатать можно.

3) Будучи честнымъ человѣкомъ, возвращаю Вамъ: a) книги, полученныя отъ Южина, b) Африканку, c) Историческій Вѣстникъ 82 г. и d) Отечественныя Записки 63 г. V, VI и VII. Сегодня отвезу эти книги Богданову.

4) Воротникъ Мамышеву посланъ съ ручательствомъ на 35 лѣтъ. Осталось 4 рубля сдачи. Куда ихъ дѣвать?

5) Прилагаю списочекъ книгъ и прошу Вашего содѣйствія для отысканія ихъ и препровожденія ко мнѣ. Это первая серія. Это только цвѣтки, скоро будутъ и ягодки.

Вотъ и все. Послѣ Вашего отъѣзда мнѣ стало совсѣмъ скучно. Солнце свѣтитъ адски, пахнетъ весной и мнѣ досадно, что я еще не ѣду на Сахалинъ. Теперь бы хорошо сидѣть на палубѣ рѣчного парохода, или скакать черезъ степь въ тарантасѣ.

Плещеевъ писалъ мнѣ, что всѣ мои петербургскіе друзья и знакомые сердятся на меня за то, что я якобы скрывался отъ нихъ. Повидимому, и Плещеевъ сердится. Я отвѣтилъ ему такъ: «пусть себѣ сердятся!» Свободинъ въ Москвѣ; былъ онъ у меня уже разъ шесть и раза три не заставалъ меня. Онъ очень доволенъ результатами германскихъ выборовъ и попрежнему горячо любитъ литературу. О Лессингѣ ни полъ слова.

Вся Москва уже знаетъ, что я имѣлъ честь обѣдать у Ермоловой. Курсъ мой поднялся на цѣлую марку.

Аннѣ Ивановнѣ буду писать особо. Кланяйтесь всѣмъ и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

VIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва, 1890 г. Февр.).

Спасибо за хлопоты. Атласъ Крузенштерна мнѣ нуженъ теперь, или по возвращеніи изъ Сахалина. Лучше теперь. Вы пишете, что карта его плоха. Потому-то она мнѣ и нужна, что она плоха, а хорошую я уже купилъ у Ильина за 65 к.

День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу.. Чѣмъ больше читаю, тѣмъ сильнѣе убѣжденіе, что въ два мѣсяца я не успѣю сдѣлать и четверти того, что задумалъ, а вѣдь больше двухъ мѣсяцевъ мнѣ нельзя сидѣть на Сахалинѣ: подлецы-пароходы не ждутъ! Работа разнообразная, но нудная.. Приходится быть и геологомъ, и метеорологомъ, и этнографомъ, а къ этому я не привыкъ и мнѣ скучно. Читать буду о Сахалинѣ до марта, пока есть деньги, а потомъ сяду за разсказы.

Не помню, за что я повѣсилъ себя въ письмѣ къ Плещееву. Вѣроятно за пьянство. Писалъ я ему, конечно, въ шуточной формѣ и кажется такъ: «...за что меня слѣдовало бы въ одно и то же время повѣсить и произвести въ генералы». Послѣднее мною вполнѣ заслужено, ибо въ Питерѣ я выпилъ столько, что мною должна гордиться Россія! Помню также, писалъ я Плещееву, что, живя въ Питерѣ, въ одинъ мѣсяцъ я сдѣлалъ столько, сколько моимъ молодымъ друзьямъ, которые за что-то на меня сердятся, не сдѣлать въ цѣлый годъ; и я не совралъ, ибо каждый изъ моихъ друзей въ 12 разъ больше бездѣльникъ, чѣмъ я. У Васъ живя, я многое прочелъ, многое видѣлъ и слышалъ, и сварилъ кашу не съ однимъ

только Галкинымъ—и это все не взирая на винопійство и шаганье изъ угла въ уголъ.

М-me Л. вымазала себѣ лицо саломъ. Былъ Мамышевъ и сердился, что воротишкъ съ ручательствомъ на 30 лѣтъ послали ему въ Звенигородъ, а не въ Волоколамскъ, гдѣ онъ живетъ. Я сказалъ, что Вы виноваты.

Если у Васъ въ библіотекѣ есть «Очерки перомъ и карандашомъ» Вышеславцева, то пришлите. Будетъ отъ меня благодарность.

Былъ у меня Островскій и спрашивалъ о судьбѣ книги своей сестры. Я сказалъ, что Вы и Неупокоевъ недовольны рисунками и форматомъ. Онъ отвѣтилъ такъ: Если рисунки не нравятся, то ихъ можно бросить, заказавъ новые, форматъ же наравнѣ со всѣмъ прочимъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія типографіи. Можно написать ему, что его книга будетъ печататься лѣтомъ? Ахъ какія у него вонючія сигары! Каждый его визитъ, благодаря его этимъ анаоемскимъ сигарамъ, наводитъ на меня ужасъ. Говорилъ онъ, что его братъ министръ захворалъ сахарной болѣзнью.

Крейцерова соната въ Москвѣ имѣетъ успѣхъ.

Отчего не шлете разсказовъ? Я сегодня или завтра пошлю Вамъ разсказъ Лазарева (Грузинскаго). Прибавкой гонорара и высылкой газеты мой протеже Ежовъ тронутъ и благодаритъ Васъ со слезами на глазахъ и съ дрожью въ голосѣ, простирая руки къ небесамъ съ мольбою о ниспосланіи Вамъ и всему Вашему семейству всякаго благополучія во вѣки вѣковъ аминь.

Въ своей сахалинской работѣ я явлю себя такимъ ученымъ сукинымъ сыномъ, что Вы только руками разведете. Я ужъ много укралъ изъ чужихъ книгъ мыслей и знаній, которыя выдамъ за свои. Въ нашъ практическій вѣкъ иначе нельзя. Скажите Алексѣю Алексѣевичу, чтобы онъ ѣхалъ на Мургабскій берегъ.

Читалъ я, что румынская королева написала пьесу изъ народнаго (?) быта и будетъ ставить ее въ бухарестскомъ театрѣ. Авторъ, которому пельзя шикать. А я бы съ удовольствіемъ пошикалъ.

Ленскій говорилъ что, «кажется, хотятъ ставить» пьесу Маслова. Больше же объ его пьесѣ ничего не слышалъ.

Будьте здоровы. Дай Богъ всего хорошаго.

Съ почтеніемъ *Генрихъ Блокъ и К⁰*.

Какъ поживаютъ Ваши многоуважаемыя лошади? Хорошо бы проѣхаться куда-нибудь.

IX.

Ему же.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1890 г. Москва).

Голубчикъ, «Свадьбу» [1]) верните назадъ съ книгами, она попала къ Вамъ нечаянно. Печатать ее нѣтъ надобности. Что касается книгъ, которыя желательно мнѣ получить отъ Скальковскаго, то прилагаю новый списокъ. Сегодня отослалъ я Вамъ Вѣстникъ Европы 79 г., V и VI и книгу Зандрока (на его имя). Простите ради Создателя, что я безпокою Васъ порученіями; право, больше обратиться не къ кому. Безпокоить Васъ буду еще много, а чѣмъ Вамъ заплачу—неизвѣстно; должно-быть, на томъ свѣтѣ угольками.

Мой братъ Александръ несообразительный человѣкъ. Онъ въ восторгѣ отъ миссіонерской рѣчи прот. Орнатскаго, который говоритъ, что инородцы не крестятся-де потому, что ждутъ на сей предметъ особаго царскаго указа (т.-е. приказанія) и ждутъ, пока окрестятъ ихъ начальниковъ... (понимай—насильно). Говоритъ также

[1]) Водевиль.

сей велерѣчивый понтифексъ, что инородческихъ священниковъ, въ виду ихъ аскетическаго образа жизни, слѣдовало бы убрать отъ инородцевъ и посадить въ особыя помѣщенія въ родѣ какъ бы монастыри. Хороши, нечего сказать! Потратили 2 милліона рублей, выпускаютъ изъ академіи ежегодно десятки миссіонеровъ, стоящихъ дорого казнѣ и народу, крестить не умѣютъ, да еще хотятъ, чтобы имъ помогали полиція и милиція огнемъ и мечомъ! Говоритъ попъ, что окрестили 80,000— стереотипное число, которое я слышу уже нѣсколько лѣтъ. Сообщеніе свое объ этой рѣчи Александръ кончилъ во вкусѣ преподобныхъ отцевъ, обнаруживъ самую, что ни на есть младенческую довѣрчивость. Скажите ему, что онъ гусь лапчатый.

Спасибо за Крузенштерна. Хорошо пишетъ.

Въ Вашей филиппикѣ по адресу старости я усмотрѣлъ одно только желаніе Ваше идти на войну. Что-жъ? Валяйте. Но съ кѣмъ воевать? Поѣдемте въ Абиссинію.

Если найдется у Васъ статья Цебриковой, то не присылайте. Такія статьи знаній не даютъ и отнимаютъ только время; нужны факты. Вообще говоря, на Руси страшная бѣдность по части фактовъ и страшное богатство всякаго рода разсужденій—въ чемъ я теперь сильно убѣждаюсь, усердно прочитывая свою сахалинскую литературу.

Запретите Лялину бранить адвокатовъ. Что прилично Жителю или кому-нибудь другому, то совсѣмъ не къ лицу бывшему адвокату. Противно, когда крещеный жидъ, или вообще жидъ ругаетъ жидовъ. То же самое и тутъ.

Кстати: въ случаѣ если у Васъ пожелаютъ пройтись насчетъ оправдательнаго приговора въ процессѣ мужеотравительницы Максименко (въ Ростовѣ на Дону), то поосторожнѣй. До процесса я разговаривалъ съ защитникомъ Холевой и могъ убѣдиться, что Максименко

совсѣмъ не виновата. Того же мнѣнія и всѣ ростовцы, аплодировавшіе приговору.

Будьте хранимы святымъ Бонифатіемъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

X.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

25 Февр. (1890 г. Москва).

Инфузорія!

Мнѣ необходимо возможно подробное знакомство съ газетной литературой о Сахалинѣ, ибо она интересуетъ меня не со стороны однихъ только даваемыхъ ею свѣдѣній. Свѣдѣнія, конечно, сами по себѣ, но, Гусевъ[1]), нужно и историческое освѣщеніе фактовъ, составляющихъ суть этихъ свѣдѣній. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалинѣ и ничего не смыслящими въ дѣлѣ, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинскомъ вопросѣ и капиталъ нажили, и невинность соблюли. Храбрость первыхъ и уловки вторыхъ, какъ элементы затемняющіе и тормозящіе, должны быть для изслѣдователя цѣннѣе всякихъ свѣдѣній, кои по большинству случайны и невѣрны; элементы сіи отлично характеризуютъ отношенія нашего общества вообще къ дѣлу, а къ тюремному въ частности. Автора же и его побужденія поймешь только тогда, когда прочтешь его статью полностью.

Во всякомъ случаѣ избавь Публичную библіотеку отъ своихъ посѣщеній. Достаточно и того, что ты сдѣлалъ. Остальное будетъ переписано сестрою, которая начнетъ свои хожденія въ Румянцовскую библіотеку

[1]) Шутливое прозвище Ал. П. Чехова.

съ 3 недѣли поста. Тебѣ же, дураку, я найду другую работу. Кланяйся въ ноги и проси прощенія. Все, что тебѣ нужно будетъ сдѣлать, найдешь въ письмѣ, которое получишь на 4 или 5 недѣлѣ поста.

Всѣ наши здравствуютъ. Поклонъ Натальѣ Александровнѣ, Кукѣ и крестнику.

Твой благодѣтель *А. Чеховъ.*

XI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Февр. (1890 г. Москва).

Получилъ и книги, и атласъ Крузенштерна. Посылаю Вамъ поклоненіе и благодареніе, а Вашей библіотекѣ скажите, что я ей обязанъ по гробъ жизни. Завтра пошлю Вамъ черезъ магазинъ: 1) Указатель «Русской Старины», 2) Вышеславцева, 3) «Вѣстникъ Европы» 1872 VIII и 4) 3 тома Морского Сборника (1858 XII, 1859 II и 1859 X), которые будьте добры отдать уважаемому Василію для передачи бѣдному Константину Ѳедоровичу. 2-й томъ Крузенштерна я уже послалъ Вамъ, а атласъ вышлю тотчасъ же по снятіи копіи.

Съ книгами я буду приставать къ Вамъ до самаго своего отъѣзда. И теперь я прилагаю списокъ журналовъ мнѣ нужныхъ. Вѣрьте, Ваше Превосходительство, что я уже достаточно наказанъ за безпокойство: отъ чтенія присылаемыхъ Вами книгъ у меня въ мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анаѳемская работа, что я кажется окалѣю съ тоски, прежде чѣмъ попаду на Сахалинъ.

Завтра весна, а черезъ 10—15 дней прилетаютъ жаворонки. Но увы!—наступающая весна кажется мнѣ чужою, ибо я отъ нея уѣду.

На Сахалинѣ очень вкусная рыба, но горячихъ напитковъ нѣтъ.

Теперь несомнѣнно, что пьеса Маслова пойдетъ. Значитъ, Вы пріѣдете въ началѣ апрѣля на репетиціи? Вы обѣщали.

Да хранятъ Васъ всѣ святые!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Наши гг. геологи, ихтіологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишутъ такимъ суконнымъ языкомъ, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы передѣлывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. Въ сущности, это свинство.

XII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

3 Марта 90 г. (Москва).

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, Вы непремѣнно должны на Страстной недѣлѣ пріѣхать въ Москву, такъ какъ, во-1-х) Вы должны быть въ Коммиссіи, въ которой оба мы участвуемъ, а во-2-х) мнѣ нужно извиниться передъ Вами за то, что я не успѣлъ побывать у Васъ въ Петербургѣ. Виноватъ во всемъ не я, а Сахалинъ, который совершенно сбилъ меня съ толку и отнялъ у меня все время, которымъ я могъ раньше распоряжаться по своей волѣ. Увидимся—поговоримъ, а пока позвольте пожелать Вамъ всего очень хорошаго. Не сердитесь, россійскій Сарду, и не забывайте, что иногда обстоятельства командуютъ и владѣютъ человѣкомъ, а не онъ ими.

Въ началѣ апрѣля я уѣзжаю изъ Россіи и буду ѣздить до декабря.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ вашъ животъ? Нервы? Пьесы?

XIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Марта 90 г. (Москва).

Сегодня послалъ я Вамъ два разсказа: Филиппова, который вчера былъ у меня, и Ежова. Ежовскій разсказъ я не успѣлъ прочесть, а объ остальномъ прочемъ считаю нужнымъ заявить разъ навсегда, что за посылаемое мною Вамъ я не отвѣчаю. Мой почеркъ на адресѣ не значитъ, что разсказъ мнѣ понравился.

Бѣдняга Ежовъ былъ у меня, сидѣлъ около стола и плакалъ: у него молодая жена заболѣла чахоткою. Надо скорѣе везти на югъ. На вопросъ мой, есть ли у него деньги, онъ отвѣтилъ, что есть.

Когда будете присылать мнѣ книги, не забудьте приложить къ пакету мой водевиль «Свадьбу», попавшій къ Вамъ по винѣ Сумбатова, который вложилъ его въ Шекспира.

Погода подлая, насморочная; само небо чихаетъ. Просто не глядѣлъ бы.

Я послалъ Вамъ Вашу «Asie». Скоро пришлю Голицинскаго, который мнѣ нравится только мѣстами; кромѣ этихъ немногихъ мѣстечекъ, все остальное вода, вода и вода. Недаромъ книги такія толстыя.

Я началъ уже писать про Сахалинъ. Написалъ страницъ пять «исторіи изслѣдованія». Вышло ничего

себѣ, какъ-будто по умному и авторитетно. Началъ и географію съ градусами и съ мысами.. Тоже ничего себѣ. Цитирую я иностранныхъ авторовъ съ чужого голоса, но выходитъ у меня это такъ подробно и въ такомъ тонѣ, какъ будто я самъ отлично говорю на всѣхъ языкахъ. Сплошное мошенничество.

Я сказалъ секретарю общества драм. писателей, чтобы Вамъ выслали гонораръ. Поздравляю Васъ съ получкой. Получивъ счетъ, напишите карандашомъ на поляхъ: «Весьма утѣшительно. Желаю, чтобы и впередъ». Пришлите потомъ намъ, мы покроемъ гумми-арабикомъ и спрячемъ въ архивъ общества.

Ежовъ своими слезами испортилъ мнѣ настроеніе. Напомнилъ мнѣ кое-что, да и его жаль.

Не забывайте насъ грѣшныхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

62492

XIV.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(Москва. 1890 г. Мартъ).

Здѣсь. Петровка, д. Кабанова. Доктору Николаю Николаевичу Оболонскому отъ признательной паціэнтки [1]*).*

Influenza, овладѣвшая всѣмъ моимъ существомъ, лишаетъ меня возможности посѣтить Васъ и рекомендовать Вамъ возможно скорѣе пріобрѣсти 4940 № Новаго Времени (вторникъ), гдѣ напечатанъ разсказъ, украшенный иниціалами Вашего имени.

Да погибнетъ influenza и да здравствуютъ великіе люди, въ томъ числѣ и мы съ Вами! А въ какомъ положеніи Ваша любовь?

А. Чеховъ.

[1]) На конвертѣ.

Уральский государственный университет

XV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

5 Марта, (1890 г. Москва).

Троша, спмъ извѣщаю Васъ, что я жестоко надулъ фамилію Линтваревыхъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ-то лѣтомъ Александра Васильевна поручила мнѣ напечатать въ Новомъ Времени объявленіе о мельницѣ. Считая по 60 коп. за строчку, я взялъ съ А. В. за десять строкъ шесть рублей. На-дняхъ же я получилъ изъ конторы Новаго Времени счетъ, въ которомъ значится, что за объявленіе съ меня взяли только 1 р. 80 к. Не знаю, чѣмъ объяснить такую дешевизну. Должно-быть, уступка мнѣ, какъ сотрудшку. И такъ, значитъ, уважаемая Троша, я обманулъ Ваше семейство ровно на 4 р. 20 к., каковые и прошу считать въ долгу за мною.

Какъ Вы поживаете? Графиня Лида говорила мнѣ, что Вы все кашляете. Это нехорошо. Должно быть, Вы и докторъ до сихъ поръ еще купаетесь въ Пслѣ?

Что касается меня, то я тоже кашляю, но живъ и, кажется, здоровъ. Этимъ лѣтомъ у Васъ не буду, такъ какъ въ апрѣлѣ по своимъ надобностямъ уѣзжаю на островъ Сахалинъ, откуда вернусь въ декабрѣ. Туда ѣду черезъ Сибирь (11 тысячъ верстъ), а оттуда моремъ. Миша, кажется, писалъ Вамъ, что меня будто кто-то командируетъ туда, но это вздоръ. Я самъ себя командирую, на собственный счетъ. На Сахалинѣ много медвѣдей и бѣглыхъ, такъ что въ случаѣ, если мною пообѣдаютъ господа звѣри или зарѣжетъ какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихомъ.

Конечно, если успѣю и сумѣю написать о Сахалинѣ то, что хочу, то пришлю Вамъ книгу тотчасъ же по

выходѣ ея въ свѣтъ; она будетъ скучна, спеціальна, состоять будетъ изъ однѣхъ только цифръ, но позвольте разсчитывать на Вашу снисходительность: читая ее, Вы будете удерживать зѣвоту...

Уважаемымъ докторамъ—Еленѣ Михайловнѣ и Зинандѣ Михайловнѣ самый сердечный привѣтъ. Александрѣ Васильевнѣ кланяюсь до земли.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

XVI.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

9 Марта, (1890 г. Москва).

Милый докто́ре, моя сестрица отказывается идти обѣдать въ Эрмитажъ, ссылаясь на недосугъ: уроки ея кончатся къ 4 часамъ, не раньше, а послѣ уроковъ, по ея словамъ, она бываетъ очень утомлена. Она предлагаетъ учинить обѣдъ гдѣ-нибудь не въ ресторанѣ, а приватно, у насъ, у Васъ; или же, буде угодно Вамъ непремѣнно въ ресторанѣ, то не обѣдать, а ужинать.

Почтеніе Софьѣ Виталіевнѣ.

Да хранятъ Васъ всѣ святые!

Вашъ *А. Чеховъ.*

XVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Марта. Сорокъ мучениковъ и 10000 жаворонковъ. (1890 г. Москва).

Насчетъ Сахалина ошибаемся мы оба, но Вы, вѣроятно, больше чѣмъ я. Ѣду я совершенно увѣренный, что моя поѣздка не дастъ цѣннаго вклада ни въ литературу,

ни въ науку: не хватитъ на это ни знаній, ни времени, ни претензій. Нѣтъ у меня плановъ ни гумбольдскихъ, ни даже кенаповскихъ. Я хочу написать хоть 100—200 страницъ и этимъ немножко заплатить своей медицинѣ, передъ которой я, какъ Вамъ извѣстно, свинья. Быть можетъ, я не съумѣю ничего написать, но все-таки поѣздка не теряетъ для меня своего аромата: читая, глядя по сторонамъ и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ѣздилъ, но благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя прочелъ теперь по необходимости, я узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ 40 плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше. Къ тому же, полагаю, поѣздка—это непрерывный полугодовой трудъ, физическій и умственный, а для меня это необходимо, такъ какъ я хохолъ и сталъ уже лѣниться. Надо себя дрессировать. Пусть поѣздка моя пустякъ, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если поѣду? Время? Деньги? Буду испытывать лишенія? Время мое ничего не стоитъ, денегъ у меня все равно никогда не бываетъ, что же касается лишеній, то на лошадяхъ я буду ѣхать 25—30 дней, не больше, все же остальное время просижу на палубѣ парохода, или въ комнатѣ и буду непрерывно бомбардировать Васъ письмами. Пусть поѣздка не дастъ мнѣ ровно ничего, но неужели все-таки за всю поѣздку не случится такихъ 2—3 дней, о которыхъ я всю жизнь буду вспоминать съ восторгомъ, или съ горечью? И т. д. и т. д. Такъ-то государь мой. Все это неубѣдительно, но вѣдь и Вы пишете столь же неубѣдительно. Напримѣръ, Вы пишете, что Сахалинъ ни кому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы это вѣрно? Сахалинъ можетъ быть ненужнымъ и неинтереснымъ только для того общества, которое не ссылаетъ на него тысячи людей и не тратитъ на него милліоновъ. Послѣ Австраліи въ прошломъ и

Кайены, Сахалинъ—это единственное мѣсто, гдѣ можно изучать колонизацію изъ преступниковъ; имъ заинтересована вся Европа, а намъ онъ не нуженъ? Не дальше, какъ 25—30 лѣтъ назадъ наши же русскіе люди, изслѣдуя Сахалинъ, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человѣка, а намъ это не нужно, мы не знаемъ, что это за люди, и только сидимъ въ четырехъ стѣнахъ и жалуемся, что Богъ дурно создалъ человѣка. Сахалинъ—это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и подневольный. Работавшіе около него и на немъ рѣшали страшныя, отвѣтственныя задачи, и теперь рѣшаютъ. Жалѣю, что я не сантименталенъ, а то я сказалъ бы, что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздятъ въ Мекку, а моряки и тюрьмовѣды должны глядѣть въ частности на Сахалинъ, какъ военные на Севастополь. Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что мы сгноили въ тюрьмахъ *милліоны* людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы, но намъ до этого дѣла нѣтъ, это неинтересно. Прославленные шестидесятые годы не сдѣлали *ничего* для больныхъ и заключенныхъ, нарушивъ такимъ образомъ самую главную заповѣдь христіанской цивилизаціи. Въ наше время для больныхъ дѣлается кое-что, для заключенныхъ же ничего; тюрьмовѣденіе совершенно не интересуетъ нашихъ юристовъ. Нѣтъ, увѣряю Васъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ и нужно пожалѣть только, что туда ѣду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслящій въ дѣлѣ и болѣе спо-

собный возбудить интересъ въ обществѣ. Я же лично ѣду за пустяками.

Что касается моего письма насчетъ Плещеева, то я писалъ Вамъ, что я возбудилъ въ своихъ молодыхъ друзьяхъ неудовольствіе своимъ бездѣльемъ, и въ свое оправданіе написалъ Вамъ, что, не взирая на свое бездѣлье, я сдѣлалъ все-таки больше моихъ друзей, которые ровно ничего не дѣлаютъ. Я хоть Морской Сборникъ прочелъ и у Галкина былъ, а они ничего. Вотъ и все, кажется.

У насъ грандіозные студенческіе безпорядки. Началось съ Петровской Академіи, гдѣ начальство запретило водить на казенныя квартиры дѣвицъ, подозрѣвая въ сихъ послѣднихъ не одну только проституцію, но и политику. Изъ Академіи перешло въ университетъ, гдѣ теперь студіозы, окружонные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на коняхъ и съ пиками, требуютъ слѣдующее:

1) Полная автономія университетовъ.

2) Полная свобода преподаванія.

3) Свободный доступъ въ университетъ безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и общ. положенія.

4) Пріемъ евреевъ въ универс. безъ всякихъ ограниченій и уравненіе ихъ въ правахъ съ прочими студентами.

5) Свобода сходокъ и признаніе студ. корпорацій.

6) Учрежденіе универс. и студ. суда.

7) Уничтоженіе полицейской функціи инспекціи.

8) Пониженіе платы за ученіе.

Это скопировано мною съ прокламаціи съ кое-какими сокращеніями. Думаю, что сыръ-боръ сильнѣе всего горитъ въ толпѣ . . . . . и того пола, который жаждетъ попасть въ университетъ, будучи подготовленъ къ нему въ 5 разъ хуже, чѣмъ мужчина, а мужчина

подготовленъ скверно и учится въ университетѣ, за рѣдкими исключеніями, гнусно.

Я послалъ Вамъ: Крашенинникова, Хвостова и Давыдова, Русскій Архивъ (79 г. III) и Чтеніе въ Обществѣ археологіи (75 г. 1 и 2).

Хвостова и Давыдова благоволите прислать слѣдующую часть, буде есть, а Русскій Архивъ мнѣ нуженъ не III томъ, а V 1879 г. Остальныя книги пришлю завтра или послѣзавтра.

N. сочувствую всей душой, но напрасно онъ такъ убивается. Сиф. лѣчится теперь превосходно и излѣчимъ—сіе несомнѣнно.

Съ книгами пришлите мой водевиль «Свадьбу». Больше ничего. Пріѣзжайте смотрѣть пьесу Маслова.

Будьте здоровы и благополучны. Въ Вашу старость я вѣрю такъ же охотно, какъ въ четвертое измѣреніе. Во-первыхъ, Вы еще не старикъ; думаете и работаете Вы за десятерыхъ и способъ мышленія у Васъ далеко не старческій; во-вторыхъ, болѣзней, кромѣ мигрени, у Васъ никакихъ нѣтъ и въ этомъ я готовъ поклясться, а въ-третьихъ, старость плоха только у плохихъ старичковъ и тяжела для тяжолыхъ, а Вы хорошій и не тяжолый человѣкъ. Въ-четвертыхъ же, разность между молодостью и старостью весьма относительна и условна. А засимъ позвольте изъ уваженія къ Вамъ броситься въ глубокую пропасть и размозжить себѣ голову.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Какъ-то я писалъ Вамъ объ Островскомъ. Онъ опять былъ у меня. Что сказать ему?

Поѣзжайте въ Ѳеодосію! Погода чудная.

XVIII.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

11 Марта. (1890 г. Москва).

Посылаю Вамъ, Ѳедоръ Александровичъ, очень миленькій разсказикъ моего знакомаго, сотрудника «Новаго Времени». Разсказъ прочтите. Сдѣланъ недурно. Если не будете печатать, то пришлите его въ редакцію «Новаго Времени» на имя Суворина: его тамъ напечатаютъ.

До свиданія! Ѣду.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XIX

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Марта. (1890 г. Москва).

Побуждаемый корыстью, а частью вдохновеніемъ, написалъ я разсказъ [1]), который и посылаю одновременно съ симъ письмомъ. Только, голубчикъ, пришлите мнѣ корректуру, ибо разсказъ написанъ сапожной щеткой и нуждается въ ретуши. Надо многое сократить и кое-что исправить; исправилъ бы я и теперь, но голова настроена на сахалинскій ладъ, и во всемъ, что касается изящной словесности, я теперь не въ состояніи отличить кулька отъ рогожи. Надо подождать и прочесть въ корректурѣ.

Вмѣстѣ со своимъ разсказомъ посылаю разсказъ Фплиппова, который убѣдительно проситъ Васъ возвратить ему разсказъ, буде онъ не понравится. Быть можетъ,

[1]) «Черти» («Воры»).

будетъ приложенъ разсказъ и Ежова. Поздравляю Васъ и желаю, чтобъ и впредь Вы получали такіе большіе тюки.

Отчего Вы не присылаете мнѣ разсказовъ?

Присланныя книги я уже всѣ прочелъ, кромѣ Фишера, и на дняхъ вышлю Вамъ.

Вчера, или третьяго дня Миша уѣхалъ зачѣмъ-то въ Петербургъ въ Департаментъ. Совершенно незачѣмъ спѣшить, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ на дачѣ у насъ не будетъ ни одного мужчины. Надо бы лѣто пожить ему съ семьей.

Прощайте, дорогой мой, дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Аннѣ Ивановнѣ привѣтъ, цѣлую обѣ руки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ежовъ спрашиваетъ: пригодился ли его разсказъ «Фокусы графа Коржинскаго»?

XX.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

16 Марта. (1890 г. Москва).

Здравствуйте, милый Жанъ, сколько зимъ, сколько лѣтъ! Моя бѣдная муза, по волѣ капризныхъ судебъ, надѣла синіе очки и, забросивъ лиру, занимается этнографіей и геологіей.. Забыты звуки сладкіе, слава... все, все забыто! Вотъ почему я такъ долго не писалъ Вамъ, друже и мой бывшій коллега (говорю—бывшій, потому что я теперь не литераторъ, а сахалинецъ).

Какъ Вы живете, какъ чувствуете? Въ какомъ положеніи Ваши нервы, пьесы, бабушка? Напишите мнѣ хоть

одну строчку Вашимъ трагическимъ почеркомъ и не покидайте меня.. Въ апрѣлѣ вѣдь я уѣзжаю и увидимся мы едва ли ранѣе января!

Мой маршрутъ таковъ: Нижній, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Срѣтенскъ, внизъ по Амуру до Николаевска, два мѣсяца на Сахалинѣ, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапуръ, Мадрасъ, Коломбо (на Цейлонѣ), Аденъ, Портъ-Сандъ, Константинополь, Одесса, Москва, Питеръ, Церковная ул.

Если на Сахалинѣ не съѣдятъ медвѣди и каторжные, если не погибну отъ тифоновъ у Японіи, а отъ жары въ Аденѣ, то возвращусь въ декабрѣ и почію на лаврахъ, ожидая старость и ровно ничего не дѣлая. Не хотите ли поѣхать вмѣстѣ? Будемъ на Амурѣ пожирать стерлядей, а въ де Кастри глотать устрицъ, жирныхъ, громадныхъ, какихъ не знаютъ въ Европѣ; кушимъ на Сахалинѣ медвѣжьихъ шкуръ по 4 р. за штуку для шубъ, ... въ Японіи схватимъ японскій .., а въ Индіи напишемъ по экзотическому разсказу, или по водевилю «Ай да, тропики!», или «Туристъ по неволѣ», или «Капитанъ по натурѣ», или «Театральный альбатросъ» и т. п. Поѣдемъ!

Черкните мнѣ ein wenig. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей гостепріимной и радушной женѣ и пріймите сердечный привѣтъ отъ всей моей семьи.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXI.

А. П. Ленскому.

16 Марта. (1890 г. Москва).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Александръ Павловичъ, фельетонъ Ив. Ѳ. Горбунова «Бѣлая зала». Интересно. Мнѣ кажется, что артисты должны почаще писать въ

этомъ родѣ—для будущихъ историковъ русскаго театра. Только жаль, что мѣстами Ив. Ѳ. вретъ и ударяется въ тенденцію.

Каждый день собираюсь повидаться съ Вами—есть дѣло, но заваленъ по горло сахалинской, литературной и всякой другой работой, такъ что даже высморкаться некогда.

Уѣзжаю въ началѣ апрѣля. Почтеніе Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получилъ я письмо отъ Левитана изъ Парижа. Пишетъ все больше о женщинахъ. Не нравятся.

XXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Марта. (1890 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, одновременно съ симъ посылаю Вамъ своего «Лѣшаго». Простите, что адресуюсь съ нимъ не прямо въ редакцію, а безпокою Васъ. У меня все-таки надежда, что Вы, прочитавъ пьесу, быть можетъ, раздѣлите со мною тѣ сомнѣнія, которыя заставляютъ меня посылать въ журналъ пьесу такъ перѣшительно. Быть можетъ, Вы не будете такъ снисходительны, какъ Мережковскій и ки. Урусовъ и поставите на моей пьесѣ красный крестъ.

Передъ отъѣздомъ постараюсь прислать разсказъ. Во всякомъ случаѣ разсказъ въ редакціи будетъ гораздо раньше, чѣмъ я вернусь изъ Сахалина. Если не кончу теперь, то кончу въ дорогѣ. Тема есть.

Что новаго и хорошаго? Передайте Еленѣ Алексѣевнѣ, что не хорошо такъ жестоко разочаровывать благородныхъ людей. Дала она намъ слово, что будетъ у насъ вечеромъ и не пришла. А я разорился, купилъ двѣ бутылки вина, закусокъ, позвалъ барышень, музыкантовъ.. Каково положеніе? Поютъ, пляшутъ, пьютъ, музыка играетъ, штандартъ скачетъ, а бенефиціантки нѣтъ. Сдѣлайте Вашей дочери внушеніе... Правда у насъ скучно, но вѣдь гдѣ теперь весело? Даже въ цензурномъ комитетѣ скучно, а ужъ на что, кажется, весельчаки.

У меня на диванѣ лежитъ повѣсть, присланная мнѣ артистомъ Грековымъ для отправки ея въ Сѣверн. Вѣстникъ. Началъ я читать и никакъ не кончу. На дняхъ пришлю Вамъ.

Читалъ я, что театрально-литературный комитетъ возраждается. Ничего я не понимаю и, какъ взглянешь на все эту путаницу, то даже и пошмать нѣтъ охоты.

Моего домохозяина Корнѣева производятъ въ инспектора Моск. университета вмѣсто Доброва, который удаляется благодаря студенческимъ безпорядкамъ. Должность генеральская и посему мой хозяинъ торжествуетъ. Должно быть, онъ не читалъ Пушкина, который пишетъ: «тяжела ты, шапка Мономаха!» Безпорядки у насъ были грандіозные; я читалъ прокламаціи: въ нихъ ничего нѣтъ возмутительнаго, но редактированы онѣ скверно и тѣмъ особенно плохи, что въ нихъ чувствуется не студентъ, а ..... и акушерки. Должно быть, не студенты сочиняли. Начальство университетское вывѣшиваетъ на стѣны и даетъ для подписи студентамъ бумаги, редактированныя еще хуже. Такъ и шибаетъ въ носъ департаментскимъ сторожемъ Михѣичемъ! Если и мой домохозяинъ будетъ сочинять такія же бумаги, то я начну искать для себя другую квартиру.

О днѣ выѣзда изъ Москвы и о своихъ сибирскихъ адресахъ извѣщу своевременно. Обѣщаніе: если пароходъ, какъ сказано въ росписаніи, зайдетъ въ Манилу, то я привезу Вамъ 99 отличнѣйшихъ сигаръ (за 100 нужно платить пошлину).

Будьте, дорогой мой, здоровы и благополучны. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ. Мои шлютъ привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Что Жано Щегловъ?

XXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Марта. Алексія человѣка Божія. (1890 г. Москва).

Не именинникъ ли Вы? Если да, то поздравляю.

Насчетъ падучей можно прочесть въ любомъ учебникѣ по нервнымъ болѣзнямъ, а также и (для изслѣдователя это нужно) въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ судебной медицины, но Вы, не спеціалистъ, не разберетесь въ медицинскомъ хаосѣ. Я возьму клочекъ бумаги и вкратцѣ набросаю Вамъ все, что нужно, и объясню, буде сумѣю. Зарѣзать себя мальчикъ [1]) могъ. Извѣстно ли, какой ножъ былъ у него въ рукахъ? Но главное—падучая у него была наслѣдственная, которая была бы у него и въ старости, если бы онъ остался живъ. Стало быть самозванецъ былъ въ самомъ дѣлѣ самозванцемъ, такъ какъ падучей у него не было. Когда случится писать объ этомъ, то скажите, что сію Америку открылъ врачъ Чеховъ—больше мнѣ отъ Васъ ничего не нужно.

---

[1]) Царевичъ Димитрій въ Угличѣ.

Вашъ фельетонъ о беллетристахъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ понравился и, чтобы онъ вышелъ очень хорошимъ, я говорилъ Вамъ, слѣдовало только захватить вопросъ пошире, т.-е. поговорить не объ однихъ только беллетристахъ, а о необразованности всего русскаго общества. Я нисколько не фальшивилъ, льстить Вамъ, или утѣшать Васъ вовсе не хотѣлъ, а посему впредь о Вашихъ произведеніяхъ говорить Вамъ никогда больше не буду. Мнительность—это эгоизмъ 84 пробы.

Теперь просьба:

1) Я писалъ Вамъ объ одной диссертаціи. «Д-ръ Грязновъ, Топографія Череповецкаго уѣзда». Складъ этого изданія былъ у Васъ въ магазинѣ. Узнайте по телефону, нельзя ли получить его?

2) Пришлите съ книгами водевиль мой.

3) Отвѣтьте насчетъ Островскаго.

4) Отвѣтьте насчетъ Филиппова.

5) Я поручилъ Свободину получить мои деньги изъ театральной дирекціи и вручить ихъ Вамъ. Пусть они побудутъ у Васъ до востребованія, а то у меня беречь ихъ негдѣ, да и боюсь растранжирить ихъ. Простите, что я одолѣваю Васъ пустяками, но, погодите—скоро пробьетъ часъ, въ онь же всѣ праведные уѣдутъ за границу или въ Ѳеодосію, а грѣшные къ генералу Кононовичу [1]) и аггеламъ его, и порученіямъ моимъ будетъ положенъ конецъ.

Неужели Вы въ самомъ дѣлѣ уѣдете заграницу? По какому же адресу я буду писать Вамъ? Это нехорошо.

Изъ общества драмат. писателей я получилъ болѣе 600 р., за Пестрые разсказы еще не получилъ и едва ли получу, хотя и далъ имъ разсрочку. Получу изъ Сѣв. Вѣсти. 200—300 р., да вѣроятно ужъ за книжки у Вашихъ

---

[1]) Генералъ-губернаторъ о-ва Сахалина.

магазинныхъ дѣвицъ скопилось столько же, если не больше. Короче говоря, если бъ не поѣздка на Сахалинъ, то я лѣтомъ пожилъ бы такъ отчетливо, что чертямъ тошно было бы. А тутъ, какъ нарочно, каждый день все новыя и новыя знакомства, все больше дѣвицы, да такія, что если бъ согнать ихъ къ себѣ на дачу, то получился бы превеселый и чреватый послѣдствіями кавардакъ.

Медвѣдевъ, о назначеніи котораго къ Вамъ въ театръ пишутъ въ газетахъ, хорошій и умный человѣкъ, талантливый актеръ, но для порядочнаго театра онъ недостаточно интеллигентенъ и достаточно покрытъ провинціальной плѣснью....

На Сахалинѣ есть деревня, которая называется такъ...

У Маслова въ пьесѣ, какъ я слышалъ, не играетъ Ермолова. Надо бы сходить на репетиціи, да некогда....

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получили мой разсказъ?

Сестра и ея барышни переписываютъ для меня въ публичной библіотекѣ.

XXIV.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

22 Марта. (1890 г. Москва).

Здравствуйте, милый Жанчикъ, спасибо Вамъ за большое письмо и за доброжелательство, которымъ оно наполнено сверху до низу. Радъ буду прочесть Вашъ военный разсказъ. Онъ пойдетъ въ Пасхальномъ номерѣ? Я уже давно не читалъ ничего ни Вашего, ни своего.

Вы пишете, что Вамъ хочется жестоко поругаться со мной «въ особенности по вопросамъ нравственности и художественности», говорите не ясно о какихъ-то моихъ преступленіяхъ, заслуживающихъ дружескаго упрека, и грозите даже «вліятельной газетной критикой». Если зачеркнуть слово «художественности», то вся фраза, поставленная въ ковычки, становится яснѣе, но пріобрѣтаетъ значеніе, которое, по правдѣ говоря, меня не мало смущаетъ. Жанъ, что такое? Какъ понимать? Неужели въ понятіяхъ о нравственности я расхожусь съ такими людьми, какъ Вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особаго ко мнѣ вниманія вліятельной критики? Понять, что Вы имѣете въ виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, такъ какъ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ, ни среднихъ нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала намъ во время оно Іисуса Христа и которая теперь мнѣ, Вамъ и Баранцевичу мѣшаетъ красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если вѣрить покою своей совѣсти, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ, ни въ разсказахъ, ни въ водевиляхъ не пожелалъ жены ближняго моего, ни раба его, ни вола его, ни всякаго скота его, не кралъ, не лицемѣрилъ, не льстилъ сильнымъ и не искалъ у нихъ, не шантажировалъ и не жилъ на содержаніи. Правда, въ лѣности житіе мое преждихъ, безъ ума смѣяхся, объѣдохся, ошихся, блудилъ, но вѣдь все это личное и все это не лишаетъ меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выдѣляюсь изъ ряда обыкновеннаго. Ни подвиговъ, ни подлостей—такой же я, какъ большинство; грѣховъ много, но съ нравственностью мы квиты, такъ какъ за эти грѣхи я съ лихвой плачу тѣми неудобствами, какія они влекутъ за собой. Если же Вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте Вашу

жестокость за окно, а ругань смѣните на Вашъ милый трагическій смѣхъ—это лучше.

А слова «художественности» я боюсь, какъ купчихи боятся жупела. Когда мнѣ говорятъ о художественномъ и антихудожественномъ, о томъ, что сценично или не сценично, о тенденціи, реализмѣ и т. п., я теряюсь, перѣшительно поддакиваю и отвѣчаю банальными полупустинами, которыя не стоютъ и гроша мѣднаго. Всѣ произведенія я дѣлю на два сорта: тѣ, которыя мнѣ нравятся, и тѣ, которыя мнѣ не нравятся. Другого критеріума у меня нѣтъ, а если Вы спросите, почему мнѣ нравится Шекспиръ и не нравится Златовратскій, то я не сумѣю отвѣтить. Быть можетъ, со временемъ, когда поумнѣю, я пріобрѣту критерій, но пока всѣ разговоры о «художественности» меня только утомляютъ и кажутся мнѣ продолженіемъ все тѣхъ же схоластическихъ бесѣдъ, которыми люди утомляли себя въ средніе вѣка.

Если критика, на авторитетъ которой Вы ссылаетесь, знаетъ то, что мы съ Вами не знаемъ, то почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то повѣрьте, давно бы ужъ указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ дѣлать, и Фофановъ не спдѣлъ бы въ сумасшедшемъ домѣ, Гаршинъ былъ бы живъ до сихъ поръ, Баранцевичъ не хандрилъ бы, и намъ бы не было такъ скучно и пудно, какъ теперь, и Васъ не тянуло бы въ театръ, а меня на Сахалинъ. Но критика солидно молчитъ, или же отдѣлывается праздной, дрянной болтовней. Если она представляется Вамъ вліятельной, то это только потому, что она глупа, не скромна, дерзка и крикліва, потому что она пустая бочка, которую поневолѣ слышишь.

Впрочемъ, плюнемъ на все это и будемъ пѣть изъ другой оперы. Пожалуста, не возлагайте литературныхъ надеждъ на мою сахалинскую поѣздку. Я ѣду не для

наблюденій, и не для впечатлѣній, а просто для того только, чтобы пожить полгода не такъ, какъ я жилъ до сихъ поръ. Не надѣйтесь на меня, дядя; если успѣю и сумѣю сдѣлать что-нибудь, то—слава Богу, если нѣтъ—то не взыщите. Выѣду я послѣ Святой. Своевременно пришлю Вамъ свой сахалинскій адресъ и подробную инструкцію. Моя семья кланяется Вамъ, а я кланяюсь Вашей женѣ.

Будьте, миленькій штабсъ-капитанъ съ усами, здоровы и благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Мартабря. (1890 г. Москва).

Вчера я послалъ Вамъ Фишера, одинъ Вѣстникъ Европы и 2 тома Голицинскаго. Прилагаемый листочекъ благоволите послать въ книжный магазинъ; если же Вамъ уже надоѣло возиться со мной и съ книгами, то бросьте этотъ листокъ подъ столъ, хотя не совѣтую Вамъ дѣлать этого, такъ какъ магазинъ оттого, что пріобрѣтаетъ для меня книги, имѣетъ весьма большую пользу, а мальчикъ, носящій мнѣ изъ контрагентства книги и износившій пары три сапогъ, уже получилъ отъ меня два рубля. Далъ бы больше, но боюсь, что привыкнетъ къ роскоши.

Нѣтъ ли у Васъ въ библіотекѣ «Климаты разныхъ странъ» Воейкова? Очень хорошая книга. Если есть, то пришлите, если нѣтъ, то не нужно, такъ какъ она стоитъ 5 руб.—для меня это дорого. Пришлите Максимова «Сибирь и каторгу».

Получилъ отъ Плещеева траурное письмо: Сѣверный Вѣстникъ приказалъ долго жить. Старикъ лишился заработка и ругаетъ Еврейнову съ пыломъ молодого поэта. Но я то влопался! Во-первыхъ, за какимъ же чертомъ я обкрадывалъ себя, за какимъ дьяволомъ я «поддерживалъ» изданіе, которое околѣло? Если-бъ я могъ знать, что это случится, то работалъ бы въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ мнѣ платили бы не 150 руб. за листъ и не въ разсрочку. Во-вторыхъ, я разсчитывалъ, что покойный журналъ дастъ мнѣ на дорогу 200—300 рублей и потомъ все лѣто будетъ высылать моему бѣдному благородному семейству по 50 р. въ мѣсяцъ—и вдругъ трахъ! Никакія акціи никогда такъ низко не падали, какъ мои сахалинскія. Впрочемъ, чертъ съ ними.. Вчера одна дѣвица говорила мнѣ, что будто проф. Стороженко [1]) разсказывалъ ей такой анекдотъ. Государю понравилась Крейцерова Соната, Побѣдоносцевъ, Любимовъ и прочіе херувимы и серафимы, чтобы оправдать свое отношеніе къ Толстому, поспѣшили показать Государю «Николая Палкина». Прочитавъ, Г. будто бы такъ разсердился, что приказалъ принять мѣры. Дано было знать кн. Долгорукову. [2]) И вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ къ Толстому адъютантъ отъ Долгорукова и приглашаетъ его немедленно пожаловать къ князю. Тотъ отвѣчаетъ:

— Передайте князю, что я ѣзжу и хожу только въ знакомые дома.

Сконфуженный адъютантъ уѣзжаетъ и на другой день привозитъ графу офиціальную бумагу, въ которой будто испрашивалось у графа объясненіе по поводу его Н. Палкина. Толстой прочиталъ бумагу и сказалъ:

[1]) Н. И., профессоръ исторіи всеобщей литературы, Моск. Унив.
[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.

— Передайте его сіятельству, что я давно уже ничего не пишу для печати; пишу я только для своихъ друзей, а если друзья распространяютъ мои произведенія, то виноваты въ этомъ они, а не я. Такъ и передайте.

— Но я этого не могу передать! Ужаснулся адъютантъ. Князь мнѣ не повѣритъ!

— Князь не вѣритъ своимъ подчиненнымъ? Это не хорошо.

На третій день опять пріѣзжаетъ адъютантъ съ новой бумагой и узнаетъ, что Толстой уѣхалъ въ Ясную Поляну. Такъ кончается анекдотъ.

Теперь о новыхъ вѣяніяхъ. У насъ въ участкахъ дерутъ; установлена такса: съ крестьянина за дранье берутъ 10 коп. , а съ мѣщанина 20 коп.—это за розги и труды. Дерутъ и бабъ. Недавно, увлекшись поркой, въ участкѣ выпороли и двухъ адвокатиковъ, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, о чемъ сегодня смутно докладываютъ Русскія Вѣдомости. Начато слѣдствіе.

Еще вѣяніе. Извощики одобряютъ студенческіе безпорядки.

«Это они затѣмъ бунтуютъ, объясняютъ они, чтобы и бѣдныхъ принимали въ ученье. Не одинъ же богачамъ учиться». Говорятъ, что когда толпу студентовъ вели ночью въ тюрьму, то около Страстного монастыря плебсъ напалъ на жандармовъ, чтобы отбить у нихъ студентовъ. Плебсъ будто бы вошелъ при этомъ: «вы для насъ порку выдумали, а они за насъ заступаются». Конечно, я не Шопенгауэръ и не Паскаль, Вы правы; но и Вы тоже, извините, не того.. Ну можно ли такъ понимать письма? Конечно, всякій мастеръ мнителенъ и подозрителенъ къ своимъ произведеніямъ; это такъ и нужно. Въ этомъ отношеніи я даже пессимизмъ одобряю. Писалъ же я Вамъ совсѣмъ о другой мнительности, которая въ самомъ таки дѣлѣ есть эгоизмъ 84 пробы. Я писалъ Вамъ

о той мнительности, которая заставляетъ Васъ въ каждомъ, хвалящемъ Ваши произведенія, подозрѣвать не хорошія побужденія въ родѣ лести, или желанія утѣшить..

Мой дядя ужасно божественный человѣкъ.

Кланяйтесь уважаемой уткѣ. Она мнѣ снилась.

Новаго ничего нѣтъ.

Votre *А. Чеховъ.*

XXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

27 Марта. (1890 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, извѣстіе о кончинѣ Сѣвернаго Вѣстника произвело на меня впечатлѣніе удручающее. Не хорошо все это. Странно, что всюду говорятъ у насъ о томъ, что въ Россіи мало журналовъ, и въ то же время среди бѣла дня, въ столицѣ, при изобиліи пишущихъ безпомощно и зря погибаетъ журналъ.

Лѣшаго будьте добры привезти съ собой, такъ какъ продолжать работать въ томъ журналѣ, который уже лопнулъ или черезъ мѣсяцъ лопнетъ, нельзя.

Теперь объ обществѣ драматическихъ писателей. Вопросъ объ авансѣ былъ поднятъ мною въ комитетѣ. Комитетъ единогласно напалъ на Майкова, который состроилъ недоумѣвающую рожу и сталъ увѣрять насъ, что письма отъ Васъ онъ не получалъ. Комитетъ постановилъ, чтобы я Майкову написалъ отъ себя письмо и чтобы Майковъ далъ на него отвѣтъ Вамъ. Получили ли Вы сей отвѣтъ? Во всякомъ случаѣ, не родился еще тотъ казначей, который рѣшился бы отказать Вамъ въ такой пустяшной услугѣ, какъ сторублевый авансъ.

Скоро будутъ выборы. Если будете на засѣданіи, то заявите, голубчикъ, что я уѣзжаю изъ Россіи до декабря и что такимъ образомъ временно теряю свою правоспособность. Пусть меня не выбираютъ въ члены комитета. Если же меня почтутъ избраніемъ, то я поблагодарю и откажусь. Стало быть, пусть не трудятся. Что касается состава будущаго комитета, то вотъ Вамъ мое мнѣніе. Немировичъ и Сумбатовъ, даже Александровъ должны быть избраны вновь, по возможности единогласно, такъ какъ частая перемѣна въ администраціи общества ничего не можетъ принести обществу, кромѣ вреда. Не хорошо, если члены комитета будутъ мѣняться ежегодно: при такомъ порядкѣ вещей комитетъ никогда не будетъ состоять изъ людей опытныхъ, достаточно знакомыхъ съ дѣломъ.

Вчера было засѣданіе комиссіи. Мнѣ поручено написать протоколъ засѣданія. Сейчасъ сажусь писать его. Будьте здоровы. До скорѣйшаго свиданія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29 Марта, (1890 г. Москва).

Вчера послалъ Вамъ три тома «Русской Старины»: 78, XXII, 79 XXIV и 81 XXXII. Вашихъ книгъ осталось у меня немного. Теперь сижу и повторяю Гигіену (одежда, постройки, вентиляціи и проч.), которую я наполовину забылъ. Написалъ я немного, а все больше переписываю чужое.

Переутомленіе штука условная. Вы пишете, что работали по 20 часовъ въ сутки и не утомлялись. Но вѣдь

можно утомиться и лежа цѣлый день на диванѣ. Вы писали 20 часовъ, но вѣдь у Васъ въ это время было отличное самочувствіе, Васъ возбуждалъ успѣхъ, задоръ, чувство таланта, Вы любили дѣло, иначе бы не писали. А Вашъ инфантъ не спитъ по ночамъ не потому, что у него есть публицистическій талантъ или любовь къ дѣлу, а только потому, что его отецъ издаетъ газету. Разница большая. Ему бы слѣдовало быть лѣкаремъ, адвокатомъ, жить на 2 тысячи въ годъ и печатать свои статьи не въ Новомъ времени и не въ духѣ Новаго Времени. Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется съ ними—такъ хочетъ природа и на этомъ зиждется прогрессъ, а А. А. началъ съ того, что всосался въ старые порядки. Когда мы интимничали, онъ ни разу не выругалъ Т. или Буренина, а это дурной знакъ. Вы въ сто разъ либеральнѣе его, а слѣдовало бы наоборотъ. Онъ вяло и лѣниво протестуетъ, скоро понижаетъ голосъ, скоро соглашается, и въ общемъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ совсѣмъ не заинтересованъ въ борьбѣ, т.-е. участвуетъ въ пѣтушиномъ бою, какъ зритель, не имѣя собственнаго пѣтуха. А своего пѣтуха имѣть надо, иначе неинтересно жить. На бѣду еще онъ умный человѣкъ, а большой умъ при маломъ интересѣ къ жизни подобенъ большой машинѣ, которая, ничего не производя, требуетъ много топлива и истощаетъ хозяйство.

Болѣзнь, о которой Вы писали въ послѣднемъ письмѣ, дурна сама по себѣ, но ad vitam даетъ предсказаніе хорошее, а главное—она радикально излѣчима. Что же касается наслѣдственности, то съ нею надо мириться, ибо она неизбѣжна и нужна. А нужна потому, что человѣкъ, кромѣ дурного, наслѣдуетъ еще отъ предковъ много и хорошаго. Пока у N. самое серьезное — это его насморкъ.

Насморкъ истощаетъ организмъ подобно триппперу. Чтобы выработать то, что ежедневно выдѣляетъ больной носъ, организму приходится затрачивать много матеріала. Къ тому же еще носъ находится въ прямой связи со всѣми дыхательными органами и нерѣдки примѣры, когда отъ носа кашляютъ, а закупорка носа, напримѣръ, полипомъ ведетъ даже къ чахоткѣ. Извѣстно также, что носъ имѣетъ отдаленную и до сихъ поръ еще непонятную связь съ половой сферой.

Когда N. пріѣдетъ, то прежде всего я покажу его носъ Бѣляеву, считающемуся у насъ лучшимъ спеціалистомъ. А дальше его носа я ужъ ничего не вижу. Захарынъ лѣчитъ хорошо только катарры, ревматизмы, вообще болѣзни, поддающіяся объективному изслѣдованію, а у N. болѣзнь умственная, соціально-экономопсихологическая, которая быть можетъ не существуетъ вовсе, а если и существуетъ, то, быть можетъ, не должна считаться болѣзнью.

Скажите А. А., что его письмо отъ 7 Марта и два разсказа я получилъ только *сегодня*. А на его вино я давно уже рукой махнулъ. Ничего кромѣ надувательства не вижу.

Сейчасъ я послалъ Вамъ съ мальчикомъ изъ Контрагентства Вѣстникъ Европы 1875, 6 и Русскую Старину 1883, т. XXXVII.

Прощайте однако. Пора удрать изъ дому. Погода хорошая.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

31 Мартъ (1890 г. Москва).

Христосъ воскресъ, добрѣйшій Николай Александровичъ! Поздравляю Васъ съ праздникомъ и разговѣвши.

Желаю Вамъ здравія, спасенія, во всемъ благого поспѣшенія, а главное—чтобы изобиліе благъ земныхъ на Вашей праздничной трапезѣ не повлекло бы за собой послѣдствій, предусмотрѣнныхъ медициною въ отдѣлѣ желудочно-кишечныхъ заболѣваній. Да хранитъ небо гостей Вашихъ!

Скоро я отправлюсь въ путь. Жду вскрытія Камы. Увидимся мы съ вами въ декабрѣ, а пока прошу не поминать лихомъ меня грѣшнаго. Буду Вамъ писать изрѣдка въ надеждѣ, что Вы не оставите меня безъ Вашихъ писемъ. Въ изгнаніи я буду подобенъ богатому Лазарю, для котораго перстъ, просунутый изъ другого свѣта, служитъ отрадою, о письмахъ же и говорить нечего. На Сахалинѣ я проживу не меньше двухъ мѣсяцевъ. Можете вообразить ту скуку, какую я буду испытывать по вечерамъ. Свои сахалинскіе, японскіе, китайскіе и индѣйскіе адреса сообщу и буду сообщать своевременно.

Какая однако весна! Вчера я соблазнился и поѣхалъ въ Нескучный садъ. Такъ какъ весь февраль и мартъ я просидѣлъ дома безвыходно и не замѣтилъ перехода отъ зимы къ веснѣ, то въ Нескучномъ мнѣ показалось, какъ будто я изъ сугроба попалъ прямо на островъ Таити. Погода отличная и, къ сожалѣнію, нѣтъ дождей. Боюсь, какъ бы это весеннее бездождіе не разразилось чѣмъ-нибудь въ родѣ брюшного тифа.

Когда въ почвѣ происходятъ всякіе процессы гніенія и проч., то важно въ санитарномъ отношеніи, чтобы поры загрязненной почвы, содержащей въ себѣ зародыши болѣзней, были наполнены водою и чтобы такимъ образомъ механически было заграждено сообщеніе этихъ зародышей съ атмосфернымъ воздухомъ.

Обѣщано мнѣ было, что я къ апрѣлю покончу счеты за Пестрые разсказы. Но до сихъ поръ я не получалъ ни счетовъ, ни отвѣтовъ на свои письма. А на Пестрые

разсказы въ разсужденіи своего путешествія я сильно разсчитывалъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ трудно будетъ выѣхать, прежде чѣмъ я не урегулирую свои денежныя отношенія.

Говорятъ, что Билибинъ получилъ командировку на Кавказъ. Правда ли? Очень радъ.

Пока въ Москвѣ все обстоитъ благополучно. Слухи о повсемѣстной въ Москвѣ поркѣ сильно преувеличены.

Низко кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ, Ѳедѣ и Спиридону Матвѣевичу.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте насъ грѣшныхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль (1890 г. Москва).

Христосъ воскресъ! Поздравляю Васъ, голубчикъ, и всѣхъ Вашихъ и желаю счастья. Уѣзжаю я на Ѳоминой недѣлѣ или нѣсколько позже, смотря по тому, когда вскроется Кама. Скоро начну дѣлать прощальные визиты. Передъ отъѣздомъ я буду просить у Васъ корреспондентскаго бланка и денегъ. Первый пришлите, пожалуста, а насчетъ вторыхъ надо погодить, такъ какъ я не знаю, сколько мнѣ понадобится. Я теперь собираю съ лица земли принадлежащіе мнѣ капиталы, еще не собралъ, а когда соберу, видно будетъ, чего мнѣ не достаетъ.

Семья обезпечена до октября—въ этомъ отношеніи я уже покоенъ.

Да, Ежовъ грубоватъ. Это плебей, весьма мало образованный, но не глупый и порядочный. Съ каждымъ годомъ онъ пишетъ все лучше и лучше—это я констатирую. Вы пишете, что его фельетонъ имѣлъ успѣхъ. Если это тотъ, въ которомъ идетъ рѣчь о попѣ, то спѣшу заявить, что я не исправлялъ его. По моему, теперь Ежову какъ работнику пятакъ цѣна, но черезъ 5—10 лѣтъ, когда онъ станетъ постарше, онъ будетъ нужнымъ человѣкомъ. Главное, онъ порядоченъ и не пьяница. Есть другой, Лазаревъ—это тоже хорошій человѣкъ.

Вчера я прочелъ Ежову письмо А. А., который пишетъ, что Вы предлагаете ему, Ежову, авансъ въ 100 рублей. У Ежова жена больна чахоткой, нужно везти ее на югъ, и отъ аванса онъ не отказывается, находя его своевременнымъ. Онъ проситъ Васъ прислать ему 100 рублей и проситъ также, чтобы контора удерживала въ счетъ аванса не весь гонораръ, а только половину. Все это прекрасно, но я прошу позволенія вмѣшаться и выдать ему сей авансъ не теперь, а наканунѣ его отъѣзда. Если позволите, я выдамъ ему сто рублей, когда онъ прійдетъ ко мнѣ прощаться. Раньше выдавать нельзя, такъ какъ онъ потратитъ на чепуху и чахоточной женѣ его прійдется ѣхать въ 3 классѣ.

Теперь объ Островскомъ. Отвѣтьте мнѣ что-нибудь. Вы обѣщали издать разсказы его сестры. Напишите же, когда книга начнетъ печататься. Вся фамилія Островскихъ томится.

Если у N. въ самомъ дѣлѣ полипъ, то излѣчить его насморкъ такъ же легко, какъ выкурить папиросу. Но едва ли у него полипъ.

Пришлите мой водевиль «Свадьбу». Если потеряли, то такъ тому и быть, отслужимъ сему водевилю панихиду.

Вчера былъ у меня одинъ актеръ, участвующій въ пьесѣ Маслова. Не бранится. Значитъ, пьеса идетъ хо-

рошо. Онъ увѣрялъ меня, что Севильскій Обольститель [1]) не оригинальная пьеса, а переводъ.

Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушіемъ къ добру и злу, отсутствіемъ идеаловъ и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадовъ, говорилъ бы: кража лошадей есть зло. Но вѣдь это и безъ меня давно уже извѣстно. Пусть судятъ ихъ присяжные засѣдатели, а мое дѣло показать только, какіе они есть. Я пишу: вы имѣете дѣло съ конокрадами, такъ знайте же, что это не нищіе, а сытые люди, что это люди культа и что конокрадство есть не просто кража, а страсть. Конечно, было бы пріятно сочетать художество съ проповѣдью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условіямъ техники. Вѣдь чтобы изобразить конокрадовъ въ 700 строкахъ, я все время долженъ говорить и думать въ ихъ тонѣ и чувствовать въ ихъ духѣ, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и разсказъ не будетъ такъ компактенъ, какъ надлежитъ быть всѣмъ коротенькимъ разсказамъ. Когда я пишу, я вполнѣ разсчитываю на читателя, полагая, что недостающіе въ разсказѣ субъективные элементы онъ подбавитъ самъ. Будьте благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXX.

Ему-же.

(Съ подлинника).

11 Апр. (1890 г. Москва).

N. N. уѣхалъ на Югъ. Видѣлся я съ нимъ ежедневно, вмѣстѣ обѣдалъ, ужиналъ и всякій разъ его здоровье производило на меня самое хорошее впечатлѣніе. По-

---

[1]) Пьеса Бѣжецкаго-Маслова.

казывать его Захарьину, или другому какому-нибудь свѣтилу я положительно не нашолъ нужнымъ, ибо нѣтъ ничего хуже, какъ явиться къ врачу и не знать, на что жаловаться. Это баловство; пріучать себя смолоду къ бесѣдамъ съ врачами значитъ создать себѣ къ старости самое плохое мнѣніе о своемъ здоровьѣ, что вредно, вреднѣе насморка. Я хотѣлъ показать его лучшему захарьинскому ассистенту, своему Корнѣеву, прекраснѣйшему врачу, который взялъ бы на себя рѣшеніе вопроса о впзитѣ къ Захарьину, но N. N. зафордыбачился, а я не нашолъ нужнымъ протестовать и настаивать. Насчетъ носа намъ не повезло. Бѣляевъ принимаетъ только до девяти часовъ утра, послѣ чего онъ исчезаетъ изъ Москвы, а ..... не пожелалъ вставать рано. Я взялъ съ него слово, что на обратномъ пути черезъ Москву онъ зайдетъ къ Корнѣеву; Корнѣевъ пріятель Бѣляева и устроитъ все, что нужно; сей Корнѣевъ пріятель и Захарьина. Не забудьте сего и, если понадобится, то обращайтесь къ нему. Человѣкъ онъ хорошій.

Легкія, печень и мозги у N. N. находятся въ вождѣленномъ здравіи. Сердце тоже. Катарра нѣтъ ни въ желудкѣ, ни въ кишкахъ. Если, какъ я слышалъ отъ него, онъ будетъ жить лѣтомъ въ Ѳеодосіи, то въ іюнѣ, или въ іюлѣ, главнымъ же образомъ передъ тѣмъ, какъ онъ начнетъ купаться, не забудьте устроить такъ, чтобы какой-нибудь мѣстный врачъ посмотрѣлъ его мочу. *Не забудьте.* Если въ названное время моча его окажется по составу и удѣльному вѣсу нормальною, то дайте ему паспортъ на всѣ четыре стороны и скажите, что заѣзжать въ Москвѣ къ Корнѣеву нѣтъ надобности; пусть ѣстъ, пьетъ, купается и работаетъ, сколько ему угодно. Если въ Ѳеодосіи будетъ врачъ Хаджи, то обратитесь къ нему, онъ знаетъ, что дѣлать съ мочой. Даю я Вамъ это мочевое порученіе не безъ основанія: она успокоитъ

Васъ насчетъ сахарной болѣзни, о которой Вы писали мнѣ въ двухъ письмахъ, и убѣдить N. N., что у него здоровы не т лько легкія, печень и мозги, но и почки, т.-е. что онъ здоровъ совершенно.

Ѣду я 18-го Апрѣля. Ежову я отдамъ сто рублей изъ своихъ, не беря въ московскомъ магазинѣ—такъ мы рѣшили съ А. А. Свои адресы сообщу Вамъ своевременно. Ѣхать не хочется и я охотно бы остался, но лучше отдѣлаться отъ поѣздки въ этомъ году, чѣмъ откладывать ее до будущаго года. Денегъ у меня набралось достаточно, но тѣмъ не менѣе все-таки я попрошу у Васъ на всякій случай тысячу рублей плюсъ тѣ сто, которые я отдалъ Ежову. Этого мнѣ больше чѣмъ достаточно и я привезу Вамъ еще сдачи. Пятьсотъ я отработаю до августа, а остальные замошенничаю. На святой недѣлѣ я получилъ изъ Вашего магазина 782 рубля. Скоро нужно будетъ печатать 4-е изданіе «Въ сумеркахъ».

Вчера я послалъ Вамъ «Морской сборникъ» для Виноградова и «Горный журналъ» для Скальковскаго. Скажите послѣднему, что я удержалъ у себя тѣ три номера, въ которыхъ напечатана статья его сослуживца Кеппена. Возвращу своевременно.

Ради всѣхъ святыхъ отвѣтьте мнѣ что-нибудь насчетъ Островскаго.

Умоляю!!! Опять приходилъ.

Я еще не уѣхалъ, а сестра уже начала скучать. Безъ меня ей прійдется плохо. Посылаю ее недѣли на двѣ въ Крымъ.

Поклонитесь Афанасьеву. Вчера былъ у меня Алексѣй Петровичъ съ кн. Урусовымъ. Послѣ «Севильскаго обольстителя» ужинала цѣлая компанія: авторъ, Миша Иваповъ, Плющикъ-Плющевскій, братъ Иванова, Алексѣй Алексѣевичъ, Алексѣй Петровичъ и я. Если не говорить обо мнѣ и А. А., то изъ всей компаніи, мертвецки

скучной, самымъ интереснымъ былъ Алексѣй Петровичъ, хотя онъ все время молчалъ. Ужинали скупо: по 4 рубля съ носа. Не обѣдняли бы, если бы и по 8 истратили. Поѣли и вдругъ всѣ утомились; не доставало китайцевъ съ посилками. Мишя былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, и сдѣлалъ мнѣ выговоръ, что у насъ въ Москвѣ не умѣютъ поддерживать товарищей. Я ему ничего не отвѣтилъ на это. Я былъ на Севильскомъ обольстителѣ, а Масловъ постарался не быть на Ивановѣ и все время дѣлалъ видъ, что онъ не былъ, но изъ этого я не заключаю, что въ Петербургѣ не умѣютъ поддерживать товарищей. Поддерживать товарища значитъ аплодировать; начать же аплодировать значитъ вызвать протестующее шиканье со стороны не товарищей.

Будьте храшимы Господомъ Богомъ и всѣми его силами небесными. Во снѣ за мною гонялся волкъ.

Низко кланяюсь Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Сейчасъ сидитъ у меня N, которая когда-то жила у Васъ. Она вышла замужъ за художника N, очень милаго, но нуднаго человѣка, который во чтобы то ни стало хочетъ ѣхать со мной на Сахалинъ рисовать. Отказать ему въ своемъ обществѣ у меня не хватаетъ духа, а ѣхать съ нимъ—это сплошная тоска. На-дняхъ онъ ѣдетъ въ Петерб. продавать свою картину и по просьбѣ своей супруги зайдетъ къ Вамъ *просить совѣта.* Жена по сему случаю пришла просить у меня рекомендательнаго письма къ Вамъ. Будьте благодѣтелемъ, скажите N, что я пьяница, мошенникъ, нигилистъ, буянъ и что со мной ѣхать нельзя и что поѣздка его въ моемъ обществѣ испортитъ ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадетъ зря. Мнѣ конечно было бы пріятно иллюстрировать свою книгу,

но когда я узналъ, что N за это надѣется получить не менѣе тысячи рублей, то у меня пропалъ всякій аппетитъ къ иллюстраціи. Голубчикъ, отсовѣтуйте!!! Почему ему понадобился именно Вашъ совѣтъ, чертъ его знаетъ...

XXXI.

Ему-же.

(Съ подлинника).

15 Апрѣль. (1890 г. Москва).

Итакъ, значитъ, дорогой мой, я уѣзжаю въ среду, или самое большое, въ четвергъ. До свиданья до декабря. Счастливо оставаться. Деньги я получилъ, большое Вамъ спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что ихъ положить, а на покупки въ Японіи у меня хватило бы денегъ, ибо я собралъ достаточно.

У меня такое чувство, какъ-будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никакихъ опасностей, кромѣ зубной боли, которая у меня непремѣнно будетъ въ дорогѣ. Такъ какъ, если говорить о документахъ, я вооруженъ однимъ только паспортомъ и ничѣмъ другимъ, то возможны непріятныя столкновенія съ предержащими властями, но это бѣда преходящая. Если мнѣ чего-нибудь не покажутъ, то я просто напишу въ своей книгѣ, что мнѣ не показали—и баста, а волноваться не буду. Въ случаѣ утопутія или чего-нибудь въ родѣ, имѣйте въ виду, что все, что я имѣю и могу имѣть въ будущемъ, принадлежитъ сестрѣ; она заплатитъ мои долги.

Телеграфировать Вамъ буду непремѣнно; чаще же буду писать. Адресъ для телеграммъ: Томскъ, редакція Сибирскаго Вѣстника, Чехову. Письма, написанныя до 25 іюля, я непремѣнно получу; написанныя позже

на Сахалинѣ меня не застанутъ. Кромѣ писемъ и телеграммъ, Вы, сударь, имѣете посылать мнѣ заказными бандеролями всякую печатную чепуху, начиная съ брошюрокъ и кончая газетными вырѣзками — это будетъ лѣкарствомъ отъ сахалинской скуки; только присылайте такія вещи, которыя, прочитавши, не жалко бросить. Мой адресъ для писемъ и бандеролей: Постъ Александровскій на о. Сахалинѣ, или Постъ Корсаковскій. Посылайте по обоимъ адресамъ. За все сіе я привезу Вамъ не въ счетъ абонемента голую японку изъ слоновой кости, или что-нибудь въ родѣ уважаемой утки, которая стоитъ у Васъ на этажеркѣ передъ столомъ. Напишу Вамъ въ Индіи экзотическій разсказъ.

Съ дороги въ Новое Время я не буду писать ничего, кромѣ субботниковъ. Я буду писать Вамъ лично; если что дорожное будетъ по Вашему мнѣнію годиться для печати, то отсылайте въ редакцію. Впрочемъ, тамъ видно будетъ. Кусочки въ 40—75 строкъ писать недурно бы.

Мать я беру съ собой и высаживаю въ Троицкой лаврѣ, сестру тоже беру и высаживаю въ Костромѣ. Вру имъ, что пріѣду въ сентябрѣ.

Въ Томскѣ осмотрю университетъ. Такъ какъ тамъ только одинъ факультетъ—медицинскій, то при осмотрѣ я не явлю себя профаномъ.

Купилъ себѣ полушубокъ, офицерское непромокаемое пальто изъ кожи, большіе сапоги и большой ножикъ для рѣзанія колбасы и охоты на тигровъ. Вооруженъ съ головы до ногъ.

И такъ, до свиданья. Буду писать Вамъ съ Волги и съ Камы. Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Борису самый сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXXII.

Ему-же.

(Съ подлинника).

18 Апр. Среда. (1890 г. Москва).

Я застрялъ въ Москвѣ еще на одинъ день. Спасибо за телеграмму. Да, писать мнѣ можно только въ Сахалинъ, ибо письма меня не догонятъ въ Сибири. Впрочемъ, если напишете въ скоромъ времени письмо въ Иркутскъ (редакція «Восточнаго Обозрѣнія»), то я получу его.

Въ телеграммахъ не употребляйте слово Сахалинъ. Для администраторскаго уха это звучитъ такъ же непріятно, какъ Петропавловская крѣпость.

Обь еще покрыта льдомъ и посему отъ Тюмени до Томска мнѣ придется скакать на лошадяхъ. Мѣстность адски скучная, хмурая. А ждать, когда вскроется, нельзя, такъ какъ навигація начнется только 10-го мая.

Спасибо за корреспондентскій бланокъ.

Слѣдующее письмо получите съ Волги, которая, говорятъ, очень хороша. Я нарочно ѣду въ Ярославль, а не въ Нижній, чтобы побольше захватить Волги.

Писанія мои для газеты могутъ начаться не раньше Томска, ибо до Томска все уже заѣзжено, исписано и неинтересно.

Обнимаю Васъ крѣпко. Посылаю два разсказа, полученныхъ мною отъ Алексѣя Алексѣевича.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Былъ у меня сегодня извѣстный Вамъ Гиляровскій. Онъ ѣдетъ встрѣчать сотника Пѣшкова и хочетъ Вамъ писать объ его лошади.

XXXIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Пароходъ Алекс. Невскій 23, рано утромъ. (Апр. 1890 г.).

Друзья мои Тунгусы! Былъ ли у Васъ дождь, когда Иванъ [1]) вернулся изъ Лавры? Въ Ярославлѣ лупилъ такой дождь, что пришлось облечься въ кожаный хитонъ. Первое впечатлѣніе Волги было отравлено дождемъ, заплаканными окнами каюты и мокрымъ носомъ Г., который вышелъ на вокзалъ встрѣтить меня. Во время дождя Ярославль кажется похожимъ на Звенигородъ, а его церкви напоминаютъ о Перервинскомъ монастырѣ; много безграмотныхъ вывѣсокъ, грязно, по мостовой ходятъ галки съ большими головами.

На пароходѣ я первымъ долгомъ далъ волю своему таланту, т.-е. легъ спать. Проснувшись, узрѣлъ солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцемъ монастыри, бѣлыя церкви; раздолье, удивительное; куда ни взглянешь, всюду удобно сѣсть и начать удить. На берегу бродятъ классныя дамы и щиплютъ зеленую травку, слышится изрѣдка пастушескій рожокъ. Надъ водой носятся бѣлыя чайки, похожія на младшую Дришку [2]).

Пароходъ неважный. Самое лучшее въ немъ, это-ватеръ-клозетъ. Стоитъ онъ высоко, имѣя подъ собою четыре ступени, такъ что неопытный человѣкъ въ родѣ И. легко можетъ принять его за королевскій тронъ. Самое худшее на пароходѣ — это обѣдъ. Сообщаю меню съ сохраненіемъ орфографіи: щи зеле, сосиськи съ капу, севрюшка фры, кошка запеканка; кошка ока-

[1]) Братъ Иванъ Павловичъ.
[2]) Знакомая барышня.

залась кашкой. Такъ какъ деньги у меня нажиты пóтомъ и кровью, то я желалъ бы, чтобы было наоборотъ, т.-е. чтобы обѣдъ былъ лучше ватеръ-клозета, тѣмъ болѣе, что послѣ корнѣевскаго сантуринскаго у меня завалило все путро, и я до самаго Томска обойдусь безъ ватера.

Со мной ѣдетъ К. Куда она ѣдетъ и зачѣмъ, мнѣ не извѣстно. Когда я начинаю разспрашивать ее объ этомъ, она пускается въ какія-то весьма тумáнныя предположенія о комъ-то, который назначилъ ей свиданіе въ оврагѣ около Кинешмы, потомъ закатывается неистовымъ смѣхомъ и начинаетъ топать ногами или долбить своимъ локтемъ о что попало, не щадя ..... жилки. Проѣхали и Кинешму, и овраги, а она все -таки продолжаетъ ѣхать, чему я конечно очень радъ. Кстати: вчера первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ она ѣстъ. Ѣстъ она не меньше другихъ, но машинально, точно овесъ жуетъ.

Кострома хорошій городъ. Видѣлъ я Плесъ, въ которомъ жилъ томный Левитанъ; видѣлъ Кинешму, гдѣ гулялъ по бульвару и наблюдалъ мѣстныхъ шпаковъ [1]); заходилъ здѣсь въ аптеку купить бертолетовой соли отъ языка, который сталъ у меня сафьяновымъ отъ сантуринскаго. Аптекарь, увидѣвъ О. П., обрадовался и сконфузился, она—тоже; оба повидимому давно уже знакомы и, судя по бывшему между ними разговору, не разъ гуляли по оврагамъ близъ Кинешмы. Такъ вотъ они гдѣ шпаки! Фамилія аптекаря К.

Холодновато и скучновато, но въ общемъ занятно.

Свиститъ пароходъ ежеминутно; его свистъ—что-то среднее между ослинымъ ревомъ и эоловой арфой. Черезъ 5—6 часовъ буду въ Нижнемъ. Восходитъ солнце. Ночь спалъ художественно. Деньги цѣлы—это оттого, что я часто хватаюсь за животъ.

---

[1]) Ухаживателей.

Очень красивы буксирные пароходы, тащущіе за собою по 4—5 баржъ; похоже на то, какъ будто молодой, изящный интеллигентъ хочетъ бѣжать, а его за фалды держатъ жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены.

Папашѣ и мамашѣ поклонъ до земли; всѣмъ прочимъ по поясъ. Надѣюсь, что Семашко, Лидія Стахіевна и Иваненко ведутъ себя хорошо. Интересно знать, кто теперь будетъ кутить съ Лидіей Стах. до 5 часовъ утра? Ахъ, какъ я радъ, что у Иваненки нѣтъ денегъ!

Чемоданъ, купленный Мишей, рвется. Благодарю̀ вамъ. Здоровье у меня абсолютное. Шея не болитъ. Вчера не выпилъ ни капли.

Возьмите у Дришки Фофанова. К. отдашьте [1]) французскій атласъ и путешествіе Дарвина, стоящее на полкѣ. Это по части Ивана [2]).

Солнце спряталось за облако, стало пасмурно и широкая Волга представляется мрачной. Левитану нельзя жить на Волгѣ. Она кладетъ на душу мрачность. Хотя имѣть на берегу свое имѣньице весьма недурно.

Желаю всѣмъ всего хорошаго. Сердечный привѣтъ и 1000 поклоновъ.

Миша, научи Лидію Стах. отправлять заказную бандероль и отдай ей билетъ на Гоголя. Помните, что Суворину возвращенъ одинъ томъ Гоголя для переплетнаго образца. Значитъ, получить надо 3 тома.

Если бы лакей проснулся, то я потребовалъ бы кофе, а теперь приходится пить воду безъ удовольствія. Поклонъ Марьюшкѣ и Ольгѣ [3]).

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны. Буду писать исправно.

Скучающій вологжанинъ

Homo Sachaliensis.

А. Чеховъ.

---

[1]) Одно изъ любимыхъ словечекъ Чеховской семьи.
[2]) Братъ Ив. Павл.
[3]) Прислуга Чеховыхъ.

XXXIV.

С. П. Кувшинниковой.

(Съ подлинника).

23 Апр. Рано утромъ. (1890 г. Нижній-Новгородъ).

Видѣлъ Плесъ. Узналъ я кладбищенскую церковь, видѣлъ домъ съ красной крышей.. Слышалъ унылую гармошку. Немножко холодно ѣхать. Кое-гдѣ на берегу попадается снѣгъ.

Самочувствіе хорошее. Если бы не холодъ, то можно было бы стоять на палубѣ, а въ каютѣ скучновато.

Икра удивительная; за неимѣніемъ компаніи я ѣмъ ее безъ водки и все-таки она великолѣпна. Бутылка съ коньякомъ будетъ раскупорена на берегу Великаго океана. [1]) Кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

XXXV.

М. П. Чеховой.

Съ подлинника).

24, вечеромъ. (Апрѣль. 1890 г. Съ парохода).

Друзья мои тунгусы! Плыву по Камѣ, по мѣстности опредѣлить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспѣть красоту береговъ, такъ какъ адски холодно; береза еще не распустилась, тянутся кое-гдѣ полосы снѣга, плаваютъ льдинки — однимъ словомъ, вся эстетика попла къ черту. Сижу въ рубкѣ, гдѣ за столомъ сидятъ всякаго званія люди, и слушаю разго-

[1]) Эта бутылка была подарена А. П. мужемъ адресатки. А. П. обѣщалъ выпить ее на берегу Великаго Океана, что впослѣдствіи и было имъ выполнено.

воры, спрашивая себя: «не пора ли вамъ чай пить?» Еслибъ моя воля, то отъ утра до ночи только бы и дѣлалъ, что ѣлъ; такъ какъ денегъ на цѣлодневную ѣду нѣтъ, то сплю и паки сплю. На палубу не выхожу — холодно. По ночамъ идетъ дождь, а днемъ дуетъ непріятный вѣтеръ.

Ахъ, икра! Ѣмъ, ѣмъ и никакъ не съѣмъ. Въ этомъ отношеніи она похожа на шаръ сыра. Благо, не соленая.

Не хорошо, что я не догадался сшить себѣ мѣшочекъ для чая и сахара. Приходится требовать стаканами, что и не выгодно и скучно. Хотѣлъ сегодня утромъ купить въ Казани чаю и сахару, да проспалъ.

Возрадуйтесь, о матерь! Я, кажется, прожпву въ Екатеринбургѣ сутки и повидаюсь съ родственничками. Быть можетъ, сердце ихъ смягчится и они дадутъ мнѣ три рубля денегъ и осьмушку чаю.

Изъ разговоровъ, которые сейчасъ слышу, заключаю, что со мною ѣдетъ судебная палата. Люди не даровитые. Зато купцы, которые изрѣдка вставляютъ свое словцо, кажутся умницами. Богачи попадаются страшенные.

Стерляди дешевле грибовъ, но скоро надоѣдаютъ. О чемъ еще написать? Больше не о чемъ.. Впрочемъ, есть генералъ и тощій блондинъ. Первый мечется изъ каюты на палубу и обратно и все куда-то направляетъ свою фотографію, второй загримированъ Надсономъ и старается дать понять, что онъ писатель; сегодня за обѣдомъ совралъ какой-то дамѣ, что онъ печаталъ книжку у Суворина; я, конечно, изобразилъ на лицѣ трепетъ..

Деньги цѣлы всѣ за исключеніемъ тѣхъ, которыя я проѣлъ. Не хотятъ подлецы кормить даромъ!

Мнѣ не весело и не скучно, а такъ, какой-то студень на душѣ. Я радъ сидѣть неподвижно и молчать. Сегодня напримѣръ, я едва ли сказалъ пять словъ. Впрочемъ, вру: разговаривалъ съ попомъ на палубѣ.

Стали попадаться инородцы. Татаръ очень много: народъ почтенный и скромный.

Большое удобство: уходя изъ каюты, запираешь ее на ключъ; ложась спать, тоже. Такъ что до Перми у меня ничего не украдутъ.

Низко кланяюсь всѣмъ. Папу и маму усердно прошу не безпокоиться и не воображать опасностей, которыхъ нѣтъ. Кланяюсь Семашечкѣ съ віолончелью, Иваненкѣ съ флейтой и Теръ-Мизиновой съ бабушкой. Передайте Дюковскому мое сожалѣніе по поводу того, что намъ не удалось видѣться передъ моимъ отъѣздомъ. Онъ хорошій человѣкъ. Поклонъ Кувшинниковымъ. Если Кундасова уже пріѣхала, то и ей.

Будьте всѣ здоровы и благополучны

Вашъ *А. Чеховъ.*

Извините, что пишу Вамъ только о ѣдѣ. Еслибы не ѣда, пришлось бы писать о холодѣ, ибо сюжетовъ нѣтъ.

Палата постановила: потребовать чаю. Пригласили откуда-то двухъ кандидатовъ на судебныя должности, ѣдущихъ въ качествѣ канцеляріи. Одинъ похожъ на портняжнаго поэта Бѣлоусова, другой на Ежова. Оба почтительно слушаютъ г.г. начальниковъ, не смѣютъ свое сужденіе имѣть и дѣлаютъ видъ, что, слушая умныя рѣчи, набираются ума. Люблю примѣрныхъ молодыхъ людей.

XXXVI.

Ей-же.

(Съ подлинника).

29 Апрѣль. (1890 г. Съ парохода).

Друзья мои тунгусы! Кама прескучнѣйшая рѣка. Чтобы постигать ея красоты, надо быть печенѣгомъ, сидѣть неподвижно на баржѣ около бочки съ нефтью

или куля съ воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голыя, земля бурая, тянутся полосы снѣга, а вѣтеръ такой, что самъ чертъ не съумѣетъ дуть такъ рѣзко и противно. Когда дуетъ холодный вѣтеръ и рябитъ воду, имѣющую теперь послѣ половодья цвѣтъ кофейныхъ помоевъ, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговыхъ гармошекъ кажутся унылыми, фигуры въ рваныхъ тулупахъ, стоящія неподвижно на встрѣчныхъ баржахъ, представляются застывшими отъ горя, которому нѣтъ конца. Камскіе города сѣры; кажется, въ нихъ жители занимаются приготовленіемъ облаковъ, скуки, мокрыхъ заборовъ и уличной грязи—единственное занятіе. На пристаняхъ толпится интеллигенція, для которой приходъ парохода—событіе. Все больше Щербаненки и Чугуевцы, въ такихъ же шляпахъ, съ такими же голосами и съ такимъ же выраженіемъ «второй скрипки» во всей фигурѣ; повидимому, ни одинъ изъ нихъ не получаетъ больше 35 рублей и вѣроятно всѣ лѣчатся отъ чего-нибудь.

Я уже писалъ, что со мною ѣхала судебная палата: предсѣдатель, членъ и прокуроръ. Предсѣдатель, здоровый, крѣпкій старикъ нѣмецъ, принявшій православіе, набожный, гомеопатъ и, повидимому, большой бабникъ; членъ—старецъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ изображалъ покойный Николай: ходитъ сгорбившись, кашляетъ и любитъ игривые сюжеты; прокуроръ—человѣкъ 43 лѣтъ, недовольный жизнью, либералъ, скептикъ и большой добрякъ. Всю дорогу палата занималась тѣмъ, что ѣла, рѣшала важные вопросы, ѣла, читала и ѣла. На пароходѣ библіотека и я видѣлъ, какъ прокуроръ читалъ мои «Въ сумеркахъ». Шла рѣчь обо мнѣ. Больше всѣхъ нравится въ здѣшнихъ краяхъ Сибирякъ-Мамина, описывающій Уралъ. О немъ говорятъ больше, чѣмъ о Толстомъ.

Плылъ я до Перми $2^1/_2$ года—такъ казалось. Приплылъ туда въ 2 часа ночи. Поѣздъ отходилъ въ 6 часовъ вечера. Пришлось ждать. Шолъ дождь. Вообще дождь, грязь, холодъ... бррр! Уральская дорога везетъ хорошо. Боромлей и Мерчиковъ [1]) нѣтъ, хотя и приходится перевалпвать черезъ Уральскія горы. Это объясняется изобиліемъ здѣсь дѣловыхъ людей, заводовъ, пріисковъ и проч., для которыхъ время дорого.

Проспувшись вчера утромъ и поглядѣвъ въ вагонное окно, я почувствовалъ къ природѣ отвращеніе: земля бѣлая, деревья покрыты инеемъ и за поѣздомъ гонится настоящая метелица. Ну не возмутительно ли? Не сукины ли сыны?.. Калошъ у меня нѣтъ, натянулъ я большіе саноги и, пока дошолъ до буфета съ кофе, продушилъ дегтемъ всю Уральскую область. А пріѣхалъ въ Екатеринбургъ—тутъ дождь, снѣгъ и крупа. Натягиваю кожаное пальто. Извощики—это нѣчто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, безъ рессоръ; переднія ноги у лошади разставлены такъ [2]), копыта громадныя, спина тощая. Здѣшнія дрожки—это аляповатая пародія на наши брички. Къ бричкѣ придѣланъ оборванный верхъ, вотъ и все. И чѣмъ правильнѣе я нарисовалъ бы здѣшняго извощика съ его пролеткой, тѣмъ больше бы онъ походилъ на каррикатуру. Ѣздятъ не по мостовой, на которой тряско, а около канавъ, гдѣ грязно и, стало быть, мягко. Всѣ извощики похожи на Добролюбова.

Въ Россіи всѣ города одинаковы. Екатеринбургъ такой же точно, какъ Пермь или Тула. Похожъ и на Сумы, и на Гадячъ. Колокола звонятъ великолѣпно, бархатно. Остановился я въ «Американской гостиницѣ»

---

[1]) Станціи на Харьково-Никол. жел. дор.
[2]) Здѣсь рисунокъ.

(очень недурной) и тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ А. М. С., написавъ ему, что два дня я де намѣренъ безвыходно сидѣть у себя въ номерѣ и принимать Гуніади, которое принимаю и, скажу не безъ гордости, съ большимъ успѣхомъ.

Здѣшніе люди внушаютъ пріѣзжему нѣчто въ родѣ ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечіе, съ маленькими глазами, съ громадными кулачищами. Родятся они на мѣстныхъ чугунно-литейныхъ заводахъ и при рожденіи ихъ присутствуетъ не акушеръ, а механикъ. Входитъ въ номеръ съ самоваромъ или съ графиномъ и того гляди, убьетъ. Я сторонюсь. Сегодня утромъ входитъ одинъ такой—скуластый, лобастый, угрюмый, ростомъ подъ потолокъ, въ плечахъ сажень, да еще къ тому же въ шубѣ.

— Ну, думаю, этотъ непремѣнно убьетъ.—Оказалось, что это А. М. С. Разговорились. Онъ служитъ членомъ въ земской управѣ, директорствуетъ на мельницѣ своего кузена, освѣщаемой электричествомъ, редактируетъ «Екатеринб. Недѣлю», цензуруемую полиціймейстеромъ барономъ Таубе, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей, богатѣетъ, толстѣетъ, старѣетъ и живетъ «основательно». Говоритъ, что скучать некогда. Совѣтовалъ мнѣ побывать въ музеѣ, на заводахъ, на пріискахъ; я поблагодарилъ за совѣтъ. Пригласилъ онъ меня на завтра къ вечеру чай пить; я пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Меня обѣдать онъ не пригласилъ и вообще не настаивалъ, чтобы я у него побывалъ. Изъ этого мамаша можетъ заключить, что сердце родственниковъ не смягчилось и что оба мы и С. и я другъ другу не нужны. Прасковью Парменовну, Настасью Тихоновну, Собакія Семеныча и Матвѣя Сортирыча видѣть я не буду, хотя тетка и просила передать имъ, что она ужъ разъ десять имъ писала и отвѣта не получала. Родствен-

ишки—это племя, къ которому я равнодушенъ такъ же, какъ къ Фросѣ Артеменко.

На улицѣ снѣгъ, и я нарочно опустилъ занавѣску на окнѣ, чтобы не видѣть этой азіатчины. Сижу и жду отвѣта изъ Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировалъ я такъ: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Отвѣтъ уплаченъ. Увѣдомьте, когда идетъ пассажирскій пароходъ Томскъ» и т. д. Отъ отвѣта зависитъ, поѣду ли я на пароходѣ или же поскачу $1^1/_2$ тысячи верстъ на лошадяхъ, по распутицѣ.

Всю ночь здѣсь бьютъ въ чугунныя доски на всѣхъ углахъ. Надо имѣть чугунныя головы, чтобы не сойти съ ума отъ этихъ неумолкающихъ курантовъ. Сегодня попробовалъ сварить себѣ кофе: получилось матрасное вино. Пилъ и только плечами пожималъ.

Я вертѣлъ въ рукахъ пять простынь и не взялъ ни одной. Ѣду сегодня покупать резиновыя калоши.

Ну, будьте всѣ здоровы и благополучны, да хранитъ Васъ Богъ. Привѣтъ мой всѣмъ Линтваревымъ, напаче же Трошѣ. Поклонъ Иваненкѣ, Кундасовой, Мизиновой и проч. Желаю Лукѣ побольше шпаковъ. Деньги цѣлы. Если мамаша сдѣлаетъ Николаю рѣшотку, то я, повторяю, ничего не буду имѣть противъ. Это мое желаніе.

Найду ли въ Иркутскѣ письмо отъ Васъ?

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

Посылаю заказнымъ—боюсь, что не дойдетъ.

Попроси Лику, чтоба она не оставляла *большихъ полей* въ своихъ письмахъ.

XXXVII.

К. Г. Фоти [1]).

(По копіи, доставленной адресатомъ).

Тюмень, 3 мая 1890 года.

Милостивый Государь

Константинъ Георгіевичъ!

Мой дядя Митрофанъ Георгіевичъ писалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Вамъ угодно было выразить желаніе, чтобы я прислалъ свои книги въ Таганрогскую Городскую Библіотеку. Такое Ваше вниманіе ко мнѣ, мною не заслуженное, слишкомъ лестно для моего авторскаго самолюбія и я не нахожу словъ, чтобы благодарить Васъ. Я счастливъ, что могу хотя чѣмъ-нибудь быть полезенъ родному городу, которому я многимъ обязанъ и къ которому продолжаю питать теплое чувство.

Уѣзжая изъ Москвы, я поручилъ выслать на Ваше имя три своихъ книги. Четвертая моя книга—«Пестрые разсказы» вся распродана и будетъ напечатана слѣдующимъ изданіемъ по моемъ возвращеніи, т.-е. не раньше начала будущаго года. Между прочимъ я поручилъ послать Вамъ экземпляръ «Власти Тьмы» Л. Толстого съ собственноручной авторской подписью; я прошу Городскую Библіотеку принять отъ меня этотъ небольшой подарокъ, какъ со временемъ буду просить принять отъ меня всѣ тѣ книги съ авторскими факсимиле, какія у меня теперь имѣются и какія я собираю и сохраняю спеціально для библіотеки моего родного города [2]).

Позвольте мнѣ пожелать Вамъ всего хорошаго и прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи

А. Чеховъ.

---

[1]) Таганрогскій городской голова.

[2]) Библіотека была передана А. П. въ Таганрогъ въ концѣ 90-ыхъ годовъ.

XXXVIII.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

4 Май. (1890 г. Пишмъ).

Я живъ, здоровъ и благополученъ. Кофе варить научился, но только у меня на стаканъ идутъ двѣ ложки, а не одна.

Клапяюсь всѣмъ нашимъ и Линтварямъ. Зелени нѣтъ, морозно. Зяблутъ ноги.

Будьте здоровы. Не скучайте.

Вашъ уважительный сынъ *А. Чеховъ.*

Зелени буквально еще пѣтъ ни капли.

XXXIX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

7 Май. Берегъ Иртыша. (1890 г.).

Здравствуйте, во истину уважаемая Марія Владиміровна! Хотѣлъ я написать Вамъ прощальное письмо изъ Москвы, да не успѣлъ; пришлось отложить на неопредѣленное время. Пишу Вамъ теперь, сидя въ избѣ на берегу Иртыша. Ночь. Попалъ я сюда такимъ образомъ. Ѣду я по сибирскому тракту на вольныхъ. Проѣхалъ уже 715 верстъ. Обратился въ великомученика съ головы до пятокъ. Съ сегодняшняго утра сталъ дуть рѣзкій холодный вѣтеръ и заморосилъ противнѣйшій дождишко. Надо замѣтить, что въ Сибири весны еще

нѣтъ: земля бурая, деревья голыя и, куда не взглянешь, всюду бѣлѣютъ полосы снѣга; день и ночь ѣду я въ полушубкѣ и въ валенкахъ.. Ну-съ, подулъ съ утра вѣтеръ.. Тяжолыя свинцовыя облака, бурая земля, грязь, дождь, вѣтеръ... Бррр! Ѣду, ѣду... Безъ конца ѣду, а погода не унимается. Передъ вечеромъ на станціи мнѣ говорятъ, что ѣхать дальше нельзя, такъ какъ все залило, мосты разнесло и проч. Зная, какъ любятъ вольные ямщики пугать стихіями, чтобы оставить проѣзжаго у себя ночевать (это выгодно), я не повѣрилъ и приказалъ запречь тройку. Что-жъ? Увы мнѣ! Проѣхалъ я не больше пяти верстъ, какъ увидѣлъ луговой берегъ Иртыша, весь покрытый большими озерами; дорога спряталась подъ водой и мостки по дорогѣ въ самомъ дѣлѣ или снесены, или раскисли. Возвращаться назадъ мѣшаетъ отчасти упрямство, а отчасти желаніе скорѣй выбраться изъ этихъ скучныхъ мѣстъ.. Начинаемъ ѣхать по озерамъ.. Боже мой, никогда въ жизни не испытывалъ ничего подобнаго! Рѣзкій вѣтеръ, холодъ, отвратительный дождь, а ты изволь вылѣзать изъ тарантаса (не крытаго) и держать лошадей: на каждомъ мостикѣ можно проводить лошадей только по одиночкѣ.. Куда я попалъ? Гдѣ я? Кругомъ пустыня, тоска; виденъ голый, угрюмый берегъ Иртыша... Въѣзжаемъ въ самое большое озеро; теперь ужъ охотно бы вернулся, да трудно.. Ѣдемъ по длинной, узкой полоскѣ земли... Полоска кончается и мы— бултыхъ! Потомъ опять полоска, опять бултыхъ.. Руки закочепѣли.. А дикія утки точно смѣются и огромными стаями носятся надъ головой.. Темнѣетъ.. Ямщикъ молчитъ — растерялся.. Но вотъ наконецъ выѣзжаемъ къ послѣдней полоскѣ, отдѣляющей озера отъ Иртыша.. Отлогій берегъ Иртыша на аршинъ выше уровня; онъ глинистъ, голъ, изгрызенъ, склизокъ на видъ.. Мутная вода.. Бѣлыя волны хлещутъ по глинѣ, а самъ Иртышъ

не реветъ и не шумитъ, а издастъ какой-то странный звукъ, похожій на то, какъ будто подъ водой стучатъ по гробамъ.. Тотъ берегъ — сплошная, безотрадная пустыня.. Вамъ снился часто Божаровскій омутъ; такъ мнѣ теперь будетъ сниться Иртышъ..

Но вотъ и паромъ. Надо переправляться на ту сторону. Выходитъ изъ избы мужикъ и, пожимаясь отъ дождя, говоритъ, что паромомъ плыть нельзя теперь, такъ какъ слишкомъ вѣтренно.. (Паромы здѣсь весельные). Совѣтуетъ обождать тихой погоды..

И вотъ я сижу ночью въ избѣ, стоящей въ озерѣ на самомъ берегу Иртыша, чувствую во всемъ тѣлѣ промозглую сырость, а на душѣ одиночество, слушаю, какъ стучитъ по гробамъ мой Иртышъ, какъ реветъ вѣтеръ, и спрашиваю себя: гдѣ я? Зачѣмъ я здѣсь?

Въ сосѣдней комнатѣ спятъ мужики-перевозчики и мой ямщикъ. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить въ Иртышѣ. Изба—солистка на берегу, свидѣтелей нѣтъ..

Дорога до Томска въ разбойничьемъ отношеніи совершенно безопасна. О грабежахъ не принято даже говорить. Даже кражъ у проѣзжающихъ не бываетъ; уходя въ избу, можете оставлять вещи на дворѣ и онѣ всѣ будутъ цѣлы.

Но меня все-таки чуть было не убили. Представьте себѣ ночь передъ разсвѣтомъ.. Я ѣду на тарантасикѣ и думаю, думаю.. Вдругъ вижу, на встрѣчу во весь духъ несется почтовая тройка; мой возница едва успѣваетъ свернуть вправо, тройка мчится мимо и я усматриваю въ ней обратнаго ямщика.. Вслѣдъ за ней несется другая тройка, тоже во весь духъ; свернули мы вправо, она сворачиваетъ влѣво; «сталкиваемся!» мелькаетъ у меня въ головѣ.. Одно мгновенье и—раздается трескъ, лошади мѣшаются въ черную массу, мой тарантасъ становится

на дыбы и я валюсь на землю, а на меня всѣ мои чемоданы и узлы.. Вскакиваю и вижу — несется третья тройка..

Должно быть, наканунѣ за меня молилась мать. Если бы я спалъ или если бы третья тройка ѣхала тотчасъ же за второй, то я былъ бы изломанъ на смерть или изувѣченъ. Оказалось, что передній ямщикъ погналъ лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и насъ не видѣли. Послѣ крушенія глупѣйшее недоумѣніе съ обѣихъ сторонъ, потомъ жестокая ругань.. Збруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дорогѣ.. Ахъ, какъ ругаются ямщики! Ночью, въ этой ругающейся, буйной ордѣ я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не зналъ..

Однако, бумага на исходѣ. Привѣтъ мой барину, Васильсѣ, Идіотику и Елизаветѣ Александровнѣ. Стучитъ въ окна дождь. Да благословятъ васъ всѣ святые! Буду еще писать. Мой адресъ: Александровскій постъ на о. Сахалинѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XL.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

(По дорогѣ въ Томскъ. 1890 г. Май).

Г. Земскій Начальникъ! Кожаное пальто въ дорогѣ ничѣмъ не замѣнимо. Оно превосходно спасаетъ не только отъ дождя, но и отъ вѣтра.

Давно уже я не обѣдалъ. Честь имѣемъ кланяться. Изъ Томска напишу.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

14 Май. 90 г., Село Ярь, въ 45 вер. отъ Томска.

Великолѣпная моя мамаша, превосходная Маша, сладкій Миша и всѣ прочіе мои! Въ Екатеринбургѣ я получилъ отвѣтную телеграмму изъ Тюмени: «Первый пароходъ въ Томскъ пойдетъ 18 Мая.» Это значило, что мнѣ нужно было, хочешь-не хочешь, скакать на лошадяхъ. Такъ и сдѣлалъ. Изъ Тюмени выѣхалъ я 3 Мая, прожившъ въ Екатеринбургѣ 2 — 3 дня, которые употребилъ на починку своей кашляющей и геморройствующей особы. Возятъ черезъ Сибирь почтовые и вольные. Я взялъ послѣднихъ: все равно. Посадили меня раба Божьяго въ корзинку-плетушку [1]) и повезли на парѣ. Сидишь въ корзинѣ, глядишь на свѣтъ Божій, какъ чижикъ, и ни о чемъ не думаешь.. Сибирская равнина начинается, кажется, отъ самаго Екатеринбурга и кончается чертъ знаетъ гдѣ; я сказалъ бы, что она очень похожа на нашу южно-русскую степь, еслибы не мелкій березнякъ, попадающійся то тамъ, то сямъ, и еслибы не холодный вѣтеръ, покалывающій щеки. Весна еще не начиналась. Зелени совсѣмъ нѣтъ, лѣса голы, снѣгъ не весь растаялъ; на озерахъ стоитъ матовый ледъ. 9 Мая въ день св. Николая былъ морозъ, а сегодня 14-го выпалъ снѣгъ въ $1^1/_2$ вершка. О веснѣ говорятъ однѣ только утки. Ахъ, какъ много утокъ! Никогда въ жизни я не видѣлъ такого утинаго изобилія. Летаютъ надъ головой, вспархиваютъ около тарантаса, плаваютъ въ озерахъ и въ лужахъ, короче, въ одинъ день изъ плохого ружья

[1]) Здѣсь рисунокъ.

я настрѣлялъ бы тысячу штукъ. Слышно, какъ кричатъ дикіе гуси.. Ихъ здѣсь тоже много. Часто попадаются вереницы журавлей и лебедей.. Въ березнякѣ порхаютъ тетерева и рябчики. Зайцы, которыхъ здѣсь не ѣдятъ и не стрѣляютъ, ничтоже сумняся стоятъ на заднихъ лапкахъ и, вздернувъ уши, любопытнымъ взоромъ провожаютъ ѣдущихъ. Они такъ часто перебѣгаютъ дорогу, что это здѣсь не считается дурной примѣтой.

Холодно ѣхать.. На мнѣ полушубокъ. Тѣлу ничего, хорошо, но ногамъ зябко. Кутаю ихъ въ кожаное пальто— не помогаетъ.. На мнѣ двое брюкъ. Ну-съ, ѣдешь, ѣдешь.. Мелькаютъ верстовые столбы, лужи, березнячки.. Вотъ перегнали переселенцевъ, потомъ этапъ.. Встрѣтили бродягъ съ котелками на спинахъ; эти господа безпрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарѣжутъ, чтобъ взять ея юбку себѣ на портянки, то сорвутъ съ верстового столба жестянку съ цифрами — сгодится, то проломятъ голову встрѣчному нищему или выбьютъ глаза своему жу брату ссыльному, но проѣзжающихъ они не трогаютъ. Вообще въ разбойничьемъ отношеніи ѣзда здѣсь совершенно безопасна. Отъ Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнятъ, чтобы у проѣзжающаго украли что-нибудь; когда идешь на станцію, вещи оставляешь на дворѣ; на вопросъ, не украдутъ ли, отвѣчаютъ улыбкой. О грабежахъ и убійствахъ по дорогѣ не принято даже говорить. Мнѣ кажется. потеряй я свои деньги на станціи или въ возкѣ, нашедшій ямщикъ непремѣнно возвратилъ бы мнѣ ихъ и не хвастался бы этимъ. Вообще народъ здѣсь хорошій, добрый и съ прекрасными традиціями. Комнаты у нихъ убраны просто, но чисто, съ претензіей на роскошь; постели мягкія, все пуховики и большія подушки, полы выкрашены или устланы самодѣлковыми холщовыми коврами. Это объясняется, конечно, зажи-

точностью, тѣмъ, что семья имѣетъ надѣлъ изъ 16 десятинъ чернозема и что на этомъ черноземѣ растетъ хорошая пшеница (пшеничная мука стоитъ здѣсь 30 коп. за пудъ). Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно удѣлить кое-что и манерѣ жить. Когда ночью входишь въ комнату, въ которой спятъ, то носъ не чувствуетъ ни спирали, ни русскаго духа. Правда, одна старуха, подавая мнѣ чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато васъ не посадятъ пить чай безъ скатерти, при васъ не отрыгиваютъ, не ищутъ въ головѣ; когда подаютъ воду или молоко, не держатъ пальцы въ стаканѣ, посуда чистая, квасъ прозраченъ какъ пиво — вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могутъ только мечтать, а вѣдь хохлы куда чистоплотнѣе кацаповъ! Хлѣбъ пекутъ здѣсь превкуснѣйшій; я въ первые дни объѣдался имъ. Вкусны и пироги, и блины, и оладьи, и калачи, напоминающіе хохлацкіе ноздреватые бублики. Блины тонки.. Зато все остальное не по европейскому желудку. Напримѣръ, всюду меня потчивали «утячьей похлебкой». Это совсѣмъ гадость: мутная жидкость, въ которой плаваютъ кусочки дикой утки и невареный лукъ; утиные желудки не совсѣмъ очищены отъ содержимаго и потому, попадая въ ротъ, заставляютъ думать, что ротъ и rectum помѣнялись мѣстами. Я разъ попросилъ сварить супъ изъ мяса и изжарить окуней. Супъ мнѣ подали пересоленый, грязный, съ закорузлыми кусочками кожи вмѣсто мяса, а окуни съ чешуей. Варятъ здѣсь щи изъ солонины; ее же и жарятъ. Сейчасъ мнѣ подавали жареную солонину: преотвратительно; пожевалъ и бросилъ. Чай здѣсь пьютъ кирпичный. Это настой изъ шалфея и таракановъ — такъ по вкусу, а по цвѣту — не чай, а матрасное вино. Кстати сказать, я взялъ съ собою изъ Екатеринбурга $^1/_4$ ф. чаю, 5 ф. сахару и 3 лимона. Чаю не хватило, а купить негдѣ. Въ паршивыхъ

городкахъ даже чиновники пьютъ кирпичный чай и самые лучшіе магазины не держатъ чая дороже 1 р. 50 к. за фунтъ. Пришлось пить шалфей.

Разстояніе между станціями опредѣляется разстояніемъ между каждыми двумя сосѣдними деревнями: 20—40 верстъ. Деревни здѣсь большія, поселковъ и хуторовъ нѣтъ. Вездѣ церкви и школы; избы деревянныя, есть и двухъэтажныя.

Къ вечеру лужи и дорога начинаютъ мерзнуть, а ночью совсѣмъ морозъ, хоть доху надѣвай.. Бррр! Трясско, потому что грязь обращается въ кочки. Выворачиваетъ душу.. Къ разсвѣту страшно утомляешься отъ холода, тряски и колокольчиковъ; страстно хочется тепла и постели.. Пока мѣняютъ лошадей, прикурнешь гдѣнибудь въ уголкѣ и тотъ часъ же заснешь, а черезъ минуту возница уже дергаетъ за рукавъ и говоритъ: «Вставай, пріятель, пора!» Во вторую ночь я сталъ чувствовать острую зубную боль въ пяткахъ. Невыносимо больно. Спрашиваю себя: не отморозилъ ли?

Однако писать нельзя. Пріѣхалъ засѣдатель (т.-е. становой). Познакомились и разговариваемъ. До завтра.

Томскъ 16 мая.

Виноваты оказались ботфорты, узкіе въ задникахъ. Сладкій Миша, если у тебя будутъ дѣти, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то завѣщай имъ не гнаться за дешевизной. Дешевизна русскаго товара — это дипломъ на его негодность. По моему лучше босикомъ ходить, чѣмъ въ дешевыхъ сапогахъ. Представьте мое мученіе! То и дѣло вылѣзаю изъ возка, сажусь на сырую землю и снимаю сапоги, чтобы дать отдохнуть пяткамъ. Какъ это удобно въ морозъ! Пришлось купить въ Ишимѣ валенки.. Такъ и ѣхалъ въ валенкахъ, пока они у меня не раскисли отъ сырости и грязи.

Утромъ часовъ въ 5 — 6 чаепитіе въ избѣ. Чай въ дорогѣ — это истинное благодѣяніе. Теперь я знаю ему цѣну и пью его съ остервенѣніемъ Янова. Онъ согрѣваетъ, разгоняетъ сонъ, при немъ съѣдаешь много хлѣба, а хлѣбъ за отсутствіемъ другой ѣды долженъ съѣдаться въ большомъ количествѣ; оттого-то крестьяне ѣдятъ такъ много хлѣба и хлѣбнаго. Пьешь чай и разговариваешь съ бабами, которыя здѣсь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнѣе, чѣмъ въ Европѣ; мужья не бранятъ и не бьютъ ихъ, потому что онѣ также высоки, и сильны, и умны, какъ ихъ повелители; онѣ, когда мужей нѣтъ дома, ямщикуютъ; любятъ каламбурить. Дѣтей не держатъ въ строгости; ихъ балуютъ. Дѣти спятъ на мягкомъ, сколько угодно, пьютъ чай и ѣдятъ вмѣстѣ съ мужиками и бранятся, когда тѣ любовно подсмѣиваются надъ ними. Дифтерита нѣтъ. Царитъ здѣсь черная оспа, но странно, она здѣсь не такъ заразительна, какъ въ другихъ мѣстахъ: двое-трое заболѣютъ, умрутъ и конецъ эпидеміи. Больницъ и врачей нѣтъ. Лѣчатъ фельдшера. Кровопусканіе и кровососныя банки въ грандіозныхъ, звѣрскихъ размѣрахъ. Я по дорогѣ осматривалъ одного еврея, больного ракомъ печени. Еврей истощенъ, еле дышитъ, но это не помѣшало фельдшеру поставить ему 12 кровососныхъ банокъ. Кстати объ евреяхъ. Здѣсь они пашутъ, ямщикуютъ, держатъ перевозы, торгуютъ и называются крестьянами, потому что они въ самомъ дѣлѣ и de jure и de facto крестьяне. Пользуются они всеобщимъ уваженіемъ и, по слогамъ засѣдателя, не рѣдко ихъ выбираютъ въ старосты. Я видѣлъ жида, высокаго и тонкаго, который брезгливо морщился и плевалъ, когда засѣдатель разсказывалъ скабрезные анекдоты; чистоплотная душа; его жена сварила прекрасную уху. Жена того жида, что болѣнъ ракомъ, угощала меня щучьей икрой и вкуснѣйшимъ

бѣлымъ хлѣбомъ. О жидовской эксплоатаціи не слышно. Кстати ужъ и о полякахъ. Попадаются ссыльные, присланные сюда изъ Польши въ 1864 г. Хорошіе, гостепріимные и деликатнѣйшіе люди. Одни живутъ очень богато, другіе очень бѣдно и служатъ писарями на станціяхъ. Первые послѣ амнистіи уѣзжали къ себѣ на родину, но скоро вернулись назадъ въ Сибирь—здѣсь богаче, вторые мечтаютъ о родинѣ, хотя уже стары и больны. Въ Ишимѣ одинъ богатый панъ Залѣсскій, у котораго дочь похожа на Сашу Киселеву, угостилъ меня за 1 рубль отличнымъ обѣдомъ и далъ мнѣ комнату выспаться; онъ держитъ кабакъ, окулачился до мозга костей, деретъ со всѣхъ, но все-таки панъ чувствуется и въ манерахъ, и въ столѣ, во всемъ. Онъ не ѣдетъ на родину изъ жадности, изъ жадности терпитъ снѣгъ въ Николинъ день; когда онъ умретъ, дочка его, родившаяся въ Ишимѣ, останется здѣсь навсегда — и пойдутъ такимъ образомъ множиться по Сибири черные глаза и нѣжныя черты! Эти случайныя примѣси крови нужны, ибо въ Сибири народъ некрасивъ. Брюнетовъ совсѣмъ нѣтъ. Быть можетъ, и про татаръ написать Вамъ? Извольте. Ихъ здѣсь немного. Люди хорошіе. Въ Казанской губ. о нихъ хорошо говорятъ даже священники, а въ Сибири они «лучше русскихъ» — такъ сказалъ мнѣ засѣдатель при русскихъ, которые подтвердили это молчаніемъ. Боже мой, какъ богата Россія хорошими людьми! Еслибы не холодъ, отнимающій у Сибири лѣто, и если бы не чиновники, развращающіе крестьянъ и ссыльныхъ, то Сибирь была бы богатѣйшей и счастливѣйшей землей.

Обѣдать нечего. Умные люди, когда ѣдутъ въ Томскъ, берутъ съ собою обыкновенно полпуда закусокъ. Я же оказался дуракомъ, и потому 2 недѣли питался однимъ только молокомъ и яйцами, которые здѣсь ва-

рятъ такъ: желтокъ крутой, а бѣлокъ восмятку. Надоѣдаетъ такая ѣда въ 2 дня. За всю дорогу я только два раза обѣдалъ, если не считать жидовской ухи, которую я ѣлъ будучи сытымъ послѣ чая. Водку не пилъ; сибирская водка противна, да и отвыкъ я отъ нея, пока доѣхалъ до Екатеринбурга. Водку же пить слѣдуетъ. Она возбуждаетъ мозгъ, который отъ дороги дѣлается вялымъ и тупымъ, отчего глупѣешь и слабѣешь.

Стопъ! Нельзя писать: пришолъ знакомиться редакторъ «Сибирскаго Вѣстника», N., мѣстный Ноздревъ, пьяница и забулдыга.

N. выпилъ пива и ушелъ. Продолжаю.

Въ первые три дня вояжа у меня отъ тряски и толчковъ разболѣлись ключицы, плечи, позвонки, кобчикъ.. Ни сидѣть, ни ходить, ни лежать.. Но за то прошли всѣ грудныя и головныя боли, разыгрался дóнельзя аппетитъ, а геморрой, точно воды въ ротъ набралъ — молчóкъ. Отъ напряженія, отъ частой возьни съ чемоданами и проч., а быть можетъ и отъ прощальныхъ попоекъ въ Москвѣ у меня по утрамъ бывало кровохарканье, которое наводило на меня нѣчто въ родѣ уныпія, возбуждая мрачныя мысли, и которое къ концу пути прекратилось; теперь даже кашля нѣтъ; давно я такъ мало кашлялъ, какъ теперь, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія на чистомъ воздухѣ. Послѣ же первыхъ трехъ дней вояжа тѣло мое привыкло къ тряскѣ и для меня наступило время, когда я сталъ не замѣчать, какъ послѣ утра наступилъ полдень, а потомъ вечеръ и ночь. Дни мелькали быстро, какъ въ затяжной болѣзни. Думаешь, что еще нѣтъ полудня, а мужики говорятъ, что ты бы, баринъ, остался ночевать, а то какъ бы не заблудился ночью; и въ самомъ дѣлѣ, поглядишь на часы—8-й часъ вечера.

Везутъ быстро, но поразительнаго въ этой быстротѣ ничего нѣтъ. Вѣроятно, я засталъ дурную дорогу, зи-

мой возятъ быстрѣе. На гору несутся вскачь, а прежде чѣмъ выѣхать со двора и прежде чѣмъ ямщикъ сядетъ на козлы, лошадей держатъ двое—трое. Лошади напоминаютъ московскихъ пожарныхъ лошадей; однажды я едва не передавилъ старухъ, а въ другой разъ едва не налетѣлъ на этапъ. Теперь извольте Вамъ приключеніе, которымъ я обязанъ сибирской ѣздѣ. Только прошу мамашу не охать и не причитывать, ибо все обошлось благополучно. Въ ночь подъ 6-е мая на разсвѣтѣ везъ меня одинъ очень милый старикъ на парѣ. Тарантасикъ. Я дремалъ и отъ нечего дѣлать поглядывалъ, какъ въ полѣ и въ березнякѣ искрились змѣеобразные огни: это горѣла прошлогодняя трава, которую здѣсь жгутъ. Вдругъ слышу дробный стукъ колесъ. Навстрѣчу во весь духъ, какъ птица, несется почтовая тройка. Мой старикъ спѣшитъ свернуть вправо, тройка пролетаетъ мимо и я усматриваю въ потемкахъ громадную, тяжолую почтовую телѣгу, въ которой сидитъ обратный ямщикъ. За этой тройкой несется вторая тройка тоже во весь духъ. Мы спѣшимъ свернуть вправо. Къ великому моему недоумѣнію и страху тройка сворачиваетъ не вправо, а влѣво... Едва я успѣлъ подумать: «Боже мой, сталкиваемся!» какъ раздался отчаянный трескъ, лошади мѣшаются въ одну темную массу, дуги падаютъ, мой тарантасъ становится на дыбы и я лечу на землю, а на меня мои чемоданы. Но это не все.. Летитъ третья тройка.. По настоящему, эта должна была искрошить меня и мои чемоданы, но слава Богу, я не спалъ, ничего не сломалъ себѣ отъ паденія и съумѣлъ вскочить такъ быстро, что могъ отбѣжать въ сторону. «Стой!» заоралъ я третьей тройкѣ. «Стой!» Тройка налетѣла на вторую и остановилась... Конечно, если бы я умѣлъ спать въ тарантасѣ или если бы третья тройка неслась тотчасъ же за второй, то я вернулся бы домой инвалидомъ или всадникомъ

безъ головы. Результаты крушенія: сломанныя оглобли, изорванныя збруи, дуги и багажъ на землѣ, оторопѣвшія, замученныя лошади и страхъ отъ мысли, что сейчасъ была пережита опасность. Оказалось, что первый ямщикъ погналъ лошадей, а во вторыхъ двухъ тройкахъ ямщики спали и лошади сами понеслись за первой тройкой, некому было править ими. Очнувшись отъ переполоха, мой старикъ и ямщики всѣхъ трехъ троекъ стали неистово ругаться. Ахъ, какъ ругались! Я думалъ, что кончится дракой. Вы не можете себѣ представить, какое одиночество чувствуешь среди этой дикой, ругающейся орды, среди поля, передъ разсвѣтомъ, въ виду близкихъ и далекихъ огней, пожирающихъ траву, но ни на каплю не согрѣвающихъ холодный ночной воздухъ! Ахъ, какъ тяжко на душѣ! Слушаешь ругань, глядишь на изломанныя оглобли и на свой истерзанный багажъ и кажется тебѣ, что ты брошенъ въ другой міръ, что тебя сейчасъ затопчутъ.. Послѣ часовой ругани, мой старикъ сталъ связывать веревочками оглобли и збрую; пошли въ ходъ и мои ремни. До станціи дотащились кое-какъ, еле-еле, и то и дѣло останавливались..

Послѣ 5—6 дня начались дожди при сильномъ вѣтрѣ. Шелъ дождь днемъ и ночью. Пошло въ дѣло кожаное пальто, спасавшее меня и отъ дождя и отъ вѣтра. Чудное пальто. Грязь пошла невылазная, ямщики стали неохотно возить по ночамъ. Но, что ужаснѣе всего и чего я не забуду во всю мою жизнь, это перевозы черезъ рѣки. Подъѣдешь ночью къ рѣкѣ.. Начинаешь съ ямщикомъ кричать.. Дождь, вѣтеръ, по рѣкѣ ползутъ льдины, слышенъ плескъ.. И кстати радость: кричитъ бугай. На сибирскихъ рѣкахъ живутъ буганы. Значитъ, они признаютъ не климатъ, а географическое положеніе.. Ну-съ, черезъ часъ въ потемкахъ показывается громадный паромъ, имѣющій форму баржи; громадныя весла,

похожія на рачьи клешни. Перевозчики — народъ озорной, все больше ссыльные, присланные сюда по приговорамъ общества за порочную жизнь. Сквернословятъ нестершимо, кричатъ, просятъ денегъ на водку.. Везутъ черезъ рѣку долго, долго... мучительно долго! Паромъ ползетъ.. Опять чувство одиночества и, кажется, бугай нарочно кричитъ, какъ-будто хочетъ сказать: «не бойся, дядя, я здѣсь, Лиштваревы съ Псла меня сюда прислали!»

7 Мая вольный ямщикъ, когда я попросилъ лошадей, сказалъ, что Иртышъ разлился и затопилъ луга, что вчера ѣздилъ Кузьма и еле вернулся и что ѣхать нельзя, нужно обождать.. Спрашиваю: до какихъ поръ ждать? Отвѣтъ: а Господь его знаетъ! Это неопредѣлено, да и къ тому же я далъ себѣ слово отдѣлаться въ дорогѣ отъ двухъ своихъ пороковъ, причинявшихъ мнѣ немало расходовъ, хлопотъ и неудобствъ, это — уступчивость и сговорчивость. Я быстро соглашаюсь и потому мнѣ приходилось ѣздить на чертъ знаетъ чемъ, платить иногда вдвое, ждать по цѣлымъ часамъ.. Сталъ я не соглашаться и не вѣрить — и бокамъ моимъ стало легче. Напримѣръ, запрягутъ не возокъ, а простую, тряскую телѣгу. Откажешься ѣхать на телѣгѣ, упрешься, и непремѣнно явится возокъ, хотя раньше увѣряли, что во всей деревнѣ нѣтъ возка и т. д. Ну-съ, подозрѣвая, что разливъ Иртыша придуманъ только для того, чтобы не везти меня къ ночи по грязи, я запротестовалъ и приказалъ ѣхать. Мужикъ, слыхавшій о разливѣ отъ Кузьмы и самъ его не видавшій, почесался и согласился, старики подбодрили его и сказали, что когда въ молодости они ямщиковали, то ничего не боялись. Поѣхали.. Грязь, дождь, злющій вѣтеръ, холодъ... и валенки на ногахъ. Знаете, что значитъ мокрые валенки? Это сапоги изъ студня. Ѣдемъ, ѣдемъ и вотъ передъ очами моими раз-

стилается громадное озеро, на которомъ кое-гдѣ пятнами проглядываетъ земля и торчатъ кустики—это залитые луга. Вдали тянется крутой берегъ Иртыша; на немъ бѣлѣетъ снѣгъ.. Начинаемъ ѣхать по озеру. Вернуться бы назадъ, да мѣшаетъ упрямство и береть какой-то непонятный задоръ, тотъ самый задоръ, который заставилъ меня купаться среди Чернаго моря, съ яхты, и который побуждалъ меня дѣлать немало глупостей.. Должно-быть, психозъ. Ѣдемъ и выбираемъ островки, полоски. Направленіе указываютъ мосты и мостики; они снесены. Чтобы проѣхать по нимъ, нужно распрягать лошадей и водить лошадей по одиночкѣ.. Ямщикъ распрягаетъ, я спрыгиваю въ валенкахъ въ воду и держу лошадей.. Занимательно! А тутъ дождь, вѣтеръ.. спаси, Царица Небесная! Наконецъ добираемся до островка, гдѣ стоитъ избушка безъ крыши.. По мокрому навозу бродятъ мокрыя лошади. Выходитъ изъ избушки мужикъ съ длинной палкой и берется провожать.. Палкой онъ измѣряетъ глубину воды и пробуетъ грунтъ. Дай Богъ ему здоровья, вывелъ на длинную полосу, которую называлъ онъ «хребтомъ». Научилъ, чтобы съ этого хребта мы паровили взять куда-то вправо или, не помню, влѣво, и попасть на другой хребетъ. Такъ мы и сдѣлали..

Ѣдемъ.. Въ валенкахъ сыро, какъ въ отхожемъ мѣстѣ. Хлюпаетъ, чулки сморкаются. Ямщикъ молчитъ и уныло почмокиваетъ. Онъ радъ бы вернуться, но уже поздно, темнѣетъ.. Наконецъ—о радость!—подъѣзжаемъ къ Иртышу.. Тотъ берегъ крутой, а сей—отлогій. Сей изгрызенъ, скользокъ на видъ, противенъ, растительности ни слѣда.. Мутная вода съ бѣлыми гребнями хлещетъ по немъ и со злобой отскакиваетъ назадъ, точно ей гадко прикасаться къ неуклюжему, осклизлому берегу, на которомъ, какъ кажется, могутъ жить однѣ только жабы да души убійцъ.. Иртышъ не шумитъ, не реветъ, а сдается,

какъ-будто онъ у себя на днѣ стучитъ по гробамъ.. Проклятое впечатлѣніе! Тотъ берегъ высокъ, буръ, пустыненъ..

Изба; тутъ живутъ перевозчики. Выходитъ одинъ и заявляетъ, что парóмъ пускать нельзя, такъ какъ поднялась непогода. Рѣка, молъ, широкая, а вѣтеръ сильный.. И что же? Пришлось почевать въ избѣ.. Помню ночь, храпъ перевозчиковъ и моего ямщика, шумъ вѣтра, стукъ дождя, ворчанье Иртыша.. Передъ тѣмъ какъ спать, написалъ Маріи Владиміровнѣ письмо: Божаровскій омутъ припомнился.

Утромъ не захотѣли везти на паромѣ: вѣтеръ. Пришлось плыть на лодкѣ. Плыву черезъ рѣку, а дождь хлещетъ, вѣтеръ дуетъ, багажъ мокнетъ, валенки, которые почью сушились въ печкѣ, опять обращаются въ студень. О милое кожаное пальто! Если я не простудился, то обязанъ только ему одному. Когда вернусь, помажьте его за это саломъ или касторкой. На берегу цѣлый часъ сидѣлъ на чемоданѣ и ждалъ, когда изъ деревни пріѣдутъ лошади. Помню, взбираться на берегъ было очень скользко. Въ деревнѣ грѣлся и пилъ чай. Приходили за милостыней ссыльные. Для нихъ каждая семья ежедневно заквашиваетъ *пудъ* пшеничной муки. Это въ родѣ повинности.

Ссыльные берутъ хлѣбъ и прошиваютъ его въ кабакѣ. Одинъ ссыльный, оборванный, бритый старикъ, которому въ кабакѣ *выбили* глаза свои же ссыльные, услышавъ, что въ комнатѣ проѣзжій, и принявъ меня за купца, сталъ пѣть и читать молитвы. Онъ и о здравіи, и за упокой, пѣлъ и пасхальное Да воскреснетъ Богъ, и Со святыми упокой — чего только не пѣлъ! Потомъ сталъ врать, что онъ изъ московскихъ купцовъ. Я замѣтилъ, какъ этотъ пьяница презиралъ мужиковъ, на шеѣ которыхъ жилъ!

11-го поѣхалъ на почтовыхъ. Отъ скуки читалъ на станціяхъ жалобныя книги. Сдѣлалъ открытіе, которое меня поразило и которое въ дождь и сырость не имѣетъ себѣ цѣны: на почтовыхъ станціяхъ въ сѣняхъ имѣются отхожія мѣста. О, вы не можете оцѣнить этого!

12 Мая мнѣ не дали лошадей, сказавши, что ѣхать нельзя, такъ какъ Обь разлилась и залила всѣ луга. Мнѣ посовѣтовали: «Вы поѣзжайте въ сторону отъ тракта до Краснаго Яра; тамъ на лодкѣ проѣдете верстъ 12 до Дубровина, а въ Дубровинѣ вамъ дадутъ почтовыхъ лошадей».. Поѣхалъ я на вольныхъ въ Кр. Яръ. Пріѣзжаю утромъ. Говорятъ, что лодка есть, но нужно немного подождать, такъ какъ дѣдушка послалъ на ней въ Дубровино работника, который повезъ засѣдателева писаря. Ладно, подождемъ.. Проходитъ часъ, другой, третій.. Наступаетъ полдень, потомъ вечеръ.. Аллахъ керимъ, сколько чаю я выпилъ, сколько хлѣба съѣлъ, сколько мыслей передумалъ! А какъ много я спалъ! Наступаетъ ночь, а лодки все нѣтъ.. Наступаетъ раннее утро.. Наконецъ въ 9 часовъ возвращается работникъ. Слава небесамъ, плывемъ! И какъ хорошо плывемъ! Тихо въ воздухѣ, гребцы хорошіе, острова красивые.. Вода захватила людей и скотъ врасплохъ, и я вижу, какъ бабы плывутъ въ лодкахъ на острова доить коровъ. А коровы тощія, унылыя..По случаю холодовъ совсѣмъ нѣтъ корму. Плылъ я 12 верстъ. Въ Дубровинѣ на станціи чай, а къ чаю мнѣ подали, можете себѣ представить, вафли.. Хозяйка, должно-быть, ссыльная или жена ссыльнаго.. На слѣдующей станціи старикъ-писарь полякъ, которому я далъ антипирину отъ головной боли, жаловался на бѣдность и говорилъ, что недавно черезъ Сибирь проѣзжалъ австрійскаго двора камергеръ графъ Сапѣга. полякъ, помогающій полякамъ. «Онъ останавливался около станціи, разсказываетъ писарь, а я не зналъ этого!

Мать Пресвятая! Онъ бы мнѣ помогъ!—Я писалъ ему въ Вѣну, но отвѣта не полóчилъ».. и т. д. Зачѣмъ я не Сапѣга? Я отправилъ бы этого бѣднягу на родину.

14 Мая мнѣ опять не дали лошадей. Разливъ Томи. Какая досада! Не досада, а отчаянье! Въ 50 верстахъ отъ Томска, и такъ неожиданно! Женщина зарыдала бы на моемъ мѣстѣ.. Для меня люди добрые нашли выходъ: «Поѣзжайте, ваше благородіе, до Томи — только 6 верстъ отсюда; тамъ васъ перевезутъ на лодкѣ до Яра, а оттуда въ Томскъ васъ свезетъ Илья Марковичъ.» Нанимаю вольнаго и ѣду къ Томи, къ тому мѣсту, гдѣ должна быть лодка. Подъѣзжаю — лодки нѣтъ. Говорятъ, только-что уплыла съ почтой и едва ли вернется, такъ какъ дуетъ сильный вѣтеръ. Начинаю ждать.. Земля покрыта снѣгомъ, идутъ дождь и крупа, вѣтеръ.. Проходитъ часъ, другой, а лодки нѣтъ.. Насмѣхается надо мной судьба! Возвращаюсь назадъ на станцію. Тутъ три почтовыя тройки и почтальонъ собираются ѣхать къ Томи. Говорю, что лодки нѣтъ. Остаются. Получаю отъ судьбы награду: писарь на мой перѣшительный вопросъ, нѣтъ ли чего закусить, говоритъ, что у хозяйки есть щи.. О восторгъ! О пресвѣтлого дне! И въ самомъ дѣлѣ, хозяйкина дочка подаетъ мнѣ отличныхъ щей съ прекраснымъ мясомъ и жареной картошки съ огурцомъ. Послѣ пана Залѣсскаго я ни разу такъ не обѣдалъ. Послѣ картошки разошелся я и сварилъ себѣ кофе. Кутежъ!

Передъ вечеромъ почтальонъ, пожилой, очевидно натерпѣвшійся человѣкъ, не смѣвшій сидѣть въ моемъ присутствіи, сталъ собираться ѣхать къ Томи. И я тоже. Поѣхали. Какъ только подъѣхали къ рѣкѣ, показалась лодка, такая длинная, что мнѣ раньше и во снѣ никогда не снилось. Когда почту нагружали въ лодку, я былъ свидѣтелемъ одного страннаго явленія: гремѣлъ громъ—

это при снѣгѣ и холодномъ вѣтрѣ. Нагрузились и поплыли. Сладкій Миша, прости, какъ я радовался, что не взялъ тебя съ собой! Какъ я умно сдѣлалъ, что никого не взялъ! Сначала наша лодка плыла по лугу около кустовъ тальника... Какъ бываетъ передъ грозой или во время грозы, вдругъ по водѣ пронесся сильный вѣтеръ, поднявшій валы. Гребецъ, сидѣвшій у руля, посовѣтовалъ переждать непогоду въ кустахъ тальника; на это ему отвѣтили, что если непогода станетъ сильнѣе, то въ тальникѣ проспишь до ночи и все равно утонешь. Стали рѣшать *большинствомъ голосовъ* и рѣшили плыть дальше. Нехорошее, насмѣшливое мое счастье! Ну къ чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно.. Помню фигуру почтальона, видавшаго виды. Помню солдатика, который вдругъ сталъ багровъ, какъ вишневый сокъ.. Я думалъ: если лодка опрокинется, то сброшу полушубокъ и кожаное пальто... потомъ валенки... потомъ и т. д.. Но вотъ берегъ все ближе, ближе.. На душѣ все легче, легче, сердце сжимается отъ радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнулъ вдругъ, и прыгаешь на мокрый скользкій берегъ.. Слава Богу!

У Ильи Марковича, выкреста, говорятъ, что къ ночи ѣхать нельзя — дорога плоха, что нужно остаться ночевать. Ладно, остаюсь. Послѣ чая сажусь писать Вамъ это письмо, прерванное пріѣздомъ засѣдателя. Засѣдатель—это густая смѣсь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратникъ, лгунъ, пѣвецъ, анекдотистъ и при всемъ томъ добрый человѣкъ. Привезъ съ собой большой сундукъ набитый дѣлами, кровать съ матрасомъ, ружье и писаря. Писарь прекрасный, интеллигентный человѣкъ, протестующій либералъ, учившійся въ Петербургѣ, свободный, неизвѣстно какъ попавшій въ Сибирь, зараженный до мозга костей всѣми болѣзнями и спивающійся по милости своего принципала, назы-

вающаго его Колей. Посылаетъ власть за наливкой.— «Докторъ! вошть она. Выпейте еще рюмку, въ ноги поклонюсь!» Конечно, вышиваю. Трескаетъ власть здорово, вретъ напропалую, сквернословитъ безстыдно. Ложимся спать. Утромъ опять посылаютъ за наливкой. Трескаютъ наливку до 10 часовъ и наконецъ ѣдутъ. Выкрестъ Илья Марковичъ,котораго мужики *боготворятъ* здѣсь—такъ мнѣ говорили,—далъ мнѣ лошадей до Томска.

Я, засѣдатель и писарь сѣли въ одномъ возкѣ. Засѣдатель всю дорогу вралъ, пилъ изъ горлышка, хвасталъ, что не беретъ взятокъ, восхищался природой и грозилъ кулакомъ встрѣчнымъ бродягамъ. Проѣхалъ 15 верстъ — стопъ! Деревня Бровкино.. Останавливаемся около жидовской лавочки и идемъ «отдыхать». Жидъ бѣжитъ за наливкой, а жидовка варитъ уху, о которой я уже писалъ. Засѣдатель распорядился, чтобъ пришли сотскій, десятскій и дорожный подрядчикъ и пьяный сталъ распекать ихъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Онъ ругался, какъ татаринъ.

Скоро я разъѣхался съ засѣдателемъ и по отвратительной дорогѣ вечеромъ 15-го Мая доѣхалъ до Томска. Въ послѣдніе два дня я сдѣлалъ только 70 верстъ—можете судить, какова дорога!

Въ Томскѣ невылазная грязь. О городѣ и о здѣшнемъ житьѣ буду писать на-дняхъ, а теперь до свиданія. Утомился писать.. Поклонъ Папашѣ, Ивану, теткѣ, Алешѣ, Александрѣ Васильевнѣ, Зинандѣ Михайловнѣ, Доктору, Трошѣ, великому піанисту, Марьюшкѣ. Если знаете адресъ милѣйшей Г., то напишите этой необыкновенной, удивительной дѣвицѣ, что я ей кланяюсь. Славной Жамэ привѣтъ отъ души. Если лѣтомъ она будетъ гостить у Васъ, то я буду очень радъ. Она очень хорошая. Скажите Трошѣ, что я сейчасъ пилъ изъ ея стаканчика. Чокался впрочемъ съ К.

Тополей нѣтъ. Кувшинниковскій генералъ совралъ. Соловьевъ нѣтъ. Сороки и кукушки есть.

Сегодня получилъ телеграмму отъ Суворина въ 80 словъ.

Всѣхъ обнимаю, цѣлую и благословляю.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Мишино письмо получено. Спасибо.

Простите, что письмо похоже на винегретъ. Нескладно. Ну, да что дѣлать? Сидя въ номерѣ, лучше не напишешь. Извините, что длинно. Я не виноватъ. Рука разбѣжалась, да и къ тому же хочется подольше поговорить съ Вами. 3-й часъ ночи. Рука утомилась. На свѣчкѣ нагорѣлъ фитиль, плохо видно. Пишите мнѣ на Сахалинъ въ каждые 4 — 5 дней. Оказывается, что почта туда идетъ не только моремъ, но и черезъ Сибирь. Значитъ, буду получать своевременно и часто.

Завтра пойду къ Владиславлеву и Флоринскому. Деньги цѣлы. Швовъ еще не распарывалъ. Что Артеменко? Хорптопенко получилъ звѣзду. Поздравляю Сумы.

Въ Томскѣ на всѣхъ заборахъ красуется «Предложеніе». Томичи говорятъ, что такая холодная и дождливая весна, какъ въ этомъ году, была въ 1842 г. Половину Томска затопило. Мое счастье!

Ѣмъ конфекты.

Если у Маши будетъ болѣть горло и лѣтомъ, то по пріѣздѣ въ Москву въ Сентябрѣ пусть проф. Кузьминъ отрѣжетъ ей по кусочку отъ каждой миндалевидной желѣзы. Это невинная безболѣзненная операція. Безъ этой операціи Маша до старости не избавится отъ фолликулярныхъ и прочихъ жабъ. Если Елена Михайловна согласится сдѣлать операцію сію, то еще лучше. Пока желѣзы еще не очень велики, достаточно отрѣзать по очень маленькому кусочку.

Въ Томскѣ нужно будетъ дождаться того времени, когда прекратятся дожди. Говорятъ, что дорога до Иркутска возмутительна. Здѣсь есть «Славянскій Базаръ». Обѣды хорошіе, но добраться до этого Базара нелегко — грязь невылазная.

Сегодня (17 Мая) пойду въ баню. Говорятъ, что на весь Томскъ имѣется одинъ только банщикъ — Архипъ.

XLII.

Ей же.

(Съ подлинника).

Томскъ. 20 Май, Троица (1890 г.).

Друзья мои Тунгусы! У Васъ Троица, а у насъ еще даже верба не начала распускаться и на берегу Томи снѣгъ. Завтра я ѣду въ Иркутскъ. Отдохнулъ. Спѣшить не зачѣмъ, такъ какъ пароходство черезъ Байкалъ начнется только 10 іюня, но все-таки ѣду.

Я живъ, здоровъ, деньги цѣлы; немножко болитъ правый глазъ. Ломитъ.

Всѣ совѣтуютъ ѣхать обратно черезъ Америку, такъ какъ, говорятъ, на Добровольномъ флотѣ умрешь съ тоски: военщина, казенщина и рѣдко пристаютъ къ берегу.

Два мѣсяца тому назадъ умеръ здѣсь таганрогскій таможенный Кузовлевъ [1]), въ нищетѣ.

Отъ печего дѣлать принялся за дорожныя впечатлѣнія и посылаю ихъ въ Новое Время; будете читать ихъ приблизительно послѣ 10 іюня. Пишу обо всемъ понемножку: трепь-брень. Пишу не для славы, а въ отношеніи денегъ и въ разсужденіи взятаго аванса.

---

[1]) Находившійся въ ссылкѣ по извѣстному таганрогскому таможенному процессу.

Томскъ скучнѣйшій городъ. Если судить по тѣмъ пьяницамъ, съ которыми я познакомился, и по тѣмъ вумнымъ людямъ, которые приходили ко мнѣ въ номеръ на поклоненіе, то и люди здѣсь прескучнѣйшіе. По крайней мѣрѣ мнѣ съ ними такъ невесело, что я приказалъ человѣку никого не принимать.

Былъ въ банѣ. Отдавалъ въ стирку бѣлье (по 5 коп. за платокъ!). Покупалъ отъ скуки шоколатъ.

Благодарю Ивана за книги. Я теперь покоенъ. Если онъ не съ вами, то напишите ему, что я кланяюсь. Отцу послано письмо. Послалъ бы таковое и Ивану, но не знаю навѣрное, гдѣ онъ живетъ, и куда поѣхалъ.

Черезъ $2^1/_2$ дня буду въ Красноярскѣ, а черезъ $7^1/_2$—8 въ Иркутскѣ. До Иркутска 1500 верстъ.

Заварилъ себѣ кофе и сейчасъ буду пить. Утро. Скоро зазвонятъ къ поздней обѣднѣ.

Послѣ Томска начнется тайга. Посмотримъ.

Поклонъ всѣмъ Линтваревымъ и нашей старой Марьюшкѣ. Мамашу прошу не безпокоиться и не давать вѣры дурнымъ снамъ. Поспѣла рѣдиска? А тутъ ея совсѣмъ нѣтъ.

Ну, оставайтесь живы, здоровы; насчетъ денегъ не безпокойтесь—будутъ; не старайтесь тратить меньше и не портите себѣ этимъ лѣта.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Душа моя кричитъ караулъ. Помилуйте, мой бѣдный чемоданъ-сундукъ остается въ Томскѣ, а покупаю я себѣ новый чемоданъ, мягкій и плоскій, на которомъ можно сидѣть и который не разобьется отъ тряски. Бѣдный сундучекъ такимъ образомъ попалъ въ Сибирь на поселеніе.

XLIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Томскъ, 20 Май (1890 г.).

Наконецъ здравствуйте! Привѣтъ Вамъ отъ сибирскаго человѣка, милый Алексѣй Сергѣевичъ! Соскучился я по Васъ и по перепискѣ ужасно.

Однако, начну сначала. Въ Тюмени мнѣ сказали, что первый пароходъ въ Томскъ идетъ 18-го Мая. Пришлось скакать на лошадяхъ. Въ первые три дня болѣли всѣ жилы и суставы, потомъ же привыкъ и никакихъ болей не чувствовалъ. Только отъ не спанья и постоянной возьни съ багажомъ, отъ прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мнѣ настроеніе, и безъ того не важное. Въ первые дни было сносно, но потомъ задулъ холодный вѣтеръ, разверзлись хляби небесныя, рѣки затопили луга и дороги. То и дѣло приходилось мѣнять повозку на лодку. О войнѣ моей съ разливомъ и съ грязью Вы прочтете въ прилагаемыхъ листкахъ [1]); я тамъ умолчалъ, что мои большіе сапоги оказались узкими и что я по грязи и по водѣ ходилъ въ валенкахъ и что валенки мои обратились въ студень. Дорога такъ гнусна, что въ послѣдніе два дня своего вояжа я сдѣлалъ только 70 верстъ.

Уѣзжая, я обѣщалъ присылать Вамъ путевыя замѣтки начиная съ Томска, ибо путь между Тюменью и Томскомъ давно уже описанъ и эксплоаторовался тысячу разъ. Но Вы въ Вашей телеграммѣ изъявили желаніе имѣть отъ меня сибирскія впечатлѣнія возможно скорѣе

---

[1]) Фельетоны по «Сибири», напечат. въ «Нов. Вр.» и перепечатанные въ дополнит. томахъ изданія Маркса.

и даже, сударь, имѣли жестокость попрекнуть меня въ слабой памяти, т.-е. въ томъ, какъ будто я забылъ о Васъ. Дорогою писать было положительно невозможно; я велъ короткій дневникъ карандашемъ и могу предложить Вамъ теперь только то, что въ этомъ дневникѣ записано. Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я всѣ свои записанныя впечатлѣнія раздѣлилъ на главы. Посылаю Вамъ шесть главъ. Написаны онѣ *лично для Васъ*. Писалъ я только для Васъ и потому не боялся быть въ своихъ замѣткахъ слишкомъ субъективнымъ и не боялся, что въ нихъ больше Чеховскихъ чувствъ и мыслей, чѣмъ Сибири. Если какія строки найдете интересными и достойными печати, то предайте ихъ благодѣтельной гласности, подписавъ мою фамилію и печатая ихъ тоже отдѣльными главками, черезъ часъ по столовой ложкѣ. Общее названіе можно дать «Изъ Сибири», потомъ «Изъ Забайкалья», потомъ «Съ Амура» и т. д

Повую порцію Вы получите изъ Иркутска, куда я ѣду завтра и куда буду ѣхать не меньше 10 дней—дорога плоха. Вышлю опять нѣсколько главъ и буду высылать, независимо отъ того, будете Вы печатать, или нѣтъ. Читайте, а когда надоѣстъ, то телеграфируйте мнѣ: «уймись!»

Всю дорогу я голодалъ, какъ собака. Набивалъ себѣ брюхо хлѣбомъ, чтобы не мечтать о тюрбо, спаржѣ и проч. Даже о гречневой кашѣ мечталъ. По цѣлымъ часамъ мечталъ.

Въ Тюмени я купилъ себѣ на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусокъ въ ротъ, то во рту такой запахъ, какъ будто вошолъ въ конюшню въ тотъ самый моментъ, когда кучера снимаютъ портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, какъ будто вцѣпился зубами въ собачій хвостъ, опачканный въ деготь. Тьфу! Поѣлъ раза два и бросилъ.

Получилъ отъ Васъ одну телеграмму и письмо, въ которомъ Вы пишете, что хотите издавать энциклопедическій словарь. Не знаю почему, но вѣсть объ этомъ словарѣ меня очень порадовала. Издавайте, голубчикъ! Если я гожусь въ работники, то отдаю Вамъ ноябрь и декабрь; буду жить эти мѣсяцы въ Питерѣ. Отъ утра до ночи буду сидѣть.

Свои путевыя замѣтки писалъ я начисто въ Томскѣ при скверпѣйшей номерной обстановкѣ, но со стараніемъ и не безъ желанія угодить Вамъ. Думаю, ему скучновато въ Ѳеодосіи и жарко, пусть почитаетъ о холодѣ. Замѣтки эти идутъ къ Вамъ вмѣсто письма, которое складывалось у меня въ головѣ въ продолженіе всего пути. За это Вы высылайте мнѣ на Сахалинъ всѣ Ваши критическіе фельетоны, кромѣ первыхъ двухъ, которые я читалъ; распорядитесь также, чтобы мнѣ высылали туда же Народовѣдѣніе Пешеля, кромѣ первыхъ двухъ выпусковъ, которые я уже имѣю.

Почта на Сахалинъ идетъ и моремъ, и черезъ Сибирь: значитъ, если мнѣ будутъ писать, я буду часто получать корреспонденцію. Не потеряйте мой адресъ: *о. Сахалинъ, Александровскій Постъ.*

Ахъ, какіе расходы! Гевалдъ! Благодаря разливу, я вездѣ платилъ возницамъ почти вдвое, а иногда втрое, ибо работа каторжная, адская. Чемоданъ мой, милѣйшій сундучекъ, оказался не удобнымъ въ дорогѣ: занимаетъ много мѣста, толкаетъ въ бокъ, гремитъ, а главное— грозитъ разбиться. «Не берите съ собой въ дальнюю дорогу сундуки!» говорили мнѣ добрые люди, но этотъ совѣтъ припомнился мнѣ только на полъ-дорогѣ. Что-жъ? Оставляю свой чемоданъ въ Томскѣ на поселеніи, а вмѣсто него кушилъ себѣ какую-то кожаную стерву, которая имѣетъ то удобство, что распластывается на днѣ тарантаса, какъ угодно. Заплатилъ 16 рублей. Далѣе..

На перекладныхъ скакать до Амура—это пытка. Разобьешь и себя и весь свой багажъ. Посовѣтовали купить повозку. Купилъ сегодня за 130 рублей. Если не удастся продать ее въ Срѣтенскѣ, гдѣ кончается мой лошадиный путь, то я останусь на бобахъ и взвою. Сегодня обѣдалъ съ редакторомъ «Сибирскаго Вѣстника» К. Мѣстный Ноздревъ, широкая натура.. Пропилъ 6 рублевъ.

Стопъ! Докладываютъ, что меня желаетъ видѣть помощникъ полиціймейстера. Что такое?!?

Тревога напрасная. Полицейскій оказывается любителемъ литературы и даже писателемъ; пришелъ ко мнѣ на поклоненіе. Поѣхалъ домой за своей драмой и, кажется, хочетъ угостить меня ею. Сейчасъ пріѣдетъ и опять помѣшаетъ писать къ Вамъ..

Пишите мнѣ о Ѳеодосіи, о Толстомъ, о морѣ, о бычкахъ, объ общихъ знакомыхъ.

Анна Ивановна, здравствуйте! Господь Васъ благословитъ. Я о Васъ часто думаю.

Поклонъ Настюшѣ и Борѣ. Всей душой радъ для ихъ удовольствія броситься въ пасть тигра и позвать ихъ къ себѣ на помощь, но—увы! до тигровъ я еще не доѣхалъ. До сихъ поръ изъ пушныхъ звѣрей въ Сибири я видѣлъ только очень много зайцевъ и одну мышь.

Стопъ! Вернулся полицейскій. Онъ драмы не читалъ, хотя и привезъ ее, но угостилъ разсказомъ. Не дурно, но только слишкомъ мѣстно. Показывалъ мнѣ слитокъ золота. Попросилъ водки. Не помню ни одного Сибирскаго интеллигента, который, пріѣдя ко мнѣ, не попросилъ бы водки. Говорилъ, что у него завелась «любвишка»—замужняя женщина; далъ прочесть мнѣ прошеніе на Высочайшее имя насчетъ развода...

Зачѣмъ А. А. въ Ригѣ? Вы объ этомъ писали. Какъ его здоровье? Теперь ужъ я буду писать Вамъ аккуратно

изъ каждаго города и изъ каждой той станціи, гдѣ мнѣ не будутъ давать лошадей, т.-е. заставятъ меня ночевать. А какъ я радъ, когда по необходимости остаюсь гдѣ-нибудь ночевать! Не успѣешь бултыхнуть въ постель, какъ ужъ спишь. Здѣсь, когда ѣдешь и не спишь ночью, сонъ цѣнишь превыше всего; на землѣ нѣтъ выше наслажденія, какъ сонъ, когда хочется спать. Въ Москвѣ, вообще въ Россіи, какъ теперь я понимаю, мнѣ никогда не хотѣлось спать. Ложился только потому, что надо. За то теперь! Еще одно замѣчаніе: въ дорогѣ совсѣмъ не хочется спиртного. Я не могъ пить. Курилъ очень много. Думается плохо. Мысли какъ-то не вяжутся. Время бѣжитъ быстро, такъ что совсѣмъ не замѣчаешь времени отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Послѣ утра вскорѣ наступаетъ вечеръ. Такъ бываетъ во время затяжной болѣзни. Отъ вѣтра и дождей у меня лицо покрылось рыбьей чешуей и я, глядя на себя въ зеркало, не узнаю прежнихъ благородныхъ чертъ.

Томска описывать не буду. Въ Россіи всѣ города одинаковы. Томскъ городъ скучный, не трезвый; красивыхъ женщинъ совсѣмъ нѣтъ, безправіе азіатское. Замѣчателенъ сей городъ тѣмъ, что въ немъ мрутъ губернаторы.

Обнимаю Васъ крѣпко, Аннѣ Ивановнѣ цѣлую обѣ руки и кланяюсь до земли. Идетъ дождь. До свиданья, будьте здоровы и счастливы. Если письма мои будутъ кратки, небрежны, или сухи, то не посѣтуйте, ибо въ дорогѣ не всегда можно быть самимъ собою и писать такъ, какъ хочется. Чернила скверныя, а на перо вѣчно садятся какіе-то волоски и кусочки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Опишите Вашъ Феодосійскій домъ. Нравится ли Вамъ?

XLIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

г. Марiинскъ (на пути отъ Томска къ Иркутску) [1] *(1890 г. 25 май).*

Весна начинается; поле зеленѣетъ, деревья распускаются, поютъ кукушки и даже соловьи. Было сегодня прекрасное утро, но въ 10 часовъ подулъ холодный вѣтеръ и пошолъ дождь. До Томска была равнина, послѣ Томска пошли лѣса, овраги и проч.

Чемоданъ свой бѣдный оставилъ въ Томскѣ на поселеніе за его громоздкость, а вмѣсто него купилъ за 16 р. (!) какую-то чепуху, которая рабски распластывается на днѣ повозки. Вы можете вездѣ теперь хвастать, что у насъ есть экипажъ. Въ Томскѣ купилъ за 130 р. коляску съ откидным верхомъ и проч., но, конечно, безъ рессоръ, ибо Сибирь рессоръ не признаетъ. Сидѣнья нѣтъ, дно ровное, большое, можно вытянуться во весь ростъ. Теперь ѣхать очень удобно: не боюсь ни вѣтра, ни дождя. Только жду, что ось сломается, ибо дорога отвратительная. Плаваніямъ моимъ нѣтъ конца: утромъ плавалъ два раза, да ночью прійдется плыть 4 версты. Я живъ и совершенно здоровъ. Будьте здоровы.

Вашъ Antoine.

XLV.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Ачинскъ, Енисейск. губ., 1890 г. Май 28-й).

Я живъ и здоровъ. Привѣтъ Вамъ изъ Ачинска. Всѣмъ кланяюсь.

А. Чеховъ.

Поклонъ отцу и Ивану. Гдѣ Иванъ? Завтра буду въ Красноярскѣ.

---

[1] Скобки А. П.

XLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Красноярскъ, 28 Мая (1890 г.).

Здравствуйте! Изъ Томска Вамъ послано большое заказное письмо. Если Вамъ понадобится телеграфировать что-нибудь по поводу его, то телеграфируйте «Благовѣщенскъ до востребованія», если только, конечно, изъ моихъ телеграммъ не будетъ видно, что я уже проѣхалъ названный городъ. До сихъ поръ я не ѣхалъ, а ползъ. Дорога и ужасная, и страшная, благодаря не вылазной, оси ломающей грязи. Но слава Богу около Красноярска стало лучше. Мой экипажъ два раза ломался отъ напряженія и два раза починка его задерживала меня на станціяхъ. Низко кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Буду писать изъ Иркутска.

XLVII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Красноярскъ, 28 Май (1890 г.).

Что за убійственная дорога! Еле-еле доползъ до Красноярска и два раза починялъ свою повозку; лопнулъ сначала курокъ—желѣзная, вертикально стоящая штука, соединяющая передокъ повозки съ осью; потомъ сломался подъ передкомъ такъ называемый кругъ. Никогда въ жизни не видывалъ такой дороги, такого колоссальнаго распутья и такой ужасной, запущенной дороги.

Буду писать о ея безобразіяхъ въ Нов. Вр., а посему умолчу пока.

Послѣднія три станціи великолѣпны; когда подъѣзжаешь къ Красноярску, то кажется, что спускаешься въ иной міръ. Изъ лѣса выѣзжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здѣсь горные кряжи грандіознѣе. Солнце блеститъ во всю ивановскую и березы распустились, хотя за три станціи назадъ на березахъ не потрескались даже еще почки. Слава Богу, въѣхалъ таки я наконецъ въ лѣто, гдѣ нѣтъ ни вѣтра, ни холоднаго дождя. Красноярскъ красивый, интеллигентный городъ; въ сравненіи передъ нимъ Томскъ свинья въ ермолкѣ и моветонъ. Улицы чистыя, мощеныя, дома каменные, большіе, церкви изящныя.

Я живъ и совершенно здоровъ. Деньги цѣлы, вещи тоже цѣлы; потерялъ было шерстяные чулки и скоро нашелъ.

Пока, если молчать о повозкѣ, все обстоитъ благополучно, и жаловаться не на что. Только расходы страшенные. Нигдѣ такъ сильно не сказывается житейская непрактичность, какъ въ дорогѣ. Плачу лишнее, дѣлаю ненужное, говорю не то, что нужно и жду всякій разъ того, что не случается.

Миша, погоди собираться въ Японію; кажется, я вернусь черезъ Америку.

Въ Иркутскѣ я буду черезъ 5—6 дней, проживу тамъ столько же дней, затѣмъ скакать до Срѣтенска и—конецъ моему лошадиному пути. Вотъ ужъ больше двухъ недѣль прошло, какъ я скачу не переставая, думаю только въ одномъ этомъ направленіи, живу этимъ; ежедневно вижу восходъ солнца отъ начала до конца. Такъ привыкъ, что мнѣ кажется, что я всю жизнь скачу и воюю съ грязной дорогой. Когда пѣтъ дождя и грязь-

пыхъ ямъ на дорогѣ, то становится какъ-то странно и даже скучновато. А какой я грязный, какое у меня ерническое рыло! Какъ потерлась моя несчастная одежа!

Поклонъ отцу, Ивану (гдѣ сей?), Александрѣ Васильевнѣ, братьямъ и сестрамъ Линтваревымъ, Семашко, Иваненкѣ, Жамэ, Марьюшкѣ и прочимъ.

Къ департаменту матери: кофе у меня еще $1^1/_2$ банки; питаюсь медомъ и акридами; буду обѣдать сегодня и въ Иркутскѣ. Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ дороже все становится. Хлѣбъ ржаной т.-е. мука ржаная ужъ 70 коп. за пудъ, тогда какъ по ту сторону Томска она 25—27 к., а пшеничная 30 к. Табакъ, продающійся въ Сибири, подлъ и гнусенъ; дрожу, такъ какъ мой ужъ на исходѣ.

Напишите теткѣ и Алексѣю, что я имъ кланяюсь. Гдѣ теперь Жамэ? Хотѣлъ было заказать ей работишку въ музеѣ, да не знаю, гдѣ проживаетъ теперь эта златокудрая-обольстительная дѣва. А гдѣ Гундасова? И ей поклонъ.

Ѣду съ двумя поручиками и съ однимъ военнымъ докторомъ, которые всѣ держатъ путь на Амуръ. Такимъ образомъ револьверъ является совершенно лишнимъ. Съ такой компаніей и въ адъ не страшно. Сейчасъ пьемъ на станціи чай, а послѣ чаю пойдемъ смотрѣть городъ.

Я согласился бы жить въ Красноярскѣ. Не понимаю, почему здѣсь излюбленное мѣсто для ссылки. Тутъ недавно прощенный Юхонцевъ, тутъ и Рыковъ.

Однако спѣшимъ; будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ, откидываю къ печкѣ, потомъ опять принимаю въ свои объятія, благословляю по архіерейски и желаю всего хорошаго.

Ради Бога безъ болѣзней и безъ инцидентовъ! Будьте благополучны до мозга костей.

Вашъ Homo Sachaliensis *А. Чеховъ.*

Письма адресуемыя на имя Маши могутъ быть читаемы всею семьей; если случится писать секретъ, то на адресѣ будетъ написано «ея высокоблагородію». Это помните. Всякое письмо съ ея высокоблагородіемъ можетъ быть распечатано только одною Машей, которой, кстати сказать, я желаю отъ души всего самаго лучшаго и великолѣпнаго.

Ахъ, Троша, Троша! [1]) Не слышу я Вашего чудеснаго смѣха!

XLVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

5 Іюнь, Иркутскъ (1890 г.).

Европейскій братъ!

Конечно, не пріятно жить въ Сибири; но лучше быть въ Сибири и чувствовать себя благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ жить въ Петербургѣ и слыть за пьяницу и негодяя. Я не говорю о присутствующихъ.

Уѣзжая изъ Россіи, о братъ, я писалъ тебѣ, что ты получишь отъ меня много порученій. Передъ отъѣздомъ я не собрался написать тебѣ, въ дорогѣ было не до писемъ, теперь же, поразмысливъ, я вижу, что у меня есть къ тебѣ не много порученій, а только одно, которое и прошу исполнить подъ страхомъ лишенія наслѣдства. Порученіе состоитъ вотъ въ чемъ: когда получишь письмо отъ сестры насчетъ денегъ, то надѣнь штаны и сходи въ книжный магазинъ Новаго Времени: тутъ получи деньги за мои книги и вышли ихъ сестрѣ полностью. Вотъ и все.

Сибирь есть страна холодная и длинная. Ѣду, ѣду и конца не видать. Интереснаго и новаго вижу мало,

---

[1]) Н. М. Линтварева. Жамэ—Л. С. Мизинова.

за то чувствую и переживаю много. Воевалъ съ разливами рѣкъ, съ холодомъ, съ невылазною грязью, съ голодухой, съ желаніемъ спать.. Такія ощущенія, которыя въ Москвѣ и за милліонъ не испытаешь. Тебѣ бы надо въ Сибирь! Попроси прокуроровъ, чтобы тебя сюда выслали.

Изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ самый лучшій Иркутскъ. Томскъ гроша мѣднаго не стоитъ, а всѣ уѣздные не лучше той Крѣпкой, въ которой ты имѣлъ неосторожность родиться. Обиднѣе всего, что въ уѣздныхъ городишкахъ ѣсть нечего, а это въ дорогѣ ухъ какъ чувствуется! Подъѣзжаешь къ городу и падѣешься съѣсть цѣлую гору, а въѣхалъ —трахъ! ни колбасы, ни сыру, ни мяса, ниже селедки, а тѣ же прѣсныя яйца и молоко, что и въ деревняхъ.

Въ общемъ я своею поѣздкой доволенъ и не жалѣю, что поѣхалъ. Тяжко ѣхать, но за то отдыхъ чуденъ. Отдыхаю съ наслажденіемъ.

Изъ Иркутска двинусь къ Байкалу, который переплыву на пароходѣ; отъ Байкала тысяча верстъ до Амура, а тамъ на пароходѣ до Великаго Океана, гдѣ первымъ дѣломъ выкупаюсь и поѣмъ устрицъ.

Сюда пріѣхалъ я вчера и первымъ дѣломъ отправился въ баню, потомъ легъ спать. Ахъ, какъ спалъ! Только теперь я понимаю, что значитъ сонъ.

Ну, будь здоровъ. Натальѣ Александровнѣ, нѣмотствующему Кукѣ и тезкѣ моему нижайшій поклонъ и пожеланіе всѣхъ благъ. Мой адресъ: Александровскій постъ на Сахалинѣ. Опиши, какъ идутъ твои дѣла и нѣтъ ли чего новенькаго. Пиши нашимъ почаще, ибо имъ скучно.

Благославляю тебя обѣими руками.

Твой азіатскій братъ *А. Человъ.*

XLIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

5 іюнь. Иркутскъ (1890 г.).

Тысячу разъ здравствуйте, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Наконецъ поборолъ самыя трудныя 3000 верстъ, сижу въ приличномъ номерѣ и могу писать. Одѣлся я нарочно во все новое и возможно щеголеватѣе, ибо Вы не можете себѣ представить, до какой степени мнѣ надоѣли грязные большіе сапоги, полушубокъ пахнущій дегтемъ или пальто въ сѣнѣ, пыль и крошки въ карманахъ и необычайно грязное бѣлье. Въ дорогѣ одѣтъ я былъ такимъ сукинымъ сыномъ, что даже бродяги косо на меня посмотрѣвали, а тутъ еще, точно нарочно, отъ холодныхъ вѣтровъ и дождей рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей. Теперь наконецъ я опять европеецъ, что и чувствую всѣмъ моимъ существомъ.

Ну-съ, о чемъ же Вамъ написать? Все такъ длинно и широко, что не знаешь, съ чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я дѣлю на три эпохи: 1) отъ Тюмени до Томска, 1500 верстъ, страшенный холодище днемъ и ночью, полушубокъ, валенки, холодные дожди, вѣтры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война съ разливами рѣкъ; рѣки заливали луга и дороги, а я то и дѣло мѣнялъ экипажъ на ладью и плавалъ, какъ венеціанецъ на гондолѣ; лодки, ихъ ожиданіе у берега, плаваніе и проч.—все это отнимало такъ много времени, что въ послѣдніе два дня до Томска я при всѣхъ моихъ усиліяхъ сумѣлъ сдѣлать только 70 верстъ вмѣсто 400—500; бывали къ тому же еще весьма жуткія, непріятныя минуты, особенно въ ту пору, когда вдругъ поднимался вѣтеръ и начиналъ бить по лодкѣ. 2) Отъ Томска до

Красноярска 500 верстъ, невылазная грязь; моя повозка и я грузли въ грязи, какъ мухи въ густомъ варенье; сколько разъ я ломалъ повозку (она у меня собственная), сколько верстъ прошелъ пѣшкомъ, сколько кляксъ было на моей физіономіи и на платьѣ!. Я не ѣхалъ, а полоскался въ грязи. За то и ругался же я! Мозгъ мой не мыслилъ, а только ругался. Замучился я до изнеможенія и былъ очень радъ, попавъ на Красноярскую почтовую станцію. 3) Отъ Красноярска до Иркутска 1566 верстъ, жара, дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ и пыль; пыль во рту, въ носу, въ карманахъ; поглядишь на себя въ зеркало и кажется, что загримировался. Когда по пріѣздѣ въ Иркутскъ я мылся въ банѣ, то съ головы моей текла мыльная пѣна не бѣлаго, а непельно-гнѣдого цвѣта, точно я лошадь мылъ.

Когда пріѣду, разскажу Вамъ про Енисей и тайгу— весьма интересно и любопытно, ибо представляетъ новизну для европейца, все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) отъ россійской; есть различіе, но оно мало замѣтно для глаза. Дорога вполнѣ безопасна.

Грабежи, нападенія, злодѣи—все это вздоръ и сказки. Револьверъ совершенно ненуженъ, и ночью въ лѣсу такъ же безопасно, какъ днемъ на Невскомъ. Для пѣшаго—другое дѣло.

Цѣлую Васъ и обнимаю, а Вашимъ шлю привѣтъ и пожеланія всего хорошаго. Не хворайте, голубчикъ, и не скучайте. Дай Вамъ Богъ и здоровья, и денегъ. Не забывайте Вашего почитателя и искренняго доброжелателя.

А. Чеховъ.

L.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Іюнь, Иркутскъ (1890 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Шлю Вамъ душевный привѣтъ изъ Иркутска, изъ нѣдръ Сибирскихъ. Пріѣхалъ я въ Иркутскъ вчера ночью и очень радъ, что пріѣхалъ, такъ какъ замучился въ дорогѣ и соскучился по роднымъ и знакомымъ, которымъ давно уже не писалъ. Ну-съ, о чемъ же интереснomъ написать Вамъ? Начну съ того, что дорога необыкновенно длинна. Отъ Тюмени до Иркутска я сдѣлалъ на лошадяхъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. Отъ Тюмени до Томска воевалъ съ холодомъ и съ разливами рѣкъ; холода были ужасные, на Вознесенье стоялъ морозъ и шелъ снѣгъ, такъ что полушубокъ и валенки пришлось снять только въ Томскѣ въ гостинницѣ. Что же касается разливовъ, то это казнь египетская. Рѣки выступили изъ береговъ и на десятки верстъ заливали луга, а съ ними и дороги; то и дѣло приходилось мѣнять экипажъ на лодку, лодки же не давались даромъ—хорошая обходилась пуда крови, такъ какъ нужно было по цѣлымъ суткамъ сидѣть на берегу подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ и ждать, ждать... Отъ Томска до Красноярска отчаянная война съ невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! Сколько разъ приходилось починять свою повозку, шагать пѣшкомъ, ругаться, вылѣзать изъ повозки, опять влѣзать и т. д.; случалось, что отъ станціи до станціи ѣхалъ я 6—10 часовъ, и на починку повозки требовалось 10—15 часовъ каждый разъ. Отъ Красноярска до Иркутска страшнѣйшая жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль въ носу, слипающіеся

отъ безсонницы глаза, вѣчный страхъ, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку... Но тѣмъ не менѣе все-таки я доволенъ и благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силу и возможность пуститься въ это путешествіе... Многое я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемыя дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха—все вмѣстѣ взятое такъ хорошо, что и описать не могу. Ужъ одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ—любопытно и здорово; цѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ ночи и до конца.

Отсюда ѣду на Байкалъ, потомъ въ Читу, Срѣтенскъ, гдѣ мѣняю лошадей на пароходъ, и плыву по Амуру до своей цѣли. Не спѣшу, ибо желаю быть на Сахалинѣ не раньше 1-го 1юля.

Если бы вздумали написать мнѣ, то вотъ Вамъ мой адресъ: Александровскій постъ на о. Сахалинѣ. Почта на Сахалинъ идетъ черезъ Сибирь ежедневно.

Вы спрашивали меня въ послѣднемъ письмѣ, почему за деньгами (Пестрые разсказы) я обратился къ Голике, а не къ Вамъ. Помилуйте, сударь мой, вѣдь Вы раньше писали и говорили мнѣ, чтобы я обращался за деньгами именно къ Голике, а не къ Вамъ. Впрочемъ, это все равно. Будьте здоровы, счастливы, покойны. Какова-то у Васъ погода?

Почтеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. До свиданья.

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

Дорога черезъ Сибирь вполнѣ безопасна. Грабежей не бываетъ.

LI.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 5 Іюня (1890 г.).

Здравствуйте, милый мой Жанъ! Шлю Вамъ дружескій привѣтъ изъ нѣдръ сибирскихъ, изъ града Иркутска, куда я пріѣхалъ вчера вечеромъ.

Давно, давно уже собирался я написать Вамъ, милѣйшій изъ всѣхъ капитановъ. Хотѣлъ написать длинно передъ выѣздомъ изъ Москвы, но грусть и тяжелое чувство при разставаніи съ родными парализовали мою пишущую длань; въ дорогѣ нельзя было писать, да и останавливала мысль, что мнѣ неизвѣстенъ Вашъ адресъ. Теперь же, отдыхаючи, не утерпѣлъ и пишу.

Путешествіе мое длинно; все до такой степени длинно и широко, что писать положительно не о чемъ. Скажу только, что ѣхать было тяжко, временами несносно и даже мучительно; разливы рѣкъ, холодъ, питаніе исключительно чаемъ, грязная одежа, тяжелые сапоги, невылазная грязь—все это имѣло для меня подавляющее значеніе и отодвигало природу и сибирскаго человѣка на второй и третій планы. Да и кстати сказать, здѣшніе природа и человѣкъ мало чѣмъ отличаются отъ россійскихъ. Оригинальны только рѣка Енисей и тайга, но о нихъ можно только разсказать, а не писать, ибо письмо слишкомъ не просторно для этого. Въ декабрѣ при свиданіи я выложу передъ Вами все мое сибирское богатство.

Отсюда ѣду на Байкалъ, затѣмъ подамся къ Амуру, на которомъ поплыву до Сахалина. Обо всемъ разскажу Вамъ, друже, если останусь живъ и если у Васъ будетъ охота слушать такого неумѣлаго разсказчика, какъ я,

Гдѣ Вы? Что? Какъ? Каково у Васъ лѣто? Холодно или жарко? Пишете ли? Ахъ, голубчикъ, не скучайте Бога ради и не хандрите. Вы хорошій человѣкъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Вашей женѣ непремѣнно. Господь Васъ благословитъ. Будьте здоровы и счастливы, и не забывайте меня. Мнѣ скучно безъ людей.

Какой Вашъ адресъ? Вотъ задача-то!

LII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 6 іюня (1890 г.).

Здравствуйте, милая мама, Иванъ, Маша и Миша и всѣ, я же съ Вами!

Въ послѣднемъ большомъ письмѣ я писалъ Вамъ, что горы около Красноярска похожи на Донецкій кряжъ, но это неправда; когда я взглянулъ на нихъ съ улицы, то увидѣлъ, что онѣ, какъ высокія стѣны, окружаютъ городъ и мнѣ живо вспомнился Кавказъ. А когда передъ вечеромъ, уѣзжая изъ города, я переплывалъ Енисей, то видѣлъ на другомъ берегу овсѣмъ ужъ Кавказскія горы, такія же дымчатыя, мечтательныя.. Енисей широкая, быстрая, гибкая рѣка; красавецъ, лучше Волги. И паромъ черезъ него замѣчательный, хитро устроенный, плывущій противъ теченія; объ устройствѣ сей штуки разскажу дома. Итакъ, горы и Енисей—это первое оригинальное и новое, встрѣченное мною въ Сибири. И горы и Енисей подарили меня такими ощущеніями, которыя сторицею вознаградили меня за всѣ пережитыя кувырколлегіи и которыя за-

ставили меня обругать Левитана болваномъ за то, что онъ имѣлъ глупость не поѣхать со мной.

Отъ Красноярска до Иркутска всплошную тянется тайга. Лѣсъ не крупнѣе Сокольничьяго, но за то ни одинъ ямщикъ не знаетъ, гдѣ онъ кончается. Конца краю не видать. Тянется на сотни верстъ. Что и кто въ тайгѣ, неизвѣстно никому, и только зимою случается, что пріѣзжаютъ черезъ тайгу изъ далекаго сѣвера за хлѣбомъ какіе-то люди на оленяхъ. Когда въѣдешь на гору и глянешь впередъ и внизъ, то видишь впереди гору, за ней еще гору, потомъ еще гору, съ боковъ тоже горы—и все это густо покрыто лѣсомъ. Даже жутко дѣлается. Это второе оригинальное и новое..

Отъ Красноярска начались жарища и пыль. Жара страшная. Полушубокъ и шапка лежатъ подъ спудомъ. Пыль во рту, въ носу, за шеей—тьфу! Подъѣзжаемъ къ Иркутску—надо переплывать черезъ Ангару на плашкотѣ (т.-е. паромѣ). Какъ нарочно, точно на смѣхъ, поднимается сильнѣйшій вѣтеръ.. Я и мои военные спутники, 10 дней мечтавшіе о банѣ, обѣдѣ и снѣ, стоимъ на берегу и блѣднѣемъ отъ мысли, что намъ прійдется переночевать не въ Иркутскѣ, а въ деревнѣ. Плашкотъ никакъ не можетъ подойти.. Стоимъ часъ—другой и—о небо!—плашкотъ дѣлаетъ усиліе и подходитъ къ берегу. Браво, мы въ банѣ, мы ужинаемъ и спимъ! Ахъ, какъ сладко париться, ѣсть и спать!

Иркутскъ превосходный городъ. Совсѣмъ интеллигентный. Театръ, музей, городской садъ съ музыкой, хорошія гостинницы.. Нѣтъ уродливыхъ заборовъ, нелѣпыхъ вывѣсокъ и пустырей съ надписями о томъ, что нельзя останавливаться. Есть трактиръ «Таганрогъ». Сахаръ 24 коп., кедровые орѣхи 6 коп. за фунтъ.

Къ великому моему огорченію я не нашелъ письма отъ васъ. Все написанное вами до 6 мая я получилъ бы

въ Иркутскѣ, если бы Вы написали. Послалъ Суворину телеграмму—отвѣта нѣтъ.

Теперь объ источникахъ для добычи презрѣннаго металла. Когда понадобятся деньги, то напишите Александру (или телеграфируйте), чтобы онъ сходилъ въ книжный магазинъ Новаго Времени и взялъ бы мой *книжный* гонораръ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, пошлите прилагаемое письмо, предварительно прочитавъ его; письмо пошлите въ августѣ и счетъ сохраните.

Александру я писалъ.

Не прозѣвайте моего выгрышнаго билета.

Писалъ ли я Мишѣ, что я, кажется, вернусь домой черезъ Америку? Пусть не спѣшитъ въ Японію.

Я живъ и здоровъ. Деньги цѣлы. Кофе припряталъ для Сахалина. Пью великолѣпный чай, послѣ котораго чувствую пріятное возбужденіе. Видаю китайцевъ. Добродушный и неглупый народъ. Въ сибирскомъ банкѣ мнѣ выдали деньги тотчасъ же, приняли любезно, угощали папиросами и пригласили на дачу. Есть великолѣпная кондитерская, но все адски дорого. Тротуары деревянные.

Вчера ночью совершалъ съ офицерами экскурсію по городу. Слышалъ, какъ кто-то шесть разъ протяжно крикнулъ «караулъ». Должно быть, душили кого-нибудь. Поѣхали искать, но никого не нашли.

Въ Иркутскѣ рессорныя пролетки. Онъ лучше Екатеринбурга и Томска. Совсѣмъ Европа.

17-го іюня отслужите обѣдню [1]), а 29-ое [2]) отпразднуйте возможно торжественнѣе; буду мысленно присутствовать съ Вами, а вы выпейте за мое здоровье. Поклонъ Папашѣ, Линтваревымъ, Жаме, Семашечкѣ, Иваненко и Марьюшкѣ. Ну, оставайтесь здоровы, да хранитъ

---

[1]) Годовщина смерти Ник. Павл.
[2]) День именинъ отца Павла Егор.

Васъ Богъ. Постарайтесь не забыть вашего скучающаго домочадца.

А. Чеховъ.

Все у меня мнется, грязно, рвется! Похожъ на жулика.

Мѣховъ, вѣроятно, не привезу. Не знаю, гдѣ ихъ продаютъ, а спросить лѣнь.

Въ дорогу надо брать не меньше двухъ большихъ подушекъ и непремѣнно въ темныхъ наволочкахъ.

Что дѣлаетъ Иванъ? Куда онъ ѣздилъ? Былъ ли на югѣ? Изъ Иркутска я ѣду къ Байкалу. Спутники мои готовятся рвать.

Большіе сапоги обносились и стали просторнѣе. Пятки уже не болятъ.

Заказалъ на завтра гречневую кашу. Въ дорогѣ вспомнилъ о творогѣ и сталъ ѣсть его на станціяхъ съ молокомъ.

Получали ли изъ мелкихъ городовъ мои открытыя письма? Берегите ихъ: по нимъ буду судить о скорости почты. А почта здѣшняя не спѣшитъ.

LIII.

Чеховой (Е. Я.).

(Телеграмма).

(Иркутскъ. 1890 г. Іюнь 7).

Сдѣлайте складчину телеграфируйте подробнѣе Иркутскъ Амурское подворье скучаю здоровъ.

LIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 7 іюнь (1890 г.).

Получилъ сейчасъ отъ Суворина такую телеграмму: «Не хвались до стенли далеко привѣтствуемъ золотая

и мѣдные бѣдные домъ прекрасный жалѣемъ что Васъ нѣтъ хмурые люди второе изданіе всѣмъ на завпсть вы бѣдный хорошій мы васъ любимъ студента Казанцева нынѣ скучно когда васъ принесетъ обратно. Суворинъ».

Мудрый Эдинъ, разрѣши! Во всякомъ разѣ, если «Хмурые люди» выходятъ вторымъ изданіемъ, то Вамъ прійдется получить рублей 600—700, которые тратьте по надобности; если что сбережете, то пригодится; быть-можетъ, я попрошу перевести изъ Москвы во Владивостокъ. Сибирскій банкъ обѣщаетъ мнѣ устроить такой переводъ. За «Сумерки» и «Разсказы» тоже получите малую толику. Поѣхала ли Маша въ Крымъ? Хорошо бы и на Кавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ; въ дилижансѣ эта дорога только 12 руб. стоитъ. Пусть бы съ Иваномъ ѣхала! Владикавказъ, Тифлисъ, Батумъ, Ѳеодосія, Севастополь, Сумы—таковъ маршрутъ.

Жарко. Сегодня въ «Интендантскомъ саду» музыка и гулянье.

Пароходъ изъ Срѣтенска идетъ 20 іюня. Православные, что я буду дѣлать до 20? Куда дѣваться? Ѣзда до Срѣтенска требуетъ только 5—6 дней.

Я сильно измѣнилъ свой маршрутъ. Изъ Хабаровска (зри карту) [1]) я поѣду не въ Николаевскъ, а по Уссури во Владивостокъ, а оттуда уже на Сахалинъ. Нельзя не посмотрѣть Уссурійскаго края. Во Владивостокѣ буду купаться въ морѣ и ѣсть устрицъ.

До Канска было холодно; начиная отъ Канска (зри карту) стали спускаться къ югу. Зелень такая же густая, какъ и у васъ, даже дубы распустились. Береза здѣсь темнѣе, чѣмъ въ Россіи, зелень ея не такъ сантиментальна. Масса черемухи, которая замѣняетъ здѣсь и сирень

---

[1]) Въ семьѣ Чеховыхъ, во время путешествія А. П., висѣла карта Сибири, по которой слѣдили за маршрутомъ Ант. Пав.

и вишню. Говорятъ, что изъ черемухи отличное варенье. Ѣлъ ее маринованную: ничего себѣ.

Ѣдутъ со мною два поручика и военный докторъ. Они получили тройные прогоны, но все прожили, хотя и ѣдутъ въ одномъ экипажѣ. Сидятъ безъ гроша, ожидая, когда интендантство дастъ имъ денегъ. Милые люди. Получили прогоновъ по 1500 — 2000 р., а дорога каждому изъ нихъ (исключая конечно остановки) обойдется дешевле грибовъ. Занимаются тѣмъ, что распекаютъ всѣхъ въ гостинницахъ и на станціяхъ, такъ что съ нихъ страшно деньги брать. Около нихъ и я плачу̀ меньше, чѣмъ обыкновенно.

Счетъ изъ книжнаго магазина лучше всего потребовать въ августѣ, этакъ числа 10 — 20; тогда же и письмо Кондратьеву послать.

Ѣздили Лнитваревы въ Крымъ? Нѣтъ? Такъ и зналъ. Если пріѣдутъ на Луку Смагины, то поклонитесь имъ. Особенно низкій поклонъ Еленѣ Ивановнѣ.

Сегодня первый разъ въ жизни видѣлъ Сибирскаго кота. Шерсть длинная, мягкая, нравъ кроткій.

Я соскучился и послалъ Вамъ сегодня телеграмму, при чемъ просилъ Васъ сдѣлать складчину и отвѣтить мнѣ подлиннѣе. Ничего бы Вамъ всѣмъ обитающимъ на Лукѣ не стоило разориться рублей на пять.

Какъ дѣла насчетъ шпаковъ и психическаго воздѣйствія? Въ кого Мишка [1]) влюбленъ, какой счастливицѣ Иваненко разсказываетъ про дядюшку? А Вата? Я должно быть влюбленъ въ Жаме, такъ какъ она мнѣ вчера снилась. Въ сравненіи съ Парашами-сибирячками, со всѣми этими якуто-бурятскими рылами, неумѣющими одѣваться, пѣть и смѣяться, наши Жаме, Дришка и Гундасиха просто королевы. Сибирскія барышни и женщины—

---

[1]) Братъ Мих. Павл.

это замороженная рыба. Надо быть моржемъ или тюленемъ, чтобы разводить съ ними шпаковъ [1]).

Мои спутники мнѣ надоѣли. Одному ѣхать гораздо лучше. Въ дорогѣ я больше всего люблю молчаніе, а мои спутники говорятъ и поютъ безъ умолку, и говорятъ только о женщинахъ. Взяли у меня до завтра 136 рублей и ужъ потратили. Бездонныя бочки.

Мама, какъ Ваши ноги? Исполняете ли Вы совѣты Кузьмина, который взялъ съ Васъ пять рублей? А какъ поживаетъ тетя съ Алешей? Напишите имъ поклонъ...

По Сибирскому тракту есть свои Боромли. Попадаются станціи въ 30 — 35 верстъ. Ѣдешь ночью, ѣдешь, ѣдешь... балдѣешь, чумѣешь и все ѣдешь, а рискнешь спросить ямщика, сколько верстъ осталось до станціи, онъ непремѣнно скажетъ не меньше 17. Это особенно мучительно, когда приходится ѣхать шагомъ по грязной ухабистой дорогѣ и когда хочется пить. Я научился не спать; совершенно бываю равнодушенъ, когда меня будятъ. Обыкновенно не спишь день, ночь, потомъ къ обѣду другого дня начинаешь чувствовать напряженіе въ вѣкахъ, вечеромъ и ночью, особенно передъ разсвѣтомъ и утромъ третьяго дня, дремлешь въ повозкѣ и, случается, уснешь, сидя, на минутку; въ обѣдъ и послѣ обѣда на каждой станціи, пока запрягаютъ лошадей, валяешься на диванахъ, и только вечеромъ начинается инквизиція. Вечеромъ, послѣ того, какъ выпьешь стакановъ пять чаю, начинаетъ горѣть лицо и все тѣло вдругъ изнемогаетъ и хочется гнуться назадъ; глаза слипаются, ноги въ большихъ сапогахъ зудятъ, въ мозгу путаница.. Если позволишь себѣ остаться ночевать, то тотчасъ же засыпаешь, какъ убитый; если же хватаетъ воли ѣхать дальше, то засыпаешь въ повозкѣ, какъ бы

[1]) Играть въ любовь.

сильна ни была тряска; на станціяхъ ямщики будятъ, такъ какъ нужно вылѣзать изъ повозки и платить прогоны; будятъ они не столько голосомъ и дергапьемъ за рукава, сколько чесночной вонью, исходящей изъ ихъ устъ; воняетъ отъ нихъ лукомъ и чеснокомъ до тошноты. Я научился спать въ повозкѣ только послѣ Красноярска. До Иркутска я однажды проспалъ 58 верстъ, при чемъ былъ только разъ разбуженъ. Но спанье въ повозкѣ не укрѣпляетъ. Это не сонъ, а какое-то безсознательное состояніе, послѣ котораго и въ головѣ мутно и во рту скверно.

Китайцы похожи на тѣхъ дохлыхъ старцевъ, которыхъ любилъ изображать покойный Николай [1]). Попадаются съ великолѣпными косами.

Въ Томскѣ у меня была полиція. Въ 11-мъ часу вечера лакей вдругъ докладываетъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть помощникъ полиціймейстера. Что такое?! Ужъ не политика ли? Не заподозрили ли во мнѣ волтеріанца? Говорю лакею: проси. Входитъ мужчина съ длинными усами и рекомендуется. Оказывается, что это любитель литературы, самъ пишетъ и пришелъ ко мнѣ въ номеръ, какъ въ Мекку къ Магомету, дабы поклониться. Вспомнилъ я о немъ вотъ почему. Позднею осенью онъ ѣдетъ въ Петербургъ и я навязалъ ему свой чемоданъ, который просилъ доставить въ редакцію Нов. Времени. Имѣйте сіе въ виду на случай, если кто-нибудь изъ нашихъ или знакомыхъ поѣдетъ въ Питеръ. Фамилія полиціи—А.

Вы бы между прочимъ поискали хуторъ. По возвращеніи въ Россію я пять лѣтъ буду отдыхать, т.-е. сидѣть на одномъ мѣстѣ и переливать изъ пустого въ порожнее. Хуторъ былъ бы очень кстати. Деньги же, думаю, найдутся, ибо дѣла мои не плохи. Если я отработаю авансъ

---

[1]) Братъ А. П.—Николай Павловичъ.

(половину уже отработалъ), то весною непремѣнно возьму 2 — 3 тысячи аванса съ разсрочкою на пять лѣтъ. Это не будетъ противъ совѣсти, такъ какъ книжному магазину Нов. Времени я далъ уже заработать своими книжками больше, чѣмъ 2 — 3 тысячи, и дамъ еще больше. Думаю до 35 лѣтъ ни приниматься ни за что серьезное, хочется попробовать личной жизни, которая у меня была, но которой я не замѣчалъ по разнымъ обстоятельствамъ.

Сегодня смазалъ кожаное пальто саломъ. Дивное пальто. Оно спасло меня отъ простуды. Полушубокъ тоже молодчина: служитъ и шубой и матрацомъ. Въ немъ тепло, какъ на печкѣ. Безъ подушекъ совсѣмъ плохо. Сѣно не замѣняетъ ихъ; оно черезъ 5—6 станцій отъ тренія даетъ много пыли, которая щекочетъ лицо и мѣшаетъ дремать. Простыни ни одной. Тоже скверно. Надо было бы также взять побольше брюкъ. Чѣмъ больше багажа, тѣмъ лучше — меньше тряски и больше удобствъ.

Однако, будьте здоровы. Писать уже больше не о чемъ. Кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LV.

Ей же.

(Съ подлинника).

13 Іюнь, Ст. Лиственичная, на берегу Байкала. (1890 г.).

Я переживаю дурацкіе дни. 11-го іюня, т. е. позавчера, вечеромъ мы выѣхали изъ Иркутска въ чаяніи попасть къ Байкальскому пароходу, который отходитъ въ 4 часа утра. Отъ Иркутска до Байкала только три станціи. На первой станціи намъ заявили, что всѣ лошади въ разгонѣ, что ѣхать поэтому никакъ невозможно. Пришлось остаться ночевать. Вчера утромъ выѣхали изъ

этой станціи и къ полудню прибыли къ Байкалу. Пошли на пристань и на нашъ вопросъ получили отвѣтъ, что пароходъ пойдетъ не раньше пятницы 15-го іюня. Значитъ, до пятницы нужно сидѣть на берегу, глядѣть на воду и ждать. Такъ какъ не бываетъ ничего такого, что бы не кончалось, то я ничего не имѣю противъ ожиданій и ожидаю всегда терпѣливо, но дѣло въ томъ, что 20-го изъ Срѣтенска идетъ пароходъ внизъ по Амуру; если мы не попадемъ на него, то прійдется ждать слѣдующаго парохода, который пойдетъ 30-го. Господа милосердные, когда же я попаду на Сахалинъ?

Ѣхали мы къ Байкалу по берегу Ангары, которая беретъ начало изъ Байкала и впадаетъ въ Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горахъ всплошную лѣса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ѣхалъ и чувствовалъ почему-то, что я необыкновенно здоровъ; мнѣ было такъ хорошо, что и описать нельзя. Это вѣроятно послѣ сидѣнья въ Иркутскѣ и оттого, что берегъ Ангары на Швейцарію похожъ. Что-то новое и оригинальное. Ѣхали по берегу, доѣхали до устья и повернули влѣво; тутъ ужъ берегъ Байкала, который въ Сибири называется моремъ. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верстъ. Берега высокіе, крутые, каменистые, лѣсистые; направо и налѣво видны мысы, которые вдаются въ море въ родѣ Аю-дага или ѳеодосійскаго Тохтебеля. Похоже на Крымъ. Станція Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома бѣлые, совсѣмъ была бы Ялта. Только на горахъ нѣтъ построекъ, такъ какъ горы слишкомъ отвѣсны и строиться на нихъ нельзя.

Заняли мы квартиру - сарайчикъ, напоминающій любую изъ Красковскихъ дачъ. У оконъ, аршина на 2 — 3 отъ фундамента начинается Байкалъ. Платимъ рубль въ сутки. Горы, лѣса, зеркальность Байкала — все

Озеро Байкалъ. Село Лиственничное.

отравляется мыслью, что намъ прійдется сидѣть здѣсь до пятницы. Что мы будемъ здѣсь дѣлать? Вдобавокъ еще не знаемъ, что намъ ѣсть. Населеніе питается одной только черемшой. Нѣтъ ни мяса, ни рыбы; молока намъ не дали, а только обѣщали. За маленькій бѣлый хлѣбецъ содрали 16 коп. Купилъ я гречневой крупы и кусочекъ копченой свинины, велѣлъ сварить размазню; не вкусно, но дѣлать нечего, надо ѣсть. Весь вечеръ искали по деревнѣ, не продастъ ли кто курицу, и не нашли.. Зато водка есть! Русскій человѣкъ большая свинья. Если спросить, почему онъ не ѣстъ мяса и рыбы, то онъ оправдывается отсутствіемъ привоза, путей сообщенія и т. п., а водка между тѣмъ есть даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ и въ количествѣ, какомъ угодно. А между тѣмъ, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чѣмъ водку, которая и дороже и везти ее труднѣе.. Нѣтъ, должно быть, пить водку гораздо интереснѣе, чѣмъ трудиться ловить рыбу въ Байкалѣ или разводить скотъ.

Въ полночь пришелъ пароходишко; ходили смотрѣть его и кстати спросить, нѣтъ ли чего поѣсть. Намъ сказали, что завтра можно будетъ получить обѣдъ, но теперь ночь, кухня не топится и проч. Мы поблагодарили за «завтра» — все-таки надежда! — Но увы! Вошолъ каштанъ и сказалъ, что въ 4 часа утра пароходишко уходитъ въ Култукъ. Благодаримъ! Въ буфетѣ, гдѣ повернуться нельзя — такъ онъ малъ, выпили мы бутылку кислаго швa (35 коп.) и видѣли на тарелкѣ янтарный бисеръ — это омулёвая икра. Вернулись домой и спать. Опротивѣло мнѣ спать. Каждый день постилаешь себѣ на полу полушубокъ шерстью вверхъ, въ голову кладешь скомканное пальто и подушечку, спишь на этихъ буграхъ въ брюкахъ и въ жилеткѣ.. Цивилизація, гдѣ ты?

Сегодня идетъ дождь и Байкалъ утонулъ въ туманѣ.

«Занимательно»! сказалъ бы Семашко. Скучно. Надо бы сѣсть писать да въ дурную погоду не работается. Скука предвидится немилосердная; будь я одинъ, это бы еще ничего, но со мною поручики и военный докторъ, любящіе поговорить и поспорить. Понимаютъ мало, но говорятъ обо всемъ. Одинъ изъ поручиковъ къ тому же еще немножко Хлестаковъ и хвастунъ. Въ дорогѣ надо быть непремѣнно одному. Сидѣть въ повозкѣ или въ комнатѣ со своими мыслями гораздо интереснѣе, чѣмъ съ людьми. Кромѣ военныхъ, съ нами ѣдетъ еще ученикъ Иркутскаго техническаго училища Иннокентій Алексѣевичъ, мальчикъ, похожій на того Неаполитанскаго, который говорилъ дѣцэмъ, но умнѣе и добрѣе. Взяли мы его, чтобы довезти до Читы.

Поздравьте: свой собственный экипажъ я продалъ въ Иркутскѣ. Сколько я взялъ пользы, не скажу, иначе мамаша въ обморокъ упадетъ и пять ночей не будетъ спать.

Это письмо Вы получите, должно быть, 20 — 25 іюля, а то и позже. Одно—два письма буду еще адресовать въ Сумы, а потомъ начну посылать въ Москву. Но по какому адресу? Надо будетъ придумать что-нибудь. Свой московскій адресъ Вы непремѣнно пришлете мнѣ по телеграфу. Куда? Вамъ будетъ извѣстно.

Я очень радъ, Маша, что ты побывала въ Крыму. Я послалъ тебѣ въ Ялту телеграмму на имя магазина Асмолова и сидящаго въ немъ карапма Синани. Получила ли? Тамъ былъ отвѣтъ Г., который угостилъ меня длиннѣйшей телеграммой. Едва ли Г. сваритъ кашу. Во первыхъ, онъ писать не умѣетъ, и вообще бездаренъ, ... а во вторыхъ путешествіе Вышнеградскаго въ Азію не такъ ужъ интересно, чтобы стоило «командировать» (т. е. давать прогонныя, суточныя и проч.) корреспондента.

Будьте здоровехоньки и не скучайте. Гдѣ Иванъ? Ему поклонъ. Иваненкѣ и Семашкѣ тоже, Жаме тоже. Лингваревымъ кланяюсь въ ножки за телеграмму.

Туманъ разсѣялся. Вижу облака на горахъ. Ахъ, волкъ те заѣшь! Кавказъ, подумаешь..

До свиданія.

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

LVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

13 Іюнь. (1890 г. Ст. Лиственичная).

Вы никогда не получали писемъ съ береговъ Байкала. Такъ вотъ Вамъ. Пишу сіе, сидя на берегу Байкала и ожидая, когда пароходъ смилостивится и повезетъ мою особу дальше. Пріѣхалъ я сюда во вторникъ, а пароходъ пойдетъ въ пятницу; идетъ дождь, на озерѣ туманъ, ѣсть ничего не даютъ; таракановъ и клоповъ сколько угодно. Вообще, не жизнь, а оперетка. И скучно и смѣшно. До свиданья, дядя!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Почтеніе Наталіи Тимофеевнѣ.

Надоѣло ѣхать.

LVII.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

20 Іюнь. (1890 г. Пароходъ «Ермакъ»).

Здравствуйте, милые домочадцы! Наконецъ таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся отъ пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одѣться по человѣчески. Я ужъ не въ тарантасѣ

сижу, а въ каютѣ I класса Амурскаго парахода «Ермакъ». Перемѣна такая произошла десятью днями раньше и вотъ по какой причинѣ. Я писалъ Вамъ изъ Лиственичной, что къ Байкальскому пароходу я опоздалъ, что прійдется ѣхать черезъ Байкалъ не во вторникъ, а въ пятницу и что успѣю я поэтому къ амурскому пароходу только 30 іюня. Но судьба капризна и часто устраиваетъ фокусы, какихъ не ждешь. Въ четвергъ утромъ я пошолъ прогуляться по берегу Байкала; вижу — у одного изъ двухъ пароходишекъ дымится труба. Спрашиваю, куда идетъ параходъ? Говорятъ, «за море», въ Клюево; какой-то купецъ нанялъ, чтобы перевезти на тотъ берегъ свой обозъ. Намъ нужно тоже «за море» и на станцію Боярскую. Спрашиваю: сколько верстъ отъ Клюева до Боярской? Отвѣчаютъ: 27. Бѣгу къ спутникамъ и прошу ихъ рискнуть поѣхать въ Клюево. Говорю «рискнуть», потому что, поѣхавъ въ Клюево, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ пристани и избушки сторожа, мы рисковали не найти лошадей, засидѣться въ Клюевѣ и опоздать къ пятницкому параходу, что для насъ было бы пуще Игоревой смерти, такъ какъ пришлось бы ждать до вторника. Спутники согласились. Забрали мы свои пожитки, веселыми ногами зашагали къ пароходу и тотчасъ же въ буфетъ: ради Создателя супу! Полъ царства за тарелку супу! Буфетикъ препоганенькій, выстроенный по системѣ тѣсныхъ ватеръ-клозетовъ, но поваръ Григорій Иванычъ, бывшій воронежскій дворовый, оказался на высотѣ своего призванія. Онъ накормилъ насъ превосходно. Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкалѣ бирюзовая, прозрачнѣе чѣмъ въ Черномъ морѣ. Говорятъ, что на глубокихъ мѣстахъ дно за версту видно; да и самъ я видѣлъ такія глубины со скалами и горами, утонувшими въ бирюзѣ, что морозъ дралъ по кожѣ. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во вѣки

вѣковъ не забуду. Только вотъ что было не хорошо: ѣхали мы въ III классѣ, а вся палуба была занята обозными лошадями, которые неистовствовали, какъ бѣшенныя. Эти лошади придавали поѣздкѣ моей особый колоритъ: казалось, что я ѣду на разбойничьемъ пароходѣ. Въ Клюевѣ сторожъ взялся довезти нашъ багажъ до станціи; онъ ѣхалъ, а мы шли позади телѣги пѣшкомъ по живописнѣйшему берегу. Скотина Левитанъ, что не поѣхалъ со мной. Дорога лѣсная: направо лѣсъ, идущій на гору, налѣво лѣсъ, спускающійся внизъ къ Байкалу. Какіе овраги, какія скалы! Тонъ у Байкала нѣжный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло. Пройдя 8 верстъ, дошли мы до Мыскапской станціи, гдѣ кяхтинскій чиновникъ, проѣзжій, угостилъ насъ превосходнымъ чаемъ и гдѣ намъ дали лошадей до Боярской. И такъ, вмѣсто пятницы мы уѣхали въ четвергъ; мало того, мы на цѣлыя сутки впередъ ушли отъ почты, которая забираетъ обыкновенно на станціяхъ всѣхъ лошадей. Стали мы гнать въ хвостъ и гриву, питая слабую надежду, что къ 20 попадемъ въ Срѣтенскъ. О томъ, какъ я ѣхалъ по берегу Селенги и потомъ черезъ Забайкалье, разскажу при свиданіи, а теперь скажу только, что Селенга—сплошная красота, а въ Забайкальѣ я находилъ все, что хотѣлъ: и Кавказъ, и долину Псла, и Звенигородскій уѣздъ, и Донъ. Днемъ скачешь по Кавказу, ночью—по Донской степи, а утромъ очнешься отъ дремоты, глядь, ужъ Полтавская губернія—и такъ всю тысячу верстъ. Верхнеудинскъ миленькій городокъ, Чита плохой, въ родѣ Сумъ. О снѣ и объ обѣдахъ конечно некогда было и думать. Скачешь, мѣняешь на станціяхъ лошадей и думаешь только о томъ, что на слѣдующей станціи могутъ не дать лошадей и задержатъ на 5—6 часовъ. Дѣлали въ сутки 200 верстъ—больше лѣтомъ нельзя сдѣлать. Обалдѣли.

Жарища къ тому же страшенная, а ночью холодъ, такъ что нужно было мнѣ сверхъ суконнаго пальто надѣвать кожаное; одну ночь ѣхалъ даже въ полушубкѣ. Ну-съ, ѣхали, ѣхали и сегодня утромъ прибыли въ Срѣтенскъ ровно за часъ до отхода парохода, заплативши ямщикамъ на двухъ послѣднихъ станціяхъ по рублю на чай.

И такъ, конно-лошадиное странствіе мое кончилось. Продолжалось оно 2 мѣсяца (выѣхалъ я 21 Апрѣля). Если исключить время, потраченное на жел. дороги и пароходы, 3 дня, проведенные въ Екатеринбургѣ, недѣлю въ Томскѣ, день въ Красноярскѣ, недѣлю въ Иркутскѣ, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожиданіе лодокъ во время разлива, то можно судить о быстротѣ моей ѣзды. Проѣхалъ я благополучно, какъ дай Богъ всякому. Я ни разу не былъ болѣнъ и изъ массы вещей, которыя при мнѣ, потерялъ только перочинный ножъ, ремень отъ чемодана и баночку съ карболовой мазью. Деньги цѣлы. Проѣхать такъ тысячи верстъ рѣдко кому удается.

Я до такой степени свыкся съ ѣздой по тракту, что мнѣ теперь какъ-то не по себѣ и не вѣрится, что я не въ тарантасѣ и что не слышно даръ-валда́я. Странно, что, ложась спать, я могу протянуть ноги во всю, и что лицо мое не въ пыли. Но всего страннѣе, что бутылка коньяку, которую далъ мнѣ Кувшинниковъ, еще не разбилась и что коньякъ цѣлъ до капли. Обѣщалъ раскупорить его только на берегу Великаго океана.

Плыву по Шилкѣ, которая у Покровской станицы, слившись съ Аргунью, переходитъ въ Амуръ. Рѣка—не шире Пела, даже у́же. Берега каменистые: утесы да лѣса. Совсѣмъ дичь.. Лавируемъ, чтобы не сѣсть на мель, или не хлопнуться задомъ о берегъ. У пороговъ пароходы и баржи часто хлопаются. Душно. Сейчасъ

останавливались у Усть-Кары, гдѣ высадили человѣкъ 5—6 каторжныхъ. Тутъ пріиски и каторжная тюрьма.

Вчера былъ въ Нерчинскѣ. Городокъ не ахти, но жить можно.

Вы-то, судари мои и сударыни, какъ живете? Положительно ничего не знаю о васъ. Сложились бы по гривеннику и прислали подробную телеграмму.

Пароходъ будетъ ночевать въ Горбицѣ. Ночи здѣсь туманныя, опасно плыть. Въ Горбицѣ опущу это письмо.

Ѣду я въ I классѣ, потому что спутники мои ѣдутъ во II. Ушолъ отъ нихъ. Вмѣстѣ ѣхали (трое въ одномъ тарантасѣ), вмѣстѣ спали и надоѣли другъ другу, особенно они мнѣ.

Поклонъ и привѣтъ всѣмъ знакомымъ моимъ. Мамашѣ цѣлую руку. Такъ какъ Маша въ Крыму, то посылаю сіе письмо на имя мамаши. Гдѣ Иванъ? Былъ ли папаша на Лукѣ 29-го іюня?

Почеркъ у меня преподлый, потрясучій. Это оттого, что пароходъ трясетъ. Писать трудно.

Перерывъ. Ходилъ къ своимъ поручикамъ пить чай. Оба они выспались и въ благодушномъ настроеніи. Одинъ изъ нихъ, поручикъ N. (фамилія, противная для моего уха), пѣхота, высокій, сытый, горластый курляндецъ, большой хвастунъ и Хлестаковъ, поющій изъ всѣхъ оперъ, но имѣющій слуха меньше, чѣмъ копченая селедка, человѣкъ несчастный, промотавшій прогонныя деньги, знающій Мицкевича наизусть, невоспитанный, откровенный не въ мѣру и болтливый до тошноты. Подобно И., любитъ разсказывать про своихъ дядей и тетокъ. Другой поручикъ, М., топографъ, тихій, скромный и вполнѣ интеллигентный малый. Еслибы не N., то съ нимъ можно было бы проѣхать безъ скуки милліонъ верстъ, но при N., вмѣшивающемся во всякій разговоръ, и онъ надоѣлъ. Однако,

къ чему Вамъ поручики? Неинтересно. Будьте здоровехоньки. Подходимъ, кажется, къ Горбицѣ.

Линтваревымъ сердечный привѣтъ. Папашѣ буду писать особо. Алешѣ изъ Иркутска послалъ открытое письмо. Досвиданція! Интересно знать, когда дойдетъ до васъ это письмо? Вѣроятно, черезъ 40 дней, не раньше. Всѣхъ обнимаю и благословляю. Соскучился.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Завтра составляю форму телеграммы, которую Вы пришлете мнѣ на Сахалинъ. Постараюсь въ 30 словъ вложить все, что мнѣ нужно, а вы постарайтесь строго держаться формы.

Кусаются оводы.

LVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

20 Іюня Горбица. (1890 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ сіе, приближаясь къ Горбицѣ, одной изъ казацкихъ станицъ на берегу Шилки, притока Амура.

Вотъ куда меня занесло! Плыву по Амуру.

Изъ Иркутска я послалъ Вамъ письмо. Получили ли? Съ того времени прошло больше недѣли, впродолженіе которой я переплылъ Байкалъ и проѣхалъ Забайкалье.

Байкалъ удивителенъ, и не даромъ сибиряки величаютъ его не озеромъ, а моремъ. Вода прозрачна необыкновенно, такъ что видно сквозь нее, какъ свкозь воздухъ; цвѣтъ у нея нѣжно-бирюзовый, пріятный для глаза. Берега гористые, покрытые лѣсами; кругомъ дичь непроглядная, безпросвѣтная.

Изобиліе медвѣдей, дикихъ козъ и всякой дикой всячины, которая занимается тѣмъ, что живетъ въ тайгѣ

и закусываетъ другъ другомъ. Прожилъ я на берегу Байкала двое сутокъ.

Когда плылъ, было тихо и жарко.

Забайкалье великолѣпно. Это смѣсь Швейцаріи, Дона и Финляндіи.

Проѣхалъ я на лошадяхъ болѣе 4000 верстъ. Путешествіе было вполнѣ благополучное. Все время былъ здоровъ и изъ всего багажа потерялъ только перочинный ножъ. Дай Богъ всякому такъ ѣздить. Путь вполнѣ безопасный и всѣ эти разсказы про бѣглыхъ, про ночныя нападенія и проч. не что иное, какъ сказки, преданія о давно минувшемъ. Револьверъ совершенно лишняя вещь. Теперь я сижу въ каютѣ перваго класса и чувствую себя въ Европѣ. Такое у меня настроеніе, какъ будто я экзаменъ выдержалъ.

Свистокъ. Это Горбица. Ну, до свиданья, будьте здоровы, благополучны. Если успѣю, то опущу это письмо въ ящикъ, если же нѣтъ, то погожу до Покровской станицы, гдѣ я буду завтра. Почта съ Амура идетъ рѣдко, чуть-ли не 3 раза въ мѣсяцъ.

Привѣтъ Прасковьи Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Берега у Шилки красивые, точно декорація, но увы! чувствуется что-то гнетущее отъ этого сплошного безлюдья. Точно клѣтка безъ птицы.

LIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

(*Пароходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Здравствуйте! Посылаю Вамъ, дорогой мой, привѣтъ изъ каюты I класса парохода «Ермакъ». Плыву по Амуру.

Путешествіе мое на лошадяхъ кончилось; большіе сапоги заключены подъ спудъ, рожа вымыта, бѣлье перемѣнено, и московскій жуликъ преобразился въ барина. Пароходъ дрожитъ, трудно писать.. Берега Амура красивы, но слишкомъ дики, мнѣ же безлюдье надоѣло.

Нахожусь подъ впечатлѣніемъ Забайкалья, которое я проѣхалъ: превосходный край. Вообще говоря, отъ Байкала начинается сибирская поэзія, до Байкала же была проза. Обнимаю Васъ. Кланяюсь низко Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

20 іюнь.

LX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(*Пароходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Симъ извѣщаю Васъ, что пароходъ «Ермакъ» дрожитъ какъ въ лихорадкѣ и что поэтому нѣтъ никакой возможности писать. Благодаря такой чепухѣ, всѣ мои надежды, которыя я возлагалъ на пароходное путешествіе, рухнули. Остается теперь только спать да ѣсть.

Вчера изъ Горбицы послалъ Вамъ телеграмму. Привѣтствую.

Вашъ *А. Чеховъ.*

21 іюнь.

LXI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(*Параходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Членъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ А. П. Чеховъ, благополучно

завершивъ свое конно-лошадиное странствіе (4500 версть), плыветъ теперь по Амуру и шлетъ Вамъ и всему Вашему семейству сердечный привѣтъ. Все обстоитъ благополучно. Письмо это могло бы быть длиннѣе, если бы пароходъ не дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: невозможно писать.

Дѣйствительный Членъ Общества любителей Россійской Словесности.

А. Чеховъ.

21 іюнь.

LXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

21-го, 6 часовъ вечера, недалеко отъ станицы Покровской. (1890 г.).

Налетѣли на камень, сдѣлали пробонну и теперь починяемся. Сидимъ на мели и качаемъ воду. Налѣво русскій берегъ, направо китайскій. Если бы я теперь вернулся домой, то имѣлъ бы право хвастать: «Въ Китаѣ я не былъ, но видѣлъ его въ 3-хъ саженяхъ отъ себя». Въ Покровской будемъ ночевать. Учинимъ экскурсію.

Еслибы я былъ милліонеромъ, то непремѣнно имѣлъ бы на Амурѣ свой пароходъ. Хорошій, любопытный край. Совѣтую Егору Михайловичу [1]) ѣхать не въ Туапсе, а сюда; кстати же здѣсь нѣтъ ни тарантуловъ, ни фалангъ. На китайскомъ берегу сторожевой постъ: избушка, на берегу навалены мѣшки съ мукой, оборванные китайцы таскаютъ ихъ на носилкахъ въ избушку. А за постомъ густой, безконечный лѣсъ. Будьте здоровы.

Съ нами ѣдутъ изъ Иркутска институтки—лица русскія, но не красивыя.

[1]) Линтвареву.

LXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

23 іюнь. (Станица Покровская 1890 г.).

Я писалъ ужъ Вамъ, что мы сидимъ на мели. У Усть Стрѣлки, гдѣ Шилка сливается съ Аргунью (зри карту), пароходъ, сидящій въ водѣ $2^1/_2$ фута, налетѣлъ на камень, сдѣлалъ нѣсколько пробоинъ и, набравъ въ трюмъ воды, сѣлъ на дно. Стали выкачивать воду и класть латки; голый матросъ лѣзетъ въ трюмъ, стоитъ по шею въ водѣ и нащупываетъ пятками дыры; всякую дыру покрываютъ изнутри сукномъ, вымазаннымъ въ салѣ, кладутъ сверху доску и ставятъ на послѣдней подпорку, которая, подобно колонѣ, упирается въ потолокъ—вотъ и починка. Выкачивали съ 5 часовъ вечера до ночи, но вода все не убывала; пришлось отложить работу до утра. Утромъ нашли еще нѣсколько новыхъ пробоинъ и опять стали латать и качать. Матросы качаютъ, а мы публика гуляемъ по палубамъ, судачимъ, ѣдимъ, пьемъ, спимъ; капитанъ и его помощникъ дѣлаютъ тоже, что и публика, и не спѣшатъ. Направо китайскій берегъ, налѣво станица Покровская съ амурскими казаками; хочешь—сиди въ Россіи, хочешь—поѣзжай въ Китай, запрету нѣтъ. Днемъ жара невыносимая, такъ что приходится надѣвать шолковую рубаху.

Обѣдать даютъ въ 12 часовъ, ужинать въ 7 ч. вечера.

На бѣду къ станицѣ подходитъ встрѣчный пароходъ «Вѣстникъ» съ массою публики. Вѣстнику тоже нельзя идти дальше и оба парохода сидятъ сиднемъ. На Вѣстникѣ военный оркестръ. Въ результатѣ цѣлое торжество. Вчера весь день у насъ на палубѣ играла музыка, развлекавшая капитана и матросовъ и, стало быть,

мѣшавшая починять пароходъ. Женская половина пассажирства совсѣмъ повеселѣла: музыка, офицеры, моряки.. ахъ! Особенно рады институтки. Вечеромъ вчера гуляли по станицѣ, гдѣ играла по найму казаковъ все таже музыка. Сегодня продолжаемъ починяться. Обѣщаетъ капитанъ, что пойдемъ послѣ обѣда, но обѣщаетъ лѣниво, глядя куда-то въ сторону—очевидно, вретъ. Не спѣшимъ. Когда я спросилъ одного пассажира, когда же мы наконецъ пойдемъ дальше, то онъ спросилъ:

— А развѣ вамъ здѣсь плохо?

И то правда. Почему не стоять, коли не скучно?

Капитанъ, его помощникъ и агентъ—верхъ любезности. Китайцы, сидящіе въ III классѣ, добродушны и смѣшны. Вчера одинъ китаецъ сидѣлъ на палубѣ и пѣлъ дискантомъ что-то очень грустное; въ это время профиль у него былъ смѣшнѣе всякихъ каррикатуръ. Всѣ глядѣли на него и смѣялись, а онъ—ноль вниманія. Попѣлъ дискантомъ и сталъ пѣть теноромъ: Боже, что за голосъ! Это овечье или телячье блеяньe. Китайцы напоминаютъ мнѣ добрыхъ, ручныхъ животныхъ. Косы у нихъ черныя, длинныя, какъ у Натальи Михайловны [1]). Кстати о ручныхъ животныхъ; въ уборной живетъ ручная лисица-щенокъ. Умываешься, а она сидитъ и смотритъ. Если долго не видитъ людей, то начинаетъ скулить.

Какіе странные разговоры! Только и говорятъ о золотѣ, о пріискахъ, о добровольномъ флотѣ, объ Японіи. Въ Покровской всякій мужикъ и даже попъ добываютъ золото. Этимъ же занимаются и поселенцы, которые богатѣютъ здѣсь также быстро, какъ и бѣднѣютъ. Есть чуйки, которые не пьютъ ничего кромѣ шампанскаго

[1]) Линтваревой.

и въ кабакъ ходятъ не иначе, какъ только по кумачу, который разстилается отъ избы вплоть до кабака.

Осенью вы потрудитесь послать въ Одессу въ книжный магазинъ Новаго Времени мою шубу, испросивъ предварительно разрѣшенія у Суворина—это изъ приличія нужно. Калошъ не нужно. Туда же посылайте письма и свой адресъ. Если случатся у васъ лишнія деньги, то пришлите мнѣ сто рублей на всякій случай въ Одессу, въ Книжный Магазинъ Н. В. для передачи мнѣ. Непремѣнно «для передачи», иначе мнѣ прійдется шляться на почту. Если же денегъ лишнихъ не будетъ, то не нужно. Пріѣхавъ въ Москву, рекомендуйте отцу принимать бромистый калій, такъ какъ осенью у него бываютъ головокруженія; если будутъ таковыя, то нужно будетъ поставить за ухомъ пьявку. Еще что? Попросите Ивана, чтобы онъ купилъ у Ильина (Петровскія линіи) карту Забайкальской области, если можно, на холстѣ и послалъ бы заказною бандеролью по сл. адресу: Иркутскъ, ученику Техническаго Училища Иннокентію Алексѣевичу Никитину. Газеты и письма берегите.

Амуръ чрезвычайно интересный край. До чертиковъ оригиналенъ. Жизнь тутъ кипитъ такая, о какой въ Европѣ и понятія не имѣютъ. Она т.-е. эта жизнь напоминаетъ мнѣ разсказы изъ американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навѣки остаться тутъ жить. Послѣднія строчки пишу ужъ *25 іюля*. Пароходъ дрожитъ и мѣшаетъ писать. Опять плывемъ. Проплылъ я уже по Амуру 1000 верстъ и видѣлъ милліонъ роскошнѣйшихъ пейзажей; голова кружится отъ восторга. Видѣлъ я такой утесъ, что если бы у подножья его Г. вздумала окпсляться, то она бы умерла отъ удовольствія, и еслибы

мы съ Софьей Петровной Кувш. [1]). во главѣ устроили здѣсь шкшкъ, то мы могли бы сказать другъ другу: умри, Денисъ, лучше не напишешь. Удивительная природа. А какъ жарко! Какія теплыя ночи! Утромъ бываетъ туманъ, но теплый.

Я осматриваю берега въ бинокль и вижу чертову пропасть утокъ, гусей, гагаръ, цапель и всякихъ бестій съ длинными носами. Вотъ бы гдѣ дачу нанять!

Вчера въ мѣстечкѣ Рейновѣ пригласилъ меня къ больной женѣ нѣкій золотопромышленникъ. Когда я уходилъ отъ него, онъ сунулъ мнѣ въ руку пачку ассигнацій. Мнѣ стало стыдно, я началъ отказываться и сунулъ деньги назадъ, говоря, что я самъ очень богатъ; разговаривали долго, убѣждая другъ друга, и все-таки въ концѣ концовъ у меня въ рукѣ осталось 15 рублей. Вчера же въ моей каютѣ обѣдалъ золотопромышленникъ съ лицомъ Петп Полеваева; за обѣдомъ онъ вмѣсто воды пилъ шампанское и угощалъ имъ насъ.

Деревни здѣсь такія же, какъ на Дону; разница есть въ постройкахъ, но не важная. Жители не исполняютъ постовъ и ѣдятъ мясо даже въ Страстную недѣлю; дѣвки курятъ папиросы, а старухи трубки—это такъ принято. Странно бываетъ видѣть мужичекъ съ папиросами. А какой либерализмъ! Ахъ какой либерализмъ!

На пароходѣ воздухъ накаляется до красна отъ разговоровъ. Здѣсь не боятся говорить громко. Арестовывать здѣсь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влѣзетъ. Народъ все больше независимый, самостоятельный и съ логикой. Если случается какое-нибудь недоразумѣніе въ Усть-Карѣ, гдѣ работаютъ каторжные (между ними много политическихъ, которые не работаютъ), то возмущается весь Амуръ. Доносы

[1]) Кувшинникова-художница.

не приняты. Бѣжавшій политическій свободно можетъ проѣхать на пароходѣ до океана, не боясь, что его выдастъ капитанъ. Это объясняется отчасти и полнымъ равнодушіемъ ко всему, что творится въ Россіи. Каждый говоритъ: какое мнѣ дѣло?

Я забылъ Вамъ написать, что въ Забайкальи ямщикуютъ не русскіе, а буряты. Смѣшной народъ. Лошади у нихъ аспиды. Ни одна запряжка не обходилась безъ недоразумѣній. Бѣшеннѣе пожарныхъ лошадей. Пока пристяжную запрягаютъ, у нея спутаны ноги; едва распутали, какъ тройка ужъ летитъ къ черту, такъ что духъ захватываетъ. Если лошадь не спутаешь, то во время упряжки она брыкается, долбитъ копытами по оглоблямъ, рветъ збрую и даетъ впечатлѣніе молодого черта, котораго поймали за рога.

26 Іюня. Подъѣзжаемъ къ Благовѣщенску. Будьте здоровы и веселы и не отвыкайте отъ меня. Небось ужъ отвыкли? Кланяюсь всѣмъ низко и всѣхъ дружески лобызаю.

Antoine.

Я совершенно здоровъ.

LXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Іюнь. Благовѣщенскъ. (1890 г.).

Здравствуйте, драгоцѣнный мой! Амуръ очень хорошая рѣка; я получилъ отъ него больше, чѣмъ могъ ожидать, и давно уже хотѣлъ подѣлиться съ Вами своими восторгами, но канальскій пароходъ дрожалъ всѣ семь дней и мѣшалъ писать. Къ тому же еще, описывать такія красоты, какъ Амурскіе берега, я совсѣмъ

не умѣю; пасую передъ ними и признаю себя нищимъ. Ну какъ ихъ опишешь? Представьте себѣ Сурамскій перевалъ, который заставили быть берегомъ рѣки—вотъ Вамъ и Амуръ. Скалы, утесы, лѣса, тысячи утокъ, цапель и всякихъ посатыхъ каналій, и сплошная пустыня. Налѣво русскій берегъ, направо китайскій. Хочу—на Россію гляжу, хочу—на Китай. Китай такъ же пустынепъ и дикъ, какъ и Россія: села и сторожевыя избушки попадаются рѣдко. Въ головѣ у меня все перепуталось и обратилось въ порошокъ; и не мудрено, Ваше Превосходительство! Проплылъ я по Амуру больше тысячи верстъ и видѣлъ милліоны пейзажей, а вѣдь до Амура были Байкалъ, Забайкалье.. Право, столько видѣлъ богатства и столько получилъ наслажденій, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амурѣ оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золотѣ. Золото, золото и больше ничего. У меня глупое настроеніе, писать не хочется и пишу я коротко, по свиньски; сегодня послалъ Вамъ четыре листка объ Енисеѣ и тайгѣ, потомъ пришлю о Байкалѣ, Забайкальи и Амурѣ. Вы не бросайте эти листки, я соберу ихъ и по нимъ, какъ по нотамъ, буду разсказывать то, что не умѣю передать на бумагѣ. Теперь я пересѣлъ на пароходъ «Муравьевъ», который, говорятъ, не дрожитъ; авось, буду писать.

Я въ Амуръ влюбленъ; охотно бы пожилъ на немъ года—два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцарія и Франція никогда не знали такой свободы. Послѣдній ссыльный дышетъ на Амурѣ легче, чѣмъ самый первый генералъ въ Россіи. Если бы Вы тутъ пожили, то написали бы очень много хорошаго и увлекли бы публику, а я не умѣю.

Китайцы начинаютъ встрѣчаться съ Иркутска, а здѣсь ихъ больше, чѣмъ мухъ. Это добродушнѣйшій

народъ. Если бы Настя и Боря познакомились съ китайцами, то оставили бы въ покоѣословъ и перенесли бы свои симпатіи на китайцевъ. Это милыя, ручныя животныя.

Съ Благовѣщенска начинаются Японцы, или вѣрнѣе японки. Это маленькія брюнетки съ большой мудреной прической, съ красивымъ туловищемъ и, какъ мнѣ показалось, съ короткими бедрами. Одѣваются красиво. Въ языкѣ ихъ преобладаетъ звукъ «тц»... Комнатка у японки чистенькая, азіатски-сантиментальная, уставленная мелкими вещичками.....

Когда я одного китайца позвалъ въ буфетъ, чтобы угостить его водкой, то онъ, прежде чѣмъ выпить, протягивалъ рюмку мнѣ, буфетчику, лакеямъ и говорилъ: ку́сай! Это китайскія церемоніи. Пилъ онъ не сразу, какъ мы, а глоточками, закусывая послѣ каждаго глотка, и потомъ, чтобы поблагодарить меня, далъ мнѣ нѣсколько китайскихъ монетъ. Ужасно вѣжливый народъ. Одѣваются бѣдно, но красиво, ѣдятъ вкусно, съ церемоніями...

(Конецъ утерянъ).

LXV.

Чехову. (М. П.)

(Телеграмма).

(*Радде. 1890 г. Іюнь 29*).

Поздравляю [1]) телеграфируйте Николаевскъ подробно скучаю.

---

[1]) Отца съ Ангеломъ.

LXVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

29 іюнь. Пароходъ «Муравьевъ». (1890 г.).

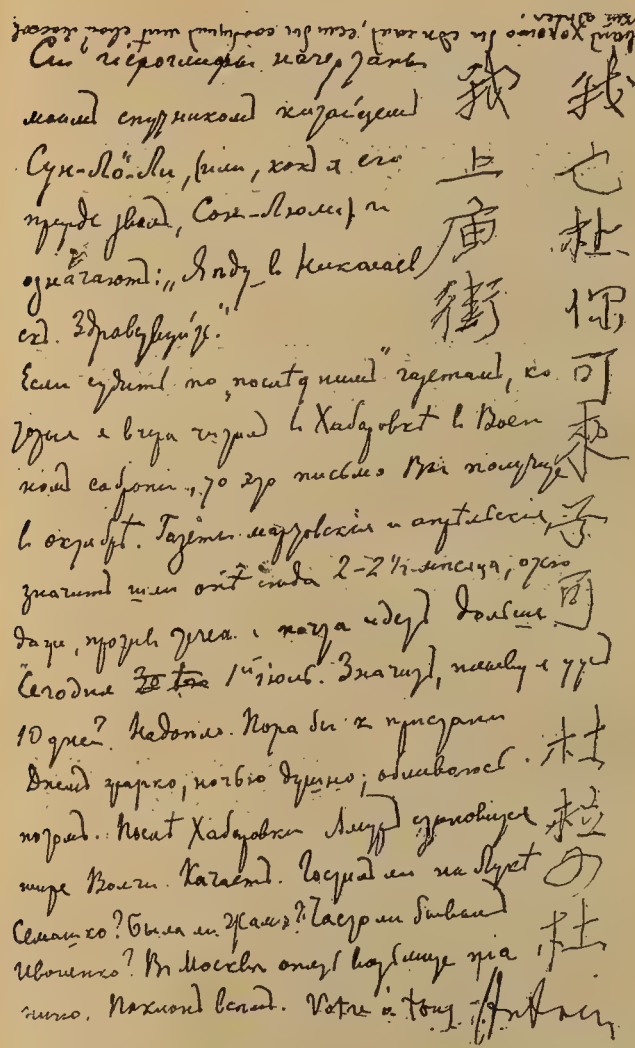
Въ каютѣ летаютъ метеоры—это свѣтящіеся жучки, похожіе на электрическія искры. Днемъ черезъ Амуръ переплываютъ дикія козы. Мухи тутъ громадныя. Со мною въ одной каютѣ ѣдетъ китаецъ Сон-Люли, который непрерывно разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ у нихъ въ Китаѣ за всякій пустякъ «голова долой». Вчера натрескался опіума, и всю ночь бредилъ и мѣшалъ мнѣ спать. 27-го я гулялъ по китайскому городу Айгуну. Мало по малу вступаю я въ фантастическій міръ. Пароходъ дрожитъ, трудно писать. Вчера вечеромъ послалъ я папашѣ въ Сумы поздравительную телеграмму. Получили?

Завтра буду въ Хабаровскѣ.

Китаецъ запѣлъ по нотамъ, которыя написаны у него на вѣерѣ. Будьте здоровы

Вашъ *Antoine*.

Привѣтъ Линтваревымъ.



Письмо къ М. П. Чеховой (см. № LXVII настоящаго тома, стр. 132).

LXVII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Николаевскъ. 1890 г. Іюль 3).

Сіи гіероглифы начертаны моимъ спутникомъ китайцемъ Сун-Лё-Ли, (или, какъ я его прежде звалъ, Сон-Люли) и означаютъ: «Я ѣду въ Николаевскъ. Здравствуйте».

Если судить по «послѣднимъ» газетамъ, которыя я вчера читалъ въ Хабаровскѣ въ Военномъ собраніи, то это письмо Вы получите въ октябрѣ. Газеты мартовскія и апрѣльскія, значитъ, шли онѣ сюда 2—$2^1/_2$ мѣсяца, отсюда же, противъ теченія почта идетъ дольше. Сегодня 1-й іюль. Значитъ, плыву я ужъ 10 дней. Надоѣло. Пора бы къ пристани. Днемъ жарко, ночью душно; обливаюсь потомъ. Послѣ Хабаровки Амуръ становится шире Волги. Качаетъ. Гостилъ ли на Лукѣ Семашко? Была ли Жамэ? Часто ли бывалъ Йваненко? Въ Москвѣ опять возьмите піанино. Поклонъ всѣмъ.

Votre a tous. *Antoine.*

Иванъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы сообщилъ мнѣ свой московскій адресъ.

LXVIII.

В. А. Гиляровскому.

(Николаевскъ. 1890 г. Іюль 7).

Сохрани это письмо. Мнѣ хочется узнать по штемпелямъ, по какимъ путямъ оно шло до тебя. Опускаю

Переправа на катерѣ съ парохода на Сахалинъ.

я его въ почтовый ящикъ на пароходѣ «Байкалъ», который завтра везетъ меня въ Татарскій проливъ.

Теперь 7 іюль.

Будь здоровъ. Поклонъ Маріи Ивановнѣ и дочкѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

LXIX.

Чеховой. (Е. Я.)

(Телеграмма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 11*).

Пріѣхалъ здоровъ телеграфируйте Сахалинъ

Чеховъ.

LXX.

Линтваревой. (Н. М.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 16*).

Наши упорно молчатъ безпокоюсь попросите телеграфировать еженедѣльно кланяюсь

Чеховъ.

LXXI.

Чеховой. (М. П.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 17*).

Телеграмму получилъ здоровъ квартира хорошая люди добрые условія благопріятныя возвращусь осенью привезу много интереснаго поклонъ Трошѣ уважаемому Товарищу Иваненко Жамѣ всѣмъ соскучился жарко.

LXXII.

Чеховой. (М. П.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Августъ 14*).

Поздравляю [1]) Здоровъ.

LXXIII.

Чеховой. (Е. Я.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Сентябрь 7*).

Здоровъ пріѣду скоро.

Постъ Корсаковъ на о. Сахалинѣ, гдѣ жилъ А. П.

[1]) Сестру Марію Павл. съ ангеломъ.

Постъ Александровскъ на о. Сахалинѣ, гдѣ жилъ А. П. по пріѣздѣ и гдѣ производилъ перепись ссыльно-каторжнымъ.

LXXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Сентября. Пароходъ «Байкалъ». (1890 г.).

Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу изъ Сѣвернаго Сахалина въ южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдетъ до Васъ. Я здоровъ, хотя со всѣхъ сторонъ глядитъ на меня зелеными глазами холера, которая устроила мнѣ ловушку. Во Владивостокѣ, Японіи, Шанхаѣ, Чифу, Суэцѣ и, кажется, даже на лунѣ—всюду холера, вездѣ карантины и страхъ. На Сахалинѣ ждутъ холеру и держатъ суда въ карантинѣ. Однимъ словомъ, дѣло табакъ. Во Владивостокѣ мрутъ европейцы, умерла между прочимъ одна генеральша.

Прожилъ я на Сѣв. Сахалинѣ ровно два мѣсяца. Принятъ я былъ мѣстной администраціей чрезвычайно любезно, хотя Галкинъ не писалъ обо мнѣ ни слова. Ни Галкинъ, ни баронесса Выхухоль, ни другіе геніи, къ которымъ я имѣлъ глупость обращаться за помощью, никакой помощи мнѣ не оказали; пришлось дѣйствовать на собственный страхъ.

Сахалинскій генералъ Кононовичъ интеллигентный и порядочный человѣкъ. Мы скоро сошлись и все обошлось благополучно. Я привезу съ собою кое-какія бумаги, изъ которыхъ Вы увидите, что условія, въ которыя я былъ поставленъ съ самаго начала, были благопріятнѣйшими. Я видѣлъ *все*; стало быть, вопросъ теперь не въ томъ, *что* я видѣлъ, а *какъ* видѣлъ.

Не знаю, что у меня выйдетъ, но сдѣлано мною не мало. Хватило бы на три диссертаціи. Я вставалъ каждый день въ 5 часовъ утра, ложился поздно и всѣ дни былъ въ сильномъ напряженіи отъ мысли, что мною

многое еще не сдѣлано, а теперь, когда уже я покончилъ съ каторгою, у меня такое чувство, какъ будто я видѣлъ все, но слона-то и не примѣтилъ.

Кстати сказать, я имѣлъ терпѣніе сдѣлать перепись всего Сахалинскаго населенія. Я объѣздилъ всѣ поселенія, заходилъ во всѣ избы и говорилъ съ каждымъ; употреблялъ я при переписи карточную систему и мною уже записано около десяти тысячъ человѣкъ каторжныхъ и поселенцевъ. Другими словами, на Сахалинѣ нѣтъ ни одного каторжнаго или поселенца, который не разговаривалъ бы со мной. Особенно удалась мнѣ перепись дѣтей, на которую я возлагаю не мало надеждъ.

У Ландсберга я обѣдалъ, у бывшей баронессы Гембрукъ сидѣлъ въ кухнѣ.. Былъ у всѣхъ знаменитостей. Присутствовалъ при наказаніи плетьми, послѣ чего ночи три четыре мнѣ снились палачъ и отвратительная кобыла. Бесѣдовалъ съ прикованными къ тачкамъ. Когда однажды въ рудникѣ я пилъ чай, бывшій петербургскій купецъ Бородавкинъ, присланный сюда за поджогъ, вынулъ изъ кармана чайную ложку и подалъ ее мнѣ, а въ итогѣ я разстроилъ себѣ нервы и далъ себѣ слово больше на Сахалинъ не ѣздить.

Написалъ бы Вамъ больше, но въ каютѣ сидитъ барышня, неугомонно хохочущая и болтающая. Нѣтъ силъ писать. Хохочетъ и трещитъ она со вчерашняго вечера.

Это письмо пойдетъ черезъ Америку, а я поѣду должно быть не черезъ Америку. Всѣ говорятъ, что американскій путь дороже и скучнѣе.

Завтра я буду видѣть издали Японію, островъ Матсмай. Теперь 12-й часъ ночи. На морѣ темно, дуетъ вѣтеръ. Не пойму, какъ это пароходъ можетъ ходить и ориентироваться, когда зги не видно, да еще въ такихъ дикихъ, мало извѣстныхъ водахъ, какъ Татарскій проливъ.

Когда вспоминаю, что меня отдѣляетъ отъ міра 10 тысячъ верстъ, мною овладѣваетъ апатія. Кажется, что пріѣду домой черезъ сто лѣтъ.

Нижайшій поклонъ и сердечный привѣтъ Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ. Дай Богъ счастья и всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скучно.

Пароходъ «Байкалъ».

LXXV.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ю. Сахалинъ. 6 Октябрь (1890 г.),

Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу Вамъ это письмо почти наканунѣ отъѣзда своего въ Россію. Со дня на

день ждемъ пароходъ Добровольнаго флота и уповаемъ, что прійдетъ онъ не позже 10 Октября. Это письмо я посылаю въ Японію, откуда оно пойдетъ къ вамъ черезъ Шанхай или Америку. Живу я въ Корсаковскомъ посту, гдѣ нѣтъ ни телеграфа, ни почты и куда заходятъ корабли не чаще одного раза въ двѣ недѣли. Вчера пришелъ пароходъ и привезъ мнѣ съ сѣвера кучу писемъ и телеграммъ. Изъ писемъ узналъ я, что Машѣ понравился Крымъ; думаю, что Кавказъ ей больше понравится; узналъ, что Иванъ никакъ не можетъ сварить своей учительской каши, колеблясь сѣмо и овамо. Гдѣ онъ теперь? Во Владимірѣ? Узналъ, что Михайло, слава Богу, все лѣто не имѣлъ мѣста и жилъ поэтому дома, что Вы были во Святыхъ горахъ, что на Лукѣ было скучно и дождливо. Странное дѣло! У Васъ дождливо и холодно, на Сахалинѣ же съ самаго моего пріѣзда до сегодня стоитъ ясная, теплая погода; легкіе холода съ инеемъ случаются по утрамъ, снѣгъ бѣлѣетъ на одной изъ горъ, но земля еще зеленая, листья не осыпались и все въ природѣ обстоитъ благополучно, точно въ маѣ на дачѣ. Вотъ Вамъ и Сахалинъ! Узналъ я также изъ писемъ, что въ Бабкинѣ было превосходное лѣто, что Суворинъ очень доволенъ своимъ домомъ, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова бѣдняги умерла жена, что наконецъ Иваненко переписывается съ Жаме и что Кундасова исчезла неизвѣстно куда. Иваненко будетъ убитъ мною, а Кундасова, вѣроятно, опять ужъ шагаетъ по улицамъ, размахиваетъ руками и величаетъ всѣхъ мразью, а потому я не тороплюсь оплакивать ее.

Вчера въ полночь я услыхалъ ревъ парохода. Всѣ повскакивали съ постелей: ура, пароходъ пришелъ! Одѣлись, пошли съ фонарями къ пристани; смотримъ вдаль—въ самомъ дѣлѣ огни парохода. Большинствомъ

голосовъ рѣшили, что это «Петербургъ», на которомъ я поѣду въ Россію. Я обрадовался. Сѣли мы на лодку и поплыли къ пароходу.. Плыли, плыли, наконецъ видимъ въ туманѣ темный корпусъ парохода; одинъ изъ насъ кричитъ хриплымъ голосомъ:—«Что за судно?» И получаемъ отвѣтъ: «Байкалъ!» Тьфу, ты анафема, какое разочарованіе! Я соскучился и Сахалинъ мнѣ надоѣлъ. Вѣдь вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я не вижу никого кромѣ каторжныхъ или тѣхъ, которые умѣютъ говорить только о каторгѣ, плетяхъ и каторжныхъ. Унылая жизнь. Хочется поскорѣе въ Японію, а оттуда въ Индію.

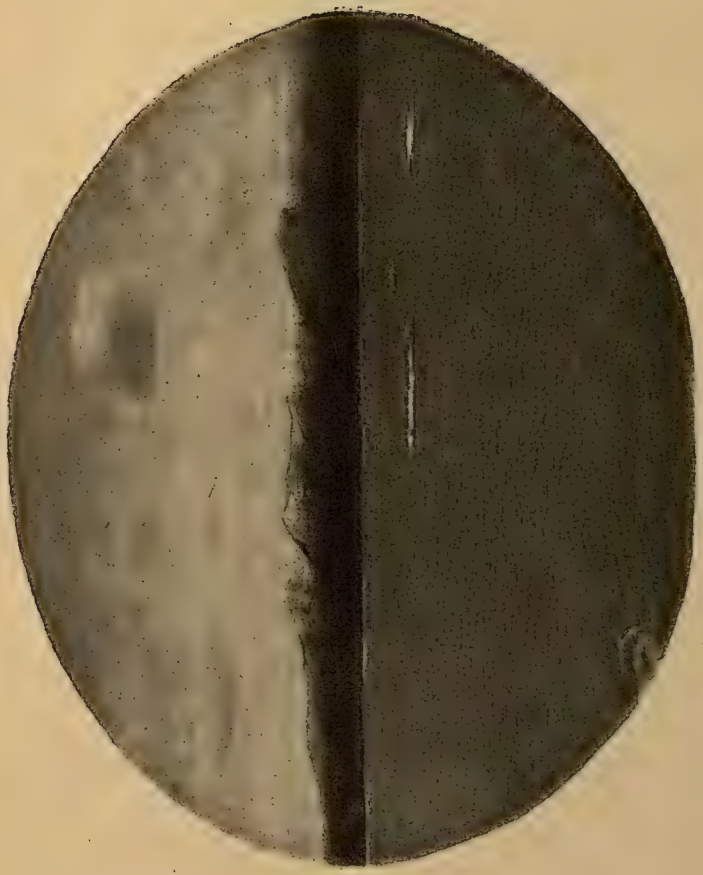
Я здоровъ, если не считать мерцанья въ глазу, которое бываетъ теперь у меня часто и послѣ котораго у меня каждый разъ сильно болитъ голова. Мерцаніе въ глазу было и вчера, и сегодня и потому пишу я это письмо съ головной болью и съ тяжестью во всемъ тѣлѣ. Геморрой тоже даетъ себя чувствовать.

Въ Корсаковскомъ посту живетъ Японскій консулъ Кузе-Санъ со своими двоими секретарями—мои хорошіе знакомые. Живутъ по европейски. Сегодня мѣстная администрація ѣздила къ нимъ во всемъ парадѣ вручать пожалованные имъ ордена; и я тоже ѣздилъ со своею головною болью и долженъ былъ пить шампанское.

Живя на Югѣ, раза три ѣздилъ изъ Корсаковскаго поста въ Най бучи, гдѣ хлещетъ настоящая океанская волна. Зрите карту и восточный берегъ южной части—тутъ найдете это унылое, бѣдное Най бучи. Волны выбросили лодку съ шестью американцами-китобоями, потерпѣвшими крушеніе у Сахалинскихъ береговъ; живутъ они теперь въ посту и солидно разгуливаютъ по улицамъ; ждутъ «Петербурга» и уплывутъ вмѣстѣ со мной.

Въ началѣ Сентября я послалъ Вамъ письмо черезъ С.-Франциско. Получили?

Поклонъ Папашѣ, братьямъ, Машѣ, тетѣ съ Алехой,



Сахалинъ.

Марьюшкѣ, Иваненкѣ и всѣмъ знакомымъ. Мѣховъ не привезу; нѣтъ ихъ на Сахалинѣ. Будьте здоровы, да хранитъ Васъ всѣхъ небо.

Вашъ *Anton.*

Всѣмъ привезу подарки. Холера во Владивостокѣ и въ Японіи прекратилась.

LXXVI.

Чеховой. (Е. Я.)

(Телеграмма).

(*Сахалинъ 12-го Окт. 3 ч. пополудни*).

Доброволецъ Петербургъ выгрузивъ каторжныхъ 10 вышелъ Корсаковскій заберетъ Антона Павловича отправится Одессу 13.

Пароходъ Добровольнаго Флота «Петербургъ» (теперь—«Березань»).

LXXVII.

Чехову. (М. П.)

(Телеграмма).

(Изъ Владивостока. 16/x-го, 4 ч. 45 м. пополудни. 1890 г.).

Будь Москвѣ десятаго Декабря плыву Сингапуръ.

LXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Декабрь, Москва, Малая Дмитровка, домъ Фиргангъ (1890 г.).

Здравствуйте, мой драгоцѣнный! Ура! Ну вотъ наконецъ я опять сижу у себя за столомъ, молюсь своимъ липяющимъ пенатамъ и пишу къ Вамъ. У меня теперь такое хорошее чувство, какъ будто я совсѣмъ не уѣзжалъ изъ дому. Здоровъ и благополученъ до мозга костей. Вотъ Вамъ кратчайшій отчетъ. Пробылъ я на Сахалинѣ не 2 мѣсяца, какъ напечатано у Васъ, а 3 плюсъ 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сдѣлалъ полную и подробную перепись всего сахалинскаго населенія и видѣлъ *все*, кромѣ смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вамъ цѣлый сундукъ всякой каторжной всячины, которая, какъ сырой матеріалъ, стоитъ чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привезъ я съ собою нехорошее. Пока я жилъ на Сахалинѣ, моя утроба испытывала только нѣкоторую горечь, какъ отъ прогорклаго масла, теперь же, по воспоминаніямъ, Сахалинъ представляется мнѣ цѣлымъ адомъ. Два мѣсяца я работалъ напряженно, не щадя живота, въ третьемъ же мѣсяцѣ сталъ изне-

могать отъ помянутой горечи, скуки и отъ мысли, что изъ Владивостока на Сахалинъ идетъ холера и что я такимъ образомъ рискую прозимовать на каторгѣ. Но, слава небесамъ, холера прекратилась и 13 Октября пароходъ увезъ меня изъ Сахалина. Былъ я во Владивостокѣ. О Приморской Области и вообще о нашемъ восточномъ побережьи съ его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаніями, скажу только одно: вопіющая бѣдность! Бѣдность, невѣжество и ничтожество, могущія довести до отчаянія. Одинъ честный человѣкъ на 99 воровъ, оскверняющихъ русское имя... Японію мы миновали, ибо въ ней холера; посему я не купилъ Вамъ ничего японскаго и 500 рублей, выданные мнѣ на покупки, истратилъ на собственныя нужды, за что Вы по закону имѣете право сослать меня въ Сибирь на поселеніе. Первымъ заграничнымъ портомъ на пути моемъ былъ Гонгъ-Конгъ. Бухта чудная, движеніе на морѣ такое, какого я никогда не видѣлъ даже на картинкахъ; прекрасныя дороги, конки, желѣзная дорога на гору, музеи, ботаническіе сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нѣжную заботливость англичанъ о своихъ служащихъ; есть даже клубъ для матросовъ. Ѣздилъ я на дженерихче, т.-е. на людяхъ, покупалъ у китайцевъ всякую дребедень и возмущался, слушая, какъ мои спутники-россіяне бранятъ англичанъ за эксплоатацію инородцевъ. Я думалъ: да, англичанинъ эксплоатируетъ китайцевъ, сипаевъ, индусовъ, но зато даетъ имъ дороги, водопроводы, музеи, христіанство, вы тоже эксплоатируете, но что Вы даете?

Когда вышли изъ Гонгъ-Конга, насъ начало качать. Пароходъ былъ пустой и дѣлалъ размахи въ 38 градусовъ, такъ что мы боялись, что онъ опрокинется. Морской болѣзни я не подверженъ—это открытіе меня пріятно поразило. По пути къ Сингапуру бросили въ

море двухъ покойниковъ. Когда глядишь, какъ мертвый человѣкъ, завороченный въ парусину, летитъ, кувыркаясь, въ воду и когда вспоминаешь, что до дна нѣсколько верстъ, то становится страшно и почему-то начинаетъ казаться, что самъ умрешь и будешь брошенъ въ море. Заболѣлъ у насъ рогатый скотъ. По приговору доктора Щербака и вашего покорнѣйшаго слуги, скотъ убили и бросили въ море.

Сингапуръ я плохо помню, такъ какъ, когда я объѣзжалъ его, мнѣ почему то было грустно; я чуть не плакалъ. Затѣмъ слѣдуетъ Цейлонъ—мѣсто, гдѣ былъ рай. Здѣсь въ раю я сдѣлалъ больше 100 верстъ по желѣзной дорогѣ и по самое горло насытился пальмовыми лѣсами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будутъ дѣти, то я не безъ городости скажу имъ: «Сукины дѣти, я на своемъ вѣку имѣлъ сношеніе съ черноглазой индусской... и гдѣ же? въ кокосовомъ лѣсу, въ лунную ночь!» Отъ Цейлона безостановочно плыли 13 сутокъ и оболдѣли отъ скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорошъ Божій свѣтъ. Одно только не хорошо: мы. Какъ мало въ насъ справедливости и смиренія, какъ дурно понимаемъ мы патріотизмъ! Пьяный, истасканный забулдыга мужъ любитъ свою жену и дѣтей, но что толку отъ этой любви? Мы, говорятъ въ газетахъ, любимъ нашу великую родину, но въ чемъ выражается эта любовь? Вмѣсто знаній — нахальство и самомнѣніе паче мѣры, вмѣсто труда—лѣнь и свинство, справедливости нѣтъ, понятіе о чести не идетъ дальше «чести мундира», мундира, который служитъ обыденнымъ украшеніемъ нашихъ скамей для подсудимыхъ. Работать надо, а все остальное къ черту. Главное — надо быть справедливымъ, а остальное все приложится.

Мнѣ страстно хочется поговорить съ Вами. Душа

у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ Васъ, ибо съ Вами только и можно говорить. Плещеева къ черту. Актеровъ тоже къ черту.

Ваши телеграммы получалъ я въ невозможномъ видѣ. Всѣ перевраны.

Я ѣхалъ изъ Владивостока до Москвы съ сыномъ баронессы И. (она же Выхухоль), морскимъ офицеромъ. Маменька остановилась въ Слав. Базарѣ. Сейчасъ поѣду къ ней, зоветъ зачѣмъ то. Она хорошая женщина; по крайней мѣрѣ сынъ отъ нея въ восторгѣ, а сынъ чистый и честный мальчикъ.

Какъ я радъ, что все обошлось безъ Галкина-Враскаго! Онъ не написалъ обо мнѣ ни одной строчки и я явился на Сахалинъ совершеннымъ незнакомцемъ.

Когда я увижу Васъ и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнѣе обо всемъ, ибо я едва ли попаду къ Вамъ раньше праздниковъ. Настѣ и Борѣ поклонъ; въ доказательство, что я былъ на каторгѣ, я, когда пріѣду къ вамъ, брошусь на нихъ съ ножомъ и закричу дикимъ голосомъ. Аннѣ Ивановнѣ я подожгу ея комнату, а бѣдному прокурору Костѣ буду проповѣдывать возмутительныя идеи.

Крѣпко обнимаю Васъ и весь Вашъ домъ, за исключеніемъ Жителя и Буренина, которымъ прошу только кланяться и которыхъ давно бы ужъ пора сослать на Сахалинъ.

О Масловѣ часто приходилось говорить со Щербакомъ. Мнѣ Масловъ очень симпатиченъ.

Будьте хранимы небомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIX.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

10 Декабрь, Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганъ. (1890 г.).

Здравствуйте, милый Жанъ! Волею судебъ скатившаяся звѣзда опять вернулась въ Ваше созвѣздіе. Опять я въ Москвѣ и пишу къ Вамъ. Еще разъ здравствуйте!

Описывать свое путешествіе и пребываніе на Сахалинѣ не стану, ибо описаніе, даже кратчайшее, вышло бы въ письмѣ безконечно длиннымъ. Скажу только, что я доволенъ по самое горло, сытъ и очарованъ до такой степени, что ничего больше не хочу и не обидѣлся бы, если-бы трахнулъ меня параличъ или унесла на тотъ свѣтъ дизентерія. Могу сказать: *пожилъ! Будетъ съ меня.* Я былъ и въ аду, какимъ представляется Сахалинъ, и въ раю, т.-е. на островѣ Цейлонѣ. Какія бабочки, букашки, какія мушки, таракашки!

Путешествіе, особенно черезъ Сибирь, похоже на тяжелую, затяжную болѣзнь; тяжко ѣхать, ѣхать и ѣхать, но за то какъ легки и воздушны воспоминанія обо всемъ пережитомъ!

На Сахалинѣ я прожилъ 3 мѣсяца и 3 дня. О результатахъ своихъ сахалинскихъ работъ сообщу при свиданіи, а теперь давайте поговоримъ о текущихъ событіяхъ. Правда-ли, что *Плещеевъ* получилъ наслѣдство въ два милліона? Какъ Ваше здоровье и что Вы пописываете и каковы Ваши литературные планы? Вы развелись съ бабушкой и съ Петербургской стороной.. Поздравляю съ новой эрой. Дай Боже Вамъ на новоселы всякаго благополучія.

Все время я былъ здоровъ, въ Архипелагѣ-же, гдѣ насъ штормовало и дулъ холодный пордъ-остъ, я просту-

дился; теперь кашляю, безконечно сморкаюсь и по вечерамъ чувствую жаръ. Надо полѣчиться.

Мои сіяютъ отъ радости.

Ахъ, ангелъ мой, если-бъ Вы знали, какихъ милыхъ звѣрей привезъ я съ собою изъ Индіи! Это мангусы, величиною съ среднихъ лѣтъ котенка, очень веселые и шустрые звѣри. Качества ихъ: отвага, любопытство и привязанность къ человѣку. Они выходятъ на бой съ гремучей змѣей и всегда побѣждаютъ, никого и ничего не боятся; что-же касается любопытства, то въ комнатѣ нѣтъ ни одного узелка и свертка, котораго-бы они не развернули; встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь, они прежде всего лѣзутъ посмотрѣть въ карманы: что тамъ? Когда остаются одни въ комнатѣ, *начинаютъ плакать*. Право, стоитъ пріѣхать изъ Петербурга, чтобы посмотрѣть ихъ.

Иду къ теткѣ повидаться. Будьте здоровы.

Въ Петербургѣ буду, должно быть, не раньше Новаго года. Вашей женѣ мой душевный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Семья кланяется.

LXXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Декабрь, (1890 г. Москва).

Милый мой, сейчасъ я телеграфировалъ, что разсказъ будетъ. У меня есть подходящій разсказъ, но онъ длиненъ и узокъ, какъ сколопендра; его нужно маленько почистить и переписать. Пришлю непремѣнно, ибо я теперь человѣкъ, который не лѣнивый и трудящійся.

Фигура Плещеева съ его двухмилліоннымъ наслѣдствомъ представляется мнѣ комичной. Посмотримъ, какъ онъ потащитъ на буксирѣ свои милліоны! На какой дьяволъ они ему? Чтобы курить сигары, съѣдать по 50 сладкихъ пирожковъ въ день и пить зельтерскую воду, достаточно и трехъ рублей суточныхъ.

Привезъ я съ собой около 10 тысячъ статистическихъ карточекъ и много всякихъ бумагъ. Я хотѣлъ бы быть женатъ теперь на какой-нибудь толковой дѣвицѣ, чтобы она помогала мнѣ разбираться въ этомъ хламѣ, на сестру же взваливать сію работу совѣстно, ибо у нея и такъ работы много.

У меня ростетъ брюшко и начинается... Послѣ тро-шиковъ простудился: кашель, жаръ по вечерамъ и голова болитъ.

Григоровичъ никогда не былъ дворникомъ на Пескахъ, потому такъ дешово и цѣнитъ Царство небесное. Вретъ онъ.

Мнѣ кажется, что жить вѣчно было бы такъ же трудно, какъ всю жизнь не спать. Если въ царствѣ небесномъ солнце заходитъ такъ же хорошо, какъ въ Бенгальскомъ заливѣ, то, смѣю Васъ увѣрить, царство небесное очень хорошая штука.

Содержаніе разсказа Беллами [1]) мнѣ разсказывалъ на Сахалинѣ генералъ Кононовичъ; частицу этого разсказа я прочелъ, ночуя гдѣ то въ Южномъ Сахалинѣ. Теперь, когда пріѣду въ Питеръ, прочту его цѣликомъ.

Скажите, когда Л. произведутъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники? Эта литературная бѣлужина пишетъ мнѣ: «лѣтомъ я сбавилъ себѣ 16 фунтовъ вѣса», пишетъ про индѣекъ, про литературу и капусту. Тонъ писемъ удивительно ровный, покойный.

---

[1]) «Looking backward» (извѣстная утопія «Взглядъ назадъ». Въ русскомъ переводѣ—«Черезъ сто лѣтъ»).

Когда пріѣду, буду разсказывать Вамъ все съ самаго начала. Какъ Вы были неправы, когда совѣтовали мнѣ не ѣхать на Сахалинъ! У меня и брюшко теперь, и..... милая, и миріады мошекъ въ головѣ, и чертова пропасть плановъ, и всякія штуки, а какой кислятиной я былъ бы теперь, если бы сидѣлъ дома. До поѣздки «Крейцерова сопата» была для меня событіемъ, а теперь она мнѣ смѣшна и кажется безтолковой. Не то я возмужалъ отъ поѣздки, не то съ ума сошолъ—чертъ меня знаетъ.

Познакомился съ д-ромъ Щербакомъ. По моему, это замѣчательный человѣкъ. Тамъ, гдѣ онъ служитъ, всѣ его любятъ, а я съ нимъ почти подружился. Въ прошломъ у него такая каша, что самъ чертъ увязнетъ въ ней.

Ну будьте здоровы и не придавайте значенія Вашимъ недугамъ: серьезнаго, если судить по письму, ничего. Если хватитъ тифъ или воспаленіе легкаго, тогда другое дѣло.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXI.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

(*Москва. 1890 г. Декабрь*).

Здравствуйте, милый Ѳедоръ Александровичъ! Я пріѣхалъ. Никуда не выхожу изъ дому, ибо кашляю и ежеминутно сморкаюсь—простудился въ Архипелагѣ. Я привезъ съ собою штукъ 50 фотографій [1]). Скажите, какимъ клеемъ прикленваютъ ихъ къ картону: гумми-арабикомъ, или другою какою нибудь дрянью? Какой картонъ наиболѣе подходящъ?

Весною ѣду въ Ледовитый океанъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ фотографій вошли въ настоящее изданіе.

LXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Декабря. (1890 г., Москва).

Посылаю Вамъ разсказъ [1]). Получите Вы его въ понедѣльникъ. Прислалъ бы раньше, но.. Такъ какъ разсказъ былъ зачатъ на островѣ Цейлонѣ, то буде пожелаете, можете для шика написать внизу: «Коломбо, 12 Ноября». Велите потщательнѣе прочесть корректуру, а то святочные разсказы выходятъ у Васъ обыкновенно съ милліардами опечатокъ.

Я кашляю. Перебои сердца. Не понимаю, въ чемъ дѣло. Состояніе духа отмѣнное.... Жениться не желаю и на свадьбу прошу покорнѣйше не пріѣзжать.

Поздравительное письмо будетъ особо.

Вашъ *А. Чеховъ*.

LXXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

24 Декабрь. (1890 г. Москва).

Поздравляемъ Васъ и все Ваше почтенное семейство съ праздничкомъ и желаемъ Вамъ дождаться многихъ предбудущихъ въ добромъ здоровьи и благополучіи.

Я вѣрю и въ Коха, и въ спермнъ и славлю Бога. Все это т. е. кохины, спермины и проч. кажется публикѣ какимъ то чудомъ, выскочившимъ неожиданно изъ чьей то головы на манеръ Аѳины Паллады, но люди, близко стоящіе къ дѣлу, видятъ во всемъ этомъ только есте-

[1]) «Гусевъ».

ственный результатъ всего, что было сдѣлано за послѣдніе 20 лѣтъ. Много сдѣлано, голубчикъ! Одна хирургія сдѣлала столько, что оторопь беретъ. Изучающему теперь медицину время, бывшее 20 лѣтъ тому назадъ, представляется просто жалкимъ. Милый мой, если бы мнѣ предложили на выборъ что-нибудь изъ двухъ: «идеалы» ли знаменитыхъ шестидесятыхъ годовъ, или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я, незадумываясь, взялъ бы вторую.

Кохинъ излѣчиваетъ сифилисъ? Это возможно. Что же касается рака, то позвольте усумниться. Ракъ не есть микроба; это ткань, растущая не на своемъ мѣстѣ и, какъ плевелъ, заглушающая всѣ сосѣднія ткани. Если дядѣ N. стало легче, то это значитъ только, что въ кохинъ, какъ составная часть, входитъ рожистый грибокъ, т. е. элементы, производящіе болѣзнь рожу. Давно уже замѣчено, что при рожѣ почему-то временно пріостанавливается ростъ злокачественныхъ опухолей.

Ненавижу Вашего Трезора. Я привезъ съ собой изъ Индіи интереснѣйшихъ звѣрей. Это мангусы, воюющіе съ гремучими змѣями; они очень любопытны, любятъ человѣка и бьютъ посуду. Если бы не Трезоръ, то я привезъ бы одного въ Питеръ пожить; онъ бы обнюхалъ всѣ Ваши книги и пересмотрѣлъ бы карманы всѣхъ, приходящихъ къ Вамъ. Днемъ онъ бродитъ по комнатамъ и пристаетъ къ людямъ, а ночью спитъ на чьей нибудь постели и мурлычетъ, какъ кошка. Онъ можетъ перегрызть Трезору горло, или наоборотъ.. Животныхъ онъ терпѣть не можетъ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, присылайте мнѣ разсказы для шлифовки. Мнѣ это занятіе нравится.

Странная исторія. Пока ѣхалъ на Сахалинъ и обратно, чувствовалъ себя здоровымъ вполнѣ, теперь же дома происходитъ во мнѣ чертъ знаетъ что. Голова побали-

ваетъ, лѣнь во всемъ тѣлѣ, скорая утомляемость, равнодушіе, а главное — перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ и не стучитъ.

Миша сшилъ себѣ мундиръ VI класса и завтра пойдетъ дѣлать въ немъ визиты. Отецъ и мать смотрятъ на него съ умиленіемъ и у обоихъ на лицахъ, какъ у Симеона Богопріимца, написано: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко...

Баронесса И. (Выхухоль) издаетъ для народа книжки. Каждая книжка украшена девизомъ «Правда»; цѣна правдѣ 3 — 5 коп. за экземпляръ. Тутъ и Успенскій, и Короленко, и Потапенко, и прочіе великіе люди. Она спрашивала у меня, что ей издавать. На сей вопросъ отвѣтить я не сумѣлъ, но мелькомъ рекомендовалъ порыться въ старыхъ журналахъ, въ альманахахъ и проч. Совѣтовалъ ей прочесть Гребенку. Когда она стала жаловаться, что ей трудно доставать книги, то я пообѣщалъ ей протекцію у Васъ. Если будетъ просьба, то не откажите. Баронесса дама честная и книгъ не зажилитъ. Возвратитъ и при этомъ еще наградитъ Васъ обворожительной улыбкой.

А. А. прислалъ мнѣ великолѣпнаго вина. Вино, по отзывамъ всѣхъ пьющихъ, такъ хорошо, что Вы смѣло можете гордиться Вашимъ сыномъ. Прислалъ онъ мнѣ также письмо на латинскомъ языкѣ. Великолѣпно.

Вчера я послалъ Вамъ разсказъ. Боюсь, что опоздалъ. Разсказъ куцый, но чертъ съ нимъ.

Въ Москвѣ въ нашихъ медицинскихъ центрахъ къ Коху относятся осторожно и $^{9}/_{10}$ врачей не вѣрятъ въ него.

Ну дай Богъ Вамъ всего хорошаго, а главное здоровья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXIV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

25 Декабрь (1890 г. Москва).

Поздравляю Васъ, любимецъ музъ, съ праздникомъ и желаю Вамъ поскорѣе быть избраннымъ въ члены Французской Академіи, а Вашей дочкѣ выйти замужъ за князя Санъ Донато. Напаче же всего желаю здравія.

Когда пріѣду въ Питеръ, непремѣнно зайду къ Вамъ. Пріѣду же я не раньше 7 — 8 января.

Мой адресъ: Малая Дмитровка, д. Фирсангъ.

Что вы думаете о коммиссіи? Участвуете въ ней, или нѣтъ? Напишите.

Что создали? Скоро ли Москва будетъ имѣть счастье рукоплескать Вамъ?

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

О своемъ путешествіи разскажу, а описывать его не стану, ибо нѣтъ бумаги. Для описанія потребовалось бы 147 стопъ.

LXXXV.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

26 Декабрь. (1890 г. Москва).

Поздравляю Васъ, капитанъ, съ праздникомъ и желаю Вамъ всего того, что чину Вашему и таланту причитается.

Спѣшу извиниться. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Вы выразили желаніе, чтобы который-либо изъ моихъ мангусовъ былъ названъ Жаномъ Щегловымъ. Такое желаніе слишкомъ лестно и для мангуса, и для Индіи, но къ сожалѣнію оно опоздало: мангусы уже имѣютъ имена. Одинъ мангусъ зовется сволочью—такъ, любя, прозвали его матросы; другой, имѣющій очень хитрые, жульническіе глаза, именуется Викторомъ Крыловымъ; третья, самочка, робкая, недовольная и вѣчно сидящая подъ рукомойникомъ, зовется Омутовой [1]).

Московскій воздухъ трещитъ: 24 градуса. Разсчитывалъ поѣхать завтра въ деревню къ Коклену Младшему [2]), но помѣшаетъ морозъ. А уѣхать мнѣ надо: чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ.

Однако, сколько Вы за одно лѣто надрызгали пьесъ! Это не творчество, а пьянство! Если-бъ моя власть, то я за такое пристрастіе къ кулисамъ въ ущербъ художеству, предалъ бы Васъ военно-полевому суду, или же по меньшей мѣрѣ сослалъ-бы Васъ административнымъ порядкомъ въ Вилюйскъ. Театръ полезное учрежденіе, но не на столько, чтобы хорошіе беллетристы отдавали ему $^{9}/_{10}$ своей потенціи.

Хотѣлось-бы побывать у васъ на именинахъ и выпить съ Вами.

Сообщите мнѣ адресъ Баранцевича. Если увидите сего человѣка, то поклонитесь ему.

Будьте здоровехоньки, милый Жанъ. Мангусы и мое семейство поздравляютъ Васъ и кланяются.

Я привѣтствую Вашу жену и прошу передать ей тысячу самыхъ лучшихъ пожеланій.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Бывшая артистка театра Корша.

[2]) Адресатъ такъ прозвалъ Сережу Киселева. А. П. собирался на праздники къ его родителямъ въ Бабкино.

LXXXVI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

27 Декабрь. (1890 г. Москва).

И Васъ тѣмъ же концомъ по боку, добрѣйшій Николай Александровичъ: поздравляю и желаю еще 53 раза отпраздновать Рождество.

Отъѣздъ мой въ Петербургъ отложенъ на неопредѣленное время. Причина тому — скандалъ, происходящій въ моемъ путрѣ. Со дня моего пріѣзда домой у меня началась такъ называемая перемежающаяся дѣятельность сердца, или, какъ я привыкъ называть сію болѣзнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ, при чемъ ощущается въ груди присутствіе резиноваго мячика; это бываетъ каждый вечеръ, но утрамъ легче. Стоять и лежать могу, сидѣть непріятно. Обдумавъ зрѣло, рѣшилъ: уѣхать на 5 — 7 дней въ деревню, и какъ только морозъ ослабѣетъ, поѣду. Морозъ 22 градуса.

Изъ деревни пріѣду на день въ Москву, а отсюда махну въ Питеръ.

Если сегодня, или завтра увижу Л., то буду уговаривать его ѣхать въ Петербургъ. Отчего ему не ѣхать? Есть и время, и деньги, и здоровъ какъ быкъ. Слѣдовало бы и П. вытащить изъ его уксуснаго гнѣзда.

Будьте здоровы. Почтеніе Апелю Апеличу [1]) и прочимъ сукинымъ сынамъ: Рогулькѣ, таксамъ и тому дворняжкѣ, что по двору бѣгаетъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Собака адресата.

LXXXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 Декабрь. (1890 г. Москва).

Ну, здравствуй, Сашичка. Не отвѣчалъ я такъ долго на твое письмо по слѣд. причинѣ: до меня дошли непріятные слухи, что ты якобы собираешься пріѣхать къ намъ на первый день праздника, я ждалъ тебя и потому не писалъ. А такъ какъ ты (слава Аллаху!) не пріѣхалъ, то я и пишу тебѣ теперь. Да, я возвратился. Да, Сашичка. Объѣздилъ я весь свѣтъ и, если хочешь знать, что я видѣлъ, то прочти басню Крылова «Любопытный». Какія бабочки, букашки, мушки, таракашки! Возьми въ ротъ штаны и подавись ими отъ зависти.

Проѣхалъ я черезъ всю Сибирь, 12 дней плылъ по Амуру, 3 мѣсяца и 3 дня прожилъ въ Сахалинѣ, былъ во Владивостокѣ, въ Гонгъ-Конгѣ, въ Сингапурѣ, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ на Цейлонѣ, переплылъ океанъ, видѣлъ Синай, обѣдалъ съ Дарданеллами, любовался Константинополемъ и привезъ съ собою милліонъ сто тысячъ воспоминаній и трехъ замѣчательныхъ звѣрей, именуемыхъ мангусами. Оные мангусы бьютъ посуду, прыгаютъ на столы и ужъ причинили намъ убытку на сто тысячъ, но тѣмъ не менѣе все таки пользуются общею любовью.

Когда я плылъ Архипелагомъ и глядѣлъ на сантуринскіе острова, которыхъ здѣсь чертова пропасть, то вспоминалъ тебя и твое: «патеръ Архимандритисъ, ти́ и́не авто́ сино́псисъ?» [1])

Теперь я живу дома съ родителями, которыхъ почитаю. Скоро пріѣду въ Петербургъ и ошпарю твоихъ незаконныхъ дѣтей кипяткомъ.

---

[1]) О. Архимандритъ, что такое Синопсисъ? (съ греческаго).

Очень хочется повидаться съ тобой; хотя ты и необразованный человѣкъ и при томъ пьяница, но все таки я иногда вспоминаю о тебѣ.

Кланяйся Наталіи Александровнѣ и незаконнымъ дѣтямъ. Бѣдныя дѣти! (вздохъ).

У насъ Миша и Иванъ. Мать благодаритъ тебя за поздравительное письмо и желаетъ, чтобы ты написалъ ей такое же и къ новому году.

Если Гершка еще не здохъ, то поклонъ ему и пожеланіе всякихъ собачьихъ благъ.

Не будь Фаистомъ [1]), пиши.

Если въ самомъ дѣлѣ думаешь пріѣхать къ намъ, то это идея восхитительная. Только теперь не пріѣзжай, ибо я самъ ѣду въ Питеръ. Если хочешь, вернемся вмѣстѣ въ Москву, родню и звѣрей посмотришь.

Въ Индіи водки нѣтъ. Пьютъ виски.

Твой снисходительный Братъ *А. Чеховской.*

LXXXVIII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

29 Декабрь. (1890 г. Москва).

Спасибо, дорогой мой, тебѣ и всѣмъ твоимъ за память обо мнѣ. Въ Одессѣ я получилъ письмо отъ твоего папы, а по пріѣздѣ въ Москву отъ тебя. Не отвѣчалъ до сихъ поръ Вамъ обоимъ, потому что мѣшаютъ мнѣ ужасно. Ходятъ, ходятъ, безъ конца ходятъ ко мнѣ всякаго званія люди и безъ конца разговариваютъ. Я теперь уподобился твоему папѣ, которому стоитъ только взяться за перо или за книгу, чтобы въ лавку вошолъ какой

---

[1]) Таганрогскій часовыхъ дѣлъ мастеръ, фамилію котораго А. П. обратилъ въ нарицательное названіе.

нибудь словоохотливый монахъ, или великій человѣкъ, которому хочется почесать языкъ.

Ну съ, я живъ и здоровъ; вернувшись, засталъ всѣхъ дома здоровыми. Думалъ, что поѣздка заставитъ насъ влѣзть въ долги, но и отъ этого Богъ избавилъ. Все обошлось такъ благополучно, какъ будто я и не ѣздилъ. Замѣчательно, что во все время моего восьмимѣсячнаго путешествія, сопряженнаго съ неизбѣжными лишеніями, я ни разу не былъ болѣнъ и изъ вещей потерялъ одинъ только ножичекъ.

Разсказать тебѣ о своемъ путешествіи также трудно, какъ сосчитать листья на деревѣ. Для этого нужно нѣсколько вечеровъ. Проѣхалъ я черезъ всю Сибирь, отмахавъ на лошадяхъ 4500 верстъ, прожилъ на Сахалинѣ 3 мѣсяца и 3 дня, потомъ возвращался на пароходѣ Добровольнаго флота. Былъ я и въ Гонгъ-Конгѣ, въ Сингапурѣ, на островѣ Цейлонѣ, видѣлъ гору Синай, былъ въ Портъ-Саидѣ, видѣлъ острова архипелага, откуда доставляютъ намъ маслины, сантуринское вино и длинноносыхъ грековъ, которыхъ, кстати сказать, во всемъ свѣтѣ, кромѣ Таганрога, считаютъ большими мошенниками и невѣждами; видѣлъ я Константинополь. Приходилось на пути испытать качку, всякаго рода муссоны и нордъ-осты, но морской болѣзни я не подверженъ и во время сильной качки ѣлъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и въ штиль.

Миша разсказываетъ о тебѣ много хорошаго. Радуюсь за тебя искренно. Радуюсь и за Володю[1]). Онъ сталъ выше тебя ростомъ? Это не хорошо. Когда онъ будетъ митрополитомъ, то низенькимъ дьякопамъ будетъ трудно надѣвать на него митру.

Когда увижусь съ П. И. Чайковскимъ[2]), то спрошу

[1]) Братъ адресата.
[2]) Композиторъ.

его о тебѣ. Что онъ дѣлалъ у Васъ въ Таганрогѣ? Былъ ли онъ у Васъ въ домѣ? Въ Питерѣ и въ Москвѣ онъ составляетъ теперь знаменитость № 2. Номеромъ первымъ считается Левъ Толстой, а я № 877.

Прислали мнѣ съ о. Корфу въ подарокъ бочепокъ сантуринскаго вина.....

Напиши мнѣ письмо поподробнѣе, не щадя живота и бумаги. Валяй на трехъ листахъ. Весною или лѣтомъ буду въ Таганрогѣ.

Дядѣ, тетѣ, семинаріи, обѣимъ дѣвочкамъ и Иришушкѣ нижайшій поклонъ и тысяча сердечныхъ пожеланій. Будь здоровъ, счастливъ и мудръ, а главное добръ.

Вся семья тебѣ кланяется.

Твой *А. Чеховъ*.

LXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Янв. (1891 г. Москва).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, драгоцѣнный мой. Желаю Вамъ здоровья, покоя и 6 милліоновъ рублей.

Пріѣду я въ Петербургъ, вѣроятно, 8-го января. Буду у Васъ писать, а если не буду, то уѣду. Такъ какъ къ февралю у меня не будетъ ни гроша, то мнѣ нужно торопиться кончить повѣсть[1]), которую я началъ. Въ повѣсти есть кое что такое, о чемъ мнѣ надлежитъ поговорить съ Вами и попросить совѣта.

Праздники я провелъ безобразно. Во первыхъ, были перебои; во вторыхъ, братъ Иванъ пріѣхалъ погостить и бѣдняга заболѣлъ тифомъ; въ третьихъ, послѣ сахалинскихъ трудовъ и трошковъ моя московская жизнь кажется мнѣ теперь до такой степени мѣщанскою и

[1]) «Дуэль».

скучною, что я готовъ кусаться; въ четвертыхъ, работа ради куска хлѣба мѣшаетъ мнѣ заниматься Сахалиномъ; въ пятыхъ, надоѣдаютъ знакомые. И т. д.

Мнѣ нравится, что Буренинъ похвалилъ Андріевскаго.

Былъ у меня два раза поэтъ Мережковскій. Очень умный человѣкъ. Былъ писатель Викторъ Бибиковъ.

Жду лѣта, чтобы побывать у Васъ въ Ѳеодосіи.

До пріятнаго свиданія!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ жаль, что Вы не видѣли моего мангуса! Удивительное животное.

XC.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

8 Янв. (1891 г. СПБ.).

Добрѣйшій Ѳедоръ Александровичъ, получилъ Ваше письмо и отвѣчаю Вамъ прежде всего поздравленіемъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ и съ новыми пятью тысячами подписчиковъ [1]).

Уѣзжая, я просилъ брата взять у Соловцева *всего* цензурованнаго Лѣшаго. Теперь конечно мы не успѣемъ попасть въ Январьскую книжку. Если Вы не выслали еще корректуры, то погодите моего пріѣзда; я пріѣду 12 — 13 Янв. Прочту корректуру, исправлю и пошлю въ цензуру изъ Москвы.

Теперь просьба: не печатайте Лѣшаго!! Лѣшій для Артиста положительно не имѣетъ никакой цѣны: публикѣ московской онъ не понравился, актеры словно скопфузились, газетчики обругали.. Отдайте мнѣ его: въ Артистѣ онъ пройдетъ не замѣченнымъ, пользы никому не

[1]) Адресатъ издавалъ журналъ «Артистъ».

А. П. на пикникѣ на о. Сахалинѣ. (Ант. Павловичъ слѣва—крайній).

принесетъ и Ваши 200 рублей будутъ словно въ воду брошены. Мой Лѣшій, повторяю, для Артиста цѣны не имѣетъ.

Если внемлете моей просьбѣ, то я буду Вамъ благодаренъ во вѣки вѣковъ и напишу Вамъ столько разсказовъ, сколько Вы пожелаете, хоть милліонъ двѣсти тысячъ.

Прошу *я серьезно*. Въ случаѣ Вашего согласія поскорѣе отвѣчайте мнѣ. Несогласіе же Ваше уязвитъ меня въ самое сердце и причинитъ мнѣ не мало горя, ибо лишитъ меня возможности поработать еще надъ Лѣшимъ. Если уже начали набирать, то за наборъ я заплачу, брошусь въ воду, повѣшусь.. что хотите.

Въ Питерѣ погода ассирская. Ѣздятъ на саняхъ, но снѣга нѣтъ. Не погода, а какой то онанизмъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*.

XCI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

14 Янв. (1891 г. СПБ.).

Непредвидѣнныя обстоятельства задержали меня еще на нѣсколько дней. Я живъ и здоровъ. Новостей нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, на дняхъ я видѣлъ на сценѣ «Власть тьмы» Толстого. Былъ у Рѣпина въ мастерской. Еще что? Больше ничего. Въ общемъ скучно.

Ходилъ сегодня на собачью выставку; ходилъ я туда вмѣстѣ съ Суворинымъ, который въ то время, когда я пишу сіи строки, стоитъ около стола и проситъ: — напишите, что вы ходили на собачью выставку вмѣстѣ съ извѣстной собакой Суворинымъ.

Александръ и его дѣти здоровы.
Поклонъ знакомымъ. Больше писать не о чемъ
Твой *А. Чеховъ.*

Въ Петербургѣ бездѣльничаетъ Жоржъ Л.
Жду отъ Миши письма объ Артистѣ и Лѣшемъ.

XCII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(*СПБ. 1891 г. Янв.*).

Цецилія Архимандритова!

Я живъ и здоровъ, перебоевъ нѣтъ, денегъ тоже нѣтъ и все обстоитъ благополучно.

Дѣлаю визиты и видаюсь со знакомыми. Приходится говорить про Сахалинъ и Индію. Ужасно скучно.

Вчера приходилъ Прокуроръ. Нализался и ушолъ. Анна Ивановна попрежнему славная, Суворинъ попрежнему говоритъ безъ умолку.

Получаю скучнѣйшія приглашенія на скучнѣйшіе обѣды. Повидимому, прійдется скоро уѣхать въ Москву, такъ какъ здѣсь работать не дадутъ.

Ура! Мы отмщены! За то, что намъ было скучно, ситцевый балъ далъ чистаго убытку 1500 р. Въ удостовѣреніе прилагаю вырѣзку изъ газетины.

Если соберется что нибудь въ пользу сахалинскихъ школъ, то немедленно извѣщай.

Поклонъ низкій папашѣ, мамашѣ, Ивану, Мишкѣ VI класса [1]), жидоватому брюнету [2]) изъ высшаго свѣта, Лидіи Егоровнѣ Мизюковой [3]), Семашкѣ и изумительной астропомкѣ [4]).

---

[1]) М. П. Чехову—податному инспектору.
[2]) И. И. Левитану.
[3]) Л. С. Мизиновой.
[4]) О. П. Кундасовой.

Какъ поживаетъ мой мангусъ? Не забывайте давать ему пить и ѣсть и бейте его безъ пощады, когда онъ прыгаетъ на столы. Онъ людей ѣстъ? [1])

Напишите о Иванѣ.

Желаю здравія и веселія.

Твой *А. Чеховъ.*

XCIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(СПБ. 1891 г. Янв.).

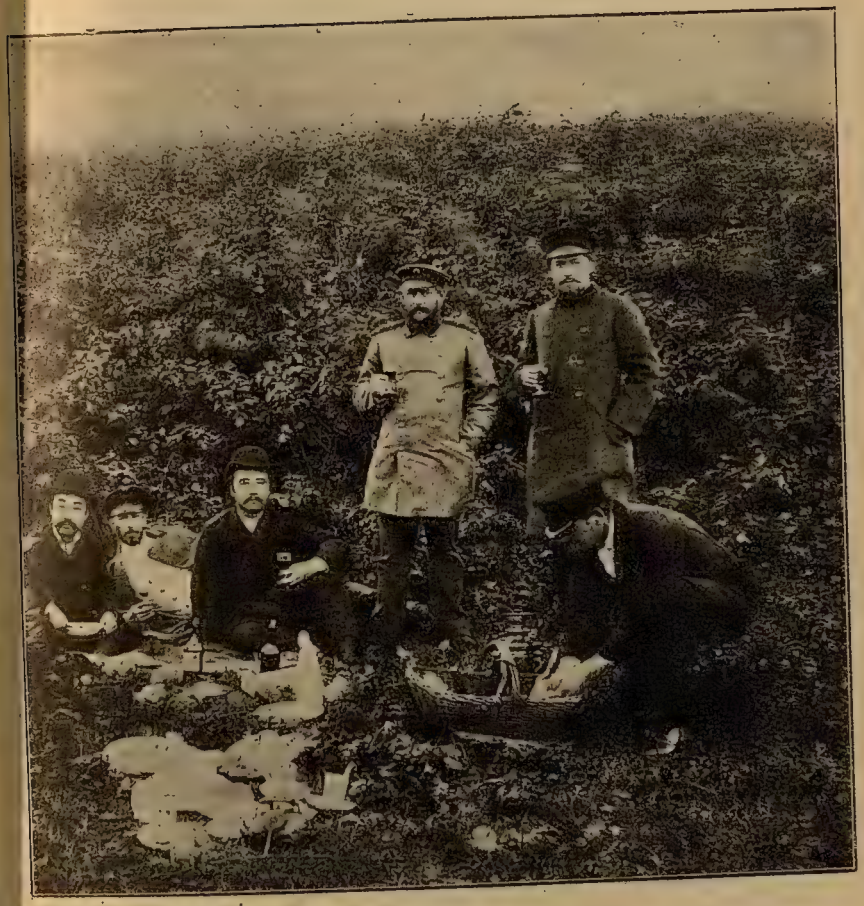
Я утомленъ, какъ балерина послѣ пяти дѣйствій и восьми картинъ. Обѣды, письма, на которыя лѣнь отвѣчать, разговоры и всякая чепуха. Сейчасъ надо ѣхать обѣдать на Васильевскій островъ, а мнѣ скучно, и надо работать. Поживу еще три дня, посмотрю, если балетъ будетъ продолжаться, то уѣду домой, или къ Ивану въ Судорогу [2]).

Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые дифирамбы и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чертъ ихъ знаетъ. Еслибы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство! Буренинъ ругаетъ меня въ фельетонѣ, хотя нигдѣ не принято ругать въ газетахъ своихъ же сотрудниковъ; Масловъ (Бѣжецкій) не ходитъ къ Суворинымъ обѣдать; Щегловъ разсказываетъ всѣ ходящія про меня сплетни и т. д. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая то плѣсень.

---

[1]) Наивный вопросъ одной знакомой А. П.

[2]) Въ Судогду, гдѣ служилъ братъ Ив. Пав—чъ.



Японцы—Кузе-Санъ и его секретарь Су-Зуки. Пикникъ на южномъ Сахалинѣ (справа стоитъ А. П.).

Я напалъ на слѣдъ Дришки. Она живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я. Завтра увижусь съ ней.

Моя «Дѣтвора» вышла вторымъ изданіемъ.

По этому случаю получилъ 100 руб. Здоровъ. Ложусь поздно...

Поклонъ Лидіи Егоровнѣ Мизюковой. Жду отъ нея программъ. Скажи ей, чтобы она не ѣла мучного и избѣгала Левитана. Лучшаго поклонника, какъ я, ей не найти ни въ думѣ, ни въ высшемъ свѣтѣ.

Пришолъ Щегловъ.

Вчера приходилъ Григоровичъ; долго цѣловалъ меня, вралъ и все просилъ разсказать ему про японокъ.

Пріѣхалъ Ираклій [1]). Нужно поговорить съ нимъ, а телефонъ испортился.

Кланяюсь всѣмъ.

Твой *А. Чеховъ.*

XCIV.

Ей же.

(Съ подлинника).

16 *Январь (1891 г. СПБ.).*

Честь имѣю поздравить Васъ съ именинишкомъ [2]); желаю Вамъ и ему здравія, благополучія, а главное, чтобы мангусъ не билъ посуды и не обдиралъ обоевъ. Имешины свои я праздную въ трактирѣ Малый Ярославецъ, изъ трактира на бенефисъ, изъ бенефиса опять въ трактиръ.

Я работаю, но съ превеликимъ трудомъ. Только что напишу одну строчку, какъ раздается звонокъ и входитъ кто нибудь, чтобы «поговорить о Сахалинѣ». Просто бѣда!

---

[1]) Іеромонахъ о-ва Сахалина. Бурятъ.
[2]) Именины самого Антона П-ча.

Былъ у Александра. Его дѣтишки произвели на меня самое хорошее впечатлѣніе. Особенно хорошъ младшій. Оба выросли, отлично говорятъ и уже знаютъ азбуку. Супруга Александра добрая женщина...

Нашолъ я Дришку. Оказалось, что она живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я. Бѣжала она изъ Москвы въ Петербургъ по семейно-романическимъ обстоятельствамъ: хотѣла выйти замужъ за слѣдователя, дала ему слово, но подвернулся армейскій капитанъ и т. д.; пришлось бѣжать, иначе бы слѣдователь убилъ изъ пистолета, заряженнаго клюквою, и Дришку и капитана. Она благоденствуетъ и попрежнему такая же шустрая шельма. Вчера я вмѣстѣ съ нею былъ на именинахъ у Свободина. Она пѣла цыганистые романсы и произвела такой фуроръ, что у нея цѣловали руки всѣ великіе люди, начиная со старика Максимова и Микѣшина и кончая Михневичемъ.

До меня дошли слухи, что будто бы Лидія Стахіевна выходитъ замужъ par depit. Правда ли это? Передайте ей, что я par depit увезу ее отъ мужа. Я человѣкъ наглый.

Былъ у меня о. Ираклій съ позолоченнымъ крестомъ.

Когда я пріѣду въ Москву? Скоро. Не позже будущей недѣли.

Не собрали ли чего нибудь въ пользу сахалинскихъ школъ? Увѣдомьте. Что Левитанъ съ подписнымъ листомъ? Что Кундасова? Что Лидія Стахіевна съ Екишъ?

Низко всѣмъ кланяюсь и желаю превосходнаго аппетита.

Получилъ письмо отъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента Кони. Хочетъ меня видѣть, чтобы поговорить о Сахалинѣ. Завтра пойду къ нему.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCV.

Е. М. Ш. [1])

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 января. (1891 г. СПБ.).

Только что прочелъ Вашъ разсказъ въ корректурѣ, Елена Михайловна, и паки нахожу, что онъ очень хорошъ. Прогрессъ большущій. Еще годъ—два, и я не буду смѣть прикасаться къ Вашимъ разсказамъ и давать Вамъ совѣты.

Разсказъ хорошъ, и потому позвольте мнѣ не говорить ни о Ѳедотовѣ, ни о Вашей будущей артистической карьерѣ.—Побойтесь Бога, что это еще за Шастуновъ? [2]) Помнится, гдѣ то около у Тріумфальныхъ воротъ я видѣлъ бакалейную лавочку Шастунова. Я подписался подъ разсказомъ такъ, какъ Вы хотите, но лучше бы придумать что нибудь не столь бакалейное. Заглавіе «Невѣсты» не годится. Я придумалъ заглавіе тоже не подходящее, но оно лучше Вашего. Гдѣ же In vino? [3])

Право, бросьте Вы Ѳедотова [4]). Неужели Вамъ улыбается актерство? Если бы у $^{9}/_{10}$ актрисъ былъ такой литературный талантъ, какъ у Васъ, то онѣ побросали бы сцену и молебенъ отслужили. Извините, что я такъ кратокъ. Я серьезно отношусь къ вопросу, который Вы задаете мнѣ въ письмѣ, желаю Вамъ всего хорошаго, радъ за Васъ; и если я начну длинно излагать свои неуклюжія мысли, то потребуется пять листовъ бумаги, а это скучно и не нужно для Васъ.

---

[1]) По желанію адресатки сохранены только ея инициалы.
[2]) Псевдонимъ, которымъ хотѣла подписываться адресатка.
[3]) Разсказъ адресатки.
[4]) Театральная школа въ Москвѣ.

Сдѣлаться опять такимъ, какимъ я былъ въ Ялтѣ? Да развѣ я другой? Я былъ скученъ на ситцевомъ балу,— это правда, но вѣдь ситцевый балъ не Ялта, и Ялта не ситцевый балъ.

Я очень радъ, что ситцевый балъ далъ чистаго убытку 1500 р. Такъ Вамъ и нужно!

Ну, будьте здоровы и благополучны. Въ Петербургѣ я пробуду вѣроятно до конца января.

Если что напишете, то милости просимъ.

Искренно преданный

А. Чеховъ.

XCVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

18 Январь (1891 г. СПБ.).

Вчера я былъ у Кони, говорилъ съ нимъ о Сахалинѣ; условились ѣхать вмѣстѣ во вторникъ на будущей недѣлѣ къ Нарышкиной просить ее, чтобы она поговорила съ Государыней о сахалинскихъ дѣтяхъ и насчетъ устройства пріюта для дѣтей. Поѣдемъ во вторникъ—стало быть, не ждите меня раньше четверга будущей недѣли.

Модестъ Чайковскій уѣхалъ въ Москву и зайдетъ къ намъ смотрѣть мангусовъ. Пріймите его получше т.-е. поласковѣй.

Прилагаемую при семъ вырѣзку изъ газеты [1]) прошу вывѣсить на стѣнѣ въ училищѣ Ѳедотова, или въ обществѣ паскудствъ и каррикатуры [2]). Стихотвореніе миленькое и относится въ одинаковой степени ко всѣмъ любительницамъ.

---

[1]) Къ письму было приложено стихотвореніе.
[2]) Искусства и Литературы.

Деньги у меня есть. Не нужно ли Вамъ? Если нужно, то я пришлю.

Поздравительную телеграмму получилъ. Благодарю и Чеховыхъ, и Лику, и Семашко и Жана.

Вчера въ Маломъ Ярославцѣ кормили меня обѣдомъ. Сегодня я на вечерѣ. Ѣмъ и пью безъ конца. Должно быть, лошу.

У Б. родился сынъ. Это, кажется, семнадцатый.

Кланяюсь всѣмъ.

Вчера былъ именинникъ Александровъ сынишка Антонъ. Я купилъ ему игрушекъ.

Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

XCVII.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

(*СПБ. 1891 г. Янв.*).

До сихъ поръ охваченный суетой петербургской жизни, я успѣлъ прочесть только: «In vino».

Разсказъ хорошо сдѣланъ, сцена опьяненія превосходна. Но къ чему Вамъ понадобилась бритая рожа? Хоть Вы и влюблены въ нее, чему я не вѣрю, но она портитъ разсказъ; чувствуется, что она притянута искусственно, чтобы во 1) ввести въ разсказъ элементъ любви, и во 2)-хъ ради контраста. По моему можно ограничиться сценою опьяненія, любовью поручика и финаломъ.

Все что барышня говоритъ въ честь и славу актера, она съ успѣхомъ можетъ сказать въ пространство, обращаясь ко всѣмъ, при чемъ нѣтъ надобности брать одну только сцену. Когда я началъ читать Вашъ разсказъ,

то мнѣ казалось: барышня пьянѣетъ, она окружена мужчинами, но ей не кого любить и не на что тратить свой порохъ... Такъ мнѣ казалось и вдругъ... о ужасъ!. наталкиваюсь на бритую рожу...

Вашъ разсказъ можно конечно напечатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть. Но мы съ Суворинымъ рѣшили такъ: я на дняхъ поѣду въ Москву, и пришлю Вамъ разсказъ, такъ какъ свободное время у Васъ, Слава Богу, есть, то быть можетъ Вы займетесь разсказомъ, если найдете это нужнымъ, потомъ пришлите его мнѣ, а я пошлю его въ Питеръ. Это мой капризъ!

Въ Москвѣ я буду въ среду. Разсказъ Вы получите въ четвергъ. А пока, позвольте пожелать Вамъ всего лучшаго и пребыть уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

А Шастунова я оставилъ. Богъ съ нимъ!

Если Вамъ надоѣлъ Вашъ разсказъ, то извольте, мы напечатаемъ его безъ передѣлокъ.

XCVIII.

А. Ѳ. Кони.

26 января (1891 г. СПБ.).

Милостивый Государь Анатолій Ѳедоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на Ваше письмо, потому что уѣзжаю изъ Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Нарышкиной, но мнѣ кажется лучше отложить визитъ къ ней до выхода въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди матеріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мнѣ такимъ громаднымъ, что,

когда я хочу говорить о немъ, то не знаю, съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ тринадцатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проституціей начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія менструаціи. Церковь и школа существуютъ только на бумагѣ, воспитываютъ же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ, у меня записанъ разговоръ съ одиимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись въ селеніи Верхнемъ Армуданѣ; поселенцы всѣ поголовно нищіе и слывутъ за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ нѣтъ дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ бѣловолосый, сутулый, босой; о чемъ-то призадумался. Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамки сожитель.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значитъ за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я незаконный. Меня мамка въ Карѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался

внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойные и дочь; пока тотъ сидѣлъ въ ватеръ-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, взбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ посильщика—ex officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Горація, бродившихъ по кладбищу, черкесъ-жилецъ покойницы—отъ нечего дѣлать—и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, привела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого—Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на колѣняхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ проигравшійся помѣщикъ, смѣется и говоритъ:

— Закопали!

Каторжные смѣются; черкесъ обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекціонныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями—все такія болѣзни, которыя свидѣтельствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по моему, ставить важное въ зависимость

отъ благотворительности, которая въ Россіи носитъ случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ,—вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фирганъ.

Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня, и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховымъ.

XCIX.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 Январь. (1891 г. СПБ.).

Разлюбезнѣйшій Иванъ! Газета тебѣ высылается, должно быть, такъ какъ я сдѣлалъ подобающее распоряженіе. Живу я еще въ Питерѣ и каждый день собираюсь уѣхать домой. Ужасно утомился. Ужасно! Цѣлый день, отъ 11 ч. утра до 4 часовъ утра я на ногахъ; комната моя изображаетъ изъ себя нѣчто вродѣ дежурной, гдѣ поочереди отбываютъ дежурство г.г. знакомые и визитеры. Говорю непрерывно. Дѣлаю визиты и конца имъ не предвижу. Поѣздкѣ моей на Сахалинъ придали значеніе, какого я не могъ ожидать: у меня бываютъ и статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники. Всѣ ждутъ моей книги и пророчатъ ей серьезный успѣхъ, а писать некогда! Въ Москвѣ писать трудно, а здѣсь же еще труднѣе.

Купилъ книги. Очень много книгъ пожертвовано издателями и авторами. Я очень радъ. Сахалинскія школы будутъ имѣть свои библіотечки.

Мои книги продаются не дурно. По пріѣздѣ я получилъ около 400 руб., а въ маѣ получу еще больше, ибо въ маѣ представитъ свои счета контрагентство. Въ маѣ же буду печатать пятое изданіе «Въ сумеркахъ» и «Разсказы». Хочу печатать вторымъ изданіемъ Пестрые разсказы. «Дѣтвора» вышла вторымъ изданіемъ, чего ради я получилъ еще 100 р.

Когда я буду отдыхать? Утомленіе такое, что просто сѣча. Мнѣ бы теперь не писать и не ѣздить и не объ умномъ говорить, а мѣсяца бы четыре сидѣть на одномъ мѣстѣ и удить рыбу.

Надѣюсь, что твое здоровіе вошло уже въ надлежащія рамки. Я здоровъ вполнѣ. Въ мартѣ пріѣду къ тебѣ встрѣчать весну [1]).

Ну, будь здоровъ и благополученъ.

Твой

А. Чеховъ.

Получилъ сейчасъ письмо отъ писательницы Ш. Весь столъ провонялъ духами.

С.

И. А. Бунину.

(Съ подлинника).

30 Янв. (1891 г. Москва).

Милостивый Государь

Иванъ Алексѣевичъ!

Простите, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо. Я былъ въ Петербургѣ и только сегодня вернулся въ Москву.

---

[1]) Братъ Иванъ Павл. жилъ тогда во Владимірской губ., близъ г. Судогды и учительствовалъ на стекляномъ заводѣ Комиссарова.

Очень радъ служить Вамъ, хотя, предупреждаю, я плохой критикъ и всегда ошибался, особенно, когда мнѣ приходилось быть судьею начинающихъ авторовъ. Присылайте мнѣ Ваши разсказы, но только не тѣ, которые уже были напечатаны.

Готовый къ услугамъ

А. Чеховъ.

Москва, М. Дмитровка, д. Фирангъ.

CI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

31 Январь. (1891 г. Москва).

Была изумительная астрономка[1]). Я сказалъ ей: «Я съ Суворинымъ раза три вспоминали о Васъ, и онъ кланяется Вамъ». Она сказала: «Убирайтесь къ черту». Горюетъ, что умерла Ковалевская.

Дома засталъ я унынie. Мой самый умный и симпатичный мангусъ заболѣлъ и смирнехонько лежитъ подъ одѣяломъ. Скотинка не ѣстъ и не пьетъ. Климатъ занесъ уже надъ нимъ свою холодную лапу и хочетъ убить его. А за что?

Получили унылое письмо. Съ нами дружила въ Таганрогѣ одна польская зажиточная семья. Печенья и варенья, которыя я съѣдалъ у этой семьи, будучи гимназистомъ, теперь возбуждаютъ во мнѣ самыя трогательныя воспоминанія; тамъ были и музыка, и барышни, и наливка, и ловля щеглятъ на большомъ дворѣ-пустырѣ. Отецъ служилъ въ таганрогской таможнѣ и по-

[1]) О. П. Кундасова.

палъ подъ судъ. Слѣдствіе и судъ разорили семью. Двѣ дочери и сынъ. Когда старшая дочка вышла замужъ за прохвоста-грека, семья взяла себѣ на воспитаніе дѣвочку сиротку. У этой дѣвочки приключилась бугорчатка колѣна и ей ампутировали ногу. Затѣмъ умираетъ отъ чахотки сынъ, медикъ 4 курса, отличный малый, Геркулесъ, надежда семьи.. Затѣмъ бѣдность вопіющая.. Отецъ бродитъ по кладбищу, жаждетъ напиться, но нѣтъ силъ пить: отъ водки только голова жестоко болитъ, а мысли все тѣ же, такія же трезвыя и гнусныя. Теперь пишутъ, что заболѣла чахоткой младшая дочь дѣвушка, молодая, красивая, полная.. Пишетъ объ этомъ отецъ и проситъ *десять* рублей въ займы... Ахъ!

Мнѣ ужасно не хотѣлось отъ Васъ уѣзжать, но я все таки радъ, что не остался еще на одинъ день — уѣхалъ, значитъ, имѣю силу воли. Уже пишу. Когда пріѣдете въ Москву, повѣсть [1]) будетъ уже кончена и я вмѣстѣ съ Вами вернусь въ Петербургъ.

Скажите Борѣ, Митѣ и Андрюшѣ, что я ихъ vituрего [2]). Въ карманахъ своей шубы я нашолъ записки, въ которыхъ было нацарапано: «Антонъ Павличъ стыдно, стыдно, стыдно!». O pessimi discipuli! Utinam vos lupus devoret![3])

Письмо, посланное мною изъ Сахалина 31-го Августа, наши получили только на этихъ дняхъ. Каково?

Вчера ночью не спалось и я прочелъ «Пестрые разсказы» для второго изданія. Выбросилъ за бортъ больше 20 разсказовъ.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ

---

[1]) «Дуэль».
[2]) Порицаю.
[3]) О, гадкіе ученики! Когда-же пожретъ васъ волкъ!

уваженіи и преданности. Семейству Вашему свидѣтельствую свое почтеніе.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ цензору Матвѣеву. Я Аннѣ Ивановнѣ предлагалъ пригласить его и Ивана Павловича Казанскаго въ Ѳеодосію на все лѣто. Они такіе весельчаки!

CII.

Ему же.

(Съ подлинника).

5 Февраль. (1891 г. Москва).

Мой мангусъ выздоровѣлъ и уже препсправно бьетъ посуду.

Я пишу, пишу! Признаться, я боялся, что сахалинская поѣздка отучила меня писать, теперь же вижу, что ничего. Написалъ я много, пишу пространно, à la Ясинскій. Хочу тысячу цѣлковыхъ сцапать.

Скоро начну ждать Васъ. Поѣдемъ въ Италію, или нѣтъ? Надо бы.

Въ Петербургѣ я ночи не сплю, пью и шатаюсь, но чувствую себя неизмѣримо здоровѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Чертъ его знаетъ, отчего это такъ.

Не скучаю, ибо во 1-х) пишу и 2-х) чувствуется близость лѣта, которое я люблю паче всего. Хочется приготовлять удочки.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Александрѣ Сергѣевнѣ и дѣтямъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. П. и сынъ баронессы Икскуль на пароходѣ «Петербургъ». Держатъ мангусовъ.

CIII.

А. М. Кондратьеву[1]).

(Съ подлинника).

22 Февраля (1891 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Михайловичъ, прибѣгаю къ Вашему всемогуществу. Мнѣ ужасно хочется посмотрѣть свое «Предложеніе», а билета достать не могу. Въ воскресенье утромъ идетъ моя пьеска. Не замолвите ли Вы словечко, чтобы въ кассѣ оставили мнѣ *два* билета—кресла 7 или 8 ряда, или что есть. Я буду Вамъ очень благодаренъ.

Оттепель. Я боюсь, что разольются рѣки и что не придется намъ ѣхать въ Бабкино, шить водку изъ серебрянаго стаканчика. Сегодня получилъ письмо отъ Киселева, проситъ привезти икры.

Вашъ *А. Чеховъ.*

М. Дмитровка, д. Фирганга.

CIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1891 г. Москва).

Здравствуйте, голубчикъ мой. Ваша телеграмма насчетъ Тормидора смутила меня. Меня страшно потянуло въ Петербургъ, но не ради Сарду и пріѣхавшихъ парижанъ, а такъ, здорово-живешь. Но практическія соображенія взяли меня подъ устцы. Я сообразилъ, что надо спѣшить писать повѣсть, что я не знаю французскаго

[1]) Режиссеръ моск. Мал. театра.

языка и поэтому буду занимать въ ложѣ чужое мѣсто, что у меня мало денегъ и проч. Однимъ словомъ, какъ теперь мнѣ кажется, я плохой товарищъ, хотя и поступилъ повидимому умно.

Повѣсть моя подвигается впередъ. Все гладко, ровно, длинноть почти нѣтъ, но знаете, что очень скверно? Въ моей повѣсти нѣтъ движенія и это меня пугаетъ. Я боюсь, что ее трудно будетъ дочитать до середины, не говоря ужъ о концѣ. Какъ бы то ни было, я все таки кончу ее. Аннѣ Ивановнѣ поднесу веленевый экземпляръ для чтенія въ купальнѣ. Я желалъ бы, чтобы ее что-нибудь въ водѣ укусило, и чтобы она вышла изъ купальни рыдающей.

Мнѣ было грустно, когда Вы уѣзжали. Вообще мнѣ грустно.

Изумительная астрономка кончила со мной французскую грамматику и укатила зачѣмъ то въ Петербургъ. Лавры Ковалевской не даютъ ей спать и она, кажется, хочетъ поступить на курсы.

«Предложенія» нѣтъ въ маслешичномъ репертуарѣ; очевидно, актеры обидѣлись, что до сихъ поръ я не былъ въ театрѣ. Вчера опять былъ Ю.—не приняли. Былъ Н.—не приняли. На горизонтѣ моемъ скопляются тучи и я жду ливня съ градомъ. Только что пріѣхалъ Миша изъ Алексина. Вотъ такъ служба! Этакъ и я бы согласился. Графиня Р. отказала намъ окончательно. Я думаю, что въ счастливые дни медоваго мѣсяца она не огорчала такъ мужа своимъ отказомъ, какъ огорчила теперь насъ. Гдѣ мы теперь будемъ жить? Я ужасно боюсь сѣрой дачной обстановки со щелями, пятнами на потолкѣ и кухоннымъ чадомъ, а пожалуй и въ этомъ году прійдется вкусить сіе.

Пришлите мнѣ денегъ. У меня ихъ нѣтъ и взять, кажется, неоткуда. По моему разсчету я при благо-

пріятныхъ условіяхъ могу получить отъ Васъ до сентября не болѣе тысячи рублей. Соображайтесь съ симъ, но не высылайте денегъ почтой, такъ какъ я терпѣть не могу ходить въ почтамтъ.

Напишите мнѣ о Тормидорѣ.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Борису и прекрасной Настѣ. Ахъ, Настасья, ахъ Настасья, отворяй-ка ворота!

Весь Вашъ *А. Чеховъ*.

CV.

А. П. Ленскому [1]).

27 февраля. (1891 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ! Въ началѣ первой недѣли поста я уѣду во Владимірскую губ. на стеклянный заводъ Коммисарова. Не найдете ли Вы возможнымъ поѣхать со мной? Весна, грачи, скворцы, попы, урядники, рабочіе, мельница и громадныя, аду подобныя, печи на заводѣ. Все это, увѣряю Васъ, ужасно интересно. Мы поѣдемъ сначала по желѣзной дорогѣ, а потомъ на лошадяхъ. Остановимся мы въ квартирѣ брата; помѣщенія у него достаточно.

Вернувшись въ Москву, Вы привезете съ собой много посуды, которая будетъ сдѣлана при Васъ же и по Вашимъ рисункамъ. Пробудемъ на заводѣ не долго. Завтра я ѣду въ Бабкино къ Киселеву. Вернусь въ понедѣльникъ и явлюсь къ Вамъ за отвѣтомъ. Главное, не забывайте—весна! И мы увидимъ множество людей!..

Кланяюсь Лидіи Николаевнѣ и Ленскому-фису. Подумайте, голубчикъ! Кромѣ Васъ я никого не приглашаю

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ первомъ томѣ (см. «Письма А. П. Чехова т. I, стр. 268, CXLI»).

съ собой, ибо Левитанъ ѣдетъ въ Петербургъ, да и утомляется онъ скоро, а остальные не поѣдутъ, хоть изъ пушекъ стрѣляй.

Я пишу большую повѣсть.

Въ чаяніи благополучнаго для меня отвѣта, пребываю любящимъ Васъ

А. Чеховъ.

CVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Мартъ. (1891 г. Москва).

Ѣдемъ!!! Я согласенъ, куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгаетъ отъ удовольствія. Не поѣхать было бы глупо съ моей стороны, ибо когда еще представится случай? Но, голубчикъ, предоставляю Вамъ взвѣсить слѣдующія обстоятельства:

1) У меня далеко еще не кончена моя работа. Если я ее отложу до мая, то сахалинскую работу прійдется начать не раньше іюля, а это опасно, ибо сахалинскія впечатлѣнія у меня уже испаряются и я рискую забыть многое.

2) У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Если я, не кончивъ своей работы, возьму еще тысячу рублей на поѣздку, а потомъ послѣ поѣздки на прожитіе, то я такъ запутаюсь, что самъ чертъ не вытянетъ меня за уши. Я еще не запутался, потому что изощряюсь и живу скромнѣе просвирни, но если я поѣду [1]), то все пойдетъ къ черту, счеты мои запутаются и я почувствую себя въ неоплатныхъ долгахъ. При одной мысли о двухтысячномъ долгѣ я падаю духомъ.

---

[1]) За границу.

Есть много и другихъ обстоятельствъ, но все мелко передъ работой и деньгами. Итакъ, просмакуйте мои соображенія, войдите на мгновеніе въ мою шкуру и рѣшите: не лучше ли мнѣ остаться? Вы скажете, что все это пустяки. Но Вы бросьте свою точку зрѣнія, а станьте на мою.

Жду скорѣйшаго отвѣта.

Моя повѣсть подвигается, но ушолъ я не далеко.

Былъ въ деревнѣ у Киселевыхъ. Грачи уже прилетѣли.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVII.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

6 мартъ. (1891 г. Москва).

Я страшно виноватъ передъ Вами, уважаемая Елена Михайловна, но если бы Вы знали какую длинную повѣсть пишу я [1]), какъ кружится у меня по этому поводу голова, то извинили бы меня за то, что я до сихъ поръ не далъ Вамъ никакого отвѣта. Я еще не читалъ Вашихъ разсказовъ. О я злодѣй. Днемъ я не читаю ничего, потому что это помѣшало бы тому моему порядку мыслей, который нуженъ для работы, а къ вечеру бываю утомленъ и золъ, и тоже не читаю ничего, кромѣ статей газетнаго характера.

Въ началѣ будущей недѣли я, вѣроятно, уѣзжаю въ Италію. До отъѣзда я прочту Ваши разсказы и сдѣлаю все, что нужно. Если же не уѣду, то отвѣтъ Вы получите не ранѣе второй недѣли поста.

---

[1]) «Дуэль».

Я хотѣлъ устроить для Васъ свиданіе съ Суворинымъ, но онъ вдругъ заболѣлъ и уѣхалъ. Онъ любитъ литературу страстно, и отлично бранится, а Вы теперь переживаете ту стадію Вашей начинающейся дѣятельности, когда съ Вами нужно жестоко браниться, хотя бы за бритую рожу.

Ну, коли Вамъ понадобится актеръ, то почему не взять настоящаго, напримѣръ, Ленскаго, а не эту восковую, богоподобную фигуру? Не терплю двуногихъ боговъ, особенно, если ихъ сочиняютъ. Давайте намъ жизнь, г. Шастуновъ! Опишите-ка Филиппыча [1]). Этотъ покрупнѣе Зильбергроша [2]). Я встрѣтился съ нимъ въ Театральной Конторѣ, и спросилъ о Васъ, онъ похвалилъ, я проболтался о томъ, что Вы пишете, и поспѣшилъ взять съ него честное слово, что это останется между нами. Онъ не сдержалъ своего слова, ну а я въ отместку за это, не велѣлъ его принимать и ему уже разъ было отказано.

О какой «Каштанкѣ» [3]) Вы пишете? У меня такого разсказа нѣтъ. Если кончили про Зильбергроша, то пришлите. Но, г. Шастуновъ, откуда Вамъ извѣстна жизнь Зильбергроша? Интересно будетъ прочесть, очень интересно. Пришлите! Если пришлете, то все прочту въ одинъ присѣстъ и тотчасъ же дамъ отвѣтъ.

Будьте здоровы, г. Шастуновъ. Отчего бы Вамъ въ Италію не поѣхать? Я ѣду туда съ Суворинымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) А. Ф. Ѳедотовъ, директоръ драмат. курсовъ въ Москвѣ.

[2]) Шуточная фамилія, данная Ан. П—чемъ одному ялтинскому обывателю.

[3]) Разсказъ адресатки.

CVIII.

Ей же.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

8 Мартъ. (1891 г. Москва).

Получилъ разсказы и прочелъ, Елена Михайловна, и ничего не нахожу ужаснаго въ Вашемъ Михаилѣ Ивановичѣ. Напротивъ, все очень скромно. А за Рѣпина позвольте обидѣться: развѣ можно въ жаркое время кормить писателя поросенкомъ? Побойтесь Бога!

Я заказывалъ Зильбергрошу разсольникъ изъ потроховъ, и разсольникъ всякій разъ былъ удивительный.

Для М-me Зильбергрошъ пятьдесятъ лѣтъ много. Не надо утрировать. И 40 довольно. Дѣло впрочемъ не въ лѣтахъ. Она можетъ быть и 23-хъ лѣтнею. Главное достоинство М-me З.—это ея чрезмѣрная сытость. Когда она качалась въ креслѣ, то давала такое же впечатлѣніе, какъ будто всего накушалась, и ее теперь мутитъ и хочется кисленькаго—байроническая черта.

Мих. Ив. сдѣлалъ у Васъ очень хорошо, и она тоже, и офицерикъ. Пока Вы описываете то, что видѣли, выходитъ отлично, но какъ только дошли до Шурочки, которую никогда не видѣли, то выходитъ одинъ только душевный вопль и больше ничего. М-me З. платитъ своему гусю лапчатому 75 руб. въ мѣсяцъ; не понимаю, при чемъ тутъ какая то Шурочка? Похоже на то, что она пришла, понюхала и ушла. Пусть она убирается къ своему мужу! Этой Шурочкой и тающей Олей Вы дѣлаете то, что вниманіе читателя раздваивается, уменьшается вдвое и сила разсказа.

«У гадалки» великолѣпный разсказъ и я этому ужасно радъ, очень, очень хорошо. Оба разсказа я въ поне-

дѣльникъ увезу въ Петербургъ; туда же увезу «Въ циркѣ» и «Каштанку», если найду таковую. На счетъ «In vino» не послать ли намъ его въ «Артистъ». Тамъ любятъ богоподобныхъ актеровъ.

Вотъ что: у меня чешутся руки, не позволите ли Вы мнѣ придѣлать конецъ къ Зильбергрошу? Отвѣтьте до понедѣльника.

Изъ Петербурга ѣду заграницу, на Святой буду въ Россіи.

Вчера былъ у меня моргающій Филиппычъ. Опять его не приняли. Мнѣ сдѣлалось жаль его и я вечеромъ сходилъ къ нему и видѣлъ репетицію. Мнѣ больше всѣхъ понравился жидокъ, который игралъ маркиза и потому не могъ репетировать безъ шпаги. Силошная грація. Желаю всѣхъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CIX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

11 Мартъ. (1891 г. Москва).

Отправляясь во Францію, Испанію и Италію, молю Васъ, о небеса, сохранить Бабкино въ добромъ здравіи и благополучіи!

Да, Марія Владиміровна! Въ писаніи сказано: онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. Такъ и я: ахнуть не успѣлъ, какъ уже невидимая сила опять влечетъ меня въ таинственную даль. Сегодня ѣду въ Петербургъ, оттуда въ Берлинъ и такъ далѣе. Взбираясь на Везувій, или глядя на бой быковъ въ Испаніи, я помяну Васъ въ своихъ святыхъ молитвахъ. До свиданія!

Я былъ въ семинаріи и подбиралъ для Василисы семинариста. Много чуткихъ и отзывчивыхъ, но ни одинъ не согласился. Сначала, особенно, когда я сказалъ, что у Васъ за столомъ бываетъ иногда горохъ и рѣдька, соглашались, но когда я нечаянно проговорился, что въ камерѣ Земскаго Начальника стоитъ кровать, на которой порятъ, всѣ стали почесываться и бормотать:—«Объ этомъ надо подумать». Впрочемъ, одинъ рябенькій, котораго зовутъ Герасимомъ Ивановичемъ, очень чуткій и отзывчивый, пріѣдетъ къ Вамъ на дняхъ. Надѣюсь, что Вы и Василиса пріймете его любезно. Пользуйтесь случаемъ: партія блестящая. Мужъ Самоварочки Голохвостовой менѣе отзывчивъ. Пороть Герасима Ивановича можно, потому что онъ говорилъ мнѣ:—«Я до безконечности люблю сильныя ощущенія». Когда онъ будетъ у Васъ, запирайте шкафъ, гдѣ водка, и держите форточки открытыми, потому что семинарская вдохновенность и отзывчивость даютъ себя знать каждую минуту.

Какая счастливая Василиса!

Идіотикъ у насъ еще не былъ.

Куры клюютъ пѣтуха. Онѣ, должно быть, говѣютъ, или быть можетъ добродѣтельнымъ вдовамъ не нравится женихъ.

Мнѣ принесли новое пальто на клѣтчатой подкладкѣ.

Ну, будьте небомъ хранимы, здоровы, счастливы, покойны. Земскому Начальнику, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ нижайшій поклонъ. Дай Богъ Вамъ всѣмъ всего хорошаго. Вернусь я на Святой недѣлѣ. Не забывайте искренно Вамъ преданнаго

А. Чехова.

Если Ольга Ивановна еще не уѣхала отъ Васъ, то будьте добры передать поклонъ и ей.

CX.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

13 Марта 1891 г. Петербургъ.

Архимандритъ Пансій [1]), по справкѣ, наведенной мною въ Александро-Невской лаврѣ, въ настоящее время находится въ Саровской пустыни. Генерала Черняева [2]) въ настоящее время въ Петербургѣ нѣтъ; когда онъ пріѣзжаетъ сюда, то останавливается на Большой Морской ул., въ гостиницѣ «Бельвю»; лучше всего адресоваться по мѣсту его служенія т.-е. въ Военное Министерство, Военный Совѣтъ: отсюда доставятъ ему письмо, гдѣ бы онъ ни находился.

Вотъ Вамъ, дорогой дядя, адресы, которые Вы желали получить. Письмо Ваше, прійди оно днемъ позже, не застало бы меня въ Москвѣ. Я теперь въ Питерѣ, а 15-го Марта уѣзжаю ненадолго въ Италію и во Францію. Спасибо Вамъ за доброе письмо и за память, которая для меня драгоцѣнна, какъ и все, что исходитъ отъ Васъ. Мнѣ очень хотѣлось бы повидаться съ Вами и поговорить. Соскучился я.

На хорошее мѣсто сѣлъ А. Онъ правителемъ канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Это видная должность... Вчера я спрашивалъ у знающихъ людей, какая ожидаетъ его при благопріятныхъ обстоятельствахъ дальнѣйшая карьера, и мнѣ сказали, что дальше директора департамента онъ не пойдетъ, такъ какъ у него не русская фамилія. А будь русская фамилія, пожалуй

---

[1]) Который былъ посланъ въ Абиссинію въ качествѣ миссіонера, а раньше, будучи монахомъ, копалъ лунки для посадки деревьевъ у отца моего (примѣч. Г. М. Чехова).

[2]) Онъ былъ почетнымъ членомъ соборнаго благотворит. братства въ Таганрогѣ.

и въ министры бы залетѣлъ. Бывшій министръ Маковъ тоже былъ правителемъ канцеляріи.

Вчера мой пріятель А. П. Коломнинъ читалъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ О. Ф. Покровскаго [1]) по поводу подстаканника. Письмо очень задушевное и сердечное, и намъ обоимъ, когда мы читали его, оставалось только пожалѣть, что подарокъ нашъ слишкомъ скроменъ.

Александру я передалъ то, что Вы поручили мнѣ. Онъ сказалъ, что будетъ Вамъ писать, и просилъ кланяться. Миша живетъ въ Алексинѣ, Иванъ въ Судогдѣ. Лѣто, вѣроятно, проведемъ мы гдѣ-нибудь на Окѣ...

Погода въ Петербургѣ великолѣпная. Солнце свѣтитъ во всю, снѣга нѣтъ и морозъ слегка щиплетъ за щеки. Сейчасъ я гулялъ по Невскому. Все удивительно жизнерадостно и, когда глядишь на розовыя лица, мундиры, кареты, дамскія шляпки, то кажется, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ горя.

Я ѣду черезъ Варшаву въ Вѣну, оттуда въ Венецію, потомъ въ Миланъ, во Флоренцію, Римъ, Неаполь, Палермо и т. д. Въ Неаполѣ уже цвѣтутъ розы. Когда въ Римѣ осмотрю храмъ Петра и Павла, то опишу Вамъ свое впечатлѣніе.

Какая интересная страна Индія! Я хотѣлъ бы разсказать Вамъ про нее. Писалъ ли Вамъ Миша, что я привезъ изъ Индіи интереснихъ звѣрей? Объ этихъ звѣряхъ въ газетахъ писали. Мать отъ нихъ въ восторгѣ, а папашѣ пріятно, когда звѣрь лѣзетъ ему на голову и теребитъ волоса. Въ Индіи я видѣлъ дикихъ слоновъ и очковыхъ змѣй, видѣлъ знаменитыхъ индусовъ—фокусниковъ, которые дѣлаютъ буквально чудеса.

---

[1]) Законоучитель тагапрогской гимназіи.

Тетѣ, Георгію, Володѣ, дѣвочкамъ и Ирпушкѣ благоволите передать мой поклонъ. Тетѣ цѣлую руку.

Будьте здоровы, благополучны и покойны, и не забывайте меня многогрѣшнаго.

Любящій и уважающій Васъ *А. Чеховъ.*

CXI.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

16 мартъ. (1891 г. СПБ.).

Простите, Елена Михайловна, что я не отвѣтилъ Вамъ вчера. Вашъ посланный засталъ меня, когда я только что вернулся изъ засѣданія, гдѣ купно съ Южинымъ и Шпажинскимъ сочинялъ новый уставъ Грибоѣдовской преміи. Утомился и было лѣнь.

Вашу «Каштанку» нашелъ.

Повезу ее сегодня въ Питеръ и тамъ прочту. «Въ циркѣ» очень хорошій разсказъ, и уже посланъ «Артисту» [1]).

«Цыганщину», согласно желанію Вашему, при семъ возвращаю. Что касается прибавки гонорара, то я поговорю объ этомъ съ Суворинымъ завтра же, когда вручу ему Вашу «Гадалку». Значитъ Вы «бѣдная писательница?» Ахъ, очень радъ. Вы можете теперь называть Ваше писательство такъ: «тернистый путь».

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Пожалуста не извиняйтесь, когда присылаете мнѣ Ваши разсказы. Если бы это было для меня непріятно, то я сказалъ бы.

---

[1]) Журналъ.

Мой лѣтній адресъ узнаете у брата. Впрочемъ я вернусь на святой недѣлѣ. Мой заграничный адресъ: Paris. M-er Souvorine post. rest. для Чехова—это на всякій случай. Можно и въ Неаполь.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

16 Марта 12 ч. ночи. (1891 г. СПБ.).

Сейчасъ я видѣлъ итальянскую актрису Дузе въ шекспировской «Клеопатрѣ». Я по итальянски не понимаю, но она такъ хорошо играла, что мнѣ казалось, что я понимаю каждое слово. Замѣчательная актриса. Никогда ранѣе не видалъ ничего подобнаго. Я смотрѣлъ на эту Дузе и меня разбирала тоска отъ мысли, что свой темпераментъ и вкусы мы должны воспитывать на такихъ деревянныхъ актрисахъ, какъ Х и ей подобныхъ, которыхъ мы оттого, что не видали лучшихъ, называемъ великими. Глядя на Дузе, я понималъ, отчего въ русскомъ театрѣ скучно.

Сегодня я послалъ триста рублей векселемъ. Получили?

Послѣ Дузе пріятно было прочесть прилагаемый при семъ адресъ [1]). Боже мой, какой упадокъ вкуса и чувства справедливости! И это студенты, чертъ бы ихъ душу далъ! Что Соловцовъ, что Сальвини—все равно, оба одинаково находятъ «горячій откликъ въ сердцахъ молодежи». Грошъ цѣна всѣмъ этимъ сердцамъ.

---

[1]) При этомъ письмѣ приложена была газетная вырѣзка съ адресомъ отъ студентовъ харьковскаго технологическаго института Н. Н. Соловцову.

Завтра въ половину второго уѣзжаемъ въ Варшаву. Оставайтесь всѣ живы и здоровы. Кланяюсь всѣмъ, всѣмъ, даже мангускѣ, которая не стоитъ, чтобы ей кланялись.

Буду писать.

Всей душой *А. Чеховъ.*

CXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

16 Мартъ (1891 г. СПБ.).

Благородная сестрица!

Отъѣздъ за границу состоится въ воскресенье. Ѣдемъ въ Вѣну, оттуда въ Венецію, и такъ далѣе по всей Италіи. Въ Испанію вѣроятно не попадемъ и потому на счетъ испанскихъ косынокъ прошу отложить попеченіе.

Убѣдительно прошу сохранить къ моему пріѣзду *всѣ* №№ газетъ.

Былъ я на передвижной выставкѣ. Левитанъ празднуетъ именины своей великолѣпной музы. Его картина производитъ фуроръ. По выставкѣ чичероиствовалъ мнѣ Григоровичъ, объясняя достоинства и недостатки всякой картины; отъ Левитановскаго пейзажа онъ въ восторгѣ. Полонскій находитъ, что мостъ слишкомъ длиненъ; Плещеевъ видитъ разладъ между названіемъ картины и ея содержаніемъ: «Помилуйте, называетъ это тихою обителью, а тутъ все жизнерадостно..» и т. д. Во всякомъ случаѣ успѣхъ у Левитана не изъ обыкновенныхъ.

У Суворина была К. Хохотала, говорятъ, такъ громко, что Эмили и Адель приходили въ ужасъ отъ «M-elle Studente». Хохотала и топала ногами.

Кстати. Попроси Левитана и Кундасову собрать хотя что-нибудь на сахалинскія школы.

Александръ и его чады здоровы.

Будьте всѣ здоровы и Богомъ хранимы. Не забывайте меня.

Весь Вашъ *А. Чеховъ.*

Отдай Лпкѣ почтовую бумагу, а то она, т.-е. бумага, заплеснѣетъ.

CXIV.

Ей же.

(Съ подлинника).

19 Марта. (1891 г. По дорогѣ въ Вѣну).

Рано утромъ переѣхали границу. Холодно, снѣгъ; кондуктора и лакеи говорятъ тономъ Поссарта. Кофе подаютъ въ молочничкахъ..

Кланяюсь всѣмъ. Сегодня въ 4 часа пополудни буду въ Вѣнѣ. Въ разсчетѣ на хорошую погоду, я не взялъ калошъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Таможня содрала за табакъ больше, чѣмъ онъ стоитъ. Молодцы нѣмцы.

CXV.

Ей же.

(Съ подлинника).

20 Марта. Вѣна (1891).

Друзья мои Чехи! Пишу Вамъ изъ Вѣны, куда я пріѣхалъ вчера въ 4 часа пополудни. Въ дорогѣ все было благополучно. Отъ Варшавы до Вѣны я ѣхалъ какъ

желѣзнодорожная Нана, въ роскошномъ вагонѣ «интернаціональнаго общества спальныхъ вагоновъ»: постели, зеркала, громадныя окна, ковры и проч.

Ахъ, друзья мои Тунгусы, если бы Вы знали, какъ хороша Вѣна! Ее нельзя сравнить ни съ однимъ изъ тѣхъ городовъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Улицы широкія, изящно вымощенныя, масса бульваровъ и скверовъ, дома все 6 и 7 этажные, а магазины — это не магазины, а сплошное головокруженіе, мечта! Однихъ галстуковъ въ окнахъ милліарды! Какія изумительныя вещи изъ бронзы, фарфора, кожи! Церкви громадныя, но онѣ не давятъ своею громадою, а ласкаютъ глаза, потому что кажется, что они сотканы изъ кружевъ. Особенно хорошъ соборъ Св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенья къ чаю. Великолѣпны парламентъ, дума, университетъ... Все великолѣпно, и я только вчера и сегодня какъ слѣдуетъ понялъ, что архитектура въ самомъ дѣлѣ искусство. И здѣсь это искусство попадается не кусочками, какъ у насъ, а тянется полосами въ нѣсколько верстъ. Много памятниковъ. Въ каждомъ переулкѣ непремѣнно книжный магазинъ. На окнахъ книжныхъ магазиновъ попадаются и русскія книги, но увы! это сочиненія не Альбова, не Баранцевича и не Чехова, а всякихъ анонимовъ, пишущихъ и печатающихъ заграницей. Видѣлъ я «Ренана», «Тайны зимняго дворца» и т. п. Странно, что здѣсь можно все читать и говорить, о чемъ хочешь.

Разумѣйте языцы, какіе здѣсь извозчики, чертъ бы ихъ взялъ. Пролетокъ нѣтъ, а все новенькія, хорошенькія кареты въ одну и чаще въ двѣ лошади. Лошади прекрасныя. На козлахъ сидятъ фраты въ пиджакахъ и въ цилиндрахъ, читаютъ газеты. Вѣжливость и предупредительность.

Обѣды хорошіе. Водки нѣтъ, а пьютъ пиво и не дурное вино. Одно скверно: берутъ деньги за хлѣбъ. Когда подаютъ счетъ, то спрашиваютъ: «Wie viel Brödchen?» т. е. сколько слопалъ булочекъ? И берутъ за всякую булочку.

Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно.

Я не совсѣмъ забылъ нѣмецкій языкъ. И я понимаю, и меня понимаютъ.

Когда переѣхали границу, шолъ снѣгъ, въ Вѣнѣ же снѣга нѣтъ, но все-таки холодно.

Я скучаю по домѣ и по всѣхъ Васъ, да къ тому же еще мнѣ совѣстно, что я опять бросилъ Васъ. Ну да не бѣда! Вернусь и буду безвыѣздно сидѣть дома цѣлый годъ. Всѣмъ кланяюсь, всѣмъ! Папа, будьте добры, купите мнѣ у Сытина, или гдѣ хотите, лубочное изображеніе св. Варлаама: святой Варлаамъ изображенъ ѣдущимъ на саняхъ, вдали на балкончикѣ стоитъ архіерей, а внизу подъ рисункомъ житіе св. Варлаама. Купите и положите мнѣ на столъ.

Въ Испанію, вѣроятно, не поѣдемъ. Въ Бухарѣ будемъ.

Семашко, написали Иваненкѣ? Говорили съ Никишей о думскомъ мѣстѣ?

Желаю всего хорошаго. Не забывайте меня многогрѣшнаго. Всѣмъ низко кланяюсь, обнимаю, благославляю, и пребываю

любящимъ *А. Чеховъ.*

Всѣ встрѣчные узнаютъ въ насъ русскихъ и смотрятъ мнѣ не въ лицо, а на мою шапку съ просѣдью. Глядя на шапку, вѣроятно думаютъ, что я очень богатый русскій графъ.

Писалъ ли я о дѣтяхъ Александра? Оба здоровы и производятъ отличное впечатлѣніе.

Поклонъ красивому Левитану.

CXVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Марта. Венеція. (1891 г.).

Я теперь въ Венеціи, куда пріѣхалъ третьяго дня изъ Вѣны. Одно могу сказать: замѣчательнѣе Венеціи я въ своей жизни городовъ не видѣлъ. Это сплошное очарованіе, блескъ, радость жизни. Вмѣсто улицъ и переулковъ каналы, вмѣсто извозчиковъ гондолы, архитектура изумительная и нѣтъ того мѣстечка, которое не возбуждало бы историческаго или художественнаго интереса. Плывешь въ гондолѣ и видишь дворцы дожей, домъ, гдѣ жила Дездемона, дома знаменитыхъ художниковъ, храмы.. А въ храмахъ скульптура и живопись, какія намъ и во снѣ не снились. Однимъ словомъ, очарованіе.

Весь день отъ утра до вечера я сижу въ гондолѣ и плаваю по улицамъ, или же брожу по знаменитой площади святаго Марка. Площадь гладка и чиста, какъ паркетъ. Здѣсь соборъ святаго Марка — нѣчто такое, что описать нельзя, дворецъ дожей и такія зданія, по которымъ я чувствую подобно тому, какъ по нотамъ поютъ, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь.

А вечеръ! Боже ты мой Господи! Вечеромъ съ непривычки можно умереть. Ѣдешь ты на гондолѣ.. Тепло, тихо, звѣзды... Лошадей въ Венеціи нѣтъ и потому тишина здѣсь, какъ въ полѣ. Вокругъ снуютъ гондолы.. Вотъ плыветъ гондола, увѣшенная фонариками. Въ ней сидятъ контрабасъ, скрипки, гитара, мандолина и корнетъ-а-пистонъ, двѣ-три барыни, нѣсколько мужчинъ — и ты слышишь пѣніе и музыку. Поютъ изъ оперъ. Какіе голоса! Проѣхалъ немного, а тамъ опять лодка съ пѣвцами, а тамъ опять, и до самой полночи въ воздухѣ

стоитъ смѣсь теноровъ, скрипокъ и всякихъ за душу берущихъ звуковъ.

Мережковскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь, съ ума сошель отъ восторга. Русскому человѣку, бѣдному и приниженному, здѣсь въ мірѣ красоты, богатства и свободы не трудно сойти съ ума. Хочется здѣсь на вѣки остаться, а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество.

Великолѣпны усыпальницы Кановы и Тиціана. Здѣсь великихъ художниковъ хоронятъ, какъ королей, въ церквахъ; здѣсь не презираютъ искусства, какъ у насъ: церкви даютъ пріютъ статуямъ и картинамъ, какъ бы голы онѣ ни были.

Во дворцѣ дожей есть картина, на которой изображено около 10 тысячъ человѣческихъ фигуръ.

Сегодня воскресенье. На площади Марка будетъ играть музыка.

Ну, однако, будь здоровъ. Желаю тебѣ всего хорошаго. Если когда нибудь тебѣ случится побывать въ Венеціи, то это будетъ лучшимъ въ твоей жизни. Поглядѣлъ бы ты здѣсь стеклянное производство! Твои бутылки [1]) въ сравненіи со здѣшними такое безобразіе, что даже думать тошно.

Буду еще писать, а пока до свиданія.

Твой *А. Чеховъ.*

CXVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Я въ Венеціи. Посадите меня въ сумасшедшій домъ. Гондолы, площадь св. Марка, вода, звѣзды, итальяночки.

---

[1]) И. П. училъ тогда въ школѣ при стекляномъ заводѣ.

вечернія серенады, мандолины, фалернское вино — однимъ словомъ, все пропало! Не поминайте лихомъ.

Тѣнь прекрасной Дездемоны шлетъ свою улыбку Земскому Начальнику.

Всѣмъ кланяюсь.

Antonio.

Кланяются Вамъ іезуиты.

CXVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Восхитительная голубоглазая Венеція шлетъ всѣмъ Вамъ привѣтъ. Ахъ, синьоры и синьорины, что за чудный городъ эта Венеція! Представьте Вы себѣ городъ, состоящій изъ домовъ и церквей, какихъ вы никогда не видѣли: архитектура упоительная, все граціозно и легко, какъ птицеподобная гондола. Такіе дома и церкви могутъ строить только люди, обладающіе громаднымъ художественнымъ и музыкальнымъ вкусомъ и одаренные львинымъ темпераментомъ. Теперь представьте, что на улицахъ и въ переулкахъ вмѣсто мостовыхъ вода, представьте, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, что вмѣсто извозчиковъ Вы видите гондольеровъ на ихъ удивительныхъ лодкахъ, легкихъ, нѣжныхъ, носатыхъ птицахъ, которыя едва касаются воды и вздрагиваютъ при малѣйшей волнѣ. И все отъ неба до земли залито солнцемъ.

Есть улицы широкія, какъ Невскій, и есть такія, гдѣ, растопыривъ руки, можно загородить всю улицу. Центръ города — это площадь св. Марка съ знаменитымъ соборомъ того же имени. Соборъ великолѣпенъ, осо-

бенно снаружи. Рядомъ съ нимъ — дворецъ дожей, гдѣ Отелло объяснялся передъ дожемъ и сенаторами.

Вообще говоря, нѣтъ мѣстечка, которое не возбуждало бы воспоминаній и не было бы трогательно. Напримѣръ, домикъ, гдѣ жила Дездемона, производитъ впечатлѣніе, отъ котораго трудно отдѣлаться. Самое лучшее время въ Венеціи — это вечеръ. Во первыхъ звѣзды, во вторыхъ длинные каналы, въ которыхъ отражаются огни и звѣзды, въ третьихъ, гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, онѣ кажутся живыми. Въ четвертыхъ, хочется плакать, потому что со всѣхъ концовъ слышатся музыка и превосходное пѣніе. Вотъ плыветъ гондола, увѣшанная разноцвѣтными фонариками; свѣта достаточно, чтобы разглядѣть контрабасъ, гитару, мандолину, скрипку.. Вотъ другая такая же гондола.. Поютъ мужчины и женщины и какъ поютъ! Совсѣмъ опера.

Въ пятыхъ, тепло..

Однимъ словомъ, дуракъ тотъ, кто не ѣдетъ въ Венецію. Жизнь здѣсь дешева. Квартира и столъ въ недѣлю стоятъ 18 франковъ т. е. 6 рублей съ человѣка, а въ мѣсяцъ 25 р., гондольеръ за часъ беретъ 1 франкъ т. е. 30 коп. Въ музеи, академію и проч. пускаютъ даромъ. Въ десять разъ дешевле Крыма, а вѣдь Крымъ передъ Венеціей — это каракатица и китъ.

Я боюсь, что папаша сердитъ на меня за то, что я съ нимъ не простился. Прошу извиненія.

Какое здѣсь стекло, какія зеркала! Зачѣмъ я не милліонеръ? Папашѣ, мамашѣ, податному, тетѣ съ Алешей, златокудрой Липкѣ, Семашечкѣ съ супругою, Ленскимъ, краснвому Левитану и Кувшинниковымъ нижайшій поклонъ.

Въ будущемъ году поѣдемъ всѣ на дачу въ Венецію, Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ звона. Друзья мои тунгусы, давайте пріймемъ католичество! Если бы Вы знали.

какъ хороши въ церквахъ органы, какая здѣсь скульптура, какія итальяночки, стоящія на колѣняхъ съ молитвенниками!

Однако, будьте здоровы и не забывайте меня многогрѣшнаго.

Отъ Вѣны до Венеціи ведетъ красивая дорога, о которой раньше мнѣ много говорили. Но я разочаровался въ этой дорогѣ. Горы, пропасти и снѣговыя вершины, которыя я видѣлъ на Кавказѣ и на Цейлонѣ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ здѣсь. Addio!

Вашъ А. *Чеховъ.*

CXIX.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. Венеція. (1891 года).

Дорогой Дядя, шлю Вамъ привѣтъ изъ прекрасной Венеціи, и вмѣстѣ съ нимъ посылаю изображеніе церкви Св. Марка. Эта церковь такъ же стара, какъ Венеція, и красива такъ же, какъ она. Фотографія не можетъ передать всей красоты ея. Къ сожалѣнію она дурно раскрашена.

Три мачты, стоящія передъ церковью, высоки; онѣ сдѣланы изъ бронзы; на нихъ когда-то выкидывались флаги Венеціанской республики, теперь же по воскресеньямъ развѣваются громадные итальянскіе флаги. Надъ главными дверями четыре коня изъ бронзы больше, чѣмъ въ натуральную величину. Множество скульптурныхъ украшеній самой высокой стоимости. Весь храмъ до такой степени великолѣпенъ, что оцѣнить его на деньги невозможно; онъ выше всякой цѣны, и мѣстные горожане говорятъ, что ихъ городъ не имѣетъ смысла

безъ этого храма и если бы, положимъ, непріятели захотѣли уничтожить городъ, то для этого достаточно было бы только разрушить одинъ храмъ.

Венеція, какъ Вамъ извѣстно, знаменита тѣмъ, что здѣсь вмѣсто мостовыхъ вода и вода, вмѣсто извозчиковъ гондолы. Здѣсь нѣтъ ни одной лошади.

Кромѣ церкви Св. Марка есть еще много великолѣпныхъ церквей, поражающихъ своимъ богатствомъ. Замѣчательно, что всѣ здѣшнія статуи и картины не имѣютъ цѣны; оцѣнка ихъ внѣ человѣческой власти, и потому понятно, почему напримѣръ изъ за бронзовыхъ коней, или картинъ Веронеза ссорились цѣлыя государства. И понятно также, почему здѣсь знаменитымъ художникамъ воздаютъ такую же честь, какъ королямъ; ихъ погребаютъ въ храмахъ, какъ королей, и украшаютъ ихъ могилы такими памятниками, что голова кружится отъ восторга. Напримѣръ, въ одной изъ знаменитѣйшихъ церквей у усыпальницы скульптора Кановы лежитъ просто чудо: левъ положилъ голову на протянутыя переднія лапы и у него такое грустное, печальное, человѣческое выраженіе, какого нельзя передать на словахъ.

Отсюда я поѣду въ Миланъ, во Флоренцію, Римъ, Неаполь и Сицилію. Тепло.

Когда же наконецъ я попаду къ Вамъ въ Таганрогъ?

Сердечный привѣтъ Тотѣ, Георгію, Володѣ и милымъ дѣвочкамъ. Поклонъ и Ириншкѣ.

Простите, что такъ коротко пишу. Нѣтъ времени. Будьте здоровы и счастливы, и да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Крѣпко жму Вамъ руку и обнимаю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

26 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Лупитъ во всю ивановскую дождь. Venetia bella перестала быть bella. Отъ воды вѣетъ унылой скукой и хочется поскорѣе бѣжать туда, гдѣ солнце.

Дождь напомнилъ мнѣ о моемъ дождевикѣ (кожанѣ). Кажется, его немножко поѣли крысы. Если да, то отдайте его поскорѣе въ починку—Петровка, магазинъ резиновыхъ издѣлій Пихлау или Вихлау.

Какъ живетъ синьоръ Мангусъ? Я каждый день боюсь получить извѣстіе, что онъ околѣлъ.

Вчера, описывая дешевизну венеціанской жизни, я немножко хватилъ черезъ край. Виновата въ этомъ Г-жа Мережковская, которая сказала мнѣ, что она съ мужемъ платитъ столько-то франковъ въ недѣлю. Но вмѣсто недѣлю читай въ день. Все таки здѣсь дешево. Здѣшній франкъ здѣсь тоже, что въ Россіи рубль.

Ѣдемъ во Флоренцію.

Да благословитъ Васъ святая Мадонна.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Видѣлъ я Мадонну Тиціана. Очень хороша. Но жаль, что здѣсь отличныя картины густо перемѣшаны съ ничтожными произведеніями, которыя сохраняются, а не выбрасываются только изъ духа консерватизма, присущаго такимъ рутинерамъ, какъ г.г. люди. Есть много картинъ, долговѣчность которыхъ положительно не понятна.

Домъ, гдѣ жила Дездемона, отдается въ наймы.

CXXI.

Ей же.

(Съ подлинника).

28 Мартъ. (1891 г. Болонья).

Я въ Болоньѣ (Bologna), городѣ знаменитомъ своими аркадами, косыми башнями и картиной Рафаэля «Цецилія». Сегодня ѣдемъ во Флоренцію. Живъ и здоровъ. Всѣмъ кланяюсь и желаю здравія.

Вашъ *Antonio.*

CXXII.

Ей же.

(Съ подлинника).

29 или 30 Марта (1891 г. Флоренція).

Я во Флоренціи. Замучился, бѣгаючи по музеямъ и церквамъ. Видѣлъ Венеру Медичейскую и похожу, что если бы ее одѣли въ современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно въ таліи. Я здоровъ. Небо пасмурно, а Италія безъ солнца, это все равно, что лицо подъ маской. Будьте здоровы.

Вашъ *Antonio.*

Хорошъ памятникъ Данте.

CXXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

30 Марта (1891 г. Флоренція).

Пошлите скорѣе телеграмму такого содержанія:
«*Сахалинъ, Павловскому.*
Повидайте доктора Щербака».

Чеховъ.

Я во Флоренціи. Завтра ѣду въ Римъ. Холодно. Хандримъ. Во Флоренціи что ни шагъ, то картинная или статуйная лавка. Будьте здоровы.

Вашъ *Antonio*.

Отдайте въ починку мои часы.

CXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

30 Марта (1891 г. Флоренція).

Bella Venetia съ ея женственными, птицеподобными гондолами, Болонья съ аркадами и Флоренція съ Веперой Медицейской шлютъ Вамъ привѣтъ, милый Жанъ.

Весь Вашъ *Antonio*.

CXXV.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ (1891 г.).

Пишу Вамъ, дорогой Дядя, въ Ватиканѣ, гдѣ живетъ римскій папа. Всѣхъ комнатъ въ Ватиканѣ 11000, а я прошелъ только 30 — 40 и утомился. Рядомъ съ Ватиканомъ, бокъ о бокъ, стоитъ знаменитый соборъ св. Петра.

И такъ, привѣтъ Вамъ изъ Ватикана и изъ храма св. Петра! Всѣмъ низко кланяюсь и желаю всего хорошаго,

Вашъ *А. Чехов*.

CXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ (1891 г.).

Римскій папа поручилъ мнѣ поздравить Васъ съ ангеломъ и пожелать Вамъ столько же денегъ, сколько у него комнатъ. А у него одиннадцать тысячъ комнатъ! Шатаясь по Ватикану, я зачахъ отъ утомленія, а когда вернулся домой, то мнѣ казалось, что мои ноги сдѣланы изъ ваты.

Я обѣдаю за table d'hote'омъ. Можете себѣ представить, противъ меня сидятъ двѣ голландочки: одна похожа на Пушкинскую Татьяну, а другая на сестру ея Ольгу. Я смотрю на обѣихъ въ продолженіе всего обѣда и воображаю чистенькій бѣленькій домикъ съ башенкой, отличное масло, превосходный голландскій сыръ, голландскія сельди, благообразнаго пастора, степеннаго учителя... и хочется мнѣ жениться на голландочкѣ, и хочется, чтобы меня вмѣстѣ съ нею нарисовали на подносѣ около чистенькаго домика.

Видѣлъ я все и лазилъ всюду, куда приказывали. Давали нюхать — нюхалъ. Но пока чувствую одно только утомленіе и желаніе поѣсть щей съ гречневой кашей. Венеція меня очаровала и свела съ ума, а когда выѣхалъ изъ нея, наступили Бэдекеръ и дурная погода.

До свиданія, Марія Владимировна, да хранитъ Васъ Господь Богъ. Нижайшій поклонъ отъ меня и отъ Римскаго папы его высокородію, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ.

Удивительно здѣсь дешевы галстухи. Ужасно дешевы, такъ что ихъ даже я, пожалуй, начну ѣсть. Франкъ за пару.

Завтра ѣду въ Неаполь. Пожелайте, чтобы я встрѣтился тамъ съ красивой русской дамой, по возможности вдовой или разведенной женой. Въ путеводителяхъ сказано, что въ путешествіи по Италіи романъ непремѣнное условіе. Что-жъ, чертъ съ нимъ, я на все согласенъ. Романъ, такъ романъ.

Не забывайте многогрѣшнаго, искренно Вамъ преданнаго и уважающаго

А. Чехова.

Почтеніе г.г. скворцамъ.

CXXVII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ. (1891 г.).

Пріѣхавши въ Римъ, пошолъ на почту и не нашолъ тамъ ни одного письма. Суворины получили по нѣсколько писемъ. Я рѣшилъ отвѣчать Вамъ тѣмъ же, т. е. не писать Вамъ вовсе, но Богъ съ Вами! Я до писемъ не охотникъ, но въ путешествіи нѣтъ ничего хуже, какъ неизвѣстность. Какъ Вы рѣшили дачный вопросъ? Живъ ли мангусъ? и проч. и проч.

Былъ я въ храмѣ Петра, въ Капитоліи, въ Колизеѣ, на Форумѣ, былъ даже въ кафе-шантанѣ, но не получилъ того наслажденія, на какое разсчитывалъ. Мѣшаетъ погода. Идетъ дождь. Въ осеннемъ пальто жарко, а въ лѣтнемъ холодно.

Путешествіе очень дешево. Можно съѣздить въ Италію, имѣя только 400 руб., и вернуться домой съ покупками. Если бы я путешествовалъ одинъ, или, положимъ, съ Иваномъ, то привезъ бы домой убѣжденіе, что въ Италію

съѣздить гораздо дешевле, чѣмъ на Кавказъ. Но, увы, я съ Суворинымъ.. Въ Венеціи мы жили въ лучшемъ отелѣ, какъ дожи, здѣсь въ Римѣ живемъ, какъ кардиналы, потому что занимаемъ salon въ бывшемъ дворцѣ кардинала Конти, а пышѣ въ отелѣ Minerva; двѣ большихъ гостиныхъ, люстры, ковры, камины и всякая не нужная чепуха, стоющая намъ 40 франковъ въ сутки.

Отъ хожденія болитъ спина и горятъ подошвы. Ужасъ, сколько ходимъ!

Мнѣ странно, что Левитану не понравилась Италія. Это очаровательная страна. Если бы я былъ одинокимъ художникомъ и имѣлъ деньги, то жилъ бы здѣсь зимою. Вѣдь Италія, не говоря ужъ о природѣ ея и теплѣ, единственная страна, гдѣ убѣждаешься, что искусство въ самомъ дѣлѣ есть царь всего, а такое убѣжденіе даетъ бодрость.

Я здоровъ. Будьте и Вы здоровы. Всѣмъ кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CXXVIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

3 Апрѣль. (Римъ. 1891).

Сегодня изъ Рима уѣзжаю въ Неаполь. Живъ и здоровъ. Везу съ собой много фотографій, которыя здѣсь дешевы.

Видѣлъ храмъ св. Петра. Но похожу, что онъ не лучше венеціанскаго св. Марка и не лучше римской церкви св. Павла. Вообще говоря, церкви здѣсь великолѣпны.

Былъ я въ Ватиканѣ.

Ну, будь здоровъ.

Твой *Antonio*.

CXXIX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Неаполь. 4 Апрѣля (1891 г.).

Пріѣхалъ въ Неаполь, пошолъ на почту и нашолъ отъ Васъ пять писемъ, за которыя очень Вамъ всѣмъ благодаренъ. Ай да родственники! Даже Везувій потухъ отъ умиленія.

Везувій прячетъ свою вершину въ облакахъ и бываетъ хорошо виденъ только по вечерамъ. Днемъ бываетъ пасмурно. Мы остановились на набережной и намъ видно все: море, Везувій, Капри, Сорренто.. Днемъ ѣздили вверхъ, въ монастырь St Martini: отсюда видъ такой, какого я никогда не видѣлъ ранѣе. Замѣчательная панорама. Нѣчто подобное я видѣлъ въ Гонгъ-Конгѣ, когда поднимался на гору по желѣзной дорогѣ.

Въ Неаполѣ великолѣпный пассажъ. А магазины!! У меня головокруженіе отъ магазиновъ. Сколько блеска! Ты Маша и Вы Лика сбѣсились бы отъ восторга.

Скажите Семашѣ, что каталога я не могъ достать. Каждый магазинъ имѣетъ только *свой* каталогъ, а этого, я полагаю, для такого великаго маэстро, какъ Семаша, не достаточно.

Въ Неаполѣ удивительный акварій. Есть даже акулы и спруты. Когда спрутъ (осьминогъ) жретъ какое-нибудь животное, то смотрѣть противно.

Былъ въ парикмахерской и видѣлъ, какъ одному молодому человѣку цѣлый часъ подстригали бородку. Вѣроятно, женихъ или шулеръ. Въ парикмахерской потолокъ и всѣ 4 стѣны зеркальные, такъ что кажется, что имѣешь дѣло не съ цырульней, а съ Ватиканомъ, гдѣ 11 тысячъ комнатъ. Стригутъ удивительно.

За то, что вы не пишете мнѣ про дачу и мангуса, я не привезу вамъ въ подарокъ ничего. Купилъ было тебѣ, Маша, часы, но бросилъ ихъ къ свиньямъ. Впрочемъ, Богъ Васъ проститъ. Будьте здоровы. Поклонъ всѣмъ, тетѣ и Алешѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Къ Пасхѣ вернусь. Выходите встрѣчать на вокзалъ.

CXXX.

Ей же.

(Съ подлинника).

7 Апрѣль. Неаполь (1891 г.).

Вчера я былъ въ Помпеѣ и осматривалъ ее. Это, какъ Вамъ извѣстно, римскій городъ, засыпанный въ 79 году по Рожд. Хр. лавою и пепломъ Везувія. Я ходилъ по улицамъ сего города и видѣлъ дома, храмы, театры, площади... Видѣлъ и изумлялся умѣнью римлянъ сочетать простоту съ удобствомъ и красотою. Осмотрѣвъ Помпею, завтракалъ въ ресторанѣ, потомъ рѣшилъ отправиться на Везувій. Такому рѣшенію сильно способствовало выпитое мною отличное красное вино. До подошвы Везувія пришлось ѣхать верхомъ. Сегодня по этому случаю у меня въ нѣкоторыхъ частяхъ моего бреннаго тѣла такое чувство, какъ будто я былъ въ третьемъ отдѣленіи и меня тамъ выпороли. Что за мученіе взбираться на Везувій! Пепелъ, горы лавы, застывшія волны расплавленныхъ минераловъ, кочки и всякая пакость. Дѣлаешь шагъ впередъ и— полъ шага назадъ, подошвамъ больно, груди тяжело.. Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко.

Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совѣстно, на смѣхъ поднимутъ. Восшествіе началось въ $2^1/_2$ часа и кончилось въ 6. Кратеръ Везувія имѣетъ нѣсколько саженъ въ діаметрѣ. Я стоялъ на краю его и смотрѣлъ внизъ, какъ въ чашку. Почва кругомъ, покрытая налетомъ сѣры, сильно дымитъ. Изъ кратера валитъ бѣлый, вонючій дымъ, летятъ брызги и раскаленные камни, а подъ дымомъ лежитъ и храпитъ сатана. Шумъ довольно смѣшанный: тутъ слышится и прибой волнъ, и громъ небесный, и стукъ рельсъ и паденіе досокъ. Очень страшно и притомъ хочется прыгнуть внизъ, въ самое жерло. Я теперь вѣрю въ адъ. Лава имѣетъ до такой степени высокую температуру, что въ ней плавится мѣдная монета.

Спускаться также скверно, какъ и подниматься. По колѣна грузнешь въ пеплѣ. Я страшно усталъ. Возвращался назадъ верхомъ черезъ деревушки и мимо дачъ; пахло великолѣпно и свѣтила луна. Я нюхалъ, глядѣлъ на луну и думалъ о *ней*, т.-е. о Ликѣ Л.

Все лѣто у насъ, господа дворяне, не будетъ денегъ и мысль объ этомъ портитъ мнѣ аппетитъ. За поѣздку, которую я solo совершилъ бы за 300 руб., я задолжалъ тысячу. Вся надежда на дураковъ любителей, которые будутъ играть моего «Медвѣдя».

Нашли ли Вы, синьоры, дачу? Вы поступаете со мною по свински, ничего не пишете мнѣ и я не знаю, что и какъ дома.

Кланяюсь всѣмъ низко. Будьте благополучны и не забывайте окончательно Вашего

Antoine.

CXXXI.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

11 Апрѣль. Римъ. (1891 г.).

Уважаемая Наталья Михайловна, передайте Марфѣ Ивановнѣ С., торгующей книгами на вокзалѣ, что я говорилъ о ней съ сыномъ Суворина, завѣдующимъ книжной торговлей на жел. дорогахъ. Онъ доволенъ ею и говоритъ, что она прочно сидитъ на своемъ мѣстѣ, но что ей нужно отъ него, онъ понять не можетъ. Я получилъ отъ нея слезное, очень длинное письмо, и тоже мало понялъ. Показать Суворину-фису ея письмо я не могъ, такъ какъ оно отъ начала до конца наполнено мелкими доносами и киваніями на какихъ-то злоумышленниковъ. Пусть она напишетъ прямо на имя Суворина, Михаила Алексѣевича (ред. Нов. Времени), онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, что ей угодно. Вчера онъ уѣхалъ въ Россію; стало быть, она можетъ написать ему теперь же. Пусть въ письмѣ не расплывается, не пускается въ объясненія, похожія на плачъ Іереміи, а пусть пишетъ по пунктамъ. Пусть также воздержится отъ киваній на третьи лица; это лишнее. Если по ея милости прогонятъ кого-нибудь съ мѣста, то отъ этого едва ли выграетъ она что-нибудь. Въ письмѣ ко мнѣ она, помнится, намекала на какую-то растрату, произведенную кѣмъ-то и гдѣ-то, но вѣдь писать и говорить о такихъ штукахъ, какъ растрата, можно только, имѣя вѣскія доказательства.

Въ мартѣ я видѣлся съ Еленой Михайловной. Васъ я давно уже не видѣлъ; думаю, что этимъ лѣтомъ увидимся. Передайте поклонъ всѣмъ Вашимъ и не забывайте Вашего искренняго почитателя *А. Чехова.*

Покупку хутора я отложилъ до 1895 года. Я такъ потратился, что скоро, кажется, попрошу у Васъ двугривенный въ займы.

CXXXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

12 Апрѣль. (1891 г. Finalmarina).

О всемъ, что касается всѣхъ васъ, дачнаго вопроса, мангуса и проч. поскорѣе напишите и пошлите по слѣдующему адресу: «Варшава. Вокзалъ С.-Петербургско-Варшавской дороги, Книжный шкафъ, А. П. Чехову».

Я ѣду въ Ниццу по берегу моря. Только что миновалъ Геную. Виды великолѣпные, но все удовольствіе портитъ скверная погода. Льетъ дождь, небо пасмурно, земля грязная. Если и въ Ниццѣ будетъ такая же погода, то мы вернемся домой. Вообще, благодаря погодѣ, нашу поѣздку слѣдуетъ признать неудачной.

Вчера я опять былъ въ Римѣ и опять осматривалъ храмъ св. Петра. Отъ входной двери до алтаря я сосчиталъ 250 шаговъ.

Теперь долженъ ужъ Иванъ пріѣхать домой. Поклонъ ему и просьба не уѣзжать, пока я не пріѣду.

Заграничные вагоны и желѣзнодорожные порядки хуже русскихъ. У насъ вагоны удобнѣе и люди благодушнѣе. Здѣсь на станціяхъ нѣтъ буфетовъ. Напишите о здоровьи тетки Ѳ. Я. Поклонъ всѣмъ. Скоро увидимся. На обратномъ пути вѣроятно въ Вѣнѣ пробудемъ одинъ сутки.

Вашъ *Antonio.*

CXXXIII.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Ницца, понедѣльникъ Страстной недѣли. 91 г. (Апрѣль).

Вчера прислали мнѣ изъ Рима открытое письмо отъ Папаши; изъ сего письма я узналъ, что дача уже папята. Ну, и слава Богу. Очень радъ за Васъ и за себя. Переѣзжайте съ Богомъ помаленьку. Подпишитесь на Русскія Вѣд. и Новости Дня, и перемѣните адресъ въ Нов. Врем. и Осколкахъ, а въ Историч. Вѣсти. и въ Сѣв. Вѣстникъ напишу я самъ.

Живемъ въ Ниццѣ, на берегу моря. Солнце свѣтитъ, тепло, зелено, пахнетъ, но вѣтеръ. На разстояніи одного часа ѣзды отъ Ниццы находится знаменитое Монако; здѣсь есть мѣстечко Монте-Карло, въ которомъ играютъ въ рулетку. Вообразите себѣ залы благороднаго собранія, красивыя, высокія и болѣе широкія. Въ залахъ большіе столы, на столахъ рулетка, которую я опишу Вамъ, когда пріѣду. Третьяго дня я ѣздилъ туда и проигралъ. Игра завлекаетъ страшно. Послѣ проигрыша я съ Суворинымъ-фисомъ сталъ думать, думалъ и придумалъ систему игры, при которой непремѣнно выграешь. Поѣхали вчера, взявши по 500 франковъ; съ первой же ставки я выигралъ пару золотыхъ, потомъ еще и еще, жилетные карманы мои отвисли отъ золота; были у меня въ рукахъ монеты французскія даже 1808 года, бельгійскія, итальянскія, греческія, австрійскія.. Никогда въ другое время я не видѣлъ столько золота и серебра. Началъ я играть въ 5 часовъ, а къ 10 часамъ у меня въ карманѣ не было уже ни одного франка и у меня осталось только одно: удовольствіе отъ мысли, что я купилъ себѣ обратный билетъ въ Ниццу.

Вотъ какъ, судари мои! Вы, конечно, скажете: «Какая подлость! Мы бѣдствуемъ, а онъ тамъ въ рулетку играетъ». Совершенно справедливо и я разрѣшаю Вамъ зарѣзать меня. Но я лично очень доволенъ собой. По крайней мѣрѣ я могу теперь говорить своимъ внукамъ, что я въ рулетку игралъ и знакомъ съ тѣмъ чувствомъ, какое возбуждается этой игрою.

Около казино съ рулеткой есть другая рулетка— это рестораны. Деруть здѣсь страшно и кормятъ великолѣпно. Что ни порція, то цѣлая композиція, передъ которой въ благоговѣніи нужно преклонять колѣна, но отнюдь не осмѣливаться ѣсть ее. Всякій кусочекъ изобильно уснащенъ артишоками, трюфелями, всякими соловьиными языками.. И Боже Ты мой Господи, до какой степени презрѣнна и мерзка эта жизнь съ ея артишоками, пальмами, запахомъ померанцевъ! Я люблю роскошь и богатство, но здѣшняя рулеточная роскошь производитъ на меня впечатлѣніе роскошнаго ватеръ-клозета. Въ воздухѣ вситъ что-то такое, что, Вы чувствуете, оскорбляетъ вашу порядочность, опошляетъ природу, шумъ моря, луну.

Былъ я вчера въ воскресенье въ здѣшней русской церкви. Особенности: вмѣсто вербы—пальмовыя вѣтви, вмѣсто мальчиковъ въ хорѣ поютъ дамы, отчего пѣніе пріобрѣтаетъ оперный сттѣнокъ, на тарелочку кладутъ иностранную монету, староста и сторожа церковные говорятъ по французски и т. п. Великолѣпно пѣли Херувимскую № 7 Бортн. и простое Отче нашъ.

Изъ всѣхъ мѣстъ, въ какихъ я былъ доселѣ, самое свѣтлое воспоминаніе оставила во мнѣ Венеція. Римъ похожъ въ общемъ на Харьковъ, а Неаполь грязенъ. Море же не прельщаетъ меня, такъ какъ оно надоѣло мнѣ еще въ ноябрѣ и декабрѣ. Чертъ знаетъ что, оказывается, что я непрерывно путешествую цѣлый годъ.

Не успѣлъ вернуться изъ Сахалина, какъ уѣхалъ въ Питеръ, а потомъ опять въ Питеръ и въ Италію..

Если я не успѣю вернуться къ Пасхѣ, то, когда будете разговляться, помяните меня въ своихъ молитвахъ и пріимите мое заочное поздравленіе и увѣреніе, что безъ Васъ въ пасхальную ночь мнѣ будетъ ужасно скучно.

Сохраняете ли газеты?

Поклонъ всѣмъ: Алексѣю съ тетей, Семашѣ, красивому Левитану, златокудрой Ликшѣ, старухѣ, и всѣмъ вообще. Ну, оставайтесь здоровы. Да хранятъ Васъ небеса. Честь имѣю рапортоваться и пребыть скучающимъ

Antonio.

Поклонъ Ольгѣ Петровнѣ.

CXXXIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ницца. 13 (?) апрѣль, пятница. (1891 г.).

Я прибылъ во Францію. Остановились въ отелѣ на берегу моря. Небо пасмурно. Тепло. Вчера игралъ въ рулетку и проигралъ 8 франковъ. Слушалъ оперетку; баритонъ постилалъ себѣ постель и поставилъ подъ кровать посудину; публика смѣялась. По всему побережью растутъ пальмы. По вечерамъ сѣтями ловятъ рыбу. Много русскихъ.

Всѣмъ кланяюсь. Пишите по адресу: Варшава, вокзалъ С.-Петербургско-Варшавской дороги, Книжный шкафъ, А. П. Чехову.

Ѣду въ Монако.

Вашъ *Antoine.*

CXXXV.

Ей же.

(Съ подлинника).

Апрѣль 13 (?). 1891. (Monte Carlo).

Пишу Вамъ изъ Монте-Карло, изъ самого того мѣста, гдѣ играютъ въ рулетку. Чертъ знаетъ, какая зажигательная игра. Я сначала выигралъ 80 франковъ, потомъ проигралъ, потомъ опять выигралъ и въ концѣ концовъ остался въ проигрышѣ франковъ на сорокъ. Осталось въ запасѣ 20 франковъ, пойду еще попытаю счастья. Я здѣсь съ утра, а теперь двѣнадцатый часъ ночи. Если бы лишнія деньги, то кажется цѣлый годъ игралъ бы да ходилъ по великолѣпнымъ заламъ казино! Интересно смотрѣть на дамъ, которыя проигрываютъ тысячи. Утромъ одна дѣвица проиграла 5000 франковъ. Интересны столы съ кучами золота. Одинмъ словомъ, чертъ знаетъ что. Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенькій.. разбойничій вертепъ. Самоубійство проигравшихся—явленіе заурядное.

Суворинъ-фисъ проигралъ 300 франковъ.

Скоро увидимся. Я соскучился шататься по бѣлу свѣту. Пора и честь знать, а то пятки болятъ.

Низко всѣмъ кланяюсь и желаю счастья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Пасмурно.

CXXXVI.

Ей же.

(Съ подлинника).

Ницца. 17 Апрѣля. (1891 г.).

И такъ, значитъ, я не попаду въ Москву къ празднику. Досадно. Завтра мы ѣдемъ въ Россію; на пути заѣдемъ въ Миланъ, на итальянскія озера (Комо, Лаго-Маджіоре), потомъ въ Берлинъ; стало быть, буду я въ Москвѣ раньше Ѳоминой недѣли.

Погода продолжаетъ быть дурною.

Если наша дача близка къ рѣкѣ, то умоляю Васъ, синьеры, купите вы хоть двѣ верши.

Надѣюсь, что збруя для мангуса уже пріобрѣтена. Былъ ли онъ подлецъ въ засѣданіи общества естествоиспытателей? Я пишу по маленьку, хотя писать въ дорогѣ очень трудно.

Христосъ Воскресъ! Со всѣми христосуюсь и прошу прощенія, что не успѣлъ домой къ празднику. Воображаю, какъ скучно пройдетъ для меня пасхальная ночь.

Будьте здоровы, досвиданія. Прошу Ивана не уѣзжать.

Поклонъ Кувшинниковымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мнѣ ужасно надоѣло завтракать, обѣдать и спать. На все это заграницей тратится очень много времени. Сибирь, гдѣ путешественники не завтракаютъ, не обѣдаютъ и не спятъ, въ этомъ отношеніи гораздо лучше. Тамъ не ѣшь и потому чувствуешь себя какъ на крыльяхъ.

CXXXVII.

Ей же.

(Съ подлинника).

19 Апр. (Парижъ 1891 г.).

Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Миланъ, какъ я писалъ, мы поѣхали въ очагъ цивилизаціи—Парижъ. Выѣхали изъ Ниццы въ полдень и пріѣхали въ Парижъ въ 8 часовъ утра. Поѣздъ лупилъ какъ сумасшедшій. Ѣдучи съ вокзала, видѣлъ въ туманѣ Эйфелеву башню, а теперь сижу въ номерѣ, умываюсь и привожу свое рыло въ порядокъ.

Изъ Парижа выѣдемъ въ понедѣльникъ прямо въ Россію, стало быть, увидимся не позже пятницы. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, ибо я уже соскучился и новизна набила мнѣ оскомину.

Будьте здоровы.

Вашъ *Antoine.*

CXXXVIII.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

21 Апрѣль. 1891 г. Парижъ.

Дорогой Дядя Митрофанъ Георгіевичъ, Христосъ Воскресъ! Только что вернулся изъ посольской церкви, гдѣ слушалъ заутреню, и тотчасъ же сѣлъ писать это письмо. Церковь въ Парижѣ велика, размѣрами напоминаетъ Митрофановскую, но было тѣсно и душно. Греки слушаютъ вмѣстѣ съ русскими, да и французовъ понабилось много. Пѣли французы.

Въ воскресенье я буду уже дома. Христосуюсь съ Вами, обнимаю Васъ крѣпко и прошу передать мое поздравленіе всѣмъ Вашимъ. Искренно Васъ уважающій и любящій

А. Чеховъ.

CXXXIX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

21 Апрѣль. Парижъ. (1891 г.).

Сегодня Пасха. Стало быть, Христосъ воскресъ! Это первая Пасха, которую провожу я не дома.

Пріѣхалъ я въ Парижъ въ пятницу утромъ и тотчасъ же поѣхалъ на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальныя выставочныя постройки я видѣлъ только снаружи, такъ какъ внутри находилась кавалерія, приготовленная на случай безпорядковъ. Въ пятницу ожидались волненія. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, кричалъ, свисталъ, волновался, а полицейскіе разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здѣсь достаточно десятка полицейскихъ. Полицейскіе дѣлаютъ дружный натискъ и толпа бѣжитъ, какъ сумасшедшая. Въ одинъ изъ натисковъ и я сподобился: полицейскій схватилъ меня за лопатку и сталъ толкать впередъ себя.

Масса движенія. Улицы роятся и кипятъ. Что ни улица, то Терекъ бурный. Шумъ, гвалтъ. Тротуары заняты столиками, за столиками—французы, которые на улицѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Превосходный народъ. Впрочемъ, Парижа не опишешь, отложу его описаніе до моего пріѣзда.

Заутреню слушалъ въ посольской церкви

Къ намъ привязался отставной дипломатъ Т. Въ качествѣ адъютанта ходитъ всюду за нами парижскій корреспондентъ И. Яковлевъ-Павловскій, который когда-то вмѣстѣ съ Фроштейнами жилъ у насъ въ мойсеевскомъ домѣ. Здѣсь Плещеевъ съ дочками и съ сыномъ. Однимъ словомъ, компанія большая. Цѣлая колонія русскихъ.

Завтра или послѣзавтра выѣзжаемъ въ Россію. Буду въ Москвѣ въ пятницу, или субботу. Пріѣду по Смоленской дорогѣ, а потому, буде пожелаете встрѣтить меня, приходите на Смоленскій вокзалъ.

Если меня не пустятъ отсюда во вторникъ или даже въ среду, то я всетаки вернусь въ Москву не позже понедѣльника, поэтому прошу Ивана не уѣзжать, а подождать.

Я боюсь, что у Васъ нѣтъ денегъ.

Миша, почини мнѣ мое pince-nez за спасеніе души. Поставь стекла своего номера. Безъ очковъ я просто мученикъ. Былъ на картинной выставкѣ (Salon) и половины не видѣлъ благодаря близорукости. Кстати сказать, русскіе художники гораздо серьезнѣе французскихъ.. Въ сравненіи со здѣшними пейзажистами, которыхъ я видѣлъ вчера, Левитанъ король.

Это послѣднее письмо. До свиданья. Поѣхалъ я съ пустымъ чемоданомъ, а вернусь съ полнымъ. Каждый изъ Васъ получитъ по заслугамъ.

Желаю здравія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXL.

Ей же.

(Съ подлинника).

24 Апрѣль. Парижъ. (1891 г.).

Опять перемѣна. Одинъ изъ русскихъ скульпторовъ, проживающихъ въ Парижѣ, взялся сдѣлать Суворину

его бюстъ и это задержитъ насъ до субботы. Въ субботу мы непремѣнно выѣдемъ и въ среду я буду въ Москвѣ.

Какъ Вы обходитесь безъ денегъ? Потерпите до четверга.

Представьте мое удовольствіе. Я былъ въ палатѣ депутатовъ, какъ разъ въ томъ засѣданіи, когда отъ министра внутреннихъ дѣлъ требовались объясненія по поводу безпорядковъ, какіе позволило себѣ правительство при усмиреніи бунтующихъ рабочихъ въ Фурми (много убитыхъ и раненыхъ). Засѣданіе было бурное и въ высшей степени интересное.

Человѣки, подпоясывающіе себя удавами, дамы задирающія ноги до потолка, летающіе люди, львы, кафе-шантаны, обѣды и завтраки начинаютъ мнѣ противѣть. Пора домой. Хочется работать.

Всѣмъ, всѣмъ клапяюсь. Будьте здоровы.

Вашъ *Antoine*.

CXLI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Суббота на Св. недѣлѣ. Парижъ. (1891 г. апр. 28).

Ты вѣроятно уже въ Судогдѣ, а потому адресуюсь въ Судогду. Сегодня я ѣду въ Россію. Въ Москвѣ буду въ среду. Тебѣ привезу англійской бумаги и еще кое-что; все сіе оставлю у папаши, а самъ уѣду на дачу. Было бы желательно скорѣе повидаться и поговорить о видѣнномъ и слышанномъ. Получилъ ли письмо изъ Венеціи?

Надоѣло путешествовать. Хочется работать. Ну, будь здравъ. До свиданія.

Твой *Antoine*.

CXLII.

В. Г. Черткову.

(Съ подлинника).

2 Май 1891 г. Москва.

Милостивый Государь

Владиміръ Григорьевичъ!

Я получилъ отъ уважаемаго мною г. Горбунова два письма съ предложеніемъ—отдать «Посреднику» мой разсказъ «Ванька». Запаздываю отвѣтомъ на эти письма, потому что только сегодня я вернулся изъ за границы. Отвѣчаю я такъ: я весь къ услугамъ «Посредника», потому что всей душой и сердцемъ сочувствую его цѣлямъ и глубоко уважаю руководящихъ этимъ добрымъ предпріятіемъ, о которыхъ я слышалъ много хорошаго.

Относительно «Ваньки» я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Баронесса В. И. Икскуль, издающая книги для народа, обращалась ко мнѣ въ декабрѣ прошлаго года съ предложеніемъ—дать ей «Ваньку». Я отвѣтилъ согласіемъ.

До сентября мой адресъ будетъ такой: г. Алексинъ Тульск. губ.

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

Прошу Васъ убѣдительно передать мой поклонъ и благодарность г. Горбунову.

CXLIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

4 Май, 91 г. Глухое мѣсто близь ст. Алексинъ.

Я вернулся и уже пребываю на дачѣ. Домикъ въ лѣсу, 4 комнаты, внутри тѣсновато, снаружи просторъ; Ока не близко: нужно 6 минутъ ходьбы, а возвращаясь отъ рѣки—подниматься немножко на гору, что во время жары будетъ чувствительно. Вокзалъ подъ бокомъ, дорога скучна и хуже Боромли.

Когда ждать тебя? Отвѣчай по адресу: Ст. Алексинъ Сызрано-Вяземской дороги.

Мангусъ съ нами. Здравствуетъ.

Непремѣнно напиши, когда пріѣдешь; я хочу дать тебѣ порученіе. Быть можетъ, понадобится что-нибудь купить.

Повидимому, около нашей дачи бываетъ очень много грибовъ. Въ Окѣ, я видѣлъ, плескается большая рыба. Хочу купить лодку. Если погода будетъ хорошая, то, (опять таки повидимому) и грибная и рыбная и всякая другая охота удадутся намъ вполнѣ.

Для лѣта имѣются пиджаки и штаны всѣхъ сортовъ. Поэтому позаботься только о резиновыхъ калошахъ. Большихъ сапогъ не нужно, ибо здѣсь почва песчаная.

Всѣ тебѣ кланяются. Я тоже кланяюсь и желаю всякихъ благъ, видимыхъ и невидимыхъ. Будь здравъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXLIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Май. (1891 г. Алексинъ).

Станція Алексинъ Сызрано-Вяземской жел. дороги. Таковъ мой адресъ. Станція, а не городъ, такъ какъ я живу около станціи и получаю корреспонденцію изъ рукъ начальника станціи.

Дача ничего себѣ. Лѣсъ, Ока, глушь, тепло, соловьи поютъ и проч. Тихо и покойно, а во время дурной погоды будетъ здѣсь скучно и грустно. Послѣ заграничной поѣздки дачная жизнь кажется немножко прѣсной. Похоже на то, какъ будто я взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ крѣпость. Но тѣмъ не менѣе все таки я доволенъ.

Въ Москвѣ отъ Общества драмат. писателей я получилъ не 200, какъ ожидалъ, а цѣлыхъ 300. Со стороны фортуны это очень мило.

Передайте Аннѣ Ивановнѣ, что французская выставка еще не готова. Всѣ, кого я видѣлъ, говорятъ, что выставка вообще не важная.

Ну съ, сударь мой, долженъ я Вамъ, если даже считать по Вашему, не менѣе 800 рублей. Это по совѣсти. Въ іюнѣ, или въ іюлѣ, когда въ магазинѣ будутъ ужъ мои деньги, я напишу Зандроку, чтобы онъ послалъ Вамъ въ Ѳеодосію все, что мнѣ приходится. И Вы мнѣ не препятствуйте. Даю Вамъ честное слово, что когда расплачусь съ долгами и расквитаюсь съ Вами, то возьму у Васъ взаймы двѣ тысячи. Не думайте, что мнѣ непріятно у Васъ одолжаться. Я самъ даю въ займы и потому считаю себя въ правѣ брать въ займы, но я боюсь запутаться и привыкнуть къ долгамъ. Вѣдь я Конторѣ Вашей долженъ чертову пропасть!

У меня изъ оконъ хорошій видъ. То и дѣло ходятъ поѣзда. Черезъ Оку мостъ.

Напишите мнѣ что-нибудь.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и всѣмъ Вашимъ. Желаю здравія и всякихъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLV.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

8 Май. (1891 г. Алексинъ).

Любезный братецъ!

Сергѣй Никитичъ Филипповъ, живущій на Большой Лубянкѣ въ домѣ Мосолова (меблированныя комнаты) увѣдомилъ меня сегодня письмомъ, что имъ получены для меня изъ Крыма 10 бутылокъ вина. Пошли кого нибудь, хотя бы разсыльнаго, или Федору, если она не ушла, въ домъ Мосолова съ моей карточкой. Карточки моей достаточно, чтобы посланный получилъ отъ г. Филиппова или, буде его нѣтъ дома, отъ швейцара Якова вино. Я одну карточку на сей предметъ уже далъ тебѣ, но такъ какъ ты ее потерялъ, то я посылаю тебѣ другую. Полученное вино попроси доставить перваго ѣдущаго къ намъ (Семашко или Ивана), самъ же его не привози, такъ какъ ты его дорогою выпьешь. Также не ставь вино близъ тетки, а то она его выпьетъ. Если ты моей просьбы не исполнишь, то не будетъ тебѣ моего благословенія.

Почтеніе богатой тетушкѣ.

Готовый къ услугамъ *А. Чеховъ.*

Пока живешь у насъ, почитай Толстого. Онъ на полкѣ. Найди разсказы «Казаки», «Холстомѣръ» и «Поликуша». Очень интересно.

CXLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Май. (1891 г. Алексинъ).

Ваше письмо получилъ. Мегсі. Единицею подписывается Дѣдловъ-Книгъ, беллетристъ и интересный путешественникъ, котораго я знаю по наслышкѣ, но не читалъ. Да, Вы правы, душѣ моей нуженъ бальзамъ. Я бы теперь съ удовольствіемъ и даже съ радостью прочелъ что нибудь серьезное не о себѣ только, а вообще. Я тоскую по серьезномъ чтеніи и вся критика россійская послѣдняго времени не читаетъ меня, а только раздражаетъ. Я бы съ восторгомъ прочелъ что нибудь новое о Пушкинѣ, или Толстомъ—это было бы бальзамомъ для праздная ума моего..

Я тоже скучаю по Венеціи и Флоренціи, и готовъ былъ бы еще разъ взобраться на Везувій; Болонья же стерлась въ моей памяти и потускнѣла, что же касается Ниццы и Парижа, то, вспоминая о нихъ, «я съ отвращеніемъ читаю жизнь мою».

Въ «Вѣстникѣ иностранной литературы», въ послѣдней книжкѣ напечатанъ разсказъ Уйда, переводъ съ англійскаго нашего Михайлы, податного инспектора [1]). Зачѣмъ я не знаю языковъ? Мнѣ кажется, беллетристику я переводилъ бы великолѣпно; когда я читаю чужіе переводы, то произвожу въ своемъ мозгу перемѣны словъ и перестановки и получается у меня нѣчто легкое, эфирное, подобное кружевамъ.

Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду я пишу Сахалинскую книгу, въ остальные дни; кромѣ воскресеній,

---

[1]) М. П. Чехова.

романъ, а въ воскресенья маленькіе разсказы. Работаю съ охотой. Погода всѣ дни стоитъ великолѣпная, мѣсто, гдѣ стоитъ дача, сухое и здоровое, лѣсу много.. Въ Окѣ много рыбы и раковъ. Вижу поѣзда и пароходы. Вообще, если бы не тѣснота, то я былъ бы очень, очень доволенъ.

Когда Вы будете въ Москвѣ? Напишите, пожалуста. Французская выставка Вамъ не понравится—къ этому Вы готовьтесь. Вамъ понравится Ока, когда мы въ 5 часовъ утра сядемъ въ Серпуховѣ на паршивый пароходикъ и поплывемъ къ Калугѣ.

Жениться я не намѣренъ. Я бы хотѣлъ теперь быть маленькимъ, лысымъ старичкомъ и сидѣть за большимъ столомъ въ хорошемъ кабинетѣ.

Будьте здоровы и покойны. Низко кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Пишите мнѣ, пожалуста.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Я пишу водевиль. Дѣйствующія лица: Анна Ивановна, Айвазовскій, генералъ Богдановичъ, Иванъ Павловичъ Казанскій и цензоръ Макаровъ.

CXLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

13 Май 91 г. (Алексинъ).

Письмо, о которомъ Вы пишете, уже давно получено и уже посланъ отвѣтъ на него. Ахъ, Глинскій, Глинскій! Давно ли онъ былъ у меня и съ высоты своего редакторскаго величія предлагалъ мнѣ писать у него, обѣщая помѣщать *даже* мои маленькіе разсказы? Ахъ, Гуревичъ, Гуревичъ! Навѣрно его подбили Флексеръ и бабы! Вѣдь Сѣв. Вѣстникъ могила для него. Вести толстый журналъ совсѣмъ не педагогическое дѣло.

Я напишу Вамъ рождественскій разсказъ—это непремѣнно. Даже два, если хотите. Я сижу и пишу, пишу.. Наконецъ то я принялся за дѣло. Сахалинскую книгу хоть печатай, столько уже сдѣлано. Жаль только, что проклятые зубы болятъ и желудокъ разстроенъ. То и дѣло бѣгаю въ лѣсъ, въ оврагъ.

Мои книги печатайте въ какомъ угодно количествѣ. Не забудьте «Каштанку». Пора уже ее спустить съ цѣпи. Если ее иллюстрировать и дать ей обложку съ той собакой, которая у Васъ спрятана въ столѣ, что около окна, то она можетъ пойти. Я медлительный, но плодовитый авторъ. Къ 40 годамъ у меня будетъ сотня книгъ, такъ что я могу открыть книжную лавку изъ однихъ только собственныхъ сочиненій. Имѣть много книгъ и больше не имѣть ничего—это ужасно совѣстно.

Въ іюнѣ Вы получите въ Ѳеодосіи письма для передачи мнѣ. Такой адресъ я далъ сахалинцамъ, ибо не зналъ, гдѣ я буду жить лѣтомъ. Въ случаѣ, если Вы не поѣдете въ Ѳеодосію, то дайте надлежащее распоряженіе, дабы мои письма не пошли къ черту. Также не забудьте, что въ началѣ іюня пароходъ «Петербургъ» привезетъ яванскую лошадь, которую я заказалъ для Васъ въ Сингапурѣ и которую пароходные офицеры обѣщали мнѣ довезти до Одессы. Это, если ее привезутъ, удивительная лошадь. Не забудьте написать въ Одессу, въ книжный магазинъ, чтобы тамъ поручили кому-нибудь побывать на пароходѣ въ день его прихода, взять лошадь и спровадить ее въ Ѳеодосію, въ теплый климатъ.

Голубчикъ, нѣтъ ли у Васъ въ библіотекѣ «Уголовнаго права» Таганцева? Если есть, то нельзя ли мнѣ прислать его? Я бы купилъ, но я теперь «бѣдный родственникъ», нищъ и убогъ, какъ сидорова коза. Скажите также Вашему магазину (въ телефонъ), чтобы онъ выслалъ мнѣ въ счетъ будущихъ благъ двѣ книги:

«Уставъ о ссыльныхъ» и «Уставъ о находящихся подъ стражей.» Вы не подумайте, что я хочу стать прокуроромъ; эти книги нужны мнѣ для моей сахалинской книги. Буду воевать главнымъ образомъ противъ пожизненности наказаній, въ которой вижу причину всѣхъ золъ, и противъ законовъ о ссыльныхъ, которые страшно устарѣли и противорѣчивы. Первый разъ читалъ я Потапенку въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Хорошо.

Въ какихъ смыслахъ Б. обобралъ пожилую даму? Вѣдь бабы-то иногда врутъ.

Вы спрашиваете: не затѣять ли поѣздку по помѣщикамъ? Отчего же, это хорошо. Но погодите, дайте мнѣ написать.

У Васъ набранъ разсказъ Ш. «У Гадалки». Разсказъ не дурной. Отчего Вы его не печатаете? Авторша безпокоится.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Бѣгу въ оврагъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLVIII.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

14 май. (1891 г. Алексинъ).

Драгоцѣнный Алексисъ! Я просплъ Лидію Стахіевну передать тебѣ десять рублей на случай какихъ-либо порученій. Изъ этихъ денегъ дай потребное количество Ивану для покупки свѣжихъ огурцовъ и капусты, если она уже есть въ продажѣ.

Также попроси Ивана привезти мнѣ изъ моей библіотеки слѣдующія книги:

1) Максимовъ. Сибирь и каторга.
2) Никольскій. Тамбовскій уѣздъ. Диссертація.

Обѣ книги переплетены и стоятъ на полкѣ.

3) Никольскій. О. Сахалинъ и его фауна.

4) Андріевскій. Рѣчи.

5) Грязновъ. Череповскій уѣздъ. Диссертація.

Сіи книги не переплетены и лежатъ въ сундукѣ, что въ спальнѣ моей около стола. Найди ихъ, если будетъ свободное время, и выдай Ивану.

Также не забудь объяснить Ивану, что билетъ въ Алексинъ онъ долженъ брать на Курской дорогѣ непремѣнно къ двѣнадцатичасовому ночному поѣзду, въ Тулѣ пересадка на поѣздъ, идущій въ Калугу. Коли хочетъ, пусть привезетъ килекъ.

Поклонъ богатой теткѣ. Если бы я былъ теперь въ Москвѣ, то непремѣнно бы залѣзъ къ ней въ сундукъ.

Будь здравъ и Богомъ хранимъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXLIX.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

15 Май. (1891 г. Алексинъ).

По порученію фатера отвѣчаю на твое письмо. Въ домѣ Фирганга живутъ теперь тетя и Алексѣй [1]). Послѣдній имѣетъ передать тебѣ мое письмо, въ которомъ изложенъ подробный маршрутъ. Если пропзойдутъ перемѣны, то о нихъ увѣдомимъ своевременно, черезъ того же Алексѣя.

Когда же ты пріѣдешь? Тебя ждетъ лодка. Не забудь кушить для себя удплище. Если хочешь узнать подробности о дачѣ, то побывай у Лидіи Стахіевны, которая гостила у насъ.

---

[1]) А. А. Долженко.

Въ Серпуховѣ на пароходъ не садись, а то будешь ѣхать лишнія сутки. Новаго ничего нѣтъ. Всѣ здоровы. Дождей нѣтъ, засуха.

Твой *А. Чеховъ.*

CL.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

17 Мая. (1891 г. Богимово).

Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика. Мангусъ третьяго дня убѣжалъ и больше ужъ никогда не вернется. Издохъ. Это разъ.

Во вторыхъ, мы оставляемъ эту дачу и переносимъ нашу резиденцію въ верхній этажъ дома Б.-К., того самаго, который напоплъ Васъ молокомъ и при этомъ забылъ угостить Васъ ягодами. О днѣ переѣзда нашего увѣдомимъ своевременно. Пріѣзжайте нюхать цвѣты, ловить рыбку, гулять и ревѣть. Ахъ, прекрасная Лика! Когда Вы съ ревомъ орошали мое правое плечо слезами (пятна я вывелъ бензиномъ) и когда ломоть за ломтемъ ѣли нашъ хлѣбъ и говядину, мы жадно пожирали глазами Ваше лицо и затылокъ. Ахъ, Лика, Лика, адская красавица! Когда Вы будете гулять съ кѣмъ-нибудь или будете сидѣть въ обществѣ и съ Вами случится то, о чемъ мы говорили, то не предавайтесь отчаянію, а пріѣзжайте къ намъ и мы со всего размаха бросимся Вамъ въ объятія.

Когда будете съ Трофимомъ въ Альгамбрѣ, то желаю Вамъ нечаянно выколоть ему вилкой глаза.

Вашъ извѣстный другъ

Гуніяди-Янось.

Кланяется Вамъ сторожиха.

Маша проситъ, чтобы Вы написали насчетъ квартиры. Адресъ не станція Алексинъ, а городъ Алексинъ.

CLI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Май. (1891 г. Богимово).

Ликуй нынѣ и веселися Сіоне. Жилъ я въ деревянной дачѣ въ четырехъ минутахъ ходьбы отъ Оки, кругомъ были дачи и дачники; березы и больше ничего. Надоѣло. Я познакомился съ нѣкіимъ помѣщикомъ К. и нанялъ въ его заброшенной поэтической усадьбѣ верхній этажъ большого каменнаго дома. Что за прелесть, если бы Вы знали! Комнаты громадныя, какъ въ благородномъ собраніи, паркъ дивный съ такими алеями, какихъ я никогда не видѣлъ, рѣка, прудъ, церковь для моихъ стариковъ и всѣ, всѣ удобства. Цвѣтетъ сирень, яблони, одинмъ словомъ—табакъ! Сегодня перебираюсь туда, а дачу бросаю. Дача нанята за 90 руб., а усадьба за 160 р. Дорого обойдется это лѣто.

Ну отчего бы Вамъ не пріѣхать ловить рыбу? Здѣсь карасей и раковъ видимо не видимо.

У Рошфоръ два этажа, но для Васъ не хватило бы ни комнатъ, ни мебели. Къ тому же сообщеніе утомительное: со станціи приходится ѣхать туда въ объѣздъ, чуть ли не 15 верстъ. Другихъ дачъ тоже нѣтъ, а имѣніе К. будетъ годиться для Васъ только въ будущемъ году, когда отдѣлаютъ оба этажа. Право, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богатому и семейному найти себѣ дачу. Для меня дачъ сколько угодно, а для Васъ ни одной.

Мой мангусъ ушолъ въ лѣсъ и не возвращался. Должно быть, погибъ.

Я далъ себѣ слово не печатать свои сахалинскія писанія въ газетахъ и журналахъ; но теперь, если бы Вы

знали, какое беретъ искушеніе! Сегодня же я могъ бы послать Вамъ на 100 лупдоровъ.

Вчера я цѣлый день возился съ сахалинскимъ климатомъ. Трудно писать о такихъ штукахъ, но все-таки въ концѣ концовъ поймалъ черта за хвостъ. Я далъ такую картину климата, что при чтеніи становится холодно. И какъ противно писать цифрами!

Я ежедневно встаю въ 5 часовъ утра; очевидно, въ старости буду вставать въ 4. Мои предки всѣ вставали очень рано, раньше пѣтуховъ. А я замѣтилъ, что люди, встающіе очень рано, ужасные хлопотуны. Стало быть, я буду хлопотливымъ, безпокойнымъ старикомъ.

«Мамаево нашествіе»—водевиль въ крыловскомъ вкусѣ; ни единаго характера. Пахнетъ дачнымъ мужемъ, а мораль такая: сибирякамъ дядямъ не слѣдуетъ пріѣзжать въ гости къ племянницкамъ. И склеена пьеса угловато. Читатель или зритель ждетъ, что гость приволокнется за хозяйкой, но и этого даже въ пьесѣ нѣтъ и всѣ три акта однообразны. И еще скажу: писать часто такія пьесы все равно, что каждый день въ б..... ходить—скоро пстаскаешься.

M-elle Гуревичъ и М-ег Флоксера [1]) ничего не сдѣлаютъ изъ Сѣв. Вѣстника . . . . . .

. . . . . .

Будьте здоровы. Если вздумаете пріѣхать ко мнѣ, то телеграфируйте такъ: «Алексинъ, доктору Бездѣтному передать Чехову.» Письма свои адресуйте такъ: г. Алексинъ Тульской губ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Флексеръ (Волынскій).

CLII.

Ему же.

(Съ подлинника).

20 Май. (1891 г. Богимово).

Я перебрался на другую дачу. Какое раздолье! Въ моемъ распоряженіи верхній этажъ большого барскаго дома. Комнаты громадныя; изъ нихъ двѣ величиною съ Вашъ залъ, даже больше; одна съ колоннами; есть хоры для музыкантовъ. Когда мы устанавливали мебель, то утомились отъ непривычнаго хожденія по громаднымъ комнатамъ. Прекрасный паркъ; прудъ, рѣчка съ мельницей, лодка—все это состоитъ изъ множества подробностей, просто очаровательныхъ. Если Вы вздумаете пріѣхать ко мнѣ, то вотъ Вамъ маршрутъ: Москва, изъ Москвы съ двѣнадцатичасовымъ ночнымъ поѣздомъ въ Тулу (брать билетъ до Алексина), въ Тулѣ пересадка на поѣздъ, идущій въ Калугу; прибывъ утромъ въ Алексинъ, Вы спрашиваете, гдѣ ямщикъ Гущинъ; сей человѣкъ довезетъ Васъ къ намъ на парѣ съ колокольчиками; рессорныхъ экипажей нѣтъ, но Гущинъ не трясокъ. Отъ Алексина до Богимовки, гдѣ мы живемъ, 8—10 верстъ; если же съ Вами будетъ только ручной багажъ, то путь можно устроить покороче, ибо въ 4-хъ верстахъ отъ насъ есть полустаночекъ.

Караси отлично идутъ на удочку. Я вчера забылъ о всѣхъ печаляхъ: то у пруда снижу и таскаю карасей, то въ уголкѣ около заброшенной мельницы и ловлю окуней. Интересны и бытовыя подробности.

Послѣдніе два манифеста—насчетъ сибирской дороги и ссыльныхъ—мнѣ очень понравились. Сибирская дорога названа народнымъ дѣломъ, и тонъ манифеста гарантируетъ ея скорое окончаніе; а каторжнымъ, кои

отбудутъ такіе-то и такіе-то поселенческіе и ссыльно-крестьянскіе сроки, разрѣшается вернуться въ Россію, безъ права жить въ столичныхъ губерніяхъ. Это пропустили газеты безъ вниманія, а между тѣмъ это нѣчто такое, чего никогда не было въ Россіи—это серьезный шагъ къ упраздненію той пожизненности наказаній, которая такъ долго угнетала общественную совѣсть, какъ несправедливая и въ высшей степени жестокая.

Какъ здоровье Алексѣя Алексѣевича?

Я буду ждать Васъ. Хорошо бы Вамъ поспѣшить, а то скоро перестанутъ пѣть соловьи и отцвѣтетъ сирень. Если Алексѣй Алексѣевичъ захочетъ, то пригласите его съ собой. У меня найдется мѣста и постелей для цѣлой дивизіи.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Май. 4 часа утра. (1891 г. Богимово).

Мангусъ убѣжалъ въ лѣсъ и не возвратился; кобылка-сосунчикъ, которую мы купили за 75 коп., удавилась. Холодно. Но тѣмъ не менѣе всетаки я Вамъ не завидую. Нельзя теперь жить въ городѣ—это и скучно и нездорово. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Вы отъ утра до обѣда спдѣли гдѣ-нибудь на террасѣ, пили чай и писали что-нибудь художественное, пьесу, что-ли, а послѣ обѣда до вечера ловили бы рыбу и думали спокойную думу. Вы давно уже заслужили право, въ которомъ Вамъ теперь отказываютъ всякія случайности, и мнѣ стыдно и кажется несправедливымъ, что мнѣ живется покойнѣе, чѣмъ Вамъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Вы весь іюнь будете жить въ городѣ? Это даже жутко.

Съ корректурой все устроилось и Неупокоевъ вѣроятно уже успокоился. Книги, о которыхъ я писалъ Вамъ, уже получены. Со Щегловымъ о его пьесѣ я никогда ничего не говорилъ. Откуда онъ взялъ, что я хвалилъ ее?

Вы пишете, что я кирпичный человѣкъ, покрытый известкой, и ничего не даю въ газету. Но войдите въ мое положеніе. Въ моей литературной дѣятельности такой кавардакъ и безпорядокъ, что самъ чертъ ногу сломаетъ. Сталъ было повѣсть писать—заграница помѣшала; продолжать теперь повѣсть некогда—Сахалинъ на шеѣ. Сѣлъ бы писать мелочи и пробовалъ уже, но мысль, что къ осени я *долженъ* отдѣлаться отъ Сах., парализуетъ всякую способность. Погодите, голубчикъ, скоро свалю со спины каторгу и весь буду Вашъ, отъ головы до пятокъ. Я даю Вамъ честное слово, что Сахалинская книга будетъ осенью печататься, ибо я ее, честное слово, уже пишу и пишу, а если Вы не вѣрите, то я могу прислать Вамъ вещественныя доказательства. Благодаря тому, что я встаю съ курами, мнѣ никто не мѣшаетъ работать, и дѣло у меня кипитъ, хотя оно и тягучее, кропотливое дѣло, не стоющее, какъ овчинка, выдѣлки: изъ-за какой-нибудь одной паршивой строки приходится цѣлый часъ рыться въ бумагахъ и перечитывать всякую скуку. Писать о климатѣ, или по обрывкамъ составлять историко-критическій очеркъ каторги—какая эта скука, Боже мой!

Новость: мы устроили себѣ рулетку. Ставка не больше копѣйки. Доходъ рулетки идетъ на общее дѣло—устройство пикниковъ. Я крупье.

Будьте здравы. Не предавайтесь мрачнымъ мыслямъ, все устроится хорошо. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CLIV.

Ему же.

27 Май. (1891 г. Богимово).

«Анна Ивановна сказала, вотъ вѣдь не догадался предложить эту дачу».. Анна Ивановна должна за меня вѣчно Бога молить. Когда я нанималъ большой домъ, то думалъ о Васъ больше, чѣмъ о себѣ. Домина громадный, паркъ великолѣпный, рѣка, прудъ, и для Васъ какъ разъ бы подошло, но телеграфировать Вамъ остановили меня отсутствіе мебели (есть она, но обшарпанная, старинная), отдаленность отъ станціи — 10 верстъ, неимѣніе рессорныхъ экипажей и многое другое, что длинно было бы перечислять. Помѣщенія такъ много, что помѣстились бы и Вы, и мы: Вы въ большомъ домѣ, а мы въ одномъ изъ флигилей; но гдѣ бы Вы взяли мебели и экипажъ? Анна Ивановна, пріѣхавъ и увидѣвъ обстановку, обругала бы меня мужикомъ и больше ничего. Если хотите, то дачу эту можно будетъ приготовить Вамъ къ будущему году. Изъ нея можно сдѣлать рай. Фортепьянъ есть, можете себѣ представить. И билліардъ есть.

Кстати, прочтите врагу моему Аннѣ Ивановнѣ письмо Григоровича: пусть у нея душа порадуется. «Чеховъ принадлежитъ къ поколѣнію, которое замѣтно стало отклоняться отъ запада и ближе присматриваться къ своему...

...Венеція и Флоренція ничего больше, какъ скучные города для человѣка даже умнаго..» Мерсі, но я не понимаю такихъ умныхъ людей. Надо быть быкомъ, чтобы, пріѣхавъ первый разъ въ Венецію, или во Флоренцію, стать «отклоняться отъ запада». Въ этомъ отклоненіи мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается,

кто оповѣстилъ всю вселенную о томъ что будто заграница мнѣ не понравилась? Господи ты Боже мой, никому я ни однимъ словомъ не заикнулся объ этомъ. Мнѣ даже Болонья понравилась. Что же я долженъ былъ дѣлать? Ревѣть отъ восторга? Бить стекла? Обниматься съ французами? Идей я не вывезъ, что ли? Но и идеи, кажется, вывезъ. Ваша статья о ипподромѣ больше моя, чѣмъ Ваша, ибо я Вамъ уши прожужжалъ про эту новую форму театра.

Статья отличная, но въ Москвѣ ея не поймутъ. Что Вы, помилуйте, можетъ ли М. Н. Ермолова играть въ ипподромѣ вмѣстѣ съ лошадьми? А думать и говорить, что Мольеръ можетъ показаться скучнымъ—это идея, за которую московскій Иванъ Ивановичъ Ивановъ, авторъ московскаго проекта, задастъ Вамъ такого треску, что вы не рады будете. А ипподромъ въ самомъ дѣлѣ прелесть, и коллизей отличная штука. Но мы съ вами не доживемъ до нихъ, ибо уже пережили.

Буренинъ находитъ въ Шоступовѣ «ровно ничего»? Скажите ему, чтобы онъ полѣчился отъ печенки.

Намъ бы надо съ Вами повидаться, т. е. вѣрнѣе мнѣ надо. Я уже соскучился, хотя сегодня поймалъ 252 карася и одного рака.

Да хранитъ Васъ Богъ. Поклонъ всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLV.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

28 май. Г. Алексинъ, Тульской губ. (1891 г.)

Сударыня, Ваша «Ошибка» воистину есть ошибка. Разсказъ только кое гдѣ хорошъ, но въ остальномъ это

непроходимая чаща скуки,—Соня, покойничекъ, папа, мама, опять Соня, и покойничекъ.... въ глазахъ рябитъ! Вамъ прекрасно удаются «благородная бѣдность» и дѣвицы, ну, и взяли бы одну только милочку съ ея папой, тяжелой кухаркой и соблазнами катка, вышелъ бы тогда разсказъ отмѣнный. Ваша гадалка напечатана. Видѣли? Насчетъ гонорара простите, я не говорилъ Суворину. Хотя Вы стоите и больше 10 коп. за строку, но мнѣ не хотѣлось нарушать порядка, давно уже заведеннаго въ «Нов. Времени».—Тутъ начинаютъ съ пятачка, потомъ постепенно повышаютъ, какъ чиновниковъ на службѣ, будь то хоть самъ Шекспиръ. Вы будете получать 8, потомъ 10, потомъ 12, затѣмъ 15 к. и такъ до червонца включительно. Когда мнѣ будетъ 80 лѣтъ, а Вамъ 90, мы будемъ получать по червонцу за строчку.

Когда я былъ въ Парижѣ, мнѣ прислали изъ Италіи Ваши письма. Я прочелъ и руками развелъ. Что я могъ отвѣчать Вамъ? Въ отвѣтъ на идею эксплуатировать процессъ Бартенева, я могъ только пожалуй прислать Вамъ рецептъ: «Kalie bromati»... по ложкѣ на ночь. Это идея почти сумасшедшая, даже бѣшенная. Во первыхъ Вы съ Бартеневымъ знакомы не были и знать его не могли, во вторыхъ, въ такомъ сложномъ абсурдѣ, какъ жизнь бѣдняжки Висновской,—могъ бы разобраться развѣ одинъ только Достоевскій. Да и къ чему Вамъ ѣхать воображеніемъ въ Варшаву, если подъ бокомъ Москва, полная Мимочекъ и всякихъ двуногихъ тварей.

Намъ бы слѣдовало повидаться. Вы бы спѣли, а я бы послушалъ. Поговорили бы о литературѣ, о Крымѣ.

Будьте здоровы и небомъ храшимы.

Вашъ слуга *А. Чеховъ.*

Вы не сердитесь за критику. Если я пишу и сужу нѣсколько рѣзко, то это только потому, что вижу въ Васъ коллегу и литераторшу, а не дилетантку, тогда бы быть можетъ я наговорилъ Вашей «Ошибкѣ» тьму комплиментовъ.

Что Филиппычъ?

CLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 іюнь (1891 г. Богимово).

Раковскій за все имѣніе, заключающееся въ трехъ участкахъ=400 десятинъ проситъ 35 тысячъ. Ту часть имѣнія въ 150 десятинъ, гдѣ находятся усадьба, мельница и прочее, что мы видѣли, онъ можетъ уступить за 23 тыс. и конечно отдастъ за 20.

Зачѣмъ Вы такъ скоро уѣхали? Мнѣ было очень скучно и не скоро я потомъ пришелъ въ свою обычную мѣщанскую колею. Какъ нарочно, послѣ Вашего отъѣзда погода наступила великолѣпная, теплая и рыба стала ловиться.

Сестра все еще больна.

Мангусъ нашолся. Охотникъ съ собаками нашолъ его по сю сторону Оки, противъ дачи Спиридова, въ каменоломнѣ; если бы не щель въ каменоломнѣ, то собаки растерзали бы мангуса. Блуждалъ онъ по лѣсамъ 18 дней. Несмотря на ужасные для него климатическія условія, онъ сталъ жирнымъ — таково дѣйствіе свободы. Да, сударь, свобода великая штука.

Были Вы въ Ельцѣ? Что тамъ видѣли? Я опять Вамъ совѣтую поѣхать въ Ѳеодосію по Волгѣ. И вамъ и Аннѣ Ивановнѣ будетъ весело, а для дѣтей ново и любопытно.

Будь я свободенъ, поѣхалъ бы съ Вами. На волжскихъ пароходахъ теперь уютно, кормятъ хорошо и публика интересная. Желаю Вамъ всѣхъ благъ. Простите, что Вамъ у меня жилось такъ скверно. Когда я выросту большой и вышишу изъ Венеціи мебель, а это я непремѣнно сдѣлаю, то Вамъ у меня будетъ не такъ жестко и холодно.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVII.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

12 іюнь. (1891 г. Богимово).

Очаровательная, изумительная Лика!

Увлекшись черкесомъ Левитаномъ, Вы совершенно забыли о томъ, что дали брату Ивану обѣщаніе пріѣхать къ намъ 1-го іюня, и совсѣмъ не отвѣчаете на письма сестры. Я тоже писалъ Вамъ въ Москву, приглашая Васъ, но и мое письмо осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя Вы и приняты въ высшемъ свѣтѣ (у головастенькой N.), но все таки Вы дурно воспитаны, и я не жалѣю, что однажды наказалъ Васъ хлыстомъ. Поймите Вы, что ежедневное ожиданіе Вашего пріѣзда не только томитъ, но и вводитъ насъ въ расходы: обыкновенно за обѣдомъ мы ѣдимъ одинъ только вчерашній супъ, когда же ожидаемъ гостей, то готовимъ еще жаркое изъ вареной говядины, которую покупаемъ у сосѣднихъ кухарокъ.

У насъ великолѣпный садъ, темныя аллеи, укромные уголки, рѣчка, мельница, лодка, лунныя ночи, соловьи,

индюки... Въ рѣкѣ и въ прудѣ очень умныя лягушки. Мы часто ходимъ гулять, при чемъ я обыкновенно закрываю глаза и дѣлаю правую руку кренделемъ, воображая, что Вы идете со мной подъ руку.

Если пріѣдете, то спросите на станціи ямщика Гущина, который и довезетъ Васъ къ намъ. Можно и на полустанкѣ высадиться, но тогда нужно раньше дать знать, дабы мы могли послать за Вами пегаса. Отъ полустанка до насъ только четыре версты.

Кланяйтесь Левитану. Попросите его, чтобы онъ не писалъ въ каждомъ письмѣ о Васъ. Во первыхъ, это съ его стороны не великодушно, а во вторыхъ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его счастья.

Будьте здоровы и счисливы и не забывайте насъ. Сторожиха Вамъ кланяется.

Это моя подпись [1]).

Мангусъ нашелся. Маша здорова.

Сейчасъ получилъ отъ Васъ письмо. Оно сверху до низу полно такими милыми выраженіями, какъ «чертъ васъ задави», «чертъ подери», «анафема», «подзатыльникъ», «сволочь», «обожралась» и т. п. Нечего сказать, прекрасное вліяніе имѣютъ на Васъ такіе ломовые извозчики, какъ Trophim.

Вамъ можно и купаться и по вечерамъ гулять. Все это баловство. У меня всѣ мои внутренности полны и мокрыхъ и сухихъ хриповъ, я купаюсь, и гуляю и все таки живъ.

Воды Вамъ нужно пить. Это одобряю. Пріѣзжайте же, а то плохо будетъ. Всѣ низко кланяются, я тоже. Почеркъ у Васъ попрежнему великолѣпный.

---

[1]) Здѣсь рисунокъ пронзеннаго стрѣлой сердца.

CLVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

16 Іюнь. (1891 г. Богимово).

Посылаю Вамъ отъ щедротъ своихъ лѣтній т. е. жиденькій разсказъ [1]). Оторвали меня отъ сахалинской работы не муза мести и печали, и не жажда звуковъ сладкихъ, а жажда поскорѣе содрать съ кого-нибудь хоть пять цѣлковыхъ, ибо я сижу буквально безъ гроша. Если разсказъ сгодится, то скажите конторѣ, чтобы она половину гонорара удержала въ счетъ долга по газетѣ, а половину прислала мнѣ поскорѣе. И чтобы она держалась этой манеры въ продолженіе всего лѣта, ибо до осени я постараюсь прислать побольше и поквитаться. Что касается долга Вамъ, то онъ будетъ пополненъ изъ книжной выручки, о чемъ я уже писалъ Зандроку. Въ какомъ положеніи находится эта выручка, я не знаю; если печатается уже пятое изданіе, то деньги должны быть.

Заглавіе у разсказа не подходящее. Не придумаете ли Вы какого-нибудь другого?

Я Мишѣ говорилъ объ имѣніи въ Каширскомъ уѣздѣ, о которомъ Вы слышали отъ Никольскаго. Такого имѣнія у Миши на картѣ нѣтъ; есть фамилія похожая.

У насъ ясная, жаркая погода. Купаемся во всю и сдѣлали себѣ душъ. Затѣваемъ пикники и ничего у насъ не выходитъ. Былъ одинъ пикникъ, на которомъ знакомились всѣ дачники. Послѣ этого пикника, часа въ три ночи я и хозяинъ поѣхали кататься; лошади понесли,

[1]) «Бабы».

опрокинули насъ и тарантасъ разбился въ дребезги, и я трахнулся о землю носомъ.

У насъ гоститъ Наташа Линтварева и хохочетъ отъ утра до вечера. Пріѣзжалъ сегодня становой за моимъ паспортомъ.

Я не читалъ разсказа Сергѣенко. Былъ онъ напечатанъ, или еще нѣтъ? Интересно было бы прочесть, ибо Сергѣенко меня интересуетъ. У этого человѣка, талантливаго пемножко и не глупаго, есть въ головѣ какой-то хохлацкій гвоздикъ, который мѣшаетъ ему заниматься дѣломъ, какъ слѣдуетъ, и доводить дѣло до конца.

Когда будете ѣхать въ Ѳеодосію, я пріѣду въ Тулу повидаться, только о днѣ Вашего прибытія въ Тулу не телеграфируйте, а пишите или же телеграфируйте «до востребованія», а то съ насъ за телеграммы дерутъ по полутора цѣлковыхъ.

Будьте здоровы. Мудрено Вамъ не скучать теперь въ Петербургѣ и я удивляюсь Вашему долготерпѣнію. Мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скучно писать изъ мужицкой жизни. Надо будетъ за генераловъ приняться.

CLIX.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

20 іюнь. (1891 г. Богимово).

Бѣдная, больная Ликуша! Сестра поручила мнѣ написать Вамъ слѣдующее. Она съ Наташей Линтваревой, которая теперь гоститъ у насъ, въ субботу уѣзжаетъ

въ Сумы; изъ страха, что Вы можете не застать ея и что безъ нея мы Васъ обидимъ, она проситъ Васъ не пріѣзжать ранѣе 3 — 4 іюля — срокъ, къ которому она непремѣнно вернется.

Если Вы серьезно больны, то должны серьезно и лѣчиться. Бросили ли Вы курить? Вамъ нельзя ни курить, ни пить. Ни табаку, ни вина, ни пива, ни даже квасу— ни ни! Остерегаться холоднаго и сырого воздуха; всегда держать грудь въ теплѣ, хотя бы въ кофтѣ толщиною съ одѣяло. Ѣсть возможно больше; самое лучшее — побольше сливокъ. Утромъ, въ обѣдъ, въ вечерній чай и въ ужинъ — сливки и сливки. Пить не залпомъ, а глоточками — это и здорово, и граціозно. Жареное мясо предпочитать вареному, сухой хлѣбъ мягкому. Овсянка, манная каша и кисели — все это хорошо. Передъ ѣдой принимать какую-нибудь горечь: Гофманскій элексиръ (Elixir visceralis Hofmani) или Хинную тинктуру по 15 кап. Если желудокъ хорошъ и если купаться нельзя, то принимайте для укрѣпленія своихъ дамскихъ нервовъ бромистый калій и мышьякъ. Кровать поставьте посреди комнаты. Во время прогулокъ возвышенныя мѣста предпочитайте низменнымъ. Поменьше разговаривайте и, когда бесѣдуете съ бабушкой или Левитаномъ, не кричите. Въ письмахъ добрыхъ знакомыхъ не называйте идіотами.

Я кашляю, въ глазахъ у меня мелькаетъ, въ головѣ пусто, но я тѣмъ не менѣе все таки здоровъ. Кланяйтесь Софьѣ Петровнѣ и Левитану. Софьѣ Петровнѣ я писалъ и благодарилъ ее за приглашеніе.

Иду ужинать. Будьте здоровы. Блондинку К. зовутъ такъ: Аменаида Э. Для краткости зовемъ ее Семирамидой, или Мюръ-и-Мерилизой. Была бы симпатична, если бы не была тупа и зла.

А. К. милый парень. Онъ оказался не такимъ серьезнымъ и «вумнымъ», какимъ представлялся въ первое время.

Больше я писать Вамъ не буду.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Кланяйтесь бабушкѣ.

CLX.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

20 іюнь. Г. Алексинъ. (1891 г.).

Я, уважаемая Елена Михайловна, всегда неизмѣнно радъ служить Вамъ, и потому напрасно Вы спрашиваете, буду ли я читать Ваши разсказы или нѣтъ.

Присылайте, сдѣлайте милость! Только, прошу не сердиться, если мое чтеніе, да и вообще мое вмѣшательство въ Вашу литературу не принесетъ Вамъ никакой пользы.

Представьте, я не читалъ: «Мимочку на водахъ». Авторша Мимочки нѣкая Веселитская, замужняя. Такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ неразборчивымъ почеркомъ написалъ Суворинъ. Кстати, судя по критикѣ Суворина и по выдержкамъ изъ Мимочки, это произведеніе представляется мнѣ не столько блестящимъ, сколько вычурнымъ и манернымъ.

Это я изъ зависти.

У меня на дачѣ такъ хорошо, и я такъ занятъ своей работой,—что этимъ лѣтомъ едва ли поѣду куда нибудь на воды къ Мимочкамъ. Впрочемъ, если улыбнется фортуна и дастъ мнѣ лишнихъ рублей пятьсотъ, то я подумаю и быть можетъ въ началѣ августа поѣду въ Крымъ.

Вы у Синани, или у кого нибудь изъ крымскихъ старожиловъ оставьте свой адресъ, я непремѣнно повидаюсь съ Вами.

Вы находите, что если Вашъ разсказъ скученъ, то это ужасно. А я Вамъ скажу, что если изъ пяти Вашихъ разсказовъ только одинъ будетъ нескученъ, — то и слава Богу. Не скучные разсказы ужасны, а ужасно, когда скучно писать. Кстати: читали Вы «Нескучные разсказы» Грузинскаго? Если нѣтъ, то постарайтесь выписать наложеннымъ платежомъ отъ Суворина, или изъ редакціи «Осколковъ», гдѣ сія книга издана. «Грузинскій», онъ же Лазаревъ, подавалъ большія надежды, но мнѣ кажется, онъ не изъ тѣхъ писателей, которымъ слѣдовало бы подражать, — очень ужъ разсудителенъ. Онъ, надо замѣтить, прошолъ мою цензуру, такъ же, какъ и Вы, но Вы лучше его. Прочтите. Вообще читайте все, что выходитъ. Это для эрудиціи нужно. Вы спрашиваете, что Вамъ прочесть этимъ лѣтомъ, чтобы стать: «страхъ умной». Не знаю. Читайте путешествія.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXI.

Л. С. Мизиновой [1]).

(Съ подлинника).

(Богимово. 1891 г.).

Дорогая Лида!

Къ чему упреки?

Посылаю тебѣ свою рожу. Завтра увидимся. Не забывай своего Петьку. Цѣлую 1000 разъ!!!

Кушлъ разсказы Чехова: что за прелесть! Куши и ты.

Кланяйся Машѣ Чеховой.

Какая ты душка!

[1]) При этомъ шуточномъ письмѣ приложена фотогр. карточка какого-то молодого человѣка съ надписью: „Лидѣ отъ Пети“.

CLXII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Богимово. 1891 г.).

Дорогая Лидія Стахіевна!

Я люблю Васъ страстно, какъ тигръ, и предлагаю Вамъ руку.

Предводитель дворняжекъ
Головинъ Ртищевъ.

P. S. Отвѣтъ сообщите мимикой. Вы косая.

CLXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

25 Іюнь. (1891 г. Богимово).

Получивъ Ваше письмо, я немедля телеграфировалъ Вамъ, чтобы Вы привезли «Собирателя грибовъ» Кайгородова и 5 ф. кофе Мокко. Алексинъ весь сгорѣлъ и намъ негдѣ купить ни кофе, ни всего прочаго. Коли милость Ваша, то привезите 2 куска глицериноваго мыла и возмите у Феррейна рядомъ со Слав. Базаромъ 2 ф. соды (для больныхъ). Вотъ и все. Въ Вязьму я поѣду съ Вами, но въ Одессу — боюсь. Для Одессы понадобится много времени и, пожалуй, захочется поѣхать въ Батумъ. Нѣтъ, не соблазняйте.

Нетерпѣливо жду. Погода великолѣпная.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

Іюль. Козлятинъ [1]. *(1891 г. Богимово).*

Многоуважаемая баронесса Икскуль! Возьмите длинную хворостину и погоните Машу домой. Богимово Васъ нэ забудэ, ибо Маша нужна и отъѣздъ ея произвелъ такой же безпорядокъ, какъ если бы съ неба вдругъ исчезли всѣ звѣзды. А вмѣстѣ съ Машей непремѣнно пріѣзжайте и Вы. Заберите въ чемоданъ всѣ Ваши 73 цвѣтныхъ кофточки и пріѣзжайте. Право, у насъ не такъ скучно, какъ Вамъ это показалось. Вспомните пріятную прогулку въ Воронцово, милую собачку Фингала, вспомните рыженькую, косоокую А. и ея развинченнаго рыцаря Г.... А каковъ паучокъ, какова его тетушка! Вспомните нашъ клубъ съ Кислихой, Кіселятами и съ Вѣрочкой, которая смотритъ Вамъ прямо въ лицо, улыбается и киваетъ головой. А пикникъ зыбыли? А яичница, которую изжарила въ кастрюлѣ А.? А вечерняя прохлада?

На Лукѣ въ обществѣ Марковыхъ и бароновъ Вы привыкли къ блеску; разговоры о Лорисѣ, о блестящихъ академикахъ и лихачахъ, и всякія благоуханія, идущія отъ Вашихъ новыхъ жильцовъ, кружатъ Вамъ голову. Но вернитесь къ простотѣ! Идите къ намъ, людямъ труда, людямъ безъ блеска и запаха.

Соціалисты продолжаютъ безвыходно сидѣть въ своемъ флигелѣ и все думаютъ, думаютъ... Паучокъ [2]) работаетъ. Я видѣлъ его работу: очень длинно и интересно. Онъ превосходный зоологъ и большой философъ.

15-го іюля у насъ спектакль. Будутъ живыя картины

[1]) Шуточное названіе.
[2]) В. А. Вагнеръ, писавшій тогда диссертацію о паукахъ.

и факельное шествіе, и масса наслажденій во вкусѣ моей нравственной невѣсты-тетушки. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ Васъ. Даже А. спрашиваетъ: пріѣдетъ ли Наталья Михайловна?

Передайте Машѣ, что я уже писалъ ей насчетъ Елены. Она бѣжала на заводъ къ своему Парису, но опять вернулась и уже бѣгаетъ по лѣстницамъ. Старикъ, содержатель нашего «Эрмитажа», гдѣ Вы предавались излишествамъ, опасно заболѣлъ. Вѣроятно, умретъ.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Мать Вамъ кланяется и убѣдительно проситъ пріѣхать. Будьте здоровы и благополучны.

Гвоздика.

Если Маша не пріѣдетъ къ 10-му, то я уѣду изъ Богимова. Такъ и скажите ей.

Въ огородѣ у насъ нѣтъ ничего: ни огурцовъ, ни капусты... «Все померзло» оправдывается А. А телята прыгаютъ, прыгаютъ и скоро съѣдятъ самое А.

У насъ невыносимая жара и бездождіе. Г. уже убралъ клеверъ.

CLXV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ст. Козлятинъ, Ряжско-Бряжской жел. дор. (1891 г. Богимово).

Машя! Торопись ѣхать домой, такъ какъ безъ тебя наше интензивное хозяйство пришло въ совершенный упадокъ. Ѣсть нечего, мухи одолѣли, изъ ватера идутъ удушающіе міазмы, мангусъ разбилъ банку съ вареньемъ и проч. и проч.

Всѣ дачники вздыхаютъ и оплакиваютъ Вашъ отъѣздъ. Новаго ничего нѣтъ. Г. по прежнему не встрѣчаетъ ни въ комъ сочувствія и безъ толку мечется по двору,

его косая У. такъ же, какъ и при тебѣ, въ глаза улыбается, а за глаза кладетъ въ сметану иголки. Паучокъ отъ утра до вечера возится со своими пауками. Пять паучьихъ лапокъ уже описалъ, остались теперь только три. Когда онъ покончитъ съ пауками, то примется за блохъ, которыхъ будетъ ловить на своей тетушкѣ. К. каждый вечеръ сидятъ въ клубѣ и никакіе мои намеки не трогаютъ ихъ съ мѣста.

Погода жаркая, грибовъ нѣтъ. Суворинъ еще не пріѣхалъ. Елена возвратилась и уже бѣгаетъ по лѣстницамъ. Новостей, повторяю, никакихъ.

Кланяйся баронессѣ Икскуль, всѣмъ Линтваревымъ, С. и М. Куши кусочекъ мыла и подари его Х.: пусть вымоетъ харю.

Не забудь же напомнить Сушкину, что я забылъ у него наливку.

Скорѣй пріѣзжай, ибо скучно чертовски. Сейчасъ поймали лягушку и дали мангусу. Съѣлъ.

Всего хорошаго. Соціалисты не показываются: должно быть, замышляютъ сепаратизмъ. Украйна ихъ не забудэ. Будь здрава; привози съ собой баронессу Икскуль. Убѣди ее, что намъ безъ нея адски скучно.

Твой *Antonio*.

CLXVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

12 іюль. (1891 г. Богимово).

Милый и драгоцѣнный Владиміръ Алексѣевичъ, простите за неисправность!! Какъ вспомнишь, что неизвѣстно, когда поѣдутъ съ письмами на станцію, то руки

опускаются и нѣтъ охоты писать. Какъ бы ни было, отвѣчаю:

1) Лавровъ на Кавказѣ. Вернется въ августѣ.

2) Съ Сытинымъ былъ разговоръ объ изданіи Вашихъ книгъ. Онъ отвѣтилъ неопредѣленно и уклончиво, и изъ тона его я заключилъ, что лучше всего Вамъ самому списаться съ нимъ, или же поговорить при свиданіи. Это человѣкъ коммерческій.

3) Говорилъ съ Суворинымъ и заключилъ, что онъ весьма Вамъ симпатизируетъ. Я думаю, что если бы Вы обратились къ нему съ опредѣленнымъ предложеніемъ, то есть опредѣленно указали, *какая* должность Вамъ улыбается и что Вы умѣете, желаете дѣлать у него и проч.—то Ваше предложеніе, пожалуй, имѣло бы успѣхъ. Мой совѣтъ: въ книжномъ магазинѣ и по книжному издательству Вамъ нечего дѣлать; если поступать куда, то въ газету.

Будьте добры, пришлите мнѣ въ займы тысячу рублей[1]).

Хочется уѣхать куда нибудь.

Будьте здоровы и не сердитесь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Г. Алексинъ, Тульск. губ. (1891 г. Іюль).

Фотографическій и плодовытый братъ мой! Я давно уже получилъ отъ тебя письмо съ фотографіями Семашко, но не отвѣчалъ до сихъ поръ, потому что все время придумывалъ великія мысли, необходимыя для отвѣта. Всѣ наши живы и здравы, часто о тебѣ вспоминаемъ и жалѣемъ, что плодовытость мѣшаетъ тебѣ пріѣхать

[1]) Шутка.

къ намъ на дачу, гдѣ ты былъ бы весьма не лишнимъ. Отецъ, какъ я уже писалъ тебѣ, бросилъ Иваныгорча и живетъ съ нами. Суворинъ былъ два раза, говорилъ про тебя, ловилъ рыбу. Я занятъ по горло Сахалиномъ и другими работами, не менѣе каторжными и скучными. Мечтаю о выигрышѣ 40 тыс., чтобы отрѣзать отъ себя ножницами надоѣвшее писательство, купить немножко земли и зажить байбакомъ по сосѣдству съ тобою и Иваномъ — я мечтаю Вамъ обоимъ, какъ бѣднымъ родственникамъ, подарить по 5 десятинъ. Въ общемъ живется мнѣ скучновато; надоѣло работать изъ-за строчекъ и пятачковъ, да и старость подходитъ все ближе и ближе..

Послѣдній разсказъ Сѣдого [1]), по моему мнѣнію, раздѣляемому Суворинымъ, хорошъ, но не слѣдуетъ популяризировать Ч. Надо говорить просто «докторъ». Отчего мало пишешь?

Былъ ли ты въ компаніи Комарова при встрѣчѣ французской эскадры? Если былъ, то опиши.

Съ нами въ одномъ дворѣ живетъ зоологъ В. А. Вагнеръ, который кончилъ вмѣстѣ съ тобой. Пишетъ весьма солидную диссертацію. Съ нами же въ одномъ дворѣ живетъ извѣстный художникъ Киселевъ. По вечерамъ совершаемъ вмѣстѣ прогулки и философствуемъ.

Что Коломнинъ? [2]) Пр. Покровскій [3]) проситъ, чтобы онъ прислалъ ему свою фотографію.

Напиши подлиннѣе. Будь здравъ. Кланяйся своему почтенному семейству.

Твой *А. Чеховъ.*

Могила Николая въ исправности.

Мой адресъ: г. Алексинъ, Тульской губ.

---

[1]) Адрессата.
[2]) Ал. П. учился вмѣстѣ съ А. П. въ таганрогской гимназіи.
[3]) Законоучитель таганрогской гимназіи.

CLXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 іюль. (1891 г. Богимово).

Салазки старухѣ починилъ. За лошадей заплатилъ 5 рублей — столько запросилъ хозяинъ; остальные 5 р. распредѣлилъ такъ: 3 рубля въ фондъ, который я учреждаю въ Богимовѣ подъ названіемъ «больничнаго» (въ пользу больницы, которую будутъ строить); оставшіеся 2 рубля лежатъ у меня въ столѣ и ничего не дѣлаютъ.

Напишите пожалуста, какъ Вы доѣхали до Одессы и что тамъ видѣли. Пришолъ ли «Петербургъ» со Щербакомъ? Привезли ли Яванскую лошадь? Напишите также про Вашу любимицу Ѳеодосію, про патріарха-католикоса Айвазіанца и его одалиску Никитишну, про Папарубу, Булгàкова и прочихъ армяшекъ.

Я, быть можетъ, пріѣду въ августѣ, или же совсѣмъ не пріѣду, такъ какъ я занятъ по горло и спѣшу нажить капиталы.

Въ случаѣ, ежели будетъ на Ваше имя корреспонденція для передачи мнѣ, то пришлите. Если будетъ денежный пакетъ, то вскройте его и содержимое переложите въ другой конвертъ.

Къ N. пріѣхали еще двѣ тетушки. Всѣ тетушки сдобныя и миндальныя; необыкновенное благородство чувствъ. Онѣ обожаютъ своего ученаго племянника до такой степени, что ходятъ за его женой, какъ жандармы, боясь, чтобы кто нибудь не посягнулъ на честь Володинаго ложа. Она въ лѣсъ, онѣ за нею; она купаться— онѣ въ воду.

Пріѣхалъ художникъ Киселевъ.

Будьте здоровы. Нижайшій поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и всѣмъ Вашимъ.

Погода у насъ продолжаетъ быть жаркой.

Миша въ Каширѣ, Маша еще не пріѣхала.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ ожиданіи табака изъ Одессы, курю трактирныя папиросы. Трактирщикъ поправляется.

CLXIX.

И. И. Горбунову.

(Съ подлинника).

Г. Алексинъ, Тульск. губ. 18 іюль (1891 г.).

Многоуважаемый
Иванъ Ивановичъ!

Печатать моихъ «Бабъ» можете. Что касается Вашего желанія, чтобы я присылалъ Вамъ оттиски своихъ разсказовъ, которые буду находить для Васъ подходящими, то я принялъ его къ свѣдѣнію. О разсказахъ и статьяхъ другихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, которые годились бы для Васъ, я подумаю и поговорю со свѣдующими людьми. Авось и придумаемъ что-нибудь.

Изъ присланнаго Вами каталога я выбралъ №№ 96, 40, 106, 23, 53, 99, 107, 64, 56, 25, 79, 508, 509, 503 и 507. За присылку этихъ книжекъ я буду Вамъ очень благодаренъ. Пришлите также и моего «Ваньку», если онъ уже напечатанъ. Если найдете полезнымъ и удобнымъ, то пришлите и корректуру «Бабъ». Я прочту и не задержу.

Желаю Вамъ всего хорошаго

Искренно Васъ уважающій
А. Чеховъ.

CLXX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

20 Іюль. Г. Алексинъ, Тульск. губ. (1891 г.).

Здравствуйте, многоуважаемая Марія Владиміровна! Ради Создателя, напишите, что и какъ у Васъ, всѣ ли здоровы, и какъ въ отношеніи грибовъ и въ разсужденіи пискарей. Я въ долгу у Бабкинцевъ. Вернувшись изъ за границы, я нашелъ у себя на столѣ прочувствованное стихотвореніе насчетъ пьянства и письмо отъ Алексѣя Сергѣевича, написанное по французски. Стихи, принадлежащіе перу высокоталантливой Васплисы Пантелевны, я не замедлилъ послать отзывчивому Герасиму, а на письмо собирался отвѣтить каждый день и собрался только сегодня, когда надъ нашимъ паркомъ нависли дождевыя облака и я вспомнилъ, какъ въ такую погоду мы ходили въ Максимовку къ Левитану, и какъ Левитанъ грозилъ застрѣлить насъ изъ револьвера.

Живемъ мы въ Тарусскомъ уѣздѣ Калужской губ., въ селѣ Богимовѣ, въ усадьбѣ нѣкоего молодого барина, щеголяющаго въ рубахѣ на выпускъ и въ большихъ сапогахъ... Громадный домъ, отличный паркъ, непзбѣжные виды, при взглядѣ на которые я обязанъ почему-то говорить: «ахъ!», рѣчка, прудъ съ голодными, любящими попадаться на удочку карасями, масса больныхъ, запахъ іодоформа и прогулки по вечерамъ. Занимаюсь я своимъ Сахалиномъ и въ промежуткахъ, чтобы не уморить свое семейство голодомъ, ласкаю музу и пишу разсказы. Все по старому, ничего новаго. Встаю я ежедневно въ 5 часовъ утра и собственноручно варю себѣ кофе — признакъ, что я уже вошелъ въ колею стараго холостяка, а là Э. И. Тышко, и помирился съ этимъ. Маша пишетъ

красками. Миша съ честью носитъ свою кокарду, отецъ говоритъ объ архіереяхъ, мать хлопочетъ, Иванъ рыбу ловитъ. Въ одной усадьбѣ съ нами живутъ: зоологъ Вагнеръ съ семьей и Киселевы, но не тѣ Киселевы, а другіе, не настоящіе.

Вагнеръ ловитъ козявокъ и пауковъ, а Киселевъ-отецъ пишетъ этюды, такъ какъ онъ художникъ. Бываютъ у насъ спектакли, живыя картины и пикники. Очень смѣшно и весело, но стоитъ мнѣ только поймать ерша или найти грибъ, какъ я поникаю головой, уношусь мыслью въ прошлое и мой мозгъ и душа начинаютъ гробовымъ голосомъ пѣть дуэтъ: «Разстались мы»... Кумиръ поверженный и храмъ оставленный выростаютъ въ моемъ воображеніи и я съ благоговѣніемъ мыслю:— «Всѣхъ зоологовъ и великихъ художниковъ, я промѣнялъ бы на одного маленькаго Идіотика» [1]).

Погода у насъ все время стояла жаркая, сухая и только сегодня въ день Иліи трахнулъ громъ и разверзлись хляби небесныя. Хочется удрать куда-нибудь, хотя бы въ Америку или Норвегію.

Нижайшій поклонъ Земскому Начальнику и его сѣкущей машинѣ; Василису Пантелевну благодарю за стихи; хотѣлъ было отвѣтить ей стихами, цѣлый мѣсяцъ напрягалъ мозги, но голова треснула отъ натуги и все таки стиховъ не вышло. По неволѣ позавидуешь талантамъ! Елизаветѣ Александровнѣ и Сережѣ нижайшее почтеніе.

Мой адресъ: г. Алексинъ, Тульск. губ.

Будьте здоровы и благополучны. Да хранятъ Васъ добрые дýхи, которыхъ такъ много въ Бабкинѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) На Сережу Киселева—сына адрессатки.

CLXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

24 Іюль. (1891 г. Богимово).

Спасибо за приглашеніе. Должно быть, пріѣду, но не скоро, хоть страстно жажду моря, песку, ночныхъ разговоровъ и прочихъ крымско-ѳеодосійскихъ прелестей. Я очень занятъ; работаю много, но страницъ выходитъ мало. Скоро Вы получите эстетическое наслажденіе: пришлю вамъ разсказъ[1]), который уже готовъ больше, чѣмъ на половину и будетъ содержать въ себѣ 4 — 5 фельетоновъ.

Спасибо за пятачковую прибавку. Увы, ей не поправить моихъ дѣлъ! Чтобы нажить капиталы, какъ Вы пишете, и вынырнуть изъ пучины грошовыхъ заботъ и мелкихъ страховъ, для меня остался только одинъ способъ — безнравственный. Жениться на богатой или выдать Анну Каренину за свое произведеніе. А такъ какъ это невозможно, то я махнулъ на свои дѣла рукой и предоставилъ имъ течь, какъ имъ угодно.

Какъ то Вы хвалили мнѣ Rod'a, французскаго писателя, и говорили, что онъ Толстому нравится. На дняхъ мнѣ случилось прочесть одинъ его романъ и я руками развелъ. Это нашъ Мачтетъ, но только немножко поумнѣе. Ужасно много претензій, скука, потуги на оригинальность, а художественность чувствуется такъ мало, какъ соль въ той кашѣ, которую мы съ Вами варили вечеромъ въ Богимовѣ. Въ предисловіи этотъ Rod кается, что онъ былъ раньше натуралистомъ, и радуется, что спиритуализмъ послѣднихъ новобранцевъ литературы

---

[1]) «Дуэль».

успѣлъ смѣнить матеріализмъ. Мальчишеское хвостовство и при томъ грубое, аляповатое.. «Если, г. Зола, мы и не такъ талантливы, какъ Вы, то за то мы въ Бога вѣруемъ».

Погода у насъ чудеснѣйшая. Сейчасъ утро, а освѣщеніе такое, какъ въ маѣ, и я радъ. Тихо, тихо.

Собирателя грибовъ получили, а грибовъ нѣтъ. Кофе оказался.. жженымъ. Дожди были вчера и третьяго дня, но грибы проклятые не растутъ и мы въ отчаяніи.

Получилъ отъ Лесснига [1]) письмо. Онъ сочиняетъ. Благоговѣйте.

Что же Плещеевъ-фисъ будетъ дѣлать въ департаментѣ Скальковскаго? Не понимаю, хоть зарѣжьте. И неужели поэтъ Мережковскій и его муза еще за границею? Ахъ, ахъ!

Аннѣ Иваповнѣ, Настѣ и Борѣ нижайшій поклонъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXII.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

29 іюля. (1891 г. Алексинъ).

Здорово, Алеха! Обращаюсь къ тебѣ съ нижайшей просьбой. Во-первыхъ, найми для своей мамы хотя кривую и слѣпую старуху, чтобы было кому ставить самоваръ и отпирать двери. Это непремѣнно, иначе мы поссоримся. Во вторыхъ, купи оной Ѳедосьѣ Яковлевнѣ маслинъ и изрѣдка покупай у Генералова жареную рыбу. Въ третьихъ, по рецепту возьми порошки отъ кашля и давай ихъ по порошку на ночь. Въ четвертыхъ, неужели за все лѣто нельзя было ни разу позвать доктора?

[1]) Артистъ П. М. Свободинъ.

Денегъ я тебѣ дамъ въ займы, а ты отдашь, когда у тебя будутъ.

Возьми у Ивана, или Семашко, сколько нужно, а я отдамъ имъ, когда они пріѣдутъ.

Скажи Ивану и Семашкѣ, чтобы привезли рѣдьки и капусты.

Всѣ тебѣ кланяются и жалѣютъ, что ты не пріѣхалъ.

Поклонъ тетѣ.

Зачѣмъ ты возвратилъ мнѣ 6 рублей, которые остались послѣ покупокъ? Ахъ вы скупердяи, Плюшкины, жиды!! Можно ли считаться копѣйками. Это не по родственному.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29 іюль. (1891 г. Богимово).

Ну слава Богу! Сегодня получилъ изъ Книжнаго Магазина увѣдомленіе, что мнѣ приходится получить 690 руб, 6 коп. Написалъ въ отвѣтъ, чтобы вамъ въ Ѳеодосію выслали 500, а мнѣ остальные 190. И такъ значитъ, я остаюсь Вамъ долженъ только 170. Это утѣшительно. Все таки прогрессъ. Противъ долга по газетѣ я вооружаюсь громаднымъ разсказомъ, который на дняхъ кончу и пришлю. Должно быть, изъ долга выкину рублей 300 и самъ получу столько же. Уфъ!

Табакъ получилъ. Спасибо.

Къ Вамъ—увы!—едва ли пріѣду, а если пріѣду, то не такъ скоро, какъ хочу. Надо дѣла домашнія устраивать. Изъ всѣхъ домашнихъ дѣлъ я люблю только ловлю карасей и кашу на чистомъ воздухѣ, остальное

же презираю, но что дѣлать! необходимость — законъ. Даже римляне говорили — lex necessitatis т.-е. законъ необходимости.

Недавно за обѣдомъ у отца былъ легкій апоплексическій приступъ.

Ахъ Виноградовъ! Такихъ великихъ педагоговъ сѣчь нужно, а ихъ директорами дѣлаютъ. Если пріѣду въ Ѳеодосію, то разскажу Вамъ кое что про его проницательность, о которой Вы пишете.

Послѣ Иліи повѣяло холодомъ. Пахнетъ осенью. А я люблю россійскую осень. Что то необыкновенно грустное, привѣтливое и красивое. Взялъ бы и улетѣлъ куда нибудь вмѣстѣ съ журавлями. Когда то въ дѣтствѣ я осенью лавливалъ нѣвчихъ птицъ и продавалъ ихъ на базарѣ. Что это за наслажденіе! Это лучше, чѣмъ книги продавать.

Вашъ Книжный Магазинъ оспротѣлъ. Оказывается, что въ немъ нѣтъ ни одной моей книжки. Чеховъ, однимъ словомъ, выродился, о чемъ и свидѣтельствуетъ предлагаемая при семъ метрическая выпись.

Привезли на повозкѣ больную. Иду. Будьте здоровы. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Барбарисѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXIV.

Рецензія [1]).

(Богимово. 1891 г. Іюль).

Вчера въ селѣ Богимовѣ любителями сценическаго искусства данъ былъ спектакль. Это знаменательное событіе, какъ нельзя кстати, совпало съ пребываніемъ въ Кронштатѣ могущественнаго флота дружественной

[1]) По поводу спектакля, даннаго дѣтьми художника А. А. Киселева въ Богимовѣ.

намъ державы, и такимъ образомъ молодые артисты невольно способствовали упроченію симпатій и сліянію двухъ родственныхъ по духу націй. Vive la France! Vive la Russie!

Спектакль былъ данъ въ честь маститаго зоолога В. А. Вагнера. Не намъ говорить о значеніи зоологіи, какъ науки.. Читателямъ извѣстно, что до сихъ поръ клопы, блохи, комары и мухи—эти бичи человѣчества и ископные враги цивилизаціи — истреблялись исключительно только персидскимъ порошкомъ и другими продуктами латинской кухни, теперь же всѣ названныя насѣкомыя превосходно дохнутъ отъ скуки, которая постоянно исходитъ изъ сочиненій нашихъ маститыхъ зоологовъ.

На сценѣ было представлено что-то очень похожее на сцены изъ «Ревизора» и слѣдующія живыя картины: 1) Индусъ въ панталонахъ Хлестакова 2) Цыгане на пиру у греческихъ царей 3) Греческіе цари въ цыганскомъ таборѣ 4) Геній, вѣнчающій баннымъ вѣникомъ готентота и испанку. Исполненіе, въ высшей степени талантливое, добросовѣстное и обдуманное, вызвало всеобщій восторгъ. Г. Киселевъ, обладающій прекрасной сценической наружностью, выказалъ свой превосходный комическій талантъ. Онъ несомнѣнно комикъ. Но когда онъ становился къ публикѣ въ профиль, то въ его игрѣ и въ костюмѣ чувствовался глубокій, потрясающій трагизмъ. Г-жа Киселева 1-я съ самаго начала овладѣла вниманіемъ и сочувствіемъ публики, заявивъ себя артисткою во всѣхъ отношеніяхъ выдающеюся. Хорошія вокальныя средства, при несомнѣнномъ умѣніи прекрасно владѣть ими, сценическій талантъ при большой выработкѣ его, громадномъ знаніи сцены и сценической опытности дѣлаютъ изъ нея отличную актрису. Ей горячо апплодировали и послѣ каждаго акта подносили вѣнки и букеты, которые публика

пріобрѣтала за кулисами у гг. исполнителей, озаботившихся преждевременно приготовить предметы, необходимые для ихъ чествованія. Въ игрѣ г-жи Киселевой 2-й, исполнявшей трудную роль Мишки, мы не замѣтили тѣхъ недостатковъ, которые такъ не нравятся намъ въ Саррѣ Бернаръ и Дузе; дебютантка входила въ комнату въ шляпѣ и не брала письма, когда ей давали его, и такими, повидимому, ничтожными нюансами и штрихами она выказала оригинальность своего дарованія, какой могла бы позавидовать даже М. Н. Ермолова. Что же касается г-жи Вагнеръ, то игра ея произвела фуроръ; экцентричное, полное веселаго шаржа исполненіе, легкость, воздушность, небеспость, и при томъ прекрасная дикція въ связи съ рѣдкимъ знаніемъ условій сцены были истиннымъ торжествомъ таланта; ея появленіе и уходъ всякій разъ возбуждали въ публикѣ неудержимый смѣхъ. Изъ исполнительницъ живыхъ картинъ надо прежде всего отмѣтить г-жу Киселеву 3-ю (Надю), сіяющее лицо которой все время замѣняло артистамъ и публикѣ бенгальскій огонь.

Аменаида Эрастовна къ сожалѣнію участія въ спектаклѣ не принимала.

CLXXV.

И. И. Горбунову.

(Съ подлинника).

4 Авг. Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганга. (1891 г.).

Многоуважаемый
Иванъ Ивановичъ!

Я получилъ Вашу посылку, а сегодня мнѣ прислали еще изъ Алексина заказную бандероль: Плещеева и Чернокрыла, которыхъ я получилъ ранѣе, въ посылкѣ.

Очень Вамъ благодаренъ. Громадное большинство книжекъ читается съ интересомъ. Особенно хороши толстовскія и лѣсковскія вещи. Хорошо изложенъ Эпиктетъ. Хороши виньетки, особенно на Данилѣ совѣстливомъ и на пушкинской сказкѣ. Вообще и по внѣшности и по внутреннему содержанію, и по духу посылка произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе. «Ваньку» и корректуру «Бабъ» благоволите прислать по вышеписанному адресу.

Искренно Васъ уважающій *А. Чеховъ.*

CLXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Августъ. (1891 г. Богимово).

Вашъ докторъ не такъ виноватъ, какъ Вы думаете. Если онъ бросался отъ печени къ бронхиту и отъ бронхита къ брюшинѣ, то воображаю его положеніе. Бываютъ часто заболѣванія, въ которыхъ не теряетъ головы только тотъ, кто не лѣчитъ. Ошибка доктора только въ томъ, что онъ часто бывалъ у Васъ. Это просто жадность.

Когда Вы заболѣете, то пожалуста телеграфируйте мнѣ. Я пріѣду, застану Васъ здоровымъ и возьму за визитъ сто рублей. Съ Вашимъ братомъ нельзя церемониться. Въ Симферополь же, какъ Вы пишете, отправлять Васъ не буду.

Странное впечатлѣніе производитъ въ домѣ смерть прислуги. Не правда ли? Человѣкъ, будучи живымъ, обращалъ на себя вниманіе только постольку, поскольку онъ «человѣкъ»; но когда умеръ, вдругъ захватилъ всеобщее вниманіе, легъ гнетомъ на весь домъ и обратился въ хозяина-деспота, о которомъ только и говорятъ.

У Николая былъ *заворотъ кишокъ*. Ву компрене?

Разсказъ свой кончу завтра, или послѣ завтра, но не сегодня, ибо къ концу онъ утомилъ меня чертовски. Благодаря спѣшной работѣ, я потратилъ на него 1 ф. нервовъ. Композиція его немножка сложна, я путался и часто рвалъ то, что писалъ, цѣлыми днями былъ недоволенъ своей работой—оттого до сихъ поръ и не кончилъ. Какой ужасъ! Мнѣ нужно переписывать его! А не переписывать нельзя, ибо чертъ знаетъ, что напутано. Боже мой, если мои произведенія нравятся публикѣ такъ же мало, какъ мнѣ чужія, которыя я читаю теперь, то какой я оселъ! Въ нашемъ писательствѣ есть что-то ослиное.

Къ великому моему удовольствію пріѣхала къ намъ изумительная астрономка. Она на Васъ сердита и называетъ Васъ почему-то «краснорѣчивымъ» сплетникомъ. Во первыхъ, она свободна и самостоятельна, во вторыхъ она не признаетъ мужчинъ, въ третьихъ всѣ печенѣги и инсипиды, а Вы осмѣлились написать ей мой адресъ съ такимъ обращеніемъ: «Обожаемое Вами существо живетъ».. и т. д. Помилуйте, развѣ можно заподозривать земныя чувства у астрономокъ, летающихъ подъ небесами? Она цѣлый день говоритъ и хохочетъ, превосходно собираетъ грибы и мечтаетъ о Кавказѣ, куда уѣзжаетъ сегодня.

Братъ Александръ берется за умъ. Повидимому. Его фельетонъ о почлежномъ домѣ ничего себѣ даже весьма.

Поправить мои обстоятельства, т. е. сдѣлать ихъ иными, или лучшими, невозможно. Есть больные, которые излѣчиваются только единственнымъ простымъ и крутымъ средствомъ, а именно: «встань, возьми одръ свой и иди.» Я же не въ силахъ взять своего одра и уйти, а стало быть и говорить нечего.

Неужели у Васъ не жарко? Это досадно. Когда я

мечтаю о поѣздкѣ въ Ваши палестины, мнѣ улыбается жара. О поѣздкѣ къ Вамъ, буде она состоится, я начну говорить не раньше 16-го Августа. Надо разсказъ кончить и своихъ устроить. Надо за московскую квартиру 200 рублей заплатить, за лѣтніе мѣсяцы. Надо искать новую квартиру и тоже платить и т. д. все въ такомъ же идіотскомъ родѣ.

На счетъ имѣнія... Ахъ, я Вамъ скажу! Впрочемъ, скажу послѣ, когда увидимся. Чувствую, быть намъ сосѣдями! За потраву я буду драть съ Васъ по 5 цѣлковыхъ за каждую пойманную скотину.

Грибовъ много. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Авг. (1891 г. Богимово).

Наконецъ кончилъ свой длинный утомительный разсказъ [1]) и посылаю Вамъ его заказною бандеролью въ Ѳеодосію. Прочтите пожалуста. Для газеты онъ слишкомъ длиненъ, а по содержанію не годится на то, чтобы его можно было дѣлить на части. Впрочемъ, какъ знаете.

Если отложите печатаніе его до осени, то я въ Москвѣ прочту корректуру—отъ этого разсказъ не потеряетъ, а касса Новаго Времени только выграетъ, такъ какъ моя корректура всегда убавляетъ число строкъ.

---

[1]) «Дуэль».

Такъ какъ сей разсказъ пока составляетъ мой единственный текущій рессурсъ, то для успокоенія телеграфируйте мнѣ, что вы его получили.

Въ разсказѣ больше 4 печатныхъ листовъ. Это ужасно. Я утомился и конецъ тащилъ я точно обозъ въ осеннюю грязную ночь: шагомъ, съ остановками—оттого и опоздалъ. Половина гонорара, если не забракуете разсказа, пойдетъ на уплату долга по газетѣ, а другая половина въ мою утробу. Если отложите печатаніе разсказа до осени, то телеграфируйте почтенной конторѣ, чтобы она поскорѣе выслала мнѣ въ счетъ разсказа 300 рублевъ, а то у меня свиститъ въ карманахъ и не съ чѣмъ выѣхать. Высылка денегъ, конечно, должна состояться только при условіи, если разсказъ удобенъ и проч.

Увы! Къ Вамъ я не пріѣду. Говорю это гробовымъ голосомъ. Мнѣ не съ чѣмъ выѣхать, а новыхъ долговъ дѣлать не хочу.

Очень много грибовъ. Погода жаркая.

Напишите: до какого числа Вы будете жить въ Ѳеодосіи? Я, быть можетъ, вырвусь какъ нибудь.

Кланяйтесь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Авг. (1891 г. Богимово).

Сегодня вмѣстѣ съ разсказомъ я послалъ Вамъ одно письмо, а вотъ Вамъ другое въ отвѣтъ на Ваше только что полученное. Говоря о Николаѣ и лѣчившемъ его докторѣ, Вы упираете на то, что «все это дѣлается безъ

любви, безъ самопожертвованія даже относительно своихъ маленькихъ удобствъ». Вы правы, говоря это вообще о людяхъ, но что прикажете дѣлать врачамъ? Что если въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ ваша няня, «кишка лопнула», то что тутъ подѣлаешь, даже если захочешь жизнь свою отдать больному? Обыкновенно, когда домашніе, родные и прислуга принимаютъ «всѣ мѣры» и изъ кожи лѣзутъ вонъ, докторъ сидитъ и глядитъ дуракомъ, опустивъ руки, уныло стыдясь за себя и за свою науку и стараясь сохранить наружное спокойствіе.. У врачей бываютъ отвратительные дни и часы, не дай Богъ никому этого. Среди врачей, правда, нерѣдкость невѣжды и хамы, какъ и среди писателей, инженеровъ, вообще людей, но тѣ отвратительные часы и дни, о которыхъ я говорю, бываютъ только у врачей, и за сіе, говоря по совѣсти, многое простить должно.

А что «человѣка мало колотятъ по головѣ—онъ заслуживаетъ плетей», я пожалуй готовъ согласиться съ Вами, если Вы докажете, что человѣкъ до сихъ поръ наслаждался блаженствомъ и что онъ не забитъ и не заколоченъ до отупѣнія судьбой.

Алексѣй Алексѣевичъ въ Ѳеодосіи? Ахъ, хорошо бы на песочкѣ сыграть въ пикетъ!

Мой братъ учитель получилъ за усердіе медаль и мѣсто въ Москвѣ. Это упрямый человѣкъ въ хорошемъ смыслѣ и добьется своего. Ему нѣтъ еще и 30 лѣтъ, а онъ въ Москвѣ считается уже образцовымъ педагогомъ.

Я сегодня ночью просыпался и думалъ о своей повѣсти, которую послалъ Вамъ. Пока я писалъ ее и спѣшилъ чертовски, у меня въ головѣ все перепуталось и работалъ не мозгъ, а заржавленная проволока. Не слѣдуетъ торопиться, иначе выходитъ не творчество, а дерьмо. Если не забракуете разсказа, то отложите

печатаніе до осени, когда можно будетъ прочесть корректуру.

Разсказъ Ежова «Пытка» грубъ и сплошная не образованщина, но читается съ интересомъ. Малый замѣтно прогрессируетъ.

Намъ пишутъ: ген. Кононовичъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій по поводу недочета въ 400 тысячъ.

Астрономка теперь въ Батумѣ. Такъ какъ я сказалъ ей, что тоже пріѣду въ Батумъ, то она пришлетъ въ Ѳеодосію свой адресъ. Въ послѣднее время ока еще умнѣе стала. Однажды я слушалъ ученый споръ ея съ зоологомъ В., котораго Вы знаете. Мнѣ показалось, что въ сравненіи съ нею ученый магистръ просто мальчишка. У нея логика хорошая и большой здравый смыслъ, но нѣтъ руля . . . . . , такъ что она плыветъ, плыветъ и сама не знаетъ куда.

Ну, пошли Вамъ Господи всего хорошаго. Будьте здоровы. Поклонитесь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и Алексѣю Алексѣевичу, если онъ еще не уѣхалъ.

Везла баба рожь и свалилась съ воза внизъ головой. Страшно разбилась: сотрясеніе мозга, вытяженіе шейныхъ позвонковъ, рвота, сильныя боли и проч. Привезли ее ко мнѣ. Она стонетъ, охаетъ, проситъ у Бога смерти, а сама глядитъ на мужика, который ее привезъ, и бормочетъ:—«Ты, Кирила, брось чечевицу, послѣ отмолотишь, а теперь овесъ молоти». Я ей говорю, что послѣ объ овсѣ, а теперь, молъ, есть поговорить о чемъ посерьезнѣе, а она мнѣ:—«Овесъ-то у него очень хорошій!» Хлопотливая, завидующая баба. Такимъ легко помирать.

Я уѣду въ Москву 5-го Сентября. Надо новую квартиру искать.

Всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Авг. Алексинъ. (1891 г.).

Посылаю Вамъ фельетонъ Михайловскаго о Толстомъ. Читайте и совершенствуйтесь. Фельетонъ хорошъ, но странно, пишши такихъ фельетоновъ хоть тысячу и всетаки дѣло не подвинется ни на шагъ и всетаки не понятнымъ остается, для чего всѣ эти фельетоны пишутся.

За симъ посылаю Вамъ злобу дня, брошюрку нашего московскаго профессора Тимирязева, надѣлавшую много шуму. Дѣло въ томъ, что у насъ въ Москвѣ и въ Россіи вообще есть проф. Богдановъ, зоологъ, очень важная превосходительная особа, забравшая въ свои руки все и вся, начиная съ зоологіи и кончая россійской прессой. Сія особа продѣлываетъ безнаказанно все, что ей угодно. И вотъ Тимирязевъ выступилъ въ походъ. Напечаталъ онъ свою статью въ брошюркѣ, а не въ газетѣ, потому что, повторяю, всѣ газеты въ рукахъ Богданова. Если иногда . . . ., или министры забираютъ въ свои руки прессу, то почему не дозволить этого Моск. Университету? И Университетъ въ лицѣ Богданова забралъ и довольно ловко.. Но объ этомъ послѣ, при свиданіи, ибо въ письмо все не влѣзетъ.

Какъ добавленіе къ брошюрѣ, посылаю замѣтку. Тимирязевъ воюетъ съ шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоологія стоитъ ботаники. Вы прочтите замѣтку до конца; не надо быть ботаникомъ, или зоологомъ, чтобы понять, какъ *низко* стоитъ у насъ то, что мы по невѣдѣнію считаемъ высокимъ.

Если замѣтка годится, то напечатайте ее; если она

не удобна, то разумѣется къ черту. Замѣтка покажется Вамъ рѣзкою, но я въ ней ничего не преувеличилъ и не солгалъ ни на іоту, ибо пользовался документальными данными.

Подписываюсь я буквой Ц [1]), а не собственной фамиліей на томъ основаніи, что во первыхъ замѣтка писана не мною однимъ, во-вторыхъ, авторъ долженъ быть неизвѣстенъ, ибо Богданову извѣстно, что В. живетъ съ Чеховымъ, а В. надо защищать докторскую диссертацію и т. д.—и ради грѣховъ моихъ В. могутъ безъ всякихъ объясненій вернуть назадъ его диссертацію. Да и къ чему моя подпись?

Гонорара не надо, ибо половина замѣтки состоитъ изъ выписокъ изъ Тимирязева и документовъ.

И такъ два условія: сохраненіе имени автора въ самой строгой тайнѣ и вмѣсто гонорара фунтъ табаку. Въ случаѣ не согласія хотя бы на одно изъ сихъ условій, замѣтку прошу не печатать.

Замѣтка, въ случаѣ надобности, подлежитъ сокращеніямъ и стилистическимъ измѣненіямъ.

Пишу свой Сахалинъ и скучаю, скучаю.. Мнѣ надоѣло жить въ сильнѣйшей степени.

Судя по Вашей телеграммѣ, я не угодилъ Вамъ разсказомъ. Напрасно Вы постѣснялись вернуть мнѣ его обратно. Я бы послалъ его въ Сѣв. Вѣстникъ. Кстати оттуда я уже получилъ два письма. Печатать въ газетѣ длинное да еще чертъ знаетъ что весьма непріятно.

Выѣду я въ Москву 2 или 3 Сентября.

Ваша телеграмма пролежала на станціи 4 дня. Напрасно Вы послали на станцію. Надо такъ: Алексинъ Чехову.

Я смотрѣлъ нѣсколько имѣній. Маленькія есть, а

[1]) Фельетонъ «Фокусники» въ «Нов. Врем.».

большихъ, которыя годились бы для Васъ, нѣтъ. Маленькія есть въ 1½, 3 и 5 тысячъ. За полторы тысячи 40 десятинъ, громадный прудъ и домикъ съ паркомъ.

Ахъ, какъ мнѣ надоѣли больные! Сосѣдняго помѣщика трахнулъ нервный ударъ и меня таскаютъ къ нему на паршивой бричкѣ-трясучкѣ. Больше всего надоѣли бабы съ младенцами и порошки, которые скучно развѣшивать.

У Александра родился сынъ.

Наступаетъ голодный годъ. Вѣроятно, будутъ всякія болѣзни и мелкіе бунты.

Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ нижайшій поклонъ и пожеланіе всякихъ благъ.

Я купаюсь. Вода холодная. Обжигаетъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Послѣ 2-го Сентября пишите въ Москву, Мал. Дмитровка, д. Фирангъ.

Какъ здоровье Алексѣя Алек.? Что насморкъ?

CLXXX.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Авг. (1891 г. Богимово).

Вамъ разсказъ [1]) нравится, ну слава Богу. Въ послѣднее время я сталъ чертовски мнителенъ. Мнѣ все кажется, что на мнѣ штаны скверныя и что я пишу не такъ, какъ надо, и что даю больнымъ не тѣ порошки. Это психозъ, должно быть.

[1]) «Дуэль».

Если фамилія у Ладзіевскаго въ самомъ дѣлѣ скверная, то можно его назвать иначе. Пусть будетъ Лагіевскимъ. Фонъ Коренъ пусть остается фонъ Кореномъ. Изобиліе Вагнеровъ, Брандты, Фаусеки и проч. отрицаютъ русское имя въ зоологіи, хотя всѣ они русскіе. Впрочемъ есть Ковалевскій. Кстати сказать, русская жизнь теперь такъ перепуталась, что всякія фамиліи годятся.

Сахалинъ подвигается. Временами бываетъ, что мнѣ хочется сидѣть надъ нимъ 3—5 лѣтъ и работать надъ нимъ неистово, временами же въ часы мнительности взялъ бы и плюнулъ на него. А хорошо бы, ей Богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не спеціалистъ, но, право, напишу кое-что и дѣльное. А Сахалинъ тѣмъ хорошъ, что онъ жилъ бы послѣ меня сто лѣтъ, такъ какъ былъ бы литературнымъ источникомъ и пособіемъ для всѣхъ, занимающихся и интересующихся тюрьмовѣдѣніемъ.

Вы правы, Ваше превосходительство, въ это лѣто я много сдѣлалъ. Если бъ еще одно такое лѣто, то я бы, пожалуй, романъ написалъ и имѣнье купилъ. Шутка ли, я не только питался, но даже тысячу рублей долгу выплатилъ. Пріѣду въ Москву, возьму за Медвѣдя изъ Общества рублей 150—200, такъ вотъ и питаетъ Богъ нашего брата свистуна.

У меня вышла интересною и поучительною глава о бѣглыхъ и бродягахъ. Когда въ крайности буду печатать Сахалинъ по частямъ, то пришлю ее Вамъ.

Теперь просьба. А. В. Щербакъ писалъ мнѣ, что ему желательно издать у Васъ книжку съ рисунками (которые у него, кстати сказать, очень интересны); хочетъ собрать всѣ свои фельетоны и статьи и сочетать во едину плоть. Просилъ меня походатайствовать у Васъ. Если Вы согласитесь, то я буду телеграфировать ему во

Владивостокъ. Отвѣтьте поскорѣе, ибо «Петербургъ» [1]) скоро будетъ во Владивостокѣ.

То, что я не побывалъ у Васъ въ Ѳеодосіи, великая потеря для моего здравія. Я теряю въ вѣсѣ.

Объясните мнѣ, въ чемъ заключается Вашъ параличъ, о которомъ Вы мнѣ не разъ говорили и недавно писали? Прогрессивный, что ли? Нѣтъ, сударь мой, это у Васъ не параличъ, а скука, жупелъ.

А что же Каштанка? За три года, пока она у Васъ лежитъ, я бы три тысячи заработалъ.

Алексѣю Алексѣевичу передайте, что я ему завидую. И Вамъ я завидую. И не потому, что отъ Васъ жены уѣхали, а что Вы купаетесь въ морѣ и живете въ тепломъ домѣ. У меня въ сараѣ холодно. Я бы хотѣлъ теперь ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ. Увы, никогда я не буду толстовцемъ! Въ женщинахъ я прежде всего люблю красоту, а въ исторіи человѣчества—культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли. Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ!

Аннѣ Ивановнѣ и Евгеніи Константиновнѣ низко кланяюсь и желаю всѣхъ благъ. Если, какъ Вы пишете, у Анны Ивановны блуждающая почка, то вѣдь это не опасно.

Да хранитъ Васъ Богъ!

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Когда будете возвращаться домой, привезите мнѣ стручковаго перцу, который такъ хорошъ въ Ѳеодосіи. Привезите зеленаго и краснаго.

Получили ли критику на зоологію?

Что Ладзіевскій переписываетъ? Въ провинціи всю

---

[1]) Пароходъ Добровольнаго флота, на которомъ А. П. возвратился съ Сахалина.

письменную работу несутъ мелкіе канцелярпсты за особую плату, а титуляры и ассесоры водку пьютъ.

Если изъ «Дуэли» выбросить зоологическіе разговоры, то не станетъ ли она оттого живѣе?

Пишите теперь въ Москву: Малая Дмитровка, домъ Фирангъ.

CLXXXI.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

2 сентябрь. Г. Алексинъ. (1891 г.).

Простите, многоуважаемая Елена Михайловна, что я такъ долго держалъ Васъ въ неизвѣстности относительно «дѣловыхъ бумагъ» [1]). Для насъ, дѣловыхъ людей, время—деньги, а я не отвѣчалъ цѣлыхъ 3 мѣсяца!

Ну, да что дѣлать!

Разсказы Ваши мнѣ понравились по обыкновенію, особенно «Маленькая барышня», но я рѣшилъ не посылать ихъ Суворину, не повидавшись предварительно съ Вами. Нужно поговорить съ Вами.

Вы остановились въ Лоскутной. Миша [2]) вывелъ изъ этого заключеніе, что Вы переѣзжаете въ Петербургъ.

Значитъ, въ Петербургѣ увидимся? Въ Москвѣ я буду около 5 сентября. Адресъ: Мал. Дмитровка, д. Фирангъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Уважающій

А. Чеховъ.

---

[1]) Подъ такимъ названіемъ адрессатка пересылала по почтѣ бандеролью свои разсказы Антону П—чу.

[2]) М. П. Чеховъ.

CLXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Сент. Москва, Мл. Дмитровка, д. Фиргангъ. (1891 г.).

Я уже переѣхалъ въ Москву и сижу безвыходно дома. Семья хлопочетъ о перемѣнѣ квартиры, а я молчу, ибо лѣнь повернуться. Чтобы дешевле было, хотятъ переѣхать къ Дѣвичьему полю.

Для моей повѣсти рекомендуемое Вами названіе «Ложь» не годится. Оно умѣстно только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о сознательной лжи. Безсознательная ложь есть не ложь, а ошибка. То, что мы имѣемъ деньги и ѣдимъ мясо, Толстой называетъ ложью—это слишкомъ.

Вчера меня извѣстили, что Курепинъ болѣнъ безнадежно. У него ракъ на шеѣ. Прежде чѣмъ умретъ, ракъ съѣстъ ему половину головы и замучаетъ невралгіями. Говорятъ, что жена Курепина писала Вамъ.

Смерть подбираетъ людей понемножку. Знаетъ свое дѣло. Напишите пьесу: старый химикъ изобрѣлъ эликсиръ безсмертія—15 капель на пріемъ и будешь жить вѣчно; но химикъ разбилъ стклянку съ элексиромъ изъ страха, что будутъ вѣчно жить такіе стервецы, какъ онъ самъ и его жена. Толстой отказываетъ человѣчеству въ безсмертіи, но Боже мой сколько тутъ личнаго! Я третьяго дня читалъ его «Послѣсловіе». Убейте меня, но это глупѣе и душнѣе, чѣмъ «Письма къ губернаторшѣ», которыя я презираю. Чертъ бы побралъ философію великихъ міра сего! Всѣ великіе мудрецы деспотичны, какъ генералы, и невѣжливы и не деликатны, какъ генералы, потому что увѣрены въ безнаказанности. Діогенъ плевалъ въ бороды, зная, что ему за это ничего не будетъ; Толстой ругаетъ докторовъ

мерзавцами и невѣжничаетъ съ великими вопросами, потому что онъ тотъ же Діогенъ, котораго въ участокъ не поведешь и въ газетахъ не выругаешь. И такъ, къ черту философію великихъ міра сего! Она вся, со всѣми юродивыми послѣсловіями и письмами къ губернаторшѣ, не стоитъ одной кобылки изъ «Холстомѣра».

Поклонитесь товарищу по гимназіи Алексѣю Петровичу [1]) и пожелайте ему хорошаго здоровья, игриваго настроенія и обольстительныхъ сновъ. Желаю, чтобы ему приснилась голая испанка съ гитарой.

Аннѣ Ивановнѣ и Алексѣю Алексѣевичу со чады нижайшее почтеніе.

Будьте здоровы и не забывайте меня грѣшнаго. Я очень скучаю.

Вашъ
А. Чеховъ.

CLXXXIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

14 Сент. (1891 г. Москва).

Разсказъ я пришлю, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ, но сказать, какъ онъ будетъ называться, я не могу. Назвать его теперь такъ же трудно, какъ опредѣлить цвѣтъ курицы, которая вылупится изъ яйца, которое еще не снесено. Благодарю за приглашеніе.

У Васъ уже двое дѣтей? Это хорошо. Если есть дѣти, то, значитъ, Вы здоровы и Вамъ не скучно жить. Редакторство Ваше меня нисколько не удивило и не вызвало ни одного вопроса, ни даже того, на который Вы поторопились отвѣтить. Кому же быть редакторами,

---

[1]) Коломнину.

какъ не литераторамъ? Только, съ Вашего позволенія, вотъ Вамъ мой завѣтъ: читайте *все* присылаемое и не относитесь недовѣрчиво къ новичкамъ. Заведите статейки по естественнымъ наукамъ и не давайте мѣста шарадамъ и критическимъ статьямъ.

Работы по горло. Пишу про Сахалинъ. Окончаніе этой работы представляется мнѣ такимъ же отдаленнымъ, какъ время, когда всѣ будутъ цѣломудренны по рецепту толстовскаго Позднышева. Работалъ я все лѣто и теперь работаю, а денегъ нѣтъ и нѣтъ. Заграничная поѣздка сожрала меня съ руками и ногами.

Какъ Ваши драматическія дѣла? Въ какомъ положеніи слава?

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вамъ и Вашимъ дѣткамъ всего хорошаго. Въ Питеръ пріѣду не раньше декабря.

Коли не забудете, пришлите мнѣ номерокъ «Сѣвера» для знакомства.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXIV.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

16 Сентябрь. (1891 г. Москва).

Мы, старые холостяки, пахнемъ какъ собаки? Пусть такъ, но насчетъ того, что врачи по женскимъ болѣзнямъ въ душѣ селадоны и циники, позвольте мнѣ поспорить. Гинекологи имѣютъ дѣло съ непстовой прозой, которая Вамъ даже не снилась, и которой Вы, быть можетъ, если бъ знали ее, со свирѣпостью, свойственной Вашему воображенію, придали бы запахъ хуже чѣмъ собачій. Кто постоянно плаваетъ въ морѣ,—тотъ любитъ сушу; кто вѣчно погруженъ въ прозу, тотъ

страстно тоскуетъ по поэзіи. Всѣ гинекологи идеалисты. Вашъ докторъ читаетъ стихи, чутье подсказало Вамъ правду; я бы прибавилъ, что онъ большой либералъ, немножко мистикъ и мечтаетъ о женѣ во вкусѣ некрассвской русской женщины. Извѣстный Снегиревъ говоритъ о «русской женщинѣ» не иначе, какъ съ дрожью въ голосѣ. Другой гинекологъ, котораго я знаю, влюбленъ въ какую-то таинственную незнакомку подъ вуалью, которую онъ видѣлъ издали. Третій ходитъ въ театръ на всѣ первыя представленія,—и потомъ громко бранится около вѣшалокъ, увѣряя, что авторы обязаны изображать однихъ только идеальныхъ женщинъ и т. п.—Вы упустили также изъ виду, что хорошимъ гинекологомъ не можетъ быть глупый человѣкъ или посредственность. Умъ, хотя бы семинарскій, блеститъ ярче чѣмъ лысина, а Вы лысину замѣтили и подчеркнули,—а умъ бросили за бортъ. Вы замѣтили также, и подчеркнули, что толстый человѣкъ—бррр!—выдѣляетъ изъ себя какой-то жиръ, но совершенно упустили изъ виду, что онъ профессоръ, т. е. что онъ нѣсколько лѣтъ думалъ и дѣлалъ что-то такое, что поставило его выше милліоновъ людей, выше всѣхъ Вѣрочекъ и таганрогскихъ гречанокъ, выше всякихъ обѣдовъ и винъ. У Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и кажется Афетъ. Хамъ замѣтилъ только, что отецъ его пьяница и совершенно упустилъ изъ виду, что Ной геніаленъ, что онъ построилъ ковчегъ и спасъ міръ.

Пишущіе не должны подражать Хаму. Намотайте это себѣ на усъ.

Я не смѣю просить Васъ, чтобы Вы любили гинеколога и профессора, но смѣю напомнить о справедливости, которая для объективнаго писателя дороже воздуха.

Дѣвочка изъ купеческаго званія сдѣлана превосходно.

Хорошо въ рѣчи доктора мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о невѣріи своемъ въ медицину, но не надо, чтобы онъ пилъ послѣ каждой фразы.

Любовь къ трупу—это раздраженіе Вашей плѣнной мысли. Вы не видѣли труповъ.

Затѣмъ отъ частностей къ общему. Тутъ позвольте крикнуть караулъ. Это не разсказъ и не повѣсть, не художественное произведеніе, а длинный рядъ тяжелыхъ угрюмыхъ казармъ.

Гдѣ Ваша архитектура, которой Вы вначалѣ такъ очаровали Вашего покорнаго слугу?

Гдѣ легкость, свѣжесть, грація? Прочтите Вашъ разсказъ: описаніе обѣда, потомъ описаніе проходящихъ дамъ и дѣвицъ, потомъ описаніе компаніи, потомъ описаніе обѣда,... и такъ безъ конца. Описанія, описанія, описанія.... а дѣйствія совсѣмъ нѣтъ. Надо начинать прямо съ купеческой дочки, на ней остановиться, а Вѣрочку вонъ, гречанокъ вонъ, всѣхъ вонъ... Кромѣ доктора и купеческаго отродія.

Намъ надо поговорить. Значитъ, Вы не переѣзжаете въ Петербургъ. Я разсчитывалъ увидѣть Васъ въ Петербургѣ, куда, по увѣренію Миши, Вы будто бы хотѣли переѣхать. Ну будьте здоровы. Да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Ваше воображеніе становится интереснымъ.

Извините за длинное письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXV.

Е. П. Егорову.

5 Октября (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ!

Мнѣ очень нужно Васъ видѣть. Если это письмо, которое я посылаю наудачу, Вы получите раньше 12 ок-

тября, и если Вы продолжаете еще быть земскимъ начальникомъ, то не откажите телеграфировать мнѣ возможно скорѣе, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ Нижегородской губерніи я могу застать Васъ. 12 октября я буду въ Нижнемъ и въ тотъ же день, если найду Вашъ адресъ, выѣду къ Вамъ.

А. Чеховъ.

CLXXXVI.

В. М. Соболевскому.

(Съ подлинника).

7 Октябрь. Малая Дмитровка, д. Фирганъ. (1891 г. Москва).

Многоуважаемый Василій Михайловичъ!

Я получилъ письмо отъ А. С. Суворина, которое прилагаю [1]). Когда я по прочтеніи письма отправился къ нему, то свое предложеніе онъ формулировалъ словесно такъ: «Желательно, чтобы въ «Сборникѣ въ пользу голодающихъ» приняли участіе не одни только сотрудники газетъ и журналовъ, но также и редакціи, которыя располагаютъ гораздо большими средствами, чѣмъ ихъ сотрудники. Въ этомъ отношеніи починъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей, принимающей на себя всѣ хлопоты и весь рискъ по изданію, служитъ хорошимъ примѣромъ, которому такъ или иначе, при существующемъ настроеніи общества и печати, не могутъ не послѣдовать другія редакціи. Участіе же редакцій въ «Сборникѣ» должно выразиться только матеріально и въ болѣе серьезной формѣ, чѣмъ печатаніе объявленій, рецензій о «Сборникѣ» и т. п. Если мы, слѣдуя доброму примѣру Русскихъ Вѣдомостей, затѣяли бы другой

[1]) Суворинъ предлагалъ матеріалы для сборника въ пользу голодающихъ печатать предварительно въ газетахъ, съ указаніемъ на ихъ цѣль, чтобы такимъ образомъ увеличить доходъ съ изданія.

«Сборникъ», то это не принесло бы никакой пользы, такъ какъ два сборника, изданныхъ для одной и той же цѣли, обыкновенно въ продажѣ только мѣшаютъ другъ другу. Поэтому, какъ мнѣ кажется, наше участіе можетъ выразиться только въ той формѣ, которую я предлагаю. Если, не считая Русскихъ Вѣдомостей, которыя уже приняли на себя львиную долю участія въ Сборникѣ, Новое Время, Русская Мысль, Новости, Вѣстникъ Европы и проч. напечатаютъ у себя до выхода Сборника весь его литературный матеріалъ съ примѣчаніемъ, о которомъ я говорилъ въ письмѣ, и заплатятъ двойной гонораръ, то сборъ увеличится minimum на 3 тысячи. Я говорю minimum, потому что если примѣрно за каждый листъ Сборника редакціи заплатятъ 400—500 р., то это можетъ дать около 10 тысячъ. Что же касается того соображенія, что разсказы, напечатанные предварительно въ газетахъ и журналахъ, не будутъ уже представлять интереса для читателей Сборника, то мой опытъ расходится съ этимъ соображеніемъ вполнѣ. Понятно, что на своемъ предложеніи я не настаиваю. Если Русскія Вѣдомости выработаютъ и укажутъ мнѣ иную форму участія всѣхъ насъ въ Сборникѣ, то я подчинюсь ей вполнѣ и откажусь отъ своей охотно».

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

CLXXXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Окт. (1891 г. Москва).

Прибѣгаю къ Вашему милосердію. Срокъ полугодового заграничнаго паспорта истекъ и дворникъ пристаетъ каждый день, не давая ни отдыха, ни срока.

Пожалуста, отдайте прилагаемый паспортъ въ иностранную экспедицію и возьмите мой настоящій и поскорѣе пришлите его, иначе меня оштрафуютъ. Быть можетъ, завтра Вы поѣдете кататься на Б. Морскую. Завтра получите и завтра же пришлите. Простите, что я безпокою Васъ пустяками. Я бы обратился къ брату, но у него пожаръ[1]), или что нибудь вродѣ, и мнѣ пришлось бы ждать недѣлю.

Сегодня завтракаю у Соболевскаго.

Подробности завтра.

Вашъ
А. Чеховъ.

CLXXXVIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

11 Октября. (1891 г. Москва).

Вы официально признаны редакторомъ. Поздравляемъ и желаемъ Вамъ получить орденъ Такова.

Что же касается названія разсказа, то простите, голубчикъ, я ничего еще не придумалъ. Если ужъ такъ нужно, то назовите просто «Разсказъ», или же «Обыватели». Оба названія подойдутъ.

Журналъ получаю, читаю и благодарю. Получилъ и премію, которая тронула меня, такъ какъ на одной изъ картинъ есть аисты—птица, любезная моему хохлацкому сердцу.

Недавно я видѣлъ юнаго беллетриста А. Грузинскаго (Лазарева), моего пріятеля, и рекомендовалъ ему послать Вамъ разсказъ. Онъ обѣщалъ. Въ родѣ Грузинскаго у меня въ Москвѣ есть еще одинъ такой писатель

---

[1]) Ал—ръ П. Чеховъ редактировалъ тогда «Пожарное Дѣло».

маленькихъ разсказовъ. Это Н. Ежовъ. Если увижу, то и ему скажу. Оба они хорошіе ребята.

Изобразили же Васъ въ Осколкахъ!

Такъ какъ мой разсказъ нуженъ Вамъ для единаго изъ первыхъ номеровъ, то пришлю я его не раньше конца ноября. Теперь занятъ по горло.

Будьте здоровы. Въ ноябрѣ увидимся и потолкуемъ о томъ, о семъ, а пока желаю всѣхъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CLXXXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

12 Октябрь. (1891 г. Москва).

Сердечно благодарю Васъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, за Ваше письмо и за честь, которую Вы оказываете мнѣ желаніемъ имѣть въ сборникѣ мой автографъ. Благодарю также и за то, что не сердитесь. Каждый день собирался я писать Вамъ и все откладывалъ въ надеждѣ, что напишу завтра. Въ лѣности житіе мое издихъ, а главное—совсѣмъ отвыкъ отъ писемъ благодаря своимъ частымъ поѣздкамъ.

Лѣто я прожилъ въ Калужской губ., вставалъ ежедневно въ 5 часовъ утра и писалъ. Написалъ я пропасть и теперь работы по горло. До лѣта я ѣздилъ заграницу и оттуда писалъ Вамъ. Автографъ посылаю. Если не годится, то могу другой прислать. Что касается московскихъ актеровъ, то радъ служить, но, спрашивается, какихъ актеровъ? Въ Москвѣ знаменитостей больше, чѣмъ просвирень. Ѳедотовой? Ермоловой? Ленскаго? Кн. Сумбатова? Сіи четыре считаются у насъ самыми яркими звѣздами. Если Вы хотите имѣть ихъ автографы, то напишите мнѣ по коротенькому письму

съ упомпнаніемъ въ каждомъ письмѣ имени, отчества и фамиліи актера, автографъ коего Вы поручаете мнѣ достать. Ваши письма я отошлю по назначенію. И для меня удобно, и для актеровъ лестно. Ермолову зовутъ Маріей Николаевной, Ѳедотову—Гликеріей Николаевной, Ленскаго—Александромъ Павловичемъ, кн. Сумбатова—Александромъ Ивановичемъ. Я думаю, что будетъ совершенно достаточно, если каждый актеръ или актриса напишетъ только: «Поступилъ я на Императорскую Московскую сцену такого-то года и числа.»

Въ Москвѣ живетъ теперь П. Д. Боборыкинъ, Воздвиженка, номера «Америка», а также и философъ Вл. Соловьевъ, къ которому можно адресоваться черезъ Русскія Вѣдомости. Владиміръ Галактіоновичъ Короленко живетъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако на Новинскомъ бульв., собств. домъ. Петръ Ильичъ Чайковскій теперь въ Москвѣ, адресъ: Большой Театръ, или еще лучше, нотный магазинъ Юргенсона. Художникъ-пейзажистъ Александръ Александровичъ Киселевъ—Б. Никитская д. Мещеринова.

Всѣ сіи адреса сообщаю между прочимъ, потому что они вспомнились.

Пестрые разсказы вышли вторымъ изданіемъ. Вышуская это изданіе, я справлялся у Романа Романовича [1]), разошлось ли первое, но отвѣта не получилъ—очевидно, онъ забылъ. Я не знаю, кто кому долженъ: я ли Осколкамъ (кажется, 30—40 рублевъ), или же Осколки мнѣ. Передъ отъѣздомъ на Сахалинъ я взялъ за Пестрые разсказы малую толику, но эта толика была кругла и оканчивалась двумя нулями, такъ что можно предположить, что счета тогда подведено не было.

---

[1]) Голике.

Перебои сердца нехорошая и непріятная штука, но я придаю имъ серьезное значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда они указываютъ на упадокъ сердечной дѣятельности, наприм., при тифѣ, воспаленіи легкихъ и т. п. А тѣ перебои, которые излѣчиваются холодной водой и приписываются «центрамъ»—пустяковое дѣло. У Васъ они бываютъ отъ вялости кишечника, которая выражается у людей, попреимуществу имѣющихъ большіе животы, запорами и метеоризмомъ; послѣдній, подширая ободочную кишку къ діафрагмѣ, и производитъ перебои. Лѣтомъ, при режимѣ, близкомъ къ нормѣ, вялость кишекъ пропадаетъ, съ нею проходятъ и перебои.

Ну, дай Вамъ Боже всего хорошаго. Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Видѣлся на дняхъ съ Суворинымъ.

CXC.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 Октября. (1891 г. Москва).

Ну съ, былъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ и Русскія Вѣдомости у меня были. Всѣ расходы по сборнику (около 4 тысячъ) онѣ берутъ на себя. Ваше предложеніе было принято съ увлеченіемъ и съ доброжелательствомъ, которое мнѣ очень поправилось. Соболевскаго тронуло не столько выгодное предложеніе, сколько Ваше желаніе участвовать, и онъ минутъ пять ходилъ изъ угла въ уголъ. Памятуя о партійности, направленіяхъ и т. п., я, признаться, ожидалъ нѣкоторой натянутости, но вышло совсѣмъ не то. Разговаривая со мной и между

собой, они называли Васъ не Суворинымъ, а Алексѣемъ Сергѣевичемъ, говорили о Вашей всегдашней искренности, добротѣ, отзывчивости и проч. и такое чистое, безъ всякихъ примѣсей литературное отношеніе къ Вамъ и къ Вашему делегату произвело на меня такое впечатлѣніе, что я три дня подъ рядъ видѣлся съ ними, говорилъ, завтракалъ и проч.

Предложеніе увеличить сборъ тысячъ на 10 показалось соблазнительнымъ. Было собрано экстренное засѣданіе Соболевскаго, Чупрова и К°. Рѣшили такъ:

1) Сборникъ долженъ выйти не позже 15 декабря,

2) Между тѣмъ литературный матеріалъ пока еще только обѣщанъ авторами и не полученъ.

3) Если допустить, что большія редакціи согласятся на предложеніе А. С. Суворина, то трудно допустить, что бы онѣ успѣли напечатать всѣ разсказы и статьи сборника. Газеты успѣютъ, а журналы пѣтъ. Декабрьская книжка всякаго журнала начнетъ печататься въ началѣ ноября, когда еще не будетъ полученъ отъ авторовъ весь матеріалъ, а январьская—въ началѣ декабря т. е. въ то время, когда сборникъ долженъ уже выходить въ свѣтъ.

Итого: Ваше предложеніе задержитъ печатаніе Сборника почти до весны.

Это официально. А вотъ и неофиціально: Русская Мысль не согласится, потому что бредитъ о собственномъ Сборникѣ, а Новости не въ ладу съ Русскими Вѣдомостями, и къ Новостямъ обращаться *непріятно*.

О дальнѣйшемъ ходѣ событій буду сообщать.

А Фокусники [1]) напечатаны! Ладно, только Вы *никому* не говорите, кто авторъ. Храни Васъ Создатель.

Частная инициатива по сбору пожертвованій запре-

---

[1]) Фельетонъ въ «Нов. Врем.».

щена. Министръ отказалъ Морозовой, заявивъ ей категорически, что собирать и распоряжаться пожертвованіями могутъ только епархіальныя начальства и Красный крестъ.

Не уѣзжаю, ибо жду изъ Питера паспорта.

Тетка умираетъ.

Подумайте объ еженедѣльномъ Новомъ Времени. Я радъ служить.

Мнѣ такъ скучно, что въ Питеръ пріѣду я вѣроятно раньше ноября. Погода убійственная, туманная, денегъ нѣтъ, работать мѣшаютъ, мангусъ прыгаетъ и проч. и проч.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCI.

Ему же.

(Съ подлинника).

16 Октябрь. (1891 г. Москва).

Поздравляю Васъ съ новымъ поваромъ и желаю отличнаго аппетита. Пожелайте и мнѣ того же, потому что я пріѣду къ Вамъ скоро, скорѣе, чѣмъ предполагалъ, и буду ѣсть за троихъ. Мнѣ необходимо удрать изъ дому хотя на полъ мѣсяца. Отъ утра до ночи я непріятно раздраженъ, чувствую, какъ будто кто по душѣ водитъ тупымъ ножомъ, а внѣшнимъ образомъ это раздраженіе выражается тѣмъ, что я спѣшу пораньше ложиться спать и избѣгаю разговоровъ. Все у меня не удается, глупо валится изъ рукъ. Началъ я разсказъ для Сборника, написалъ половину и бросилъ, потомъ другой началъ; бьюсь съ этимъ разсказомъ уже больше недѣли, и время, когда я кончу его и когда напишу и кончу тотъ разсказъ, за который получу деньги, представляется мнѣ отдаленнымъ. Въ Нижегородскую губ. я еще не

поѣхалъ по причинамъ, не зависящимъ отъ моей воли, и когда поѣду, не извѣстно. Однимъ словомъ, чертъ знаетъ что. Какая то чепуха, а не жизнь. И ничего я теперь такъ не желаю, какъ выграть 200 тысячъ, потому что ничего такъ не люблю, какъ личную свободу.

А на нашу лебеду [1]) откликнулись. Но я не удовлетворенъ. Почти всѣ наши травы, въ томъ числѣ и ядовитыя, содержатъ крахмалъ, однако же вѣдь ихъ не ѣдятъ. Почему народъ именно на лебедѣ остановился? Какъ она дѣйствуетъ на питаніе? и проч.

Когда пріѣду въ Петербургъ, мы выдумаемъ вмѣстѣ цѣлый рядъ вопросовъ. Это не мѣшаетъ. И откликаются на вопросы съ удовольствіемъ, и не ради одного тщеславія.

Паспортъ получилъ. Благодарю.

Ахъ, какой у меня сюжетъ для повѣсти! Если бъ сносное настроеніе, то началъ бы ее 1-го Ноября и кончилъ бы къ 1-му Декабря. Листовъ на пять. А мнѣ ужасно хочется писать, какъ въ Богимовѣ, т.-е. отъ утра до вечера и во снѣ.

Вы никому не говорите, что я пріѣду въ Петербургъ. Буду жить incognito. Въ письмахъ своихъ къ Лессингу и проч. я пишу неопредѣленно, что пріѣду въ Ноябрѣ.

Осталось до дачи еще $6^1/_2$ мѣс. Значитъ, на пропитаніе надо заработать около 2 тысячъ. Когда же я буду Сахалинъ писать? Онъ ждетъ. Нельзя ли попросить Грессера, чтобы въ суткахъ было не 24, а 44 часа?

Сейчасъ принималъ больного. Прописалъ ему валенки, рукавицы, рыбій жиръ и соленыя ванны для рукъ.

Пусть пока присылаютъ корректуру «Дуэли» для книжки. Значитъ, Дуэль будетъ печататься три недѣли.

---

[1]) А. П. сдѣлалъ въ «Нов. Вр.» запросъ о питательности лебеды. Тогда былъ голодъ и крестьяне ѣли лебеду. А. П-ча интересовало мнѣніе о ней компетентныхъ людей.

Такъ какъ конецъ будетъ печататься, когда я буду въ Питерѣ, то быть можетъ я что нибудь передѣлаю въ немъ.

Напомнишь ли Вамъ о Каштанкѣ, или забыть о ней? Потеряетъ ли что нибудь отрочество и юношество, если мы не напечатаемъ ее? Впрочемъ какъ знаете.

Прилагаемую замѣтку благоволите передать Лялину. Быть можетъ, пригодится. Прислалъ мнѣ ее одинъ газетчикъ.

Будьте здоровы. Отчего голова болитъ? Отъ дурной погоды, что ли?

Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ домочадцамъ привѣтъ.

Чеховъ.

Если увидите брата[2]), то сообщите ему, что тетка умираетъ отъ чахотки. Дни сочтены. Славная была женщина. Святая.

Если хотите ѣхать въ голодныя губерніи, то давайте поѣдемъ вмѣстѣ въ январѣ. Тогда виднѣй будетъ.

CXCII.

Ему же.

(Съ подлинника).

19 Окт. (1891 г. Москва).

Какое великолѣпное вышло у Васъ маленькое письмо. Горячо и красиво написано, и мысли всѣ до одной вѣрны. Говорить теперь о лѣности, пьянствѣ и т. п. такъ же странно и не тактично, какъ учить человѣка уму-разуму въ то время, когда его рветъ, или когда онъ въ тифѣ. Сытость, какъ и всякая сила, всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторую долю наглости и эта доля выражается прежде всего въ томъ, что сытый учитъ голоднаго. Если во время

---

[2]) Александръ Павл.

серьезнаго горя бываетъ противно утѣшеніе, то какъ должна дѣйствовать мораль и какою глупою, оскорбительною должна казаться эта мораль. По ихнему, на комъ 15 рублей недоимки, тотъ ужъ и пустельга, тому и шить нельзя, а сосчитали бы они, сколько недоимки на государствахъ, на первыхъ министрахъ, сколько должны всѣ предводители дворянства и архіереи, взятые вмѣстѣ. Что должна гвардія! Про это только портные знаютъ.

Ну съ, маршрутъ мой таковъ. Прежде всего свалю съ шеи разсказъ для Сборника. Разсказъ большой, листа въ два, изъ породы скучныхъ и трудныхъ въ исполненіи, безъ начала и безъ конца, свалю его — и шутъ съ нимъ. Затѣмъ поѣду въ губернію генерала Баранова [1]); прійдется плыть по Волгѣ и ѣхать на коняхъ. Затѣмъ пріѣду къ Вамъ. А въ Зарайскъ не хочется. Я не умѣю зимой смотрѣть имѣнья. Что подъ снѣгомъ, или окружено голыми деревьями, того я упрямо и предубѣжденно не понимаю.

Вы приказали выслать мнѣ 400? Vivat dominus Suvorin! Значитъ, въ счетъ «Дуэли» я получилъ уже отъ Вашей фирмы 400+100+400. Всего за Дуэль приходится, какъ я считалъ, около 1400. Значитъ, 500 пойдетъ въ уплату долга. Ну и то слава Богу. Къ веснѣ мнѣ необходимо уплатить весь долгъ, иначе я зачахну, ибо весной я опять хочу авансъ взять во *всѣхъ* редакціяхъ. Возьму и бѣгу въ Яву.

Въ отвѣтѣ В., напечатанномъ въ Новостяхъ, есть что то ершическое (величаніе Васъ фельетонистомъ и пр.), человѣкъ онъ повидимому такой же не ахтительный, какъ и его знаніе русскаго языка, но неужели онъ поддѣлалъ? А тонъ Вашего фельетона дѣлаетъ музыку.

---

[1]) Нижегородская, гдѣ губернаторомъ былъ Н. М. Барановъ.

очень попятную для всякаго. Ну, пришла бѣда и на профессоровъ.

Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ. Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита— это не жизнь, а какой то . . . . и больше ничего.

Ради всѣхъ ершей и щукъ, которыхъ Вы поймаете въ своемъ зарайскомъ имѣніи, прошу Васъ, издайте англійскаго юмориста Бернарда. Отдайте въ наборъ.

Кланяюсь Вашимъ низко. Будьте здоровы тысячу лѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Н. М. Ежовъ послалъ Вамъ разсказъ «Мелкія натуры». Спрашиваетъ: годится ли?

CXCIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Окт. (1891 г. Москва).

Печатаютъ меня по средамъ и вторникамъ или вовсе не печатаютъ — для меня рѣшительно все равно. Отдалъ я повѣсть, потому что былъ долженъ Нов. Времени, и если бы не послѣднее обстоятельство, то повѣсть моя печаталась бы въ толстомъ журналѣ, гдѣ она вошла бы цѣликомъ, гдѣ я больше бы получилъ и гдѣ не было бы жужжанья моихъ уважаемыхъ товарищей. Они видятъ

монополію [1].. Ну, стань на ихъ точку зрѣнія и скажи имъ, что я былъ великодушенъ и не печатался около двухъ лѣтъ, предоставляя 104 понедѣльника и 104 среды и Петерсону и М., и каторжному Жителю.. Попроси Суворина, чтобы онъ отдалъ среды — развѣ онѣ мнѣ нужны? Онѣ мнѣ такъ же не нужны, какъ и мое сотрудничество въ Нов. Вр., к-рое не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего кромѣ зла. Тѣ отличныя отношенія, какія у меня существуютъ съ Суворинымъ, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества въ его Газетѣ.

Денегъ въ конторѣ больше не бери, ибо я просилъ, чтобы онѣ поступали въ уплату моего долга по газетѣ.

Ахъ какъ я завертѣлся!

Всѣ наши здравствуютъ.

Поклонись своимъ наслѣдникамъ и супругѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXCIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

25 Октябрь. (1891 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, я не уѣхалъ въ Нижній, какъ хотѣлъ, и сижу дома, пишу и чихаю. Морозова была у министра, онъ категорически запретилъ частную инициативу и даже замахалъ на нее руками. Это какъ то

[1] Еще раньше, для разсказовъ Антона П—ча въ «Новомъ Времени» были установлены особые фельетоны «Субботники». Когда же была написана «Дуэль» и Антонъ П—чъ послалъ ее на прочтеніе къ А. С. Суворину, то послѣдній настоялъ на томъ, чтобы и «Дуэль» печаталась также въ «Новомъ Времени», для чего понадобилось уже два дня въ недѣлю, именно среды и субботы. Это повлекло за собою ропотъ постоянныхъ сотрудниковъ «Новаго Времени», которые лишились въ эти дни привычнаго заработка и усмотрѣли монополію Антона П—ча на сотрудничество именно въ эти дни.

сразу повергло меня въ апатію. А тутъ еще сплошное безденежье, чиханье, масса работы, болѣзнь тетки, которая сегодня умерла, неопредѣленность, неизвѣстность — однимъ словомъ, все собралось въ кучу, чтобы удержать такого лѣниваго человѣка, какъ я. Отъѣздъ свой я отложилъ до 1-го декабря. Въ декабрѣ совсѣмъ переберусь куда нибудь въ провинцію и буду жить по дачному. Поѣду въ Нижній, а оттуда — куда глаза глядятъ.

Безъ Васъ долго было скучно, а когда уѣхалъ персидскій шахъ, стало еще скучнѣе. Я приказалъ никого не принимать и сижу въ своей комнатѣ, какъ бугай въ камышахъ — никого не вижу и меня никто не видитъ. Этакъ лучше, а то публика и звонки оборветъ и кабинетъ мой превратитъ въ курильню и говорильню. Скучно такъ жить, но что дѣлать? Подожду лѣта, тогда дамъ себѣ волю.

Продаю мангуса съ аукціона. Охотно бы продалъ и N съ его стихами, да никто не купитъ. Попрежнему онъ влетаетъ ко мнѣ почти каждый вечеръ и одолѣваетъ меня своими сомнѣніями, борьбой, вулканами, рваными поздрями, атаманами, вольной волюшкой и прочей чепухой, которую да проститъ ему Богъ.

Печатается въ Русскихъ Вѣдомостяхъ Сборникъ въ пользу голодающихъ. Съ Вашего позволенія, я велю выслать Вамъ одинъ экземпляръ наложеннымъ платежомъ.

Ну, будьте здоровы и счастливы. Привѣтъ и поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Географъ *А. Чеховъ*.

Вся моя фамилія кланяется.

Всѣ наши здоровы, но грустны. Тетка была общей любимицей, считалась у насъ олицетвореніемъ доброты, ласковости и справедливости, если только все сіе олице-

творить можно. Конечно, всѣ помремъ, но все таки грустно.

Въ апрѣлѣ я буду въ Вашихъ краяхъ. Надѣюсь, что весной у меня денегъ будетъ цѣлая куча. Сужу по примѣтѣ: нѣтъ денегъ — передъ деньгами.

Поклонъ великомученику Иванѣнко. Да помянетъ онъ меня въ своихъ святыхъ молитвахъ! Есть надежда, что на Рождествѣ онъ будетъ въ Мосевѣ.

CXCV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

25 Окт. (1891 г. Москва).

Въ Редакцію Новаго Времени отъ учениць пансіона Ржевской въ пользу голодающихъ поступило 5 р. 85 к. Это велите напечатать, а деньги я отдалъ Алексѣю Алексѣевичу.

Я отсовѣтовалъ Ал. Ал. ѣхать въ Зарайскъ. Во первыхъ, ѣхать человѣку съ насморкомъ по кочковатой дорогѣ, 25 верстъ, по дорогамъ, гдѣ теперь не проѣдешь ни на саняхъ, ни на колесахъ — это несовсѣмъ ладно; во вторыхъ, зимою осматриваютъ имѣнья только тогда, когда хотятъ въ нихъ разочароваться; въ третьихъ, онъ можетъ и въ апрѣлѣ съѣздить, имѣнье не уйдетъ, а планы могутъ измѣниться, и въ четвертыхъ, мнѣ хочется съ нимъ завтра пообѣдать у Тѣстова—это важнѣе всего.

Печатайте Дуэль не 2 раза въ недѣлю, а только одинъ разъ. Печатаніе два раза нарушаетъ давно заведенный порядокъ въ газетѣ и похоже на то, какъ будто я отнимаю у другихъ одинъ день въ недѣлѣ, а между тѣмъ для меня и для моей повѣсти все равно печататься, что одинъ, что два раза въ недѣлю.

Среди петербургской литературной братіи только и

разговоровъ, что о нечистотѣ моихъ побужденій. Сейчасъ получилъ пріятное извѣстіе, что я женюсь на богатой С. Вообще много хорошихъ извѣстій я получаю.

Каждую ночь просыпаюсь и читаю Войну и Миръ. Читаешь съ такимъ любопытствомъ, и съ такимъ наивнымъ удивленіемъ, какъ будто раньше не читалъ. Замѣчательно хорошо. Только не люблю тѣхъ мѣстъ, гдѣ Наполеонъ. Какъ Наполеонъ, такъ сейчасъ и натяжки, и всякіе фокусы, чтобы доказать, что онъ глупѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Все, что дѣлаютъ и говорятъ Пьеръ, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростовъ — все это хорошо, умно, естественно и трогательно; все же, что думаетъ и дѣлаетъ Наполеонъ— это не естественно, не умно, надуто и ничтожно по значенію. Когда я буду жить въ провинціи (о чемъ я мечтаю теперь день и ночь), то буду медициной заниматься и романы читать.

Въ Петербургъ я не пріѣду.

Если бъ я былъ около князя Андрея, то я бы его вылечилъ. Странно читать, что рана князя, богатаго человѣка, проводившаго дни и ночи съ докторомъ, пользовавшагося уходомъ Наташи и Сони, издавала трупный запахъ. Какая паршивая была тогда медицина! Толстой, пока писалъ свой толстый романъ, невольно долженъ былъ пропитаться насквозь ненавистью къ медицинѣ.

Будьте здоровы. Тетка умерла.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CXCVI.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Окт. (1891 г. Москва).

Я не сплю, а бодрствую; и если изданіе Дуэли не поспѣетъ, то виноватъ буду не я, а судьба. Корректуру

перваго листа, исправленную и подписанную, я отдалъ Алексѣю Алексѣевичу для скорѣйшей передачи Неупокоеву.

Ему же была передана просьба поспѣшить высылкою корректуры.

Кто же спитъ? Чего Вы ругаетесь!

Жду Васъ въ Москву. Повѣсть для Сѣв. Вѣстн. готова.

Вчера хоронили Пальмина. Скучно хоронить.

Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

CXCVII.

Кн. А. И. Урусову.

9 Ноября, 5½ часовъ веч. (1891 г. Москва).

Уважаемый Александръ Ивановичъ, я не забылъ объ обѣщаніи, а я очень боленъ. У меня жаръ, ознобъ, слабость, всего разломило — и въ тотъ четвергъ, когда мнѣ слѣдовало быть у Васъ, я лежалъ у себя въ спальнѣ... Какъ я жалѣю, что Вы меня не застали! Это такая для меня обида адская! Я только что вернулся отъ С., къ которому ѣздилъ затѣмъ, чтобы лѣчить его. Я забылъ мудрое правило: «врачу» исцѣлися самъ. И меня назадъ привезли въ каретѣ, и начинаетъ голова болѣть.

Я все боюсь, какъ бы инфлуэнствующій С. не заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Будьте благодѣтелемъ, напишите мнѣ, въ какой день и часъ (послѣ 12 ноября) я могу побывать у Васъ такъ, чтобы не помѣшать Вашимъ занятіямъ. Для меня удобнѣе всего послѣ 6-ти вечера.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

CXCVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Инфлуэнца продолжается: я сильно кашляю и совершенно отупѣлъ, такъ что не умѣю писать даже писемъ.

Русскія Вѣдомости хотятъ объявить подписку на Сборникъ. Матеріалъ уже весь въ сборѣ и оглавленіе сверкаетъ именами. Не возьметесь ли Вы напечатать объявленіе насчетъ подписки безплатно, а также распорядиться, чтобы подписку на Сборникъ принимали у Васъ въ Конторѣ безъ всякихъ вычетовъ? Этотъ вопросъ задаютъ Вамъ Русскія Вѣдомости. Ждутъ отвѣта. Въ случаѣ согласія Вашего, редакція «Сборника» пришлетъ Вамъ черезъ меня объявленіе.

Прилагаемое письмо пошлите пожалуста скорѣе Фофанову. Это изъ Сборника.

Еще одна просьба: не извѣстны ли Вамъ адреса поэтовъ Апухтина и Величко? Нельзя ли узнать какъ нибудь?

Напомните Алексѣю Алексѣевичу о двухъ корректурахъ разсказовъ, которые онъ хотѣлъ прислать мнѣ.

Новостей нѣтъ никакихъ. Все обстоитъ по прежнему скверно.

«Дуэли» осталось уже немного. Остатокъ можетъ помѣститься въ два фельетона.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Вашего разсказа жду и Вы должны прислать мнѣ его, такъ какъ обѣщали. Я люблю Ваши разсказы, потому

что въ нихъ есть что то такое, чего ни у кого нѣтъ. Что то умилительное.

Ваше письмо насчетъ инфлуэнцы и Соловьева читалъ. Отъ него неожиданно пахну́ло на меня жестокостью. Вамъ совсѣмъ не къ лицу слово «ненавижу», а публичное покаяніе «грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ» — это такая гордыня, что мнѣ даже жутко стало. Когда папа принялъ титулъ святѣйшаго, то глава восточной церкви въ пику ему назвалъ себя рабомъ рабовъ Божіихъ. Такъ и Вы публично расписались въ своей грѣховности, въ пику Соловьеву, который дерзнулъ признать себя православнымъ. Да развѣ такія слова, какъ православный, іудей, католикъ, служатъ выраженіемъ какихъ нибудь исключительныхъ личныхъ достоинствъ, заслугъ? По моему величать себя православнымъ волей и неволей долженъ всякій, у кого это слово прописано въ паспортѣ. Вѣруете Вы или нѣтъ, князь міра Вы, или ссыльно-каторжный, Вы въ обиходѣ все равно православный. И Соловьевъ вовсе не бралъ на себя никакихъ претензій, когда отвѣчалъ, что онъ не іудей и не халдей, а православный..

Я продолжаю тупѣть, дурѣть, равнодушѣть, чахнуть и кашлять, и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется къ прежнему своему состоянію. Впрочемъ, все отъ Бога. Лѣченіе и заботы о своемъ физическомъ существованіи внушаютъ мнѣ что то близкое къ отвращенію. Лѣчиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю.

Отвѣтъ Русскимъ Вѣдомостямъ послалъ. Будутъ очень благодарны. Въ отношеніи денегъ и услугъ Вы такой джентльменъ, какимъ я никогда не буду, потому что не умѣю.

Будьте здоровы. Пишите пожалуста, а то мнѣ жестоко скучно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Продолженіе:

Только что написалъ Вамъ письмо, какъ получилъ отъ Васъ. Вы говорите, что, заѣхавъ къ черту на рога, я совсѣмъ удалюсь отъ Васъ. Я же переѣзжаю на хуторъ для того, чтобы поближе быть къ Петербургу. Вѣдь если у меня въ Москвѣ не будетъ квартиры, то, поймите сударь, я ноябрь, декабрь и январь буду жить въ Петербургѣ: тогда это можно будетъ. Можно будетъ и все лѣто пробездѣльничать. Усадьбу я присмотрю для Васъ, но напрасно Вы не любите хохловъ. Въ Полтавской губ. они не дѣти, не актеры, а настоящій народъ, да еще въ добавокъ сытый и веселый.

Знаете, что помогло мнѣ отъ кашля? Я изъ пульверизатора, когда занимаюсь, распыляю скипидаръ по краю стола и дышу его парами. Когда ложусь спать, пульверизую около столикъ и ближайшіе предметы. Пыль скорѣе испаряется, чѣмъ сама жидкость. А запахъ скипидара пріятенъ. Пью также Obersalzbrunnen, не ѣмъ ничего горячаго, мало говорю и браню себя за то, что много курю. Повторяю, одѣвайтесь возможно теплѣе даже въ комнатѣ. Театральныхъ сквозняковъ избѣгайте. Ведите себя какъ парниковое растеніе, иначе кашель не скоро отвяжется. Если хотите попробовать скипидаръ, то покупайте французскій. Принимайте разъ въ день хину и блюдите, чтобы запоровъ не было. Influenza совершенно отбила у меня всякое желаніе пить спиртные напитки. Противно на вкусъ. Не пью на ночь своихъ двухъ рюмокъ и поэтому долго не сплю. Хочу эфиръ принимать.

Жду разсказъ. Лѣтомъ давайте по драмѣ напишемъ. Ей Богу! Какого черта мы зѣваемъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

CC.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

19 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Уважаемая Елена Михайловна, я принимаю всѣхъ начинающихъ, продолжающихъ и кончающихъ авторовъ — это мое правило, а Вашъ визитъ, помимо моего и Вашего авторства, я почиталъ за великую честь для себя. Даже если бы не такъ, если бы я почему либо не желалъ Вашего посѣщенія, то и тогда бы я все таки принялъ Васъ, такъ какъ пользовался у Вашей семьи самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Я Васъ не принялъ и тотчасъ же попросилъ брата поѣхать къ Вамъ объяснить причины. Въ ту минуту, когда подали Вашу карточку, я больной и раздѣтый, простите бытовыя подробности, сидѣлъ у себя въ спальной, а у меня въ кабинетѣ находились люди, присутствіе которыхъ стѣснило бы Васъ. И такъ, — принять Васъ было физически невозможно, и это долженъ былъ объяснить Вамъ братъ, и Вы обязаны были, какъ порядочный и доброжелательный человѣкъ, понять это, — но Вы обидѣлись. Ну, и Богъ съ Вами. Изъ Вашихъ разсказовъ я сохраняю слѣдующіе: 1) Каштанка. 2) Въ циркѣ. 3) In vino. 4) Мертвые люди. 5) Михаилъ Ивановичъ. 6) Нервы. 7) Маленькая барышня. 8) Безъ маски. 9) Ошибка.

Изъ нихъ, № 5 и 7 несомнѣнно годны для печати. «Въ циркѣ» забраковано почему то даже «Артистомъ», а остальные простите, до такой степени вывѣтрились въ моей памяти, что я помню только остовы разсказа, но совсѣмъ не помню подробностей и той сути, которая рѣшаетъ судьбу всякаго разсказа.

Но неужели до сихъ поръ Вы написали только 15 раз-

сказовъ? Этакъ Вы и къ 50-ти годамъ не научитесь писать.

Здоровье мое плохо. Уже мѣсяцъ прошолъ, какъ сижу безвыходно дома. Influenza и кашель.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Напишите еще 20 разсказовъ и пришлите. Я все прочту съ удовольствіемъ, а для Васъ экзерциціи необходимы.

Преданный

Ан. Чеховъ.

CCI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника),

21. Ноябрь. (1891 г. Москва).

Я не лѣнюсь, сударь, а я болѣнъ. У меня инфлуэнца, родъ недуга, съ общею слабостью, тяжелой головой и кашлемъ. Тѣмъ не менѣе, сегодня засяду писать для «Сѣвера». И почему я Вамъ такъ нуженъ для перваго №? Не все ли равно? Впрочемъ, Вы редакторъ, глава, такъ сказать, — Вамъ и книги въ руки.

Ну какъ? Интересно быть редакторомъ? Не наскучило?

Объявленіе хорошо составлено.

Болѣнъ я уже около мѣсяца и безвыходно сижу дома. Подробности можете узнать у Суворина, который былъ въ Москвѣ и видѣлъ меня.

Ненужно ли Вамъ для Сѣвера «экзотическихъ» фотографій, которыя я привезъ изъ кругосвѣтнаго плаванія? Есть Цейлонъ, есть Портъ-Сандъ, есть Суэзкій Каналъ, есть Владивостокъ, кусочекъ Гонгъ-Конга, слоны, крокодилы и прочая штука. Если нужно, то привезу.

Будьте здоровы, дядя.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Здоровье мое пошло на поправку. Кашель сталъ меньше, силъ больше, настроеніе живѣе и въ головѣ восходъ солнца. Утромъ просыпаюсь съ веселымъ духомъ, ложусь спать безъ мрачныхъ мыслей, а за обѣдомъ не капризничаю и не говорю матери дерзостей.

Когда къ Вамъ пріѣду, не знаю. Работы pour manger много. Надо до весны работать, т. е. переливать изъ пустого въ порожнее. На моемъ горизонтѣ блеснулъ лучъ свободы. Запахло волей. Вчера получилъ изъ Полтавской губ. письмо. Пишутъ, что нашли мнѣ подходящую усадьбу. Каменный домъ о семи комнатахъ съ желѣзной крышей, недавно построенный и не требующій никакихъ поправокъ, конюшня, погребъ, ледникъ, 6 десятинъ земли, прекрасный сѣнокосъ, старый, тѣнистый садъ и берегъ Псла. Берегъ Псла — мой. По ту сторону чудный видъ на просторъ. Рядомъ съ Сорочинцами. Цѣна милостивая. Три тысячи теперь заплатить, а двѣ тысячи на нѣсколько лѣтъ въ разсрочку. Всего пять. Если небо сжалится надо мной и покупка удастся, то въ мартѣ же я переѣду *совсѣмъ*, чтобы девять мѣсяцевъ жить въ тиши на лонѣ природы, а остальное время года въ Петербургѣ. Посылаю сестру посмотрѣть усадьбу. Земскій начальникъ, отъ котораго я получилъ письмо, въ восторгѣ отъ моего будущаго герцогства.

Ахъ, свободы, свободы! Если я буду проживать не больше двухъ тысячъ въ годъ, что возможно только въ усадьбѣ, то я буду абсолютно свободенъ отъ вся-

кихъ денежно-приходо-расходныхъ соображеній. Буду тогда работать и читать, читать.. Однимъ словомъ, мармеладъ, а не жизнь.

Почему Вы думаете, что я отъ Каштанки не получу барышей? Хоть 25 р., а получу. Она можетъ, при условіи продолжительной продажи и при хорошемъ распространеніи, дать много.

Я, можетъ быть, послѣ 10 декабря пріѣду.

Жду разсказа, чтобы позлорадствовать.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

26 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Отъ жены К. я получилъ письмо, въ которомъ она просила меня пріѣхать къ ней. Я поѣхалъ. Она сказала мнѣ, что хочетъ просить у Васъ въ займы 500 р., и, ссылаясь на мои хорошія отношенія съ К. и съ Вами, попросила меня помочь ей, т.-е. подкрѣпить ея письмо ходатайствомъ. Я обѣщалъ. Но я не знаю, что написать Вамъ. Во-первыхъ, К. уже въ безсознательномъ состояніи, на-дняхъ умретъ и въ деньгахъ не нуждается; во-вторыхъ, г-жа К. получаетъ жалованье; она служитъ у Левинскаго въ Будилышкѣ. Въ-третьихъ, а это главное, тѣ 500 рублей, которые въ послѣдній разъ Вы приказали выслать К., не потрачены, а положены въ банкъ, откуда не могутъ быть взяты раньше 1-го марта безъ нѣкоторой потери. Вотъ Вамъ! Г-жа К. будетъ просить въ долгъ. Отдать она можетъ. Больше я ничего не могу сказать. О томъ, что деньги въ банкѣ, мнѣ говорила сама г-жа К., вѣроятно, по секрету.

Сегодня нѣмецъ-переводчикъ прислалъ мнѣ мои «Въ сумеркахъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Еще одна литературная новость: Московскій фельетонъ въ прошлую субботу написанъ Вами. Вы напрасно думаете, что онъ не остроуменъ. Что Е. и Ѳ. любятъ другъ друга—это очень остроумно. Желаю, чтобъ Васъ цензура такъ любила!

Здоровье мое поправляется съ каждымъ днемъ. «Дуэль», пожалуста, кончайте въ эту недѣлю, а книжку издайте пожалуста въ декабрѣ, до Рождества.

Послѣдній фельетонъ Атавы очень хорошъ.

Была у меня издательница Сѣв. Вѣстника Гуревичъ. Дѣвица добрая и образованная, но не журнальная. Въ литературныхъ дѣлахъ она такъ же мало смыслитъ, какъ испанецъ въ русскихъ мужикахъ. Бранила Михайловскаго, а я, видя въ этомъ вліяніе Филоксеры, хвалилъ.

Будьте здоровы. Низко кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ Вашъ кашель? Вотъ Вамъ мой докторскій совѣтъ: одѣвайтесь потеплѣе, а послѣ захода солнца старайтесь сидѣть дома.

CCIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Вызвалъ Ежова [1]) телеграммой и сообщилъ ему, что нужно. Онъ готовъ служить отечеству, и я весь вечеръ

[1]) Антонъ Пав—чъ рекомендовалъ А. С. Суворину для веденія Московскаго фельетона въ «Нов. Времени» Н. М. Ежова.

поучалъ его. Говорилъ ему, чтобы напиралъ на предметы и вопросы общаго характера, имѣющіе при томъ практическій интересъ. Онъ хочетъ писать вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Лазаревымъ (Грузинскимъ); вдвоемъ веселѣе, да и Лазаревъ немножко умнѣе его.

Я написалъ разсказъ на злобу дня—о голодающихъ и послалъ въ Сѣв. Вѣстникъ. Попросилъ 250 р. за листъ. Условія мои приняты.

Завтра посылаю разсказъ въ «Сѣверъ». [1])

Если Вы будете покупать выгрышные пятирублевые билеты для себя и для своихъ подписчиковъ, то купите и мнѣ два билета, или 10 купоновъ. Я привезу Вамъ десять руб. Простите, что безпокою такимъ пустякомъ, но въ Москвѣ билеты расхватаютъ въ одинъ часъ и я останусь безъ надежды выграть 100 тысячъ.

Я еще не получилъ конца корректуры «Дуэли», и думаю, что чтеніе корректуры по обстоятельствамъ, отъ меня не зависящимъ, продлится до начала декабря; значитъ, книга можетъ не выйти въ декабрѣ.

Ежовъ порядочный и толковый парень, но надо его на возжахъ держать и постоянно направлять его то вправо, то влѣво. При такомъ условіи изъ него выработается хорошій работникъ.

Будьте здоровы и Богомъ храшимы.

Мечтаемъ всѣ о переѣздѣ на хуторъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Двѣ рукописи получилъ. Сегодня ночью прочту.

---

[1]) «Попрыгунья».

CCV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

30 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Ну-съ, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ, посылаю Вамъ маленькій, чювствительный романъ для семейнаго чтенія. Это и есть «Обыватели», но, написавши разсказъ, я далъ ему, какъ видите, другое названіе, болѣе подходящее [1]). Если напечатаете съ этимъ названіемъ, то въ мартѣ я пришлю Вамъ другой разсказъ, который будетъ называться «Обыватели». Впрочемъ, какъ хотите.

Если покажется длинно и скучно, то пришлите назадъ, а я напишу для Васъ что-нибудь другое. Такъ какъ до января остался еще цѣлый мѣсяцъ, то Вы успѣете прислать мнѣ корректуру разсказа, а я успѣю прочесть ее.

Что еще сказать Вамъ? Пригласите въ «Сѣверъ» для всякаго рода фельетонныхъ писаній осколочнаго Игрэка. Это Викторъ Викторовичъ Билибинъ, Колокольная 9, кв. 12. Изъ всѣхъ питерскихъ обозрѣвателей это самый даровитый.

Я яко нагъ, яко благъ и зубы положилъ на полку. Если Вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ, то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынѣ.

При семъ прилагаю подписной бланокъ. Сдѣлайте распоряженіе, чтобы по этому адресу высылался «Сѣверъ» въ счетъ моего гонорара.

---

[1]) «Попрыгунья».

Ну, будьте здоровы. Пишите. Отъ души желаю Вамъ успѣха.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Недѣлю тому назадъ мой пріятель Н. М. Ежовъ, беллетристъ, послалъ Вамъ разсказъ. Получили?

CCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Возвращаю Вамъ двѣ присланныя Вами черезъ контрагентство рукописи. Одинъ разсказъ — индійская легенда. Цвѣтокъ лотосъ, лавровые вѣнки, лѣтняя ночь, колибри—это въ Индіи-то! Начинаетъ съ Фауста, жаждущаго младости, и кончаетъ «благомъ истинной жизни» во вкусѣ Толстого. Я выкинулъ кое-что, выгладилъ и получилась сказка, хотя и не важная, но легкая и которая прочтется съ интересомъ. Другой разсказъ безграмотенъ, сдѣланъ по бабьи и аляповато, но есть фабула и нѣкоторый перецъ. Я, какъ увидите, сократилъ его вдвое. Оба разсказа печатать можно. И мнѣ кажется, что если набрать такихъ разсказовъ побольше и потомъ прочесть ихъ въ корректурѣ, то можетъ выйти интересный и разнообразный рождественскій номеръ. Во второмъ разсказѣ участвуетъ елка, кстати сказать.

Ежовъ мало видитъ и мало знаетъ, но погодите произносить надъ нимъ приговоръ. Авось у него съ Лазаревымъ и выйдетъ что-нибудь. Лазаревъ уменъ и не сталъ бы писать про московскія газеты. Вы ничего не будете имѣть противъ, если къ будущей субботѣ я напишу московскій фельетонъ? Хочется тряхнуть стариной.

А я все мечтаю и мечтаю. Мечтаю о томъ, какъ въ мартѣ переберусь изъ Москвы на хуторъ, а въ октябрѣ—ноябрѣ пріѣду въ Питеръ жить до марта. Хочется прожить въ Питерѣ хоть одну зиму, а это возможно только при одномъ условіи—если я въ Москвѣ не буду имѣть берлоги. И мечтаю, какъ всѣ пять мѣсяцевъ я буду говорить съ Вами о литературѣ и дѣлать въ Новомъ Времени то, что я умѣю. А на хуторѣ медицина во всю ивановскую..

Былъ у меня Боборыкинъ. Онъ тоже мечтаетъ. Говорилъ мнѣ, что хочетъ онъ написать нѣчто въ родѣ физіологіи русскаго романа, его происхожденіе у насъ и естественный ходъ развитія. Пока онъ говорилъ, я никакъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что вижу передъ собой маньяка, но маньяка литературнаго, ставящаго литературу паче всего въ жизни. Я въ Москвѣ у себя такъ рѣдко вижу настоящихъ литераторовъ, что разговоръ съ Боборыкинымъ показался мнѣ манной небесной, хотя въ физіологію романа и въ естественный ходъ развитія я не вѣрю, т. е., можетъ быть, и есть эта физіологія въ природѣ, но я не вѣрю, чтобы при существующихъ методахъ можно было уловить ее. Боборыкинъ отмахивается обѣими руками отъ Гоголя и не хочетъ считать его родоначальникомъ Тургенева, Гончарова, Толстого.. Онъ ставитъ его особнякомъ, внѣ русла, по которому текъ русскій романъ. Ну, а я этого не понимаю. Коли ужъ становиться на точку зрѣнія естественнаго развитія, то не только Гоголя, но даже собачій лай нельзя ставить внѣ русла, ибо все въ природѣ вліяетъ одно на другое и даже то, что я сейчасъ чихнулъ, не останется безъ вліянія на окружающую природу.

Вы говорили, что мы будемъ писать разсказъ вмѣстѣ. Если такъ, то Вы не оканчивайте, а мнѣ оставьте кусочекъ. Если же раздумали писать вмѣстѣ, то окончи-

вайте скорѣе и начинайте новый. Лѣтомъ давайте напишемъ два-три разсказа для лѣтнихъ читателей: Вы начало, а я конецъ.

Сегодня хоронили Курепина. Былъ вѣнокъ отъ Новаго Времени. Изъ шести вѣнковъ, это былъ самый большой, но не самый красивый. Какъ-то странно подумать, что пойдешь на новую пьесу и не встрѣтишь въ театрѣ завсегдатая Курепина.

Вы боитесь инфлуэнцы? Но вѣдь она у Васъ прошла. У Васъ, несмотря на плохіе нервы, которые утомлены у Васъ и потому раздражены, здоровье крѣпкое, и въ этомъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь. Вы будете жить еще 26 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

Будьте здоровы. Читаю «Дневникъ провинціала» Щедрина. Какъ длинно и скучно! И въ тоже время какъ похоже на настоящее.

Аннѣ Ивановнѣ поклонъ нижайшій.

Вашъ
А. Чеховъ.

CCVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

2 Декабрь. (1891 г. Москва).

Обращаюсь къ Вамъ съ большой просьбой, добрѣйшій Николай Александровичъ. Дѣло вотъ въ чемъ. До прошлаго года я жилъ по своему университетскому диплому, который и на сушѣ и на морѣ служилъ мнѣ паспортомъ, но всякій разъ при прописке его полиція предупреждала меня, что по диплому жить нельзя и что я долженъ взять видъ изъ «надлежащаго учрежденія». Я спрашивалъ у всѣхъ, что значитъ это «надлежащее учрежденіе» и никто не давалъ мнѣ отвѣта.

Годъ тому назадъ Моск. оберъ-полиц. далъ мнѣ видъ, но съ условіемъ, что черезъ годъ я буду имѣть видъ изъ «надлежащаго учрежденія». Ничего не понимаю! На-дняхъ я узналъ, что, такъ какъ я нигдѣ не служу, а по образованію я лѣкарь, то мнѣ нужно записаться въ почетное гражданство, и что какой-то департаментъ, кажется, герольдіи выдастъ мнѣ дипломъ, каковой и будетъ служить во всѣ дни живота моего паспортомъ. Я вспомнилъ, что недавно Вы получили почетное гражданство, а вмѣстѣ съ нимъ и дипломъ и что, стало быть, Вы обращались куда-то и къ кому-то и что Вы въ нѣкоторомъ родѣ уже человѣкъ испытанный въ бояхъ. Посовѣтуйте мнѣ ради Создателя, въ какой департаментъ я долженъ обратиться. Какое прошеніе я долженъ написать и сколько марокъ къ оному прилѣпить? Какіе документы къ прошенію приложить? и т. д. и т. д. Въ городской управѣ есть «паспортный столъ». Не можетъ ли этотъ столъ раскрыть тайну, если она Вамъ не достаточно извѣстна?

Простите, что я Васъ безпокою, но, право, положительно не къ кому обратиться, а самъ я законовѣдъ очень плохой.

Наша московская публика подбирается помаленьку. Не успѣли похоронить Пальмина, какъ умеръ Курепинъ. Вообще въ эту осень у меня умерло много знакомыхъ. Умеръ между прочимъ сахарозаводчикъ Харитоненко, съ которымъ я былъ знакомъ. Очень интересный человѣкъ.

А вскорѣ послѣ Вашего отъѣзда я заболѣлъ инфлуэнцей, которая осложнилась катарромъ праваго легкаго, и только теперь я сталъ по малости поправляться.

Въ театрѣ Корша часто идетъ Ваша «Медаль», которая имѣетъ успѣхъ. Она идетъ вмѣстѣ съ «Зайцемъ» Мясницкаго. Я не видѣлъ, но знакомые говорятъ, что

въ обѣихъ пьесахъ чувствуется сильная разница между литераторомъ и не литераторомъ, что Медаль въ сравненіи съ Зайцемъ представляетъ изъ себя нѣчто чистенькое, художественное и имѣющее образъ и подобіе. То-то вотъ оно и есть! Изъ театра литераторовъ метлой гонятъ и пьесы пишутся молодыми и старыми людьми безъ опредѣленныхъ занятій, а журналы и газеты редактируются купцами, чиновниками и дѣвицами. Впрочемъ, чертъ съ ними.

Будьте здоровы. Низкій поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVIII.

Л. Я. Гуревичъ.

2 декабрь. (1891 г. Москва).

Простите, многоуважаемая Любовь Яковлевна, что я своею просьбой объ авансѣ задалъ Вамъ такую задачу. Я никогда не пишу о деньгахъ и считаю это ужасно щекотливой штукой, но заикнулся объ авансѣ въ письмѣ къ Михаилу Ниловичу, потому что у меня въ карманахъ буквально ни гроша. Я прошу Васъ убѣдительно не стѣсняться и выслать мнѣ гонораръ за мои разсказы, когда Вамъ угодно и удобно. Это относится и къ настоящему и къ будущему. Можете выслать по частямъ, въ разсрочку, дробя гонораръ мой хоть на десять частей—какъ угодно, однимъ словомъ. Если Вы теперь пришлете мнѣ рублей 200, то остальную часть гонорара можете прислать хоть въ мартѣ, или въ нѣсколько мѣсяцевъ по частямъ. Однимъ словомъ, дѣлайте такъ, чтобы я не стѣснялъ Васъ.

Еще разъ прошу извинить.

Наши пикантныя телеграммы «позвольте оставить

жену» [1]) и «оставьте жену, согласенъ», должно-быть, поставили телеграфное вѣдомство втупикъ. Но заглавіе «Въ деревнѣ» лучше.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно Васъ уважающій *А. Чеховъ.*

CCIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 декабрь. (1891 г. Москва).

Получивъ корректуру Каштанки, я тотчасъ же сдѣлалъ поправки и написалъ новую главу. Я раздѣлилъ сказку на бо́льшее количество главъ. Теперь уже не 4 главы, а 7. Новая глава дастъ нѣсколько лишнихъ страницъ, и авось получится что-нибудь. Друга дома и невѣрную жену, конечно, я выбросилъ вонъ. Корректуру посылаю Вамъ, а Вы пошлите ее Неупокоеву съ объясненіемъ, для чего написана новая глава. Если эта глава Вамъ покажется резонансомъ, то бросьте ее.

Получили ли двѣ рукописи?

Былъ у меня вчера кн. Урусовъ, сидѣлъ отъ 7 ч. до $12^1/_2$ ночи и разсказывалъ про французскихъ литераторовъ. Это упитанный, богатый, умѣющій увлекаться Флоберомъ и . . . . . женщинъ, и повидимому очень довольный собою человѣкъ. Но и у него есть заноза въ мозгу. Какъ у Васъ прогрессивный параличъ, такъ и онъ думаетъ, что у него спинная сухотка. Это его мучительная и ровно ни на чемъ не основанная idée fixe, поддерживаемая въ немъ подагрическими болями и частыми бесѣдами съ докторами.

---

[1]) «Жена»—названіе повѣсти А. П., напеч. въ «Сѣв. Вѣст.». въ янв. книжкѣ за 1892 г.

Изъ Петербурга, изъ Вильны и изъ разныхъ россійскихъ городовъ я получаю письма насчетъ «Дуэли». Пишутъ какіе-то незнакомцы. Письма въ высшей степени задушевныя и доброжелательныя. Въ провинціальныхъ газетахъ стали критиковать «Дуэль» уже послѣ третьяго фельетона. Значитъ, можно разсчитывать, что книжка окупитъ себя.

Когда выйдетъ въ свѣтъ Каштанка, прикажите послать 100 экз. въ правленіе общества покровительства животнымъ.

Вчера какой-то, повидимому, очень молодой человѣкъ прислалъ мнѣ изъ Воронежа рукопись листовъ въ 40, мелко исписанную. Романъ. Названіе очень новое: «Нищіе духомъ». Умоляетъ юный авторъ прочесть и написать ему свое мнѣніе. Можете себѣ представить мой ужасъ! Сталъ я ночью перелистывать романъ, а тамъ все честное прошлое, служеніе народу, общность интересовъ, заходящее солнце... Другой, но уже не юный, а отставной полковникъ, принесъ мнѣ двѣ рукописи: «Непрошенные цивилизаторы, или плоды невѣжества» и «Знаменитый извощикъ». Во второй рукописи изображенъ идейный молодой человѣкъ, который изъ нужды пошолъ въ извощики (укоръ равнодушному обществу, доводящему своихъ лучшихъ представителей до такого ужаснаго положенія); ну, извощикъ сидитъ на козлахъ и разговариваетъ со своими сѣдоками о Марксѣ, Боклѣ и логикѣ Милля.

Гуревичъ не дала аванса. Какова? Я не огорчился, конечно, но ея-то положеніе! Нѣтъ денегъ у бѣдняжки, а въ типографію надо, за бумагу надо, авторамъ надо, Филоксерѣ надо... Мнѣ за мой разсказъ приходится рублей 600. Написалъ ей, чтобъ не стѣснялась и высылала мнѣ гонораръ, когда ей угодно и удобно. Кстати сказать, я «выскочилъ». Я столько написалъ, что, если

мнѣ будутъ присылать гонораръ акуратно, то я проживу безбѣдно до самаго отъѣзда на дачу.

Да хранитъ Васъ Аллахъ! Акакій Московскій весьма достоинъ того, чтобы стать штатнымъ сотрудниковъ Новаго Времени.

Вашъ

А. Чеховъ.

CCX.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

3 Дек. (1891 г. Москва).

Ваше Высокородіе!

Пьесу [1]) получилъ и внимательно прочелъ. Вотъ мое мнѣніе: 1) По нынѣшнимъ временамъ, она *очень* длинна, и сократить ее трудно; монологи, пожалуй, сократить можно, но 18 явленій, сударь мой!! Это въ одноактной-то бездѣлушкѣ! 2) По нынѣшнимъ временамъ, она безусловно не цензурна и цензурою дозволена не будетъ. Ее прійдется посылать въ цензуру, а въ ней, не говоря ужъ объ адюльтерѣ, добро въ концѣ концовъ не побѣждаетъ зла, фигурируетъ безнравственное превосходительство и часто упоминается слово «министръ».

Да за это, батенька, въ Сибирь!

Что цензура не пропуститъ, я въ этомъ убѣжденъ. Если Вы не боитесь загубить даромъ двѣ гербовыхъ марки (1 р. 60 к.), то напишите мнѣ, и я пошлю въ цензуру, т.-е. Вы, гг. наслѣдники, пришлете мнѣ прошеніе, а я вмѣстѣ съ нимъ пошлю. Въ случаѣ, если бы цен-

---

[1]) В. П. Бегичева—тестя адресата.

зура разрѣшила (во что я глубокс не вѣрю), то пьесу можно отдать; 1) Коршу и 2) Немировичу-Данченко, моему пріятелю, состоящему членомъ въ театрально-литературномъ Комитетѣ, отъ котораго зависитъ судьба пьесы, жаждущей появиться на казенной сценѣ.

Съ Шиловскимъ говорить совсѣмъ не нужно. Слѣдуетъ, и это обязательно, перемѣнить названіе пьесы, такъ какъ въ цензурѣ имѣются списки всѣхъ пьесъ, *когда-либо* запрещенныхъ цензурою. Тутъ давности не полагается. Ужъ коли лишенъ правъ, такъ шабашъ.

Вотъ подумайте хорошенько и напишите мнѣ. Воля Ваша для меня священна!!!

Послѣ 10-го я, вѣроятно, уѣду въ Питеръ, а потому постарайтесь прислать отвѣтъ до 10-го.

Пришлите кстати и денегъ, этакъ тысячи двѣ—три.

Маріи Владиміровнѣ отъ всей души желаю скорѣйшаго выздоровленія и душевнаго покоя. Хотѣлъ было написать ей письмо на счетъ Владиміра Петровича, котораго я любилъ, но меня остановило соображеніе, что всѣ мы умремъ такъ же, какъ и Владиміръ Петровичъ, и что никакія соболѣзнованія и сожалѣнія не помогутъ тамъ, гдѣ дѣло непоправимо. Не воскресишь вѣдь.

Мнѣ бы ужасно хотѣлось побывать въ Бабкинѣ. Хоть на одинъ часъ. Но едва ли я вырвусь. Работы по горло, да и въ Питеръ нужно. Маша, вѣроятно, пріѣдетъ къ Вамъ. Она каждый день объ этомъ толкуетъ.

Одначе будьте здоровы. Низкій поклонъ Маріи Владиміровнѣ, Василисѣ Пантелеевнѣ, Елизаветѣ Александровнѣ и о. Ѳедору. Я записалъ на себя три билета. Если выграю сто тысячъ, то пожертвую въ Никулинскую церковь тысячу, о. Ѳедору на утѣшеніе и прихожанамъ на пользу, а Вамъ дамъ взаймы десять тысячъ. Вотъ доброта! Рѣдкое сердце!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Дек. (1891 г. Москва).

Посылаю Вамъ моск. фельетонъ [1]). Хотѣлъ изобразить кратко московскаго интеллигента. Сѣлъ вчера писать, но мѣшали посѣтители, такъ что писалъ сегодня и спѣшилъ. Не знаю, что вышло. Должно быть, неважно. Если бросите, въ претензіи не буду. Но никому не говорите, что я авторъ.

Хотѣлъ было переписать, да некогда, пора на почту. Простите.

Получили корректуру Каштанки?

Вашъ молитвенникъ

А. Чеховъ.

CCXII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

8 Декабрь. (1891 г. Москва).

30-го Ноября, дорогой Владиміръ Алексѣевичъ, я послалъ Вамъ разсказъ, прошло уже десять дней, а отъ Васъ—ни гласа, ни воздыханія.. Получили ли Вы разсказъ? Не затонулъ ли онъ гдѣ-нибудь въ житейскихъ волнахъ? Годится ли онъ? И проч. и проч. Если разсказъ годится, то пришлете ли Вы мнѣ корректурку, какъ я просилъ? Въ письмѣ, приложенномъ къ разсказу, я также вопіялъ къ Вамъ на счетъ аванспика. Вы какъ-то въ одномъ изъ своихъ писемъ проговори-

[1]) «Въ Москвѣ», помѣщенный въ «Нов. Врем.» (№ 5667, 7 дек. 1891 г.) подъ псевдонимомъ Кисляевъ. Перепечатанъ въ концѣ настоящаго тома въ видѣ приложенія.

лись, что можно получить «и впередъ». Посылая разсказъ свой, я вспомнилъ объ этомъ «и впередъ» съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ у меня денегъ буквально *ни гроша*. Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ, и я сижу у моря и жду погоды. Просто хоть караулъ кричи! Вотъ что значитъ путешествовать [1]).

Какъ Вы живете? Какова у Васъ подписка? Рекламируется «Сѣверъ» хорошо, и успѣха ждать можно.

У насъ въ Москвѣ новостей никакихъ. Можетъ быть онѣ и есть, но я объ нихъ ничего не знаю, такъ какъ по цѣлымъ днямъ сижу дома и выздоравливаю отъ инфлуэнцы. Говорятъ, что въ театрахъ скучно. О хорошихъ новыхъ пьесахъ что-то не слышно. Морозъ въ 23 градуса.

Отвѣчайте и вообще пишите поподробнѣе. Еще одно: если будете высылать мнѣ деньги, то нельзя ли устроить эту церемонію черезъ контору бр. Волковыхъ (Невскій), переводомъ по телеграфу. Расходы по переводу мои. Страсть, какъ приспичило!

Всего хорошаго! Когда буду въ Питерѣ, увидимся. Остановлюсь я у Суворина, а Вашего домашняго адреса я не знаю.

Поклонъ общимъ знакомымъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CCXIII.

Е. П. Егорову.

11 декабря (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, вотъ Вамъ исторія моего неудавшагося путешествія къ Вамъ. Я собирался

[1]) Поѣздка за границу.

ѣхать къ Вамъ не съ корреспондентскими цѣлями, а по порученію, или вѣрнѣе по соглашенію съ небольшимъ кружкомъ людей, желавшихъ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ. Дѣло въ томъ, что публика не вѣритъ администраціи и потому воздерживается отъ пожертвованій. Ходитъ тысяча фантастическихъ сказокъ и басенъ о растратахъ, наглыхъ воровствахъ и т. п. Епархіальнаго вѣдомства сторонятся, а на Красный Крестъ негодуютъ. Владѣлецъ незабвеннаго Бабкина, земскій начальникъ, отрѣзалъ мнѣ прямо и категорически: «въ Москвѣ, въ Красномъ Крестѣ, воруютъ!» При такомъ настроеніи администрація едва ли дождется серьезной помощи отъ общества. А между тѣмъ публикѣ благотворить хочется, и совѣсть ея потревожена. Въ сентябрѣ московская интеллигенція и плутократія собрались въ кружки, думали, говорили, копошились, приглашали для совѣта свѣдущихъ людей; всѣ толковали о томъ, какъ бы обойти администрацію и заняться организаціей помощи самостоятельно. Рѣшили послать въ голодныя губерніи своихъ агентовъ, которые знакомились бы на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, устраивали бы столовыя и проч. Нѣкоторые главари кружковъ, люди съ вѣсомъ, ѣздили къ Дурново просить разрѣшенія и Дурново отказалъ, объявивъ, что организація помощи можетъ принадлежать только епархіальному вѣдомству и Красному Кресту. Однимъ словомъ, частная инициатива была подрѣзана въ самомъ началѣ. Всѣ повѣсили носы, пали духомъ; кто озлился, а кто просто омылъ руки. Надо имѣть смѣлость и авторитетъ Толстого, чтобы идти наперекоръ всякимъ запрещеніямъ и настроеніямъ, и дѣлать то, что велитъ долгъ.

Ну-съ, теперь о себѣ. Я съ полнымъ сочувствіемъ относился къ частной инициативѣ, ибо каждый воленъ дѣлать добро такъ, какъ ему хочется; но всѣ разсужде-

нія объ администраціи, Краспомъ Крестѣ и проч. казались мнѣ несвоевременными и не практическими. Я полагалъ, что при нѣкоторомъ хладнокровіи и добродушіи можно обойти все страшное и щекотливое, и что для этого нѣтъ надобности ѣздить къ министру. Я поѣхалъ на Сахалинъ, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, и однако же сдѣлалъ тамъ все, что мнѣ нужно; отчего же я не могу поѣхать въ голодающія губерніи? Вспомнилъ я также такихъ администраторовъ, какъ Вы, какъ Киселевъ и всѣ мои знакомые земскіе начальники и податные инспектора—люди въ высшей степени порядочные и заслуживающіе самаго широкаго довѣрія. И я рѣшилъ, хотя на небольшомъ районѣ, если можно, сочетать два начала: администрацію и частную инпціативу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе съѣздить къ Вамъ и посовѣтоваться. Мнѣ публика вѣритъ, повѣрила бы она и Вамъ, и я могъ разсчитывать на успѣхъ. Помните, я послалъ Вамъ письмо. Тогда въ Москву пріѣхалъ Суворинъ; я нажаловался ему, что не знаю Вашего адреса. Онъ телеграфировалъ Баранову, а Барановъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ Вашъ адресъ. Суворинъ былъ боленъ инфлуэнцей; обыкновенно, когда онъ пріѣзжаетъ въ Москву, мы цѣлые дни проводимъ неразлучно и толкуемъ о литературѣ, которую онъ знаетъ превосходно. И на сей разъ толковали, и кончилось тѣмъ, что я заразился отъ него инфлуэнцей, легъ въ постель и сталъ неистово кашлять. Былъ въ Москвѣ Короленко и засталъ меня страждущимъ. Осложненіе со стороны легкихъ сдѣлало то, что я маялся цѣлый мѣсяцъ, безвыходно сидѣлъ дома и ровно ничего не дѣлалъ. Теперь дѣла мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худѣю. Вотъ Вамъ и вся исторія. Если бы не инфлуэнца, то, можетъ быть, намъ вмѣстѣ удалось бы

сорвать съ публики тысячи двѣ—три или больше, смотря по обстоятельствамъ.

Ваше раздраженіе противъ печати вполнѣ понятно. Разсужденія газетчиковъ Васъ, знакомаго съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ же раздражаютъ, какъ меня, медика, разсужденія профана о дифтеритѣ. Но что прикажете дѣлать? Что? Россія не Англія и не Франція. Газеты у насъ не богаты и въ своемъ распоряженіи имѣютъ очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академіи или Энгельгардта — это дорого: послать дѣльнаго и даровитаго сотрудника тоже нельзя — дома нуженъ. Times на свой счетъ устроилъ бы въ голодающихъ губерніяхъ перепись, посадилъ бы въ каждой волости Кеннана, платя ему по 40 руб. суточныхъ — и вышелъ бы толкъ, а что могутъ сдѣлать «Русскія Вѣдомости» или «Новое Время», которыя доходъ въ сто тысячъ считаютъ уже крезовскимъ богатствомъ? Что же касается самихъ корреспондентовъ, то вѣдь это горожане, знающіе деревню только по Глѣбу Успенскому. Положеніе ихъ фальшиво въ высшей степени. Прилети въ волость, понюхай, пиши и валяй дальше. У него ни матеріальныхъ средствъ, ни свободы, ни авторитета. За 200 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ онъ скачетъ, скачетъ и молитъ Бога только о томъ, чтобы на него не сердились за его невольное и неизбѣжное вранье. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Но виноватъ вѣдь не онъ, а русскія потемки. Къ услугамъ западнаго корреспондента — превосходныя карты, энциклопедическіе словари, статистическія изслѣдованія; на западѣ корреспонденціи можно писать, сидя дома. А у насъ? У насъ корреспондентъ можетъ почерпать свѣдѣнія только изъ бесѣдъ и слуховъ. Вѣдь у насъ во всей Россіи до сихъ поръ изслѣдованы только три уѣзда: Череповскій, Тамбовскій и еще какой-то. Это на всю-то Рос-

сію! Газеты врутъ, корреспонденты — саврасы, но что же дѣлать? А не писать нельзя. Если бы печать наша молчала, то положеніе было бы еще ужаснѣе, согласитесь съ этимъ.

Ваше письмо и Ваша затѣя насчетъ покупки скота у крестьянъ сдвинули меня съ мѣста. Я всей душой и всѣми моими силами готовъ слушаться Васъ и дѣлать все, что Вы хотите. Я долго думалъ и вотъ Вамъ мое мнѣніе. На богатыхъ людей разсчитывать нельзя. Поздно. Каждый богачъ уже отвалилъ тѣ тысячи, которыя ему суждено было отвалить. Вся сила теперь въ среднемъ человѣкѣ, жертвующемъ полтинники и рубли. Тѣ, которые въ сентябрѣ толковали о частной иниціативѣ, нашли себѣ пріютъ при разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ и уже работаютъ. Значитъ, остается средній человѣкъ. Давайте объявимъ подписку. Вы напишете письмо въ редакцію, и я напечатаю его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новомъ Времени». Чтобы сочетать два вышеписанныхъ начала, мы можемъ оба подписаться подъ письмомъ. Если это для Васъ неудобно въ служебномъ отношеніи, то можно написать отъ третьяго лица корреспонденцію, что въ нижегородскомъ уѣздѣ въ 5 участкѣ организовано то-то и то-то, что дѣла идутъ слава Богу, успѣшно и что пожертвованія просятъ высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему тамъ-то, или же А. П. Чехову, или въ редакцію такихъ-то газетъ. Надо только подлиннѣе написать. Напишите подробнѣе, а я прибавлю свое что-нибудь — и дѣло въ шляпѣ. Нужно писать о пожертвованіяхъ, но не о займѣ. На заемъ никто не пойдетъ: жутко. Дать трудно, но взять назадъ еще труднѣе.

Въ Москвѣ у меня есть одинъ только знакомый богачъ — это В. А. М.[1]), извѣстная благотворительница. Вчера я

[1]) В. А. Морозова.

былъ у нея съ Вашимъ письмомъ. Говорилъ, обѣдалъ. Она увлечена теперь комитетомъ грамотности, который устраиваетъ столовыя для школьниковъ, и все отдаетъ туда. Такъ какъ грамотность и лошади — величины несоизмѣримыя, то В. А. пообѣщала мнѣ содѣйствіе комитета въ случаѣ, если Вы пожелаете устроить столовыя для школьниковъ и пришлете подробныя свѣдѣнія. Мнѣ неловко было просить у нея денегъ сейчасъ же, такъ какъ у нея берутъ и берутъ безъ конца, и треплютъ ее, какъ лисицу. Я только попросилъ ее, что въ случаѣ если у нея будутъ какія-либо комиссіи и комитеты, то чтобы она не забывала и насъ, и она дала мнѣ обѣщаніе не забывать. Ваше письмо и Ваша идея сообщены также редактору «Русскихъ Вѣдомостей» Соболевскому — это на всякій случай. Всюду я трезвоню, что дѣло уже организовано.

Если будутъ рубли и полтинники, то я буду высылать ихъ Вамъ безъ всякой задержки. А Вы распоряжайтесь мной и вѣрьте, что для меня было бы истиннымъ счастьемъ хотя что-нибудь сдѣлать, такъ какъ до сихъ поръ для голодающихъ и для тѣхъ, кто помогаетъ имъ, я ровно ничего не сдѣлалъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Дек. (1891 г. Москва).

15 к. совершенно достаточно за фельетонъ. Этакія вещи вѣдь очень легко писать. Скажите Конторѣ въ телефонъ, чтобы она сочла и сдѣлала вычитаніе изъ долга. Знаете, сударь? Вѣдь я Вамъ еще долженъ 170 р.! Вамъ лично, помимо газеты. Къ веснѣ расплачусь.

Если бы я намѣренъ былъ жить въ Москвѣ, то взялъ бы москов. фельетонъ непремѣнно. Я бы устроилъ у себя нѣчто вродѣ пововременскаго моск. отдѣленія, завелъ бы себѣ сотрудниковъ и писалъ бы все: фельетонъ, театръ, телеграммы, корреспонденціи.. Изъ фельетона исключилъ бы театръ и гласныхъ, а валялъ бы объ общихъ вопросахъ. Взялъ бы я съ Васъ жалованье, платилъ бы сотрудникамъ по 5 — 6 коп., а остальное клалъ бы себѣ въ карманъ. Но, Вы знаете, въ Москвѣ я не буду жить.

Былъ я вчера у московской благотворительницы Морозовой. Вы въ качествѣ Акакія Московскаго прошлись на ея счетъ, а между тѣмъ она дѣлаетъ очень много. Ей ужасно обидно, что Новое Время, которое такъ великодушно трактуетъ вопросъ о голодающихъ, укололо ее. Впрочемъ, это пустяки.

Я пріѣду. Вру же я невольно. У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Пріѣду, когда получу со всѣхъ концовъ гонорары. Вчера получилъ 150 р., скоро еще получу, тогда и прилечу на крыльяхъ.

Въ январѣ ѣду въ Нижегор. губ. Тамъ у меня уже кипитъ дѣло. Я очень, очень, очень радъ. Собираюсь написать Аннѣ Ивановнѣ.

Ахъ, если бы Вы знали, какъ мучительно болитъ у меня сегодня голова!

Дѣло съ хуторомъ подвигается.

Былъ ли у Васъ съ предложеніемъ своихъ фельетонныхъ услугъ московскій сотрудникъ Гурляндъ?

Мнѣ хочется пріѣхать въ Петербургъ, хотя бы для того, чтобы два дня лежать въ комнатѣ неподвижно и выходить только къ обѣду. Отчего то я чувствую утомленіе. Это все инфлуэнца проклятая.

На сколько человѣкъ Вы хотѣли бы и могли устроить столовую? Напишите, а я Вамъ сосчитаю и выскажу

кое какія соображенія, буде съумѣю и найду нужнымъ высказывать ихъ.

Толстой то, Толстой! Это, по нынѣшнимъ временамъ, не человѣкъ, а человѣчище, Юпитеръ. Въ «Сборникъ» онъ далъ статью насчетъ столовыхъ, и вся эта статья состоитъ изъ совѣтовъ и практическихъ указаній, до такой степени дѣльныхъ, простыхъ и разумныхъ, что, по выраженію редактора Рус. Вѣд. Соболевскаго, статья эта должна быть напечатана не въ Сборникѣ, а въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

Получилъ отъ Васъ корректуру и телеграмму.

Скоро выйдетъ «Дуэль». Будьте добры, сдѣлайте такъ, чтобы я получилъ 20 экз. не по почтѣ, а черезъ московскій магазинъ. Въ почтамтъ далеко ѣхать!

Будьте здоровы. И я плохо сплю.

Вашъ

А. Чеховъ.

CCXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

13 Дек. (1891 г. Москва).

Теперь я понимаю, почему Вы плохо спите по ночамъ. Если бы я написалъ такой разсказъ [1]), то не спалъ бы десять ночей подъ рядъ. Самое страшное мѣсто то, гдѣ Варя душитъ героя, какъ домовой, и знакомитъ его съ тайнами загробной жизни. И страшно, и съ спиритизмомъ согласно. Изъ рѣчей Вари и особенно тамъ, гдѣ оба ѣдутъ верхомъ, нельзя выбросить ни одного слова. Не трогайте. Идея разсказа хороша, содержаніе фантастично и интересно.

---

[1]) «Въ концѣ вѣка. Любовь»—разсказъ адресата.

Исправить я могъ только корректурныя ошибки; «ужъ» замѣнилъ своимъ «уже», во «весь оборъ» замѣнилъ «во весь духъ», мандолину — цитрой. Больше ничего не нашолъ. Вотъ развѣ одинъ только совѣтъ: откиньте конецъ у эпиграфа. Эпиграфъ придуманъ очень кстати, но то, что я зачеркнулъ, излишне удлиняетъ его. Вѣдь Вашъ разсказъ отчасти имѣетъ цѣлью устрашить читателя и испортить ему дюжину нервовъ, зачѣмъ же Вы говорите о «нашемъ нервномъ вѣкѣ»? Ей Богу, никакого нѣтъ нервнаго вѣка. Какъ жили люди, такъ и живутъ, и ничѣмъ теперешніе нервы не хуже нервовъ Авраама, Исаака и Іакова. Откиньте конецъ, но эпиграфъ оставьте.

Такъ какъ Вы уже написали конецъ, то я не помѣшаю, если пошлю Вамъ свой. Вдохновился и не утерпѣлъ, чтобы не написать. Прочтите, буде пожелаете.

Разсказы вообще тѣмъ хороши, что надъ ними можно сидѣть съ перомъ цѣлые дни и не замѣчать, какъ идетъ время, и въ тоже время чувствовать нѣчто въ родѣ жизни. Это съ гигіенической точки зрѣнія. А съ точки зрѣнія полезности и проч., написать недурной разсказъ съ содержаніемъ и дать читателю 10 — 20 интересныхъ минутъ — это, какъ говоритъ Гиляровскій, не баранъ начихалъ. Отчего Вы рѣдко пишете разсказы? Отчего Вы не пишете ихъ лѣтомъ? Вѣдь фантазіи у Васъ — слава тебѣ Господи!

У меня сегодня опять прескверно болитъ голова. Не знаю, что дѣлать. Нѣтъ, ужъ, должно быть, къ старости пошло, а если не къ старости, то къ чему нибудь похуже.

Сегодня одинъ старичекъ принесъ мнѣ 100 рублей на голодающихъ.

Пріѣду къ Вамъ или 17-го, или же на второй день праздника. Деньги есть. 20-го уѣзжаетъ сестра смотрѣть хуторъ и хочется ее проводить, да и стариковъ жалко

оставить однихъ на праздникахъ. Во всякомъ случаѣ, новый годъ буду у Васъ встрѣчать. Это *непремѣнно*. Дамъ Вашъ разсказъ Машѣ. Пусть почитаетъ на сонъ грядущій.

Будьте здоровы. Всего хорошаго!

Вашъ

А. Чеховъ.

Корректуру посылаю одновременно съ симъ.

CCXVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

14 (Декабрь. 1891 г. Москва).

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, письма Вашего, о которомъ Вы пишете, я *не* получалъ.

Право, не знаю, какъ быть съ заглавіемъ моего разсказа! «Великій человѣкъ» мнѣ совсѣмъ не нравится. Надо назвать какъ нибудь иначе — это непремѣнно. Назовите такъ — «Попрыгунья».

И такъ, значитъ «Попрыгунья». Не забудьте перемѣнить.

150 р. получилъ. Мегсі съ.

Всего хорошаго!

Вашъ *А. Чехосъ.*

CCXVII.

Е. П. Егорову.

14 Декабря. (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ! Посылаю Вамъ собранные мною 116 руб. Продолженіе будетъ. Списокъ жертвователей я пришлю въ слѣдующій разъ.

Сообщаю я въ тихомолку, безъ какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо въ редакцію, или корреспонденцію, о которой я писалъ, слѣдуетъ помѣстить въ газетѣ не раньше января. Я полагаю, что въ январѣ у Васъ уже прочно будетъ стоять лошадиное дѣло, картина будетъ ясна, а слѣдовательно и для жертвователей будетъ ясно; въ январѣ я пріѣду къ Вамъ непремѣнно и вмѣстѣ сочиним что-нибудь. Во всякомъ случаѣ сочинить что-нибудь нужно.

Напишите же насчетъ школьниковъ и ихъ кормленія. Я тотчасъ же помчусь въ Комитетъ грамотности, который поможетъ Вамъ. Вообще пишите. Безъ Вашихъ распоряженій я не ступлю самостоятельно ни одного шага. Я Вашъ агентъ, такъ Вы и смотрите на меня и почаще пишите руководства ради.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVIII.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

14 Дек. (1891 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, смотрите же, я распорядился, чтобы Русскія Вѣдомости выслали Вамъ наложеннымъ платежомъ свой «Сборникъ». Не подпишитесь въ другой разъ.

Ну съ, Маша 22-го выѣзжаетъ къ Вамъ, сопровождаемая моимъ благословеніемъ, которое на вѣки нерушимо. Отъ Васъ она поѣдетъ дальше.. У меня ужасно широкіе плапы!!!

Цѣлый мѣсяцъ мотала меня лютая инфлуэнца. Ударила она сначала въ голову и въ ноги, такъ что я слегъ въ постель, а потомъ ударила въ легкія, такъ что я каш-

лялъ неистово и сталъ худъ, какъ копченая стерлядь. Просто бѣда! Цѣлый мѣсяцъ безвыходно сидѣлъ дома, то есть, вѣрнѣе, не сидѣлъ, а лежалъ и ходилъ, а работы по горло. Теперь дѣла пошли на поправку, но все таки чихаю и кашляю, и временами голова у меня болитъ прескверно. Рѣшено: вонъ изъ Москвы! Даю Машѣ полномочія. Пусть купитъ какую нибудь конуру на лонѣ природы. А. И. Смагинъ уже сватаетъ какой то хуторъ.

Сижу я дома безвыходно, но все таки Савичъ выскочилъ. Въ Нижегородской губ. дѣлается уже по мѣрѣ силъ то, что нужно. Ѣду туда въ январѣ, а теперь изображаю изъ себя благотворительную даму, которая всѣмъ уже надоѣла. Сегодня на поле битвы послалъ 116 рублей. Вообще дѣла идутъ не плохо. Работаетъ на мѣстѣ очень хорошій человѣкъ, и ничто ему не мѣшаетъ, такъ какъ онъ земскій начальникъ. Работаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ участковъ, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни докторовъ. Теперь занимаемся покупкою лошадей, которыхъ крестьяне продаютъ за гроши. Лошадей кормимъ, а весною возвратимъ ихъ хозяевамъ. Однимъ словомъ, Савичъ выскочилъ. Когда понадобится хлѣбъ, то буду телеграфировать, буде Вы его еще не продали. Но, быть можетъ, и не понадобится; стало быть, такимъ покупателемъ, какъ я, можете и препебречь. Адресъ поля сраженія такой: Станція Богоявленское Нижегородской губ., Земскому Начальнику Евграфу Петровичу Егорову. Это на случай, если у Васъ Иваненко дастъ съ благотворительною цѣлью концертъ.

А Харитоненко умеръ!

Въ эту осень мнѣ многихъ пришлось похоронить и я даже какъ то оравнодушѣлъ къ чужой смерти, но Ваше семейное горе произвело на меня тяжолое впе-

чатлѣніе. Эпиапда Михайловпа [1]) хорошо сдѣлала, что умерла — это правда, но всетаки ужасно жаль ея. У меня недавно была жена Гаршина, вдова. Она знала Вашу сестру, когда еще та была здорова. Впрочемъ, не надо тянуть заупокой, ибо и сами помремъ.

А если Машѣ удастся что нибудь сдѣлать, то Савичъ совсѣмъ выскочитъ.

Привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Желаю здравія.

Маньякъ-хуторянинъ и Географъ

А. Чеховъ.

CCXIX.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

14 Декабрь. (1891 г. Москва).

Здравствуйте, дорогой Францъ Осиповичъ! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

И я о томъ же.. Отъ утра до вечера, куда бы Вы ни пошли, вездѣ говорятъ Вамъ только о голодающихъ и деруть съ васъ, вѣроятно, какъ (извините за литературное выраженіе) съ Сидоровой козы. И я тоже о голодающихъ.. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Нижегородской губерніи, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни даже докторовъ, одинъ мой хорошій пріятель, въ высшей степени порядочный и живой человѣкъ, организовалъ голодное дѣло. А я ему помогаю. Онъ несетъ на мѣстѣ всю черную работу, а я сижу въ Москвѣ и изображаю изъ себя благотворительную даму; въ январѣ и я поѣду на поле битвы, поѣхалъ бы и теперь, но держитъ инфлуэнца. Замыслы у насъ широкіе.

---

[1]) Сестра адресатки, женщина-врачъ.

Но я съ Васъ ни копѣйки не возьму, хотя я и благотворительная дама. Вы дайте мнѣ только слово, что если во время шумнаго пира, или гдѣ нибудь на юбилеѣ, или на свадьбѣ, въ Вашемъ присутствіи будетъ собранъ хотя одинъ рубль въ пользу голодающихъ, то Вы возьмете его и отдадите намъ. Также дайте слово, что Вы будете помнить о насъ до самой весны. Если будетъ подходящій случай и попадется какой нибудь рубль, то направляйте его ко мнѣ (Мл. Дмитровка, д. Фиргангъ), или же прямо на мѣсто: Станція Богоявленное, Нижегородской губерніи Земскому Начальнику Евграфу Петровичу Егорову. О каждой потраченной копѣйкѣ жертвователь получитъ самый подробный отчетъ, украшенный цвѣтами моего беллетристическаго таланта и казенной печатью. Послѣднее, полагаю, важнѣе.

Ну съ, живу я такъ же, какъ и прежде жилъ. Не женатъ. Не богатъ. Инфлуэнца совсѣмъ изломала меня, я кашляю и худѣю и, какъ говорятъ, сталъ походить физіономіей на утопленника. Рѣшилъ покориться необходимости: купить въ Полтавской губ. хуторъ и перебраться туда совсѣмъ на жительство. Вонъ изъ Москвы! 9 мѣсяцевъ въ году буду проживать на хуторѣ и заграницей, а остальные 3—въ Москвѣ и въ Питерѣ, въ отеляхъ.

Извѣстно ли Вамъ, что я былъ недавно заграницей? Вездѣ былъ. Въ рулетку проигралъ 900 франковъ! На Везувій взбирался и нюхалъ кратеръ. Вотъ какіе мы!

Надо бы намъ повидаться и старину вспомнить. Ахъ, какъ надо бы! Не хотите ли у Тѣстова поужинать? Если да, то назначьте день и часъ. Непремѣнно прійду. Выбирайте трактиръ, какой хотите, мнѣ все равно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Дек. (1891 г. Москва).

Вы пишете, чтобы я телеграфировалъ о днѣ своего пріѣзда къ Вамъ. Телеграфировать не нужно, ибо *навѣрное* мнѣ извѣстно, что выѣду я 26-го вечеромъ, а пріѣду къ Вамъ я 27-го утромъ. Новый годъ буду встрѣчать у Васъ. Раньше выѣхать нельзя, такъ какъ около 20—22 отправляю сестру на хуторъ, 24-го мать именинница, а 25-го праздникъ. Если 26-го не выѣду, то буду телеграфировать. Но я говорю — *навѣрное*.

Если подъ разсказомъ подпишете настоящую фамилію, т. е. А. Суворинъ, то это еще лучше, чѣмъ Лагрецкій. Прочтутъ. Вы напишите десятокъ такихъ страшныхъ разсказовъ, выйдетъ книжка, которая не залежится.

Вашъ новый сотрудникъ В. Васильевъ, очевидно, домовладѣлецъ, такъ какъ у митрополита онъ бывалъ по приходскимъ дѣламъ. Человѣкъ, по всей вѣроятности, дѣльный и знающій.

Если Вамъ не удастся найти хорошаго фельетониста, то заведите «Московскія письма». Пусть пишетъ, кто хочетъ, а Вы изъ той массы, которую будутъ присылать Вамъ волонтеры, выбирайте самое интересное. Много охотниковъ найдется писать.

Начинаю получать изъ разныхъ концовъ гонорары. Ожилъ духомъ.

Что же? Купили мнѣ 2 билета, или десять купоновъ, какъ я просилъ? Я везу Вамъ десять рублей. Хочется мнѣ 5 тысячъ выграть,

А Каштанка еще не вышла! Значитъ, не поспѣетъ она къ празднику. И Дуэль не поспѣетъ..

Если будутъ «Московскія письма», то и я буду въ нихъ участвовать. Объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

Будьте здоровы. Съ наступающими святками!

Вашъ

А. Чеховъ.

CCXXI.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

15 Дек. (1891 г. Москва).

Милый Жанъ, я буду у Васъ на имеяинахъ, хотя и запретилъ себѣ какое либо участіе въ шумныхъ шествахъ. Инфлуэнца съ кашлемъ произвели въ моемъ организмѣ пертурбацію: я теперь ничего не пью. А если, случается, пью передъ праздникомъ, то чувствую, что это для меня вредно — раньше никогда не чувствовалъ ничего подобнаго. Старость, значитъ!

Буду очень радъ повидать и Васъ, и Баранцевича и всѣхъ знаемыхъ.

Вы величаете меня «неизмѣнно коварнымъ». Можно подумать, что я фельдшеръ, а Вы — старая дѣвица.

Вы пишете, что у Васъ есть о чемъ серьезно потолковать со мной; у меня вообще серьезнаго мало, но потолковать мнѣ очень хочется. О днѣ своего пріѣзда я извѣщу Васъ. Остановлюсь у Суворина. Первые два-три дня буду безвыходно сидѣть дома.

Былъ я за границей, остался очень доволенъ своимъ путешествіемъ и, конечно, влѣзъ въ долги. Лѣтомъ жилъ въ Калужской губерніи, въ усадьбѣ. Теперь живу

въ Москвѣ и жду не дождусь, когда можно будетъ уѣхать. Хочется тепла.

Ну, желаю Вамъ выграть сто тысячъ. Будьте здоровы. Вашей женѣ низкій поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мои клапяются.

CCXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Дек. (1891 г. Москва).

Горничную вонъ, вонъ! Появленіе ея не реально, потому что случайно и тоже требуетъ поясненій; оно осложняетъ и безъ того сложную фабулу, а главное — оно расхолаживаетъ. Бросьте ее! И для чего объяснять публикѣ? Ее нужно напугать и больше ничего, она заинтересуется и лишній разъ задумается.. Благодаря Вашему умѣнію и кое какимъ разговорцамъ, которые есть въ разсказѣ, никто не станетъ искать причинъ; читателю ясно, что все дѣло въ тайнахъ нашей нервной системы и въ тѣхъ явленіяхъ, которыя еще не объяснены. Виталинъ видитъ умершую Варю, потому что она оставила послѣ себя рѣзкое, исключительное воспоминаніе; она натура была сильная, властная, таковымъ же должно быть и воспоминаніе о ней. У Васъ не ясна Наташа, но это оттого, что Вы къ концу разсказа утомились и кое чего не сообразили. Сдѣлайте такъ, чтобы Наташа *страстно* любила Виталина и ревновала бы его къ прошлому, сдѣлайте, чтобы она знала о романѣ Виталина съ Варей и знала бы, что это была необыкновенная женщина, тогда читателю будетъ ясно, почему къ ней по ночамъ

является Варя. Впрочемъ, какъ хотите, но горничную вонъ! Сдѣлайте, что бы Виталинъ . . . . . Наташу и чтобы онъ нечаянно въ потемкахъ вмѣсто пея обнялъ скелетъ, и чтобы Наташа, проснувшись утромъ, увидѣла рядомъ съ собой на постелѣ скелетъ, а на полу мертваго Виталина.

Насчетъ моск. фельетона подумаю. Но мнѣ хочется святочный разсказъ написать.
Вчера я послалъ Вамъ разсказъ Поводова. Посмотрите. Если годится, то пришлите корректуру. А я водевиль написалъ. Въ этомъ году я 100 пудовъ бумаги исписалъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Жанъ Щегловъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается игуменомъ.

CCXXIII.

Е. П. Егорову.

20 Декабря. (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, посылаю Вамъ пока еще 17 руб. Продолженіе будетъ. По полученіи отъ Васъ письма я обратился конфиденціально къ предсѣдателю нашего литературнаго фонда, имѣющаго 200 тысячъ основного капитала, съ вопросомъ: нельзя ли мнѣ получить въ ссуду 500 руб.? Эти деньги хотѣлъ я послать въ ссуду Вамъ. Но предсѣдатель отказалъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ. На бѣду я никакъ не могу узнать адреса А. Н. Плещеева-поэта, который теперь за границей. Онъ, какъ Вамъ извѣстно, получилъ милліонное наслѣдство и мнѣ бы не отказалъ. Когда весною мы съ нимъ встрѣтились въ Парижѣ, онъ просилъ меня взять у него взаймы.

26 декабря уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить до 10 января. Въ случаѣ надобности адресуйтесь такъ: Петербургъ, Малая Итальянская, 18, кв. Суворина, Чехову. Въ Петербургѣ я попытаюсь достать денегъ.

14 декабря я послалъ Вамъ 116 руб., а ранѣе послалъ длинное письмо и отвѣта не получилъ. Все, что мною до сихъ поръ было собрано, жертвователи просятъ употребить на кормежку скота.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

Москва, Мл. Дмитровка, д. Фирганъ, 25 Дек. (1891 г.).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, вчера я случайно узналъ Вашъ адресъ и — пишу Вамъ. Если у Васъ найдется свободная минутка, то пожалуста, напишите мнѣ, какъ Ваше здоровье и вообще какъ Вы живете. Напишите хотя три строчки.

У меня полтора мѣсяца была инфлуэнца, было осложненіе со стороны легкихъ и я жестоко кашлялъ. Въ мартѣ уѣзжаю на югъ въ Полтавскую губернію, и буду жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не прекратится мой кашель. Сестра поѣхала туда покупать хуторъ.

Литературныя дѣла идутъ вообще тихо, но жизнь проходитъ шумно. Очень много разговоровъ насчетъ голода, и много работы, вытекающей изъ сихъ разговоровъ. Въ театрахъ пусто. Погода плохая: совсѣмъ нѣтъ морозовъ. Щегловъ Жанъ увлеченъ толстовцами. Мережковскій попрежнему сидитъ въ домѣ Мурузи и путается въ превыспреннихъ исканіяхъ, и попрежнему онъ симпатиченъ; Фаусекъ получилъ магистра; про Чехова гово-

рять; что онъ женился на Сибиряковой и взялъ 5 милліо новъ приданаго. Объ этомъ говоритъ весь Петербургъ. Кому и для чего нужна эта сплетня, положительно не могу понять. Даже противно читать Петербургскія письма.

Островскаго не видѣлъ въ этомъ году. Суворинъ здоровъ.

Завтра ѣду въ Петербургъ хлопотать насчетъ своего хутора: 1) возьму денегъ въ книжномъ магазинѣ Суворина и 2) у симпатичнаго нотаріуса Иванова сочиню довѣренность на имя А. И. Смагина, котораго Вы знаете.

Сердечный привѣтъ Вашимъ. Осенью ходили слухи, что Вы были больны, теперь же, по слухамъ, Вы совершенно здоровы. И дай Богъ, чтобы это было такъ. Болѣзнь — это кандалы.

Увидимся мы, вѣроятно, очень не скоро, такъ какъ въ мартѣ я уѣзжаю, а возвращусь на сѣверъ не раньше ноября. Въ Москвѣ я уже не буду имѣть квартиры, такъ какъ это удовольствіе мнѣ не по карману. Буду жить въ Петербургѣ.

Крѣпко обнимаю Васъ. Кстати же маленькое объясненіе по секрету: какъ то въ Парижѣ за обѣдомъ Вы, уговаривая меня остаться въ Парижѣ, предложили мнѣ въ займы денегъ, я отказался, и мнѣ показалось, что этотъ мой отказъ огорчилъ и разсердилъ Васъ, и мнѣ показалось, что когда мы разставались, отъ Васъ вѣяло холодомъ. Быть можетъ, я и ошибаюсь. Но если я правъ, то увѣряю Васъ, голубчикъ, честнымъ словомъ, что отказался я не потому, что мнѣ не хотѣлось одолжаться у Васъ, а просто изъ чувства самосохраненія: въ Парижѣ я велъ себя дурно и лишняя тысяча франковъ испортила бы мнѣ только здоровье. Вѣрьте мнѣ, что если бы я нуждался тогда, то попросилъ бы у Васъ въ займы такъ же свободно, какъ и у Суворина. Храни Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXV.

Е. П. Егорову.

26 Декабря. (1891 г. Москва).

Посылаю еще 11 руб. А отвѣта отъ Васъ нѣтъ и нѣтъ, такъ что я начинаю думать, что мои письма не доходятъ по адресу. Сегодня я уѣзжаю въ Петербургъ. Благоволите адресовать туда.

Вышелъ сборникъ въ пользу голодающихъ, который далъ чистыхъ 18 тысячъ. Если бы Вы поскорѣе отвѣтили мнѣ, въ какомъ положеніи у Васъ дѣла, и уполномочили бы меня, то я могъ бы обратиться въ Редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», чтобы они выслали хотя бы 100 — 200 руб. У меня еще осталось Вашихъ 20 коп.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

31 Дек. (1891 г. СПБ.)

Поздравляю всѣхъ съ Новымъ годомъ и посылаю въ подарокъ четыре купона [1]): одинъ Папашѣ, другой Мамашѣ, третій Ивану, четвертый прошу спрятать для Маши.

Получилъ изъ Миргородскаго уѣзда двѣ телеграммы, довольно неопредѣленныя и не утѣшительныя. Сорочинскій хуторъ оказался таковымъ: мѣстоположеніе красивое, садъ хорошій, но домъ старъ и тѣсенъ и тре-

[1]) Лотереи въ пользу голодающихъ.

буетъ ремонта 1500 р.; отъ станціи сорокъ(!) верстъ. Маша, повидимому, отказалась отъ этого хутора и, какъ можно это судить по второй телеграммѣ, покупаетъ хуторъ Яценко, гдѣ 56 десятинъ, чудный садъ, рѣка и проч., но прійдется весною строиться, такъ какъ тамъ имѣется только изба и сарай. За этотъ хуторъ прійдется приплатить вѣроятно не больше 2 тыс. и поэтому деньги на постройку будутъ. Хуторъ удивительный по красотѣ и уютности (я его видѣлъ), но онъ стоитъ одиноко, въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села. Къ тому же прійдется хозяйствомъ заниматься, такъ какъ земли очень много.

Александръ здоровъ, дѣти его тоже. Мое здоровье лучше, чѣмъ было въ Москвѣ.

Съ Новаго года будемъ получать Петербургскую Газету. Былъ у меня издатель Худековъ и предложилъ 40 коп. за строчку.

Желаю счастья и благополучія. Марьюшку и Пелагею тоже поздравляю.

Вашъ

А. Чеховъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВЪ МОСКВѢ [1]).

Я московскій Гамлетъ. Да. Я въ Москвѣ хожу по домамъ, по театрамъ, ресторанамъ и редакціямъ и всюду говорю одно и то же:

— Боже, какая скука! Какая гнетущая скука!

И мнѣ сочувственно отвѣчаютъ:

— Да, дѣйствительно, ужасно скучно.

Это днемъ и вечеромъ. А ночью, когда я, вернувшись домой, ложусь спать и въ потемкахъ спрашиваю себя, отчего же это въ самомъ дѣлѣ мнѣ такъ мучительно скучно, въ груди моей безпокойно поворачивается какая-то тяжесть,—и я припоминаю, какъ недѣлю тому назадъ въ одномъ домѣ, когда я сталъ спрашивать, что мнѣ дѣлать отъ скуки, какой-то незнакомый господинъ, очевидно, не москвичъ, вдругъ повернулся ко мнѣ и сказалъ раздраженно:

— Ахъ, возьмите вы кусокъ телефонной проволоки и повѣсьтесь вы на первомъ попавшемся телеграфномъ столбѣ! Больше вамъ ничего не остается дѣлать!

Да. И всякій разъ ночью сдается мнѣ, что я начинаю понимать, отчего мнѣ такъ скучно. Отчего же? Отчего? Мнѣ кажется, вотъ отчего...

Начать съ того, что я ровно ничего не знаю. Когда-то я учился чему-то, но, чортъ его знаетъ, забылъ ли я все, или знанія мои никуда не годятся, но выходитъ такъ, что каждую минуту я открываю Америку. Напримѣръ,

---

[1]) Этотъ фельетонъ А. П. былъ напечатанъ въ 1891 году въ «Новомъ Времени» № 5667 7-го декабря.

когда говорятъ мнѣ, что Москвѣ нужна канализація, или что клюква растетъ не на деревѣ, то я съ изумленіемъ спрашиваю:

— Неужели?

Съ самаго рожденія я живу въ Москвѣ, но ей-Богу не знаю, откуда пошла Москва, зачѣмъ она, къ чему, почему, что ей нужно. Въ думѣ, на засѣданіяхъ, я вмѣстѣ съ другими толкую о городскомъ хозяйствѣ, но я не знаю, сколько верстъ въ Москвѣ, сколько въ ней народу, сколько родится и умираетъ, сколько мы получаемъ и тратимъ, на сколько и съ кѣмъ торгуемъ... Какой городъ богаче: Москва или Лондонъ? Если Лондонъ богаче, то почему? А шутъ его знаетъ! И когда въ думѣ поднимаютъ какой-нибудь вопросъ, я вздрагиваю и первый начинаю кричать:—«Передать въ комиссію! Въ комиссію!»

Я съ купцами бормочу о томъ, что пора бы Москвѣ завести торговыя сношенія съ Китаемъ и съ Персіей, но мы не знаемъ, гдѣ этп Китай и Персія, и нужно ли имъ еще что-нибудь, кромѣ гнилого подмоченнаго сырца. Я отъ утра до вечера жру въ трактирѣ Тѣстова и самъ не знаю, для чего жру. Играю роль въ какой-нибудь пьесѣ, и не знаю содержанія этой пьесы. Иду слушать «Пиковую Даму» и только, когда уже подняли занавѣсъ, вспоминаю, что я, кажется, не читалъ пушкинской повѣсти или забылъ ее. Я пишу пьесу и ставлю ее, и только, когда она проваливается съ трескомъ, я узнаю, что точно такая же пьеса была уже раньше написана Вл. Александровымъ, а до него Ѳедотовымъ, а до Ѳедотова — Шпажкинскимъ. Я не умѣю ни говорить, ни спорить, ни поддерживать разговора. Когда въ обществѣ говорятъ со мной о чемъ-нибудь такомъ, чего я не знаю, я начинаю просто мошенничать. Я придаю своему лицу нѣсколько грустное, насмѣшливое выраженіе, беру

собесѣдника за пуговицу и говорю: «это, мой другъ, старо» или—«вы противорѣчите себѣ, мой милый... На досугѣ мы какъ-нибудь порѣшимъ этотъ интересный вопросъ и споемся, а теперь скажите мнѣ Бога ради: вы были на «Имогенѣ»? Въ этомъ отношеніи я кое-чему научился у московскихъ критиковъ. Когда при мнѣ говорятъ, напримѣръ, о театрѣ и современной драмѣ, я ничего не понимаю, но когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, я не затрудняюсь съ отвѣтомъ: «такъ-то такъ, господа.... Положимъ, все это такъ... Но идея же гдѣ? Гдѣ идеалы?» или же, вздохнувъ, восклицаю: «о, безсмертный Мольеръ, гдѣ ты?!» и, печально махнувъ рукой, выхожу въ другую комнату. Есть еще какой-то Лопе-де Вега, кажется датскій драматургъ. Такъ вотъ я и имъ иногда ошарашиваю публику. — «Скажу вамъ по секрету, шепчу я сосѣду, эту фразу Кальдеронъ позаимствовалъ у Лопе-де-Вега»... И мнѣ вѣрятъ... Ступай-ка, провѣрь!

Оттого, что я ничего не знаю, я совсѣмъ не культуренъ. Правда, я одѣваюсь по модѣ, стригусь у Теодора, и обстановка у меня шикарная, но все-таки я азіатъ и моветонъ. У меня письменный столъ рублей въ четыреста, съ инкрустаціями, бархатная мебель, картины, ковры, бюсты, тигровая шкура, но, гляди, отдушина въ печкѣ заткнута женской кофтой или пѣтъ плевальницы и я вмѣстѣ со своими гостями плюю на коверъ. На лѣстницѣ у меня воняетъ жаренымъ гусемъ, у лакея сонная рожа, въ кухнѣ грязь и смрадъ, а подъ кроватью и за шкафами пыль, паутина, старые сапоги, покрытые зеленой плѣсенью, и бумаги, отъ которыхъ пахнетъ кошкой. Всегда у меня какой-нибудь скандалъ: или печи дымятъ, или удобства холодныя, или форточка не затворяется и, чтобы съ улицы въ кабинетъ не летѣлъ снѣгъ, я спѣшу заткнуть форточку подушкой. А то бываетъ, что я живу

въ меблированныхъ комнатахъ. Лежишь себѣ въ номерѣ на диванѣ и думаешь на тему о скукѣ, а въ сосѣднемъ номерѣ, направо, какая-то нѣмка жаритъ на керосинкѣ котлеты, а налѣво—дѣвки стучатъ бутылками пива по столу. Изъ своего номера изучаю я «жизнь», смотрю на все съ точки зрѣнія меблированныхъ комнатъ и пишу уже только о нѣмкѣ, о дѣвкахъ, о грязныхъ салфеткахъ, играю одними только пьяницъ и оскотинившихся идеалистовъ и самымъ важнымъ вопросомъ почитаю вопросъ о почлежныхъ домахъ и умственномъ пролетаріатѣ. И ничего-то я не чувствую и не замѣчаю. Я очень легко мирюсь и съ низкими потолками, и съ тараканами, и съ сыростью, и съ пьяными пріятелями, которые ложатся на мою постель прямо съ грязными сапогами. Ни мостовыя, покрытыя желто-бурымъ киселемъ, ни сорные углы, ни вонючія ворота, ни безграмотныя вывѣски, ни оборванные нищіе—ничто не оскорбляетъ во мнѣ эстетики. На узкихъ извозчичьихъ санкахъ я весь сжался, какъ кикимора, вѣтеръ пронизываетъ меня насквозь, извозчикъ хлещетъ меня кнутомъ черезъ голову, паршивая лошаденка плетется еле-еле, но я не замѣчаю этого. Мнѣ все ни по чемъ! Говорятъ мнѣ, что московскіе архитектора, вмѣсто домовъ, понастроили какихъ-то ящиковъ изъ подъ мыла и испортили Москву. Но я не нахожу, что эти ящики плохи. Мнѣ говорятъ, что наши музеи обставлены нищенски, ненаучны и безполезны. Но я въ музеяхъ не бываю. Жалуются, что въ Москвѣ была одна только порядочная картинная галлерея, да и ту закрылъ Третьяковъ. Закрылъ, ну, и пусть себѣ...

Но обратимся ко второй причинѣ моей скуки: мнѣ кажется, что я очень уменъ и необыкновенно важенъ. Вхожу ли я куда, говорю ли, молчу ли, читаю ли на литературномъ вечерѣ, жру ли у Тѣстова—все это я

дѣлаю съ превеликимъ апломбомъ. Не бываетъ спора, въ который бы я не вмѣшался. Правда, я говорить не умѣю, но зато я умѣю иронически улыбаться, пожать плечами, воскликнуть. Я, ничего незнающій и некультурный азіатъ, въ сущности, всѣмъ доволенъ, но я дѣлаю видъ, что я ничѣмъ не доволенъ, и это мнѣ такъ тонко удается, что временами я даже самъ себѣ вѣрю. Когда на сценѣ даютъ что-нибудь смѣшное, мнѣ очень хочется смѣяться, но я тороплюсь придать себѣ серьезный, сосредоточенный видъ; не дай Богъ, засмѣюсь, что скажутъ мои сосѣди? Сзади меня кто-то смѣется, я сурово оглядываюсь: несчастный поручикъ, такой же Гамлетъ, какъ я, конфузится и, какъ бы извиняясь за свой нечаянный смѣхъ, говоритъ:

— Какъ пошло! Какой балаганъ!

А въ антрактѣ я громко говорю въ буфетѣ:

— Чортъ знаетъ, что за пьеса! Это возмутительно!

— Да, балаганщина, отвѣчаетъ мнѣ кто-то, но, знаете ли, не безъ идеи...

— Полноте! Этотъ мотивъ давно уже разработанъ Лопе-де-Вегой и, конечно, сравненія быть не можетъ! Но какая скука! Какая гнетущая скука!

На «Имогенѣ» оттого, что я удерживаю зѣвоту, мои челюсти хотятъ вывихнуться; глаза лѣзутъ на лобъ отъ скуки, во рту сохнетъ... Но на лицѣ у меня блаженная улыбка.

— Чѣмъ-то отраднымъ повѣяло, говорю я вполголоса. Давно, давно, уже я не испытывалъ такого высокаго наслажденія!

Иногда у меня бываетъ желаніе пошалить, сыграть въ водевилѣ; и я охотно бы сыгралъ, и знаю, что это по нынѣшнимъ унылымъ временамъ было бы очень кстати, но... что скажутъ въ редакціи «Артиста»?

Нѣтъ, Боже меня сохрани!

На картинныхъ выставкахъ я обыкновенно щурюсь, значительно покачиваю головой и говорю громко:

— Кажется, все есть: и воздуху много, и экспрессія, и колоритъ... Но главное-то гдѣ?

Гдѣ идея? Въ чемъ тутъ идея?

Отъ журналовъ я требую честнаго направленія и, главнымъ образомъ, чтобы статьи были подписаны профессорами, или людьми, побывавшими въ Сибири. Кто не профессоръ, и кто не былъ въ Сибири, тотъ не можетъ быть истиннымъ талантомъ. Я требую, чтобы М. Н. Ермолова играла однѣхъ только идеальныхъ дѣвицъ, не старше 21 года. Я требую, чтобы классическія пьесы въ Маломъ театрѣ ставили непремѣнно профессора... Непремѣнно! Я требую, чтобы даже самые маленькіе актеры, прежде чѣмъ браться за роль, знакомились съ литературой о Шекспирѣ, такъ что, когда актеръ говоритъ, напримѣръ: «Спокойной ночи, Бернандо!», то всѣ должны чувствовать, что онъ прочелъ восемь томовъ.

Я очень, очень часто печатаюсь. Не дальше, какъ вчера, я ходилъ въ редакцію толстаго журнала, чтобы справиться, пойдетъ ли мой романъ (56 печатныхъ листовъ).

— Право, не знаю, какъ быть, сказалъ редакторъ, конфузясь. Ужъ очень, знаете ли, длинно и... скучно.

— Да, говорю я, но зато честно!.

—Да, вы правы, соглашается редакторъ, еще больше конфузясь. Конечно, я напечатаю...

Дѣвицы и дамы, съ которыми я знакомъ, также необыкновенно умны и важны. Всѣ онѣ одинаковы; одинаково одѣваются, одинаково говорятъ, одинаково ходятъ, и только та разница, что у одной губы сердечкомъ, а у другой, когда она улыбается, ротъ широкъ, какъ у налима.

— Вы читали послѣднюю статью Протопопова? спрашиваютъ меня губы сердечкомъ. Это откровеніе!

— И вы, конечно, согласитесь, говоритъ напримій ротъ, что Иванъ Иванычъ Ивановъ своею страстностью и сплой убѣжденія напоминаетъ Бѣлинскаго. Онъ моя отрада.

Каюсь, была у меня *она*... Отлично помню наше объясненіе въ любви. Она сидитъ на диванѣ. Губы сердечкомъ. Одѣта скверно, «безъ претензій», причесана глупо-преглупо; беру ее за талію—корсетъ хруститъ; цѣлую въ щеку—щека солепая. Она сконфужена, ошеломлена и озадачена; помилуйте, какъ сочетать честное направленіе съ такою пошлостью, какъ любовь? Что сказалъ бы Протопоповъ, если бы онъ видѣлъ? О, нѣтъ, никогда! Оставьте меня! Я предлагаю вамъ свою дружбу! Но я говорю, что мнѣ мало одной дружбы... Тогда она кокетливо грозитъ мнѣ пальцемъ и говоритъ:

— Хорошо, я буду любить васъ, но съ условіемъ, что вы высоко будете держать знамя.

И когда я держу ее въ своихъ объятіяхъ, она шепчетъ:

— Будемъ бороться вмѣстѣ...

Потомъ, живя съ нею, я узнаю, что и у нея тоже отдушина въ печкѣ заткнута кофтой, и что и у нея подъ кроватью бумаги пахнутъ кошкой, и что она также мошенничаетъ въ спорахъ и на картинныхъ выставкахъ, какъ попугай, лепечетъ о воздухѣ и экспрессіи. И ей тоже подавай идею! Она втихомолку пьетъ водку и, ложась спать, мажетъ лицо сметаной, чтобы казаться моложе. Въ кухнѣ у нея тараканы, грязныя мочалки, вонь, и кухарка, когда печетъ пирогъ, прежде чѣмъ посадитъ его въ печь, вынимаетъ изъ своей головы гребенку и проводитъ имъ борозды на верхней коркѣ; она же, дѣлая пирожныя, слюнитъ изюминки, чтобы онѣ крѣпче сидѣли въ тѣстѣ. И я бѣгу! Бѣгу! Мой романъ летитъ къ чорту, а *она*, важная, умная, презирающая, всюду ходитъ и пищитъ про меня:

— Онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ!

Третья причина скуки — это моя пепстовая, чрезмѣрная зависть. Когда мнѣ говорятъ, что такой-то написалъ очень интересную статью, что пьеса такого-то имѣла успѣхъ, что X выигралъ 200 тысячъ, и что рѣчь N произвела сильное впечатлѣніе, то глаза мои начинаютъ коситься, я становлюсь совершенно косымъ и говорю:

— Я очень радъ за него, но, знаете, вѣдь онъ въ 74 году судился за кражу!

Душа моя обращается въ кусокъ свинца, я ненавижу того, кто имѣлъ успѣхъ, всѣмъ своимъ существомъ и продолжаю:

— Онъ истязуетъ свою жену и имѣетъ трехъ любовницъ, и всегда кормитъ рецензентовъ ужинами. Вообще скотина порядочная... Повѣсть эта недурна, но навѣрное онъ гдѣ-нибудь ее укралъ. Бездарность вопіющая... Да и, говоря откровенно, я и въ этой-то повѣсти не нахожу ничего особеннаго...

Но зато, положимъ, если чья-нибудь пьеса провалилась, то я ужасно счастливъ и спѣшу стать на сторону автора.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ!—кричу я. Въ пьесѣ есть *что-то*. Во всякомъ случаѣ она литературна.

Знайте, что все злое, подлое, гнусное, что говорятъ о мало-мальски извѣстныхъ людяхъ, распустилъ по Москвѣ я. Пусть городской голова знаетъ, что если ему удастся устроить, напримѣръ, хорошія мостовыя, то я возненавижу его и распущу слухъ, что онъ грабитъ проѣзжихъ на большой дорогѣ!.. Если мнѣ скажутъ, что у какой-нибудь газеты уже 50 тысячъ подписчиковъ, то я вездѣ стану говорить, что редакторъ поступилъ на содержаніе. Чужой успѣхъ — для меня срамъ, униженіе, запоза въ сердцѣ... Какой ужъ тутъ можетъ быть разговоръ объ общественномъ, гражданскомъ или полити-

ческомъ чувствѣ? Если когда и было во мнѣ это чувство, то давно уже сожрала его зависть.

Итакъ, ничего незнающій, не культурный, очень умный и необыкновенно важный, косой отъ зависти, съ громадной печенкой, желтый, сѣрый, плѣшивый, брожу я по Москвѣ изъ дому въ домъ, задаю тонъ жизни и всюду вношу что-то желтое, сѣрое, плѣшивое...

— Ахъ, какая скука! говорю я съ отчаяніемъ въ голосѣ. Какая гнетущая скука!

Заразителенъ я, какъ инфлуэнца. Жалуюсь я на скуку, важничаю и отъ зависти клевещу на своихъ ближнихъ и друзей, а глядишь — какой-нибудь подростокъ-студентъ уже прислушался, важно проводитъ рукою по волосамъ и, бросая отъ себя книгу, говоритъ:

— Слова, слова, слова... Боже, какая скука!

Глаза его косятся, онъ тоже становится косымъ, какъ я, и говоритъ:

— Наши профессора читаютъ теперь лекціи въ пользу голодающихъ. Но я боюсь, что половину денегъ они положатъ себѣ въ карманъ.

Я брожу, какъ тѣнь, ничего не дѣлаю, печонка моя растетъ и растетъ... А время между тѣмъ идетъ и идетъ, я старѣю, слабѣю; гляди, не сегодня-завтра заболѣю инфлуэнцей и умру, и потащатъ меня на Ваганьково; будутъ вспоминать обо мнѣ пріятели дня три, а потомъ забудутъ, и имя мое перестанетъ быть даже звукомъ... Жизнь не повторяется, и ужъ коли ты не жилъ въ тѣ дни, которые были тебѣ даны однажды, то ничи пропало... Да, пропало, пропало!

А между тѣмъ вѣдь я могъ бы учиться и знать все; если бы я совлекъ съ себя азіата, то могъ бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигіену; я могъ бы строить въ Москвѣ

отличныя мостовыя, торговать съ Китаемъ и Персіей, уменьшить процентъ смертности, бороться съ невѣжествомъ, развратомъ и со всякою мерзостью, которая такъ мѣшаетъ намъ жить; я могъ бы быть скромнымъ, привѣтливымъ, веселымъ, радушнымъ; я бы могъ искренно радоваться всякому чужому успѣху, такъ какъ всякій, даже маленькій успѣхъ есть уже шагъ къ счастью и къ правдѣ.

Да, я могъ бы! Могъ бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московскій Гамлетъ. Тащите меня на Ваганьково!

Я ворочаюсь подъ своимъ одѣяломъ съ боку на бокъ, не сплю, и все думаю, отчего мнѣ такъ мучительно скучно, и до самаго разсвѣта въ ушахъ моихъ звучатъ слова:

— Возьмите вы кусокъ телефонной проволоки и повѣсьтесь вы на первомъ попавшемся телеграфномъ столбѣ! Больше вамъ ничего не остается дѣлать.

Кисляевъ.

Хронологическій указатель писемъ.

						Стр.
I. М. В. Киселевой.	СПБ.	1890 г.,	январь	26	. . .	1
II. М. П. Чехову.	»	»	»	28	. . .	—
III. М. В. Киселевой.	»	»	»	28	. . .	2
IV. А. Н. Плещееву.	Москва	»	февраль	10	. . .	4
V. Л. С. Мизиновой.	»	»	»		. . .	5
VI. А. Н. Плещееву.	»	»	»	15	. . .	—
VII. А. С. Суворину.	»	»	»	17	. . .	7
VIII. Ему же.	»	»	»		. . .	9
IX. Ему же.	»	»	»	23	. . .	11
X. Ал. П. Чехову*. [1])	»	»	»	25	. . .	13
XI. А. С. Суворину	»	»	»	28	. . .	14
XII. В. А. Тихонову	»	»	мартъ	3	. . .	15
XIII. А. С. Суворину.	»	»	»	4	. . .	16
XIV. Н. Н. Оболонскому.	»	»	»		. . .	17
XV. Н. М. Липтваревой.	»	»	»	5	. . .	18
XVI. Н. Н. Оболонскому.	»	»	»	9	. . .	19
XVII. А. С. Суворину.	»	»	»	9	. . .	—
XVIII. Ѳ. А. Кумашину.	»	»	»	11	. . .	24
XIX. А. С. Суворину.	»	»	»	15	. . .	—
XX. И. Л. Щеглову*.	»	»	»	16	. . .	25
XXI. А. П. Лепскому*.	»	»	»	16	. . .	26
XXII. А. Н. Плещееву.	»	»	»	17	. . .	27
XXIII. А. С. Суворину.	»	»	»	17	. . .	29
XXIV. И. Л. Щеглову*.	»	»	»	22	. . .	31
XXV. А. С. Суворину.	»	»	»	22	. . .	34
XXVI. А. Н. Плещееву.	»	»	»	27	. . .	37
XXVII. А. С. Суворину.	»	»	»	29	. . .	38
XXVIII. Н. А. Лейкину*.	»	»	»	31	. . .	40
XXIX. А. С. Суворину.	»	»	апрѣль	1	. . .	42
XXX. Ему же.	»	»	»	11	. . .	44
XXXI. Ему же.	»	»	»	15	. . .	48
XXXII. Ему же.	»	»	»	18	. . .	50
XXXIII. М. П. Чеховой *. Пар. Ал. Н.»			»	23	. . .	51

[1]) * обозначены письма, которыя уже были напечатаны.

XXXIV.	С. П. Кувшинниковой.	Ниж. Новг.	1890 г.	апрѣль	23 . . .	54
XXXV.	М. П. Чеховой*.	Съ парох.	»	»	24 . . .	—
XXXVI.	Ей же*.	»	»	»	29 . . .	56
XXXVII.	К. Г. Фоти.	Тюмень	»	май	3 . . .	61
XXXVIII.	Е. Я. Чеховой.	Ишимъ	»	»	4 . . .	62
XXXIX.	М. В. Киселевой.	Бер. Ирт.	»	»	7 . . .	—
XL.	А. С. Киселеву.	По дор. въ Томскъ	»	»	. . .	65
XLI.	М. П. Чеховой*.	Село Яръ.	»	»	14 . . .	66
XLII.	Ей же*.	Томскъ	»	»	20 . . .	83
XLIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	20 . . .	85
XLIV.	М. П. Чеховой*.	Маріинскъ	»	»	25 . . .	90
XLV.	Ей же.	Ачинскъ	»	»	28 . . .	—
XLVI.	А. С. Суворину.	Краснояр.	»	»	28 . . .	91
XLVII.	М. П. Чеховой*.	»	»	»	28 . . .	—
XLVIII.	Ал. П. Чехову.	Иркутскъ	»	іюнь	5 . . .	94
XLIX.	А. Н. Плещееву*.	»	»	»	5 . . .	96
L.	Н. А. Лейкину*.	»	»	»	5 . . .	98
LI.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	5 . . .	100
LII.	М. П. Чеховой*.	»	»	»	6 . . .	101
LIII.	Чеховой (Е. Я.) (Тел.)	»	»	»	7 . . .	104
LIV.	М. П. Чеховой.	»	»	»	7 . . .	—
LV.	Ей же*.	Ст. Листвичн.	»	»	13 . . .	109
LVI.	Ф. О. Шехтелю*.	»	»	»	13 . . .	114
LVII.	Е. Я. Чеховой*.	Парох. «Ермакъ»	»	»	20 . . .	—
LVIII.	Н. А. Лейкину*.	Горбица	»	»	20 . . .	119
LIX.	А. Н. Плещееву*.	Парох. «Ермакъ»	»	»	20 . . .	120
LX.	А. С. Суворину	»	»	»	21 . . .	121
LXI.	М. В. Киселевой	»	»	»	21 . . .	—
LXII.	М. П. Чеховой.	Станица Покровская	»	»	21 . . .	122
LXIII.	Ей же*.	»	»	»	23 . . .	123
LXIV.	А. С. Суворину.	Благовѣщ.	»	»	27 . . .	127
LXV.	Чехову. (М П.). (тел.)	Радде	»	»	29 . . .	129
LXVI.	М. П. Чеховой*.	Парох. «Муравьевъ»	»	»	29 . . .	130
LXVII.	Ей же*.	Николаевскъ	»	іюль	3 . . .	132
LXVIII.	В. А. Гиляровскому*.	»	»	»	7 . . .	—

LXIX. Чеховой (Е. Я) (телеграм.)	Сахалинъ	1890 г.	іюль	11	. . .	134
LXX. Линтваревой (Н. М.) (телеграм.).	»	»	»	16	. . .	—
LXXI. Чеховой (М. П.)	»	»	»	17	. . .	—
LXXII. Чеховой (М. П.)	»	»	августъ	14	. . .	135
LXXIII. Чеховой (Е. Я)	»	»	сентябрь	7	. . .	—
LXXIV. А. С. Суворину. Парох. «Байкалъ»	»	»	»	11	. . .	137
LXXV. Е. Я. Чеховой. Ю. Сахал.	»	октябрь	6	. . .	139	
LXXVI. Чеховой (Е. Я.). (тел.)	»	»	»	12	. . .	143
LXXVII. Чехову (М. П.). (телегр.)	Владив.	»	»	16	. . .	144
LXXVIII. А. С. Суворину.	Москва	»	декабрь	9	. . .	—
LXXIX. И. Л. Щеглову*.	»	»	»	10	. . .	148
LXXX. А. С. Суворину.	»	»	»	17	. . .	149
LXXXI. Ѳ. А. Куманину	»	»	»		. . .	151
LXXXII. А. С. Суворину.	»	»	»	23	. . .	152
LXXXIII. Ему же.	»	»	»	24	. . .	—
LXXXIV. В. А. Тихонову.	»	»	»	25	. . .	155
LXXXV. И. Л. Щеглову*.	»	»	»	26	. . .	—
LXXXVI. Н. А. Лейкину*.	»	»	»	27	. . .	157
LXXXVII. Ал. П. Чехову.	»	»	»	27	. . .	158
LXXXVIII. Г. М. Чехову.	»	»	»	29	. . .	159
LXXXIX. А. С. Суворину.	»	1891	январь	5	. . .	161
XC. Ѳ. А. Куманину.	СПБ.	»	»	8	. . .	162
XCI. М. П. Чеховой	»	»	»	14	. . .	164
XCII. Ей же.	»	»	»		. . .	165
XCIII. Ей же.	»	»	»		. . .	166
XCIV. Ей же.	»	»	»	16	. . .	168
XCV. Е. М. Ш.	»	»	»	18	. . .	170
XCVI. М. П. Чеховой	»	»	»	18	. . .	171
XCVII. Е. М. Ш.	»	»	»		. . .	172
XCVIII. А. Ѳ. Кони*.	»	»	»	26	. . .	173
XCIX. И. П. Чехову	»	»	»	27	. . .	176
C. И. А. Бунину.	Москва.	»	»	30	. . .	177
CI. А. С. Суворину.	»	»	»	31	. . .	178
CII. Ему же.	»	»	февраль	5	. . .	180
CIII. А. М. Кондратьеву	»	»	»	22	. . .	182
CIV. А. С. Суворину.	»	»	»	23	. . .	—
CV. А. Н. Ленскому*.	»	»	»	27	. . .	184

CVI. А. С. Суворину.	Москва.	1891 г.,	мартъ	5	. . .	185
CVII. Е. М. Ш.	»	»	»	6	. . .	186
CVIII. Ей же.	»	»	»	8	. . .	188
CIX. М. В. Киселевой.	»	»	»	11	. . .	189
CX. М. Г. Чехову.	СПБ.	»	»	13	. . .	191
CXI. Е. М. Ш.	»	»	»	16	. . .	193
CXII. М. П. Чеховой	»	»	»	16	. . .	194
CXIII. Ей же.	»	»	»	16	. . .	195
CXIV. Ей же. По дорогѣ въ Вѣну	»	»	»	19	. . .	196
CXV. Ей же. Вѣна	»	»	»	20	. . .	—
CXVI. И. П. Чехову.	Венеція	»	»	24	. . .	199
CXVII. М. В. Киселевой.	»	»	»	25	. . .	200
CXVIII. М. П. Чеховой.	»	»	»	25	. . .	201
CXIX. М. Г. Чехову.	»	»	»	25	. . .	203
CXX. М. П. Чеховой.	»	»	»	26	. . .	205
CXXI. Ей же.	Болонья.	»	»	28	. . .	206
CXXII. Ей же.	Флоренція	»	»	29	. . .	—
CXXIII. Ей же.	»	»	»	30	. . .	—
CXXIV. И. Л. Щеглову.*	»	»	»	30	. . .	207
CXXV. М. Г. Чехову.	Римъ	»	апрѣль	1	. . .	—
CXXVI. М. В. Киселевой	»	»	»	1	. . .	208
CXXVII. М. П. Чеховой.	»	»	»	1	. . .	209
CXXVIII. И. П. Чехову.	»	»	»	3	. . .	210
CXXIX. М. П. Чеховой.	Неаполь	»	»	4	. . .	211
CXXX. Ей же.*	»	»	»	7	. . .	212
CXXXI. Н. М. Линтваревой.	Римъ	»	»	11	. . .	214
CXXXII. М. П. Чеховой.	Finalmar.	»	»	12	. . .	215
CXXXIII. М. П. Чехову.	Ницца	»	»		. . .	216
CXXXIV. М. П. Чеховой.	»	»	»	13	. . .	218
CXXXV. Ей же.	Monte-Carlo	»	»	13	. . .	219
CXXXVI. Ей же.	Ницца	»	»	17	. . .	220
CXXXVII. Ей же.	Парижъ	»	»	19	. . .	221
CXXXVIII. М. Г. Чехову.	»	»	»	21	. . .	—
CXXXIX. М. П. Чеховой.	»	»	»	21	. . .	222
CXL. Ей же.	»	»	»	24	. . .	223
CXLI. И. П. Чехову.	»	»	»	28	. . .	224
CXLII. В. Г. Черткову.	Москва	»	май	2	. . .	225
CXLIII. И. П. Чехову.	Алексинъ	»	»	4	. . .	226
CXLIV. А. С. Суворину	»	»	»	7	. . .	227
CXLV. А. А. Долженко	»	»	»	8	. . .	228

CXLVI.	А. С. Суворину.	Алексинъ	1891 г.	май	10	229
CXLVII.	Ему же.	»	»	»	13	230
CXLVIII.	А. А. Долженко.	»	»	»	14	232
CXLIX.	И. П. Чехову	»	»	»	15	233
CL.	Л. С. Мизиновой.	Богимово	»	»	17	234
CLI.	А. С. Суворину.	»	»	»	18	235
CLII.	Ему же.	»	»	»	20	237
CLIII.	Ему же.	»	»	»	27	238
CLIV.	Ему же.	»	»	»	27	240
CLV.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	»	28	241
CLVI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	іюнь	4	243
CLVII.	Л. С. Мизиновой.	»	»	»	12	244
CLVIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	16	246
CLIX.	Л. С. Мизиновой.	»	»	»	20	247
CLX.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	»	20	249
CLXI.	Л. С. Мизиновой.	Богим.	»	»		250
CLXII.	Ей же.	»	»	»		251
CLXIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	25	—
CLXIV.	Н. М. Линтваревой.	»	»	іюль	5	252
CLXV.	М. П. Чеховой	»	»	»		253
CLXVI.	В. А. Тихонову.	»	»	»	12	254
CLXVII.	Ал. П. Чехову.	Алекс.	»	»		255
CLXVIII.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	13	257
CLXIX.	И. И. Горбунову.	Алекс.	»	»	18	258
CLXX.	М. В. Киселевой.	»	»	»	20	259
CLXXI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	24	261
CLXXII.	А. А. Долженко.	Алекс.	»	»	29	262
CLXXIII.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	29	263
CLXXIV.	Рецензія.	»	»	»		264
CLXXV.	И. И. Горбунову.	Москва	»	августъ	4	266
CLXXVI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	6	267
CLXXVII.	Ему же.	»	»	»	18	269
CLXXVIII.	Ему же.	»	»	»	18	270
CLXXIX.	Ему же.	Алексинъ	»	»	28	273
CLXXX.	Ему же.	Богимово	»	»	30	275
CLXXXI.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	сентябрь	2	278
CLXXXII.	А. С. Суворину.	Москва	»	»	8	279
CLXXXIII.	В. А. Тихонову	»	»	»	14	280
CLXXXIV.	Е. М. Ш.	»	»	»	16	281
CLXXXV.	Е. П. Егорову*.	»	»	октябрь	5	283
CLXXXVI.	В. М. Соболевскому.	»	»	»	7	284

CLXXXVII. А. С. Суворину. Москва 1891 г. октябрь 10 . . . 285
CLXXXVIII. В. А. Тихонову. » » » 11 . . . 286
CLXXXIX. Н. А. Лейкину. » » » 12 . . . 287
CXC. А. С. Суворину. » » » 13 . . . 289
CXCI. Ему же. » » » 16 . . . 291
CXCII. Ему же. » » » 19 . . . 293
CXCIII. Ал. П. Чехову. » » » 24 . . . 295
CXCIV. Н. М. Линтваревой. » » » 25 . . . 296
CXCV. А. С. Суворину. » » » 25 . . . 298
CXCVI. Ему же. » » » 30 . . . 299
CXCVII. Кн. А. И. Урусову.* » » ноябрь 9 . . . 300
CXCVIII. А. С. Суворину. » » » 15 . . . 301
CXCIX. Ему же. » » » 18 . . . —
CC. Е. М. Ш. » » » 19 . . . 304
CCI. В. А. Тихонову. » » » 21 . . . 305
CCII. А. С. Суворину. » » » 22 . . . 306
CCIII. Ему же. » » » 26 . . . 307
CCIV. Ему же. » » » 27 . . . 308
CCV. В. А. Тихонову. » » » 30 . . . 310
CCVI. А. С. Суворину. » » » 30 . . . 311
CCVII. Н. А. Лейкину. » » декабрь 2 . . . 313
CCVIII. Л. Я. Гуревичъ.* » » « 2 . . . 315
CCIX. А. С. Суворину. » » » 3 . . . 316
CCX. А. С. Киселеву. » » » 3 . . . 318
CCXI. А. С. Суворину. » » » 4 . . . 320
CCXII. В. А. Тихонову. » » » 8 . . . —
CCXIII. Е. П. Егорову.* » » » 11 . . . 321
CCXIV. А. С. Суворину. » » » 11 . . . 326
CCXV. Ему же. » » » 13 . . . 328
CCXVI. В. А. Тихонову. » » » 14 . . . 330
CCXVII. Е. П. Егорову*. » » » 14 . . . —
CCXVIII. Н. М. Линтваревой » » » 14 . . . 331
CCXIX. Ф. О. Шехтелю.* » » » 14 . . . 333
CCXX. А. С. Суворину. » » » 15 . . . 335
CCXXI. И. Л. Щеглову*. » » » 15 . . . 336
CCXXII. А. С. Суворину. » » » 17 . . . 337
CCXXIII. Е. П. Егорову*. » » » 20 . . . 338
CCXXIV. А. Н. Плещееву. » » » 25 . . . 339
CCXXV. Е. П. Егорову*. » » » 26 . . . 341
CCXXVI. И. П. Чехову. СПБ. » » 31 . . . —
«Въ Москвѣ» 343

Указатель писемъ по адресатамъ.

1. Бунину, И. А.—177.
2. Гиляровскому, В. А.—132.
3. Горбунову, И. И.—258, 266.
4. Гуревичъ, Л. Я.—315.
5. Долженко, А. А.—228, 232, 262.
6. Егорову, Е. П.—283, 321, 330, 338, 341.
7. Киселевой, М. В.—1, 2, 62, 121, 189, 200, 208, 259.
8. Киселеву, А. С.—65, 318.
9. Кондратьеву, А. М.—182.
10. Кони, А. Ѳ.—173.
11. Кувшинниковой, С. П.—54.
12. Кумашину, Ѳ. А.—24, 151, 162.
13. Ленскому, А. П.—26, 184.
14. Лейкину. Н. А.—40, 98, 119, 157, 287, 313.
15. Литваревой, Н. М.—18, 134, 214, 252, 296, 331.
16. Мизиновой, Л. С.—5, 234, 244, 247, 250, 251.
17. Оболонскому, Н. Н.—17, 19.
18. Плещееву, А. Н.—4, 5, 27, 37, 96, 120, 339.
19. Соболевскому, В. М.—284.
20. Суворину, А. С.—7, 9, 11, 14, 16, 19, 24, 29, 34, 38, 42, 44, 48, 50, 85, 91, 121, 127, 137, 144, 149, 152, 152, 161, 178, 180 182, 185, 227, 229, 230, 235, 237, 238, 240, 243, 246, 251. 257, 261, 263, 267, 269, 270, 273, 275, 279, 285, 289, 291, 293, 298, 299, 301, 301, 306, 307, 308, 311, 316, 320, 326. 328, 335, 337.
21. Тихонову, В. А.—15, 155, 254, 280, 286, 305, 310, 320, 330.
22. Кн. Урусову, А. И.—300.
23. Фоти, К. Г.—61.
24. Черткову. В. Г.—225.
25. Чехову, Ал. П.—13, 94. 158, 255, 295.
26. Чехову, Г. М.—159.
27. Чеховой, Е. Я.—62, 104, 114, 134, 135, 139, 143.
28. Чехову, И. П.—176, 199, 210, 224, 226, 233, 341.
29. Чехову, М. Г.—191, 203, 207, 221.

30. Чеховой, М. П.—51, 54, 56, 66, 83, 90, 90, 91, 101, 104, 109, 122, 123, 130, 132, 134, 135, 164, 165, 166, 168, 171, 194, 195, 196, 196, 201, 205, 206, 206, 206, 209, 211, 212, 215, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 253.

31. Чехову, М. П.—1, 129, 144, 216.

32. Ш., Е. М.—170, 172, 186, 188, 193, 241, 249, 278, 281, 304.

33. Шехтелю, Ф. О.—114, 333.

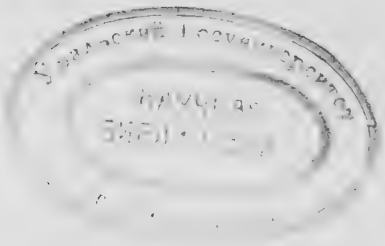
34. Щеглову, И. Л.—25, 31, 100, 148, 155, 207, 336.

35. Рецензія—264.

36. «Въ Москвѣ»—343.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Біографическій очеркъ	III—XII
Письма (1890—1891)	1—342
Въ Москвѣ	343
Хронологическій указатель	253
Указатель писемъ по адресатамъ	359



„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“

Москва, Никитскій бульваръ, д. № 6, кв. 8. **Телефонъ 4. 28-06.**

Ив. Бунинъ. Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Перевалъ. Разсказы 1892—1902 гг., изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Шмелевъ. Разсказы Т. III (Человѣкъ изъ ресторана. Патока.) Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Новиковъ. Разсказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 коп.

М. Горькій. „Сказки“. Ц. 85 коп.

Н. Телешовъ. Разсказы. Т. 1. Ц. 1 р.
Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
Разсказы. Т. III. (готовится къ печати).

С. Сергѣевъ-Ценскій Сочиненія:

Т. 1. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 2. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 3. Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
Т. 4. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 5. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 6. (Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др.). Ц. 1 р. 25 к.

Письма А. П. Чехова. Т. III (1890—1891 гг.), съ иллюстраціями Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Сборникъ критическихъ статей и замѣтокъ. Ц. 1 р. 25 к.

Уральский Госуниверситет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при „Книгоиздательствѣ Писателей въ Москвѣ“

Москва, Никитскій бульваръ, д. № 6, кв. 8. **Телефонъ 4. 28-06.**

НА СКЛАДѢ НАХОДЯТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

В. Вересаевъ. Т. I. Разсказы, изд. 6-ое. Ц. 1 р.
— Т. II. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р.
— Т. III. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р.
— Т. IV. Записки врача, изд. 5-ое. Ц. 1 р.
— По поводу записокъ врача (отвѣтъ моимъ критикамъ). Ц. 35 к.
— Т. V. Разсказы. Ц. 1 р.
— На войнѣ. Записки, изд. 2-ое. Ц. 1. 25 к.
— Живая Жизнь, ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. Ц. 1 р. 25 к.
Живая Жизнь, ч. II. Аполлонъ и Діонисъ (подготовляется къ печати).

Письма А. П. Чехова. Т. I съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 25 к.

Тоже Т. II. Ц. 1 50 к.

Ив. Шмелевъ. Разсказы Т. II Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Г. Яблочковъ. Разсказы Т. I. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Б. Верхоустинскій. Разсказы Т. I. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Литерат.-художеств. Сборникъ „Издат. Т-ва писателей“ Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. Я. Елпатьевскій. Собраніе сочиненій.
Т. I. Разсказы. Ц. 1 р. —
Т. II. Разсказы (печатается).
Т. III. Разсказы о прошломъ (печатается).
Т. IV. За границей. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. Египетъ, изд. 2-е со многими иллюстр. Ц. 1 р.
Его же. Близкія тѣни (воспоминаніе о Н. К. Михаиловскомъ, Н. Гаринѣ, А. Чеховѣ и Г. Успенскомъ), съ рисунками и портретами. Ц. 75 к.

Письма А. П. ЧЕХОВА. Томъ I. (1876—1887.) Съ иллюстраціями. Изданіе М. П. Чеховой. М. 1912. Цѣна 1 р. 25 к. Тоже, томъ II цѣна 1 р. 50 к.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія: Москва, Никитскій бульваръ, д. 6, кв. 8. Телеф. 428-06.